This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

6839

102266

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

21.

Subbotić

ЦВѢТНИКЪ
СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧИТАНКА ЗА ВЫШЕ ГИМНАЗІЕ

У АУСТРІИ.

САСТАВІО

Дръ. **ЈОВАНЪ СУББОТИЋЬ.**

I. СВЕЗАКЪ

Кошта везано съ пл 1 фор. 9 нови крайц.

У БЕЧУ 1853.

Трошкомъ ц. к. администраціе школскихъ књига
кодъ св. Анне

PG 1237
S8
1853
v. 1

ПРЕДГОВОРЪ.

Словесность србска починѣ се са *споменницыма езыка* изъ XII. вѣка. Можда ће намъ време и старія іоштъ писменна донети; но до садъ ихъ немамо. Кньижевно дѣло изъ XII. столѣћа имамо у *далматинскомъ лѣтопису;* али е овай до насъ дошао само у Калетићевомъ препису латинскомъ изъ XVI. в.

XIII. вѣкъ оставіо намъ е три преизредна дара у дѣлима *краля првовѣнчаногъ, св. Саве*, и *хиландарскогъ монаха Дометіяна.* Осимъ тога имамо изъ овогъ столѣћа више *споменика езыка* у различнымъ писменнама изъ грађанскогъ и политичкогъ живота.

У XIV. вѣку писао е *Архиепископъ Даніило* и нѣгови продужительи. *Споменнике езыка* изъ овогъ столѣћа имамо већъ многе. *Душановъ законникъ*, кои е у више погледа одъ особите важности, спада такођеръ у овай вѣкъ

У XV. вѣку продужуе се ова словесность у *лѣтопису копривничкомъ. Споменницы езыка* долазе у многобройнымъ писменнама изъ различныхъ предѣла. У овомъ столѣћу починѣ са *Ђорђемъ Држићемъ* дубровачка кньижевность.

Изъ XVI. вѣка имамо лѣтописе *сеченичкій, карловачкій, хиландарскій* и *Давидовићевъ*. Малый Хваръ дао намъ е у овоме столѣћу два изредна пѣсника, *Ханибала Лучића* и *Петра Хекторевића;* а одъ Дубровника просіяше: *Шишко Минчетићъ, Мавро Ветранићъ, Ник. Демитрићъ, Стеф. Гу-*

четићъ, *Андр. Чубрановићъ*, *Мароє Држићъ*, *Ник. Налѣшковићъ*, *Савинъ Бобали Мищетићъ*, *Мих. Бунићъ Бабулиновићъ*, *Динко Раньина*, *Домин. Златарићъ*, *Франьо Бобалићъ Куко*, и *Савинъ Гучетићъ* иначе Санко Бендевишевићъ. Одъ Задра се укажу *Б. Карнарутићъ* и *Ђ. Барраковићъ*; одъ Книна *П. Зоранићъ*.

У XVII. вѣку продужава се стара словесность у лѣтописима *горньобрезничкомъ* и *Магарашевићевомъ*. Дубровачка кньижевность достиже свою вршну точку у Ив. *Гундулићу* и *Юнію Палмотићу*. У овомъ столѣћу изникао є и трећій листь овога славногъ списательскогъ трилистника, *Игнятъ Ђорђићъ*. Покрай овыхъ првопрестолника дубровачке словесности славили су се у истомъ вѣку *Паско Примчићъ Латинчићъ*, *Стеф. Ђорђи Гиннаи*, *Влахо Минчетићъ*, *Ив. Бунићъ* старіи, нѣговъ сынъ *Ник. Бунићъ*, *Јаковъ* и *Ђорђе Палмотићи*, *Лукреція Богашиновићъ*, *Ив Бунићъ* млађій, баро *Бетера*. Брачъ є дао овомъ вѣку *Ив. Иванишевића*; а Корчула *П. Канавелића*.

Цвѣтанѣ дубровачке словесности пренешено є у XVIII. вѣкъ Иг. *Ђорђићемъ* и бар. *Бетеромъ*. Поредъ ньихъ славіо се *Ант. Глегієвићъ*, и *Вице Бетондићъ*. Висъ намъ є дао *А. Виталића*. У овомъ се вѣку разплоди кньижевно дѣлованѣ. *Тома Бабићъ* которацъ, *Андр. Качићъ* изъ Бриста, *Пет. Кнежевићъ* изъ Книна, *I. Дражићъ* изъ Сплѣта, *Гргуръ* варесанинъ, *Видъ Дошенъ* одъ мора велебитскогъ, *Ант. Рельковићъ*, *Ант. Канижлићъ*, *Мат. Пет. Катанчићъ*, Славонцы, *Маргетићъ*, *Дивковићъ*, Бошняцы, *Витезовићъ* у Хрватской, *Григ. Гвозденица* иначе Ферићъ, и *Аркинг. Катићъ* дубровчани, стекли су себи славно име своимъ кньижевнымъ производима. *Ђорђе Хигія* са своимъ преводомъ Виргилія, Хорація, Катула, Тибула, Проперція наставіо є дѣланѣ Бетондића, кои є Овидіеве хероиде превео. *Маринъ Златарићъ* превео є Геснерове идиле. У овомъ се вѣку кньижевность и кодъ аустрійскихъ Србаля источне цркве подигла. Деспотъ *Ђорђе Бранковићъ* оставіо є по смрти исторію народа србскогъ; но ова и данасъ іоштъ у рукопису тае. Одъ *Мойс. Путника* епископа имамо єдно слово. Славлѣна имена овога вѣка єсу: *Алексіє Везилићъ*, *J. Раићъ*, *Дос. Обрадовићъ*, *Григ. Терлаићъ*, *Пав. Юлинацъ*, *Христоф. Жефаровићъ*, *Захар. Орфелинъ*, *Налбановићъ*, *J. Авакумовићъ*.

У XIX. вѣку пресели се кньижевно дѣлованѣ у кнежевину Србію, Хрватску, и Босну, и оживи съ већомъ снагомъ у Далмаціи, тако да се сада словесность на све стране весело развія.

Црква є имала свой єзыкъ, свою кньижевность, своє списателѣ: али ово у нашъ кругъ неспада, и зато неможемо о томе ни говорити.

Изъ горе изложеногъ прегледа развитка србске словесности види се, да у ньой три особита, разлучена, окружена кньижества стоє.

Прво се починѣ са споменницыма єзыка изъ XII. в., достиже свой цвѣтъ у дѣлима краля Стефана, Архиепископа Саве, и монаха Дометіяна, па онда све већма и већма опада, докъ у онымъ маньимъ лѣтописима сасвимъ неизслаби.

Друго се починѣ са Ђорђемъ Држићемъ, подиже се у А. Чубрановићу, Д. Раньини и Дом. Златарићу, и достиже найлѣпшій цвѣтъ свой у Ив. Гундулићу, Јун. Палмотићу и Игн. Ђорђићу, па онда изнемаже, и у преводима Бетондића и Пѣрка де Сорго стинява се!

Треће се починѣ са разпальиванѣмъ огня словесности по различнымъ покраинама, и осилява се и диже све до у наше дане.

Изъ овога се види, да се наша кньижевность за извѣстна времена невеже. Кньижество србско подобно є цвѣтномъ бокору одъ три струка, одъ коихъ є свакій за себе изъ обштегъ корена изтерао.

И по овомъ органскомъ развитку морамо србску литературу у три періода подѣлити, одъ коихъ ће првый садржавати *стару*, другій *дубровачку*, трећіи *нову литературу србску*.

Првый періодъ починѣ съ краемъ XII. вѣка, па трае до края XVII. столѣћа (1189 — 1699).

Другій періодъ починѣ са половиномъ XV. вѣка, па тече до половине XVIII. столѣћа. (1450 — 1750).

Трећій періодъ починѣ са XVIII. вѣкомъ па трае и данасъ.

У трећемъ періоду морамо по особитомъ значаю *три различна дѣла* или *епохе* разлучити. У првой епохи показуе се као єзыкъ кньижества, съ мало изнимака, єзыкъ народный. У другой се появлюе борба єзыка црквено славенскогъ са єзыкомъ народнымъ о престолу у кньижеству. У трећой се епохи борба ова сасвимъ свршена указуе, и народный єзыкъ заузима, одъ свію припознатъ, природно своє мѣсто. Има и другихъ разлучуюћихъ знакова, али излаганѣ овыхъ учинило бы, да смо пространіи, него што намъ овдѣ валя да будемо, и зато ихъ само са овымъ простымъ споменкомъ прелазимо.

У онымъ околностима, у коима се мы са нашимъ кньижествомъ налазимо, ніє могућно свакога списателя у руке добавити. И тако нека се нико нечуди, што овдѣ по гдѣкога списателя наћи неће, кои бы подпуно заслуживао, да се ту нађе. Осимъ другихъ нѣкихъ, особито самь желіо представити овдѣ узоре изъ *Шишка Минчетића* (рођ. 1475), изъ епиграма *Ивана Бунића* млађега, и изъ исторіє *Бранковића* деспота. Трудіо самь се око тога, да ихъ добавимъ, али ми є савъ трудъ быо узалудъ. Међу тымъ, овымъ є ледъ пробієнъ; и ако кадъ потреба са собомъ донесе, да се ова кньига по другій путъ штампа, то ће се много коє шта дати допунити, много подпунити.

Немогу пропустити, да и то ненапоменемъ, да є ова кньига за школу одређена, па є зато изъ нѣ много коє шта изостати морало, выше цѣли ради, што бы у другой прилики у оваково дѣло доћи могло и доћи имало.

Као изворе, коима самь се у старой литератури помагао, морамъ споменути пре свега преважно найновіє г. Шафарика дѣло: Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův у Прагу 1851. штампано. Изъ нѣга самь узео: 1) *писменно Кулина бана босанскогъ* одъ год. 1189; 2) *даров. писменно Симеона Неманѣ ман. Хиландару* год. 1198 — 1199; 3) *животъ св. Симеона одъ краля Стефана првовѣнчаногъ*; 4) *животъ св. Симеона одъ св. Саве*; 5) *даров. писменно краля Стефана првовѣнчаногъ ман. Жичи* одъ год. 1122—1128; 6) *уговоръ кнеза дубров. Дандола са кралѣмъ Владиславомъ* одъ год. 1235; 7) *извадке изъ законика цара Душана*; 8) *извадке изъ 5. лѣтописа* XV. XVI. и XVII. в. Осимъ тога имамъ усрдности г. Шафарика захвалити за *одломакъ изъ Архиепископа Данійла*.

Законъ винодолскій налази се штампанъ у III. кньиги Кола по матичномъ *глаголскомъ* рукопису латин. буквама саобштенъ одъ г. Ант. Мажуранића.

Лѣтописъ далматинскій изъ XII. в. преданъ є явности у Аркиву за повѣстницу югославенску, кнь. I. гдѣ се истый подъ насловомъ *кроника хрватска* изъ XII. в. по латинскомъ препису XVI. в. изъ *старе* єдне кньиге, *хрватскимъ* т. є. *глаголскимъ* писмомъ писане, учинѣномъ изложенъ находи одъ г. Ив. Кукулѣвића. — Изъ истога дѣла кнь. II. раздѣла II. извадіо самъ узоръ изъ *развода истріянскогъ* одъ год. 1325. гдѣ є одъ г. Дра А. Старчевића по *глаголскомъ* рукопису одъ год. 1546. латин. буквама предложенъ.

Све остале споменнике извадіо самъ изъ дѣла: *Србскіи споменицы*, кое є год. 1840 у Београду изишло.

Аркангела Катића добыо самъ по усрдности г. проте Николаєвића у Дубровнику.

Изводима изъ лѣтописа далматинскогъ, закона винодолскогъ, и развода истріянскогъ дао самъ я мѣсто латинскихъ кирилска писмена.

Првый періодъ.

Стара литература.

XII. Вѣкъ.

1.

ПИСМЕНО КУЛИНА БАНА БОСАНСКОГЪ

одъ 29. Авг. 1189.

Оу име ѡтьца и сына и светаго доуха. ѣ вань босаньски коулинь присезаю тебѣ кнеже крьвашоу и вьсѣмь граћаномь доубровьчаномь, правы приѣтель быти вамь ѡдь селѣ и до вѣка, и правь гонь дрьжати сь вами и правоу вѣроу доколѣ сьмь живь. і вьси доубровьчане, кире ходе по моемоу владанию трьгоуюке, гьдѣ си кто хоке, крѣвати, гьдѣ си кто мине, правовь вѣровь и правымь срьдьцемь дрьжати є безь вьсакое зледи, развѣ що ми кто да своевь воловь поклонь. и да имь небоуде [illegible]

моѥхъ чьєтьниковь силє. и доколѣ оу мнє боудѣ, дати имь сьвѣть и помокь, какорє и сєбѣ, коликорє могоукє, бєзь вьсєга зьлога примысла. тако ми божє помагаи и сиє свєто єваньгєлиє. ѣ радоє диѣкь бань писахь сию книгоу повєловь бановь, ѡдь рожьства христова тисоука и сьто и ѡсьмьдєсєть и дєвєть лѣть мѣсєца авьгоуста оу дьвадєсєть и дєвєты дьнь, оусѣчєниє главє иѡвана крьститєлю.

2.

ДАРОВАТЕЛНО ПИСМЕННО СИМЕОНА НЕМАНѢ МАНАСТЫРУ ХИЛАНДАРУ.

Год. 1198—1199.

Искони сътвори богь нєбо и зємлю и чловѣкы на нєи, и благослови ѥ, и дасть имь власть на всѣи твари своєи. и постави ѡви царє, дроугиє кнєзє, ини владикы, и комоуждє дасть пасти стадо своє и сьблоудати є ѡть всакога зьла, находєщаго на нє. тѣмь жє, братиє, богь прѣмилостивы оутврьди грькє царьми и оугрє кральми, и когождє єзика раздѣливь и законь давь и нравы оуставы и владикы надъ ними по правоу и по законоу раставль своєю прѣмоудростию. тѣмь жє по мнозѣи єго и нєизмѣрьнѣи милости и чловѣколюбию дарова нашимь дѣдомь ѡбладати сиювь зємловь срьбьсковь. и вьсакоѣко богь строє на оуньша чловѣкомь нєхотє чловѣчи гибѣли. и постави мє вєлиєга жоупана, нареченаго вь свѣтѣмь крьщении стефана неманоу, и ѡбновихь свою дѣдиноу, и больше оутврьдихь божиювь помокию и своею моудростию, дановь ми ѡть бога. и вьздвигохь погибьшоую свою дѣдиноу, и приобрѣтохь ѡдь морьске земле зетоу и сь градовы, а одь арьбанась пилоть, а ѡдь грьчьке земле лабь съ льпаѩнемь, гльбочицоу, рѣке, загрьлатоу, лѣвьче, бѣлицоу, лепеницоу. и божиювь помокию и своимь троудомь та вса приобрѣть, поспѣшениемь божиемь мирь и тихость вьсьприемьшоу владичьствоу моемоу ѡдь вьсоуда зачехь поощравати мысль свою и пооучавати оумь свои вьжделѣвати и пещи се о доуши своеи, вь которое число вьчьтень боуду вь дьнь страшьнаго соуда, и како би мощьно вьсприети ми ангельски и апюстольски ѡбразь, и послѣдовати владичьнемь глаголомь: вьзмѣте иго мое на се, и наоучите се ѡть мене, ѣко кротькь есмь и сьмѣрень срьдьцемь. иго бо мое благо и брѣме мое лько есть. миноувшоу же врѣмени многоу владика мои прѣмилостивы непрѣзьрѣ моление сьпаѣсканиѣ своего, нь ѣко щедры троудоположьникъ и мьздовьздатель, иже рече нескврьними своими оусти: непридохь призьвати праведьникь, нь грѣшьникь вь покаѣние. и мьнѣ по милосьрдию его вьнезапоу приклоучьшоу се врѣмени ѣсно, и вса мира сего чьсть и слава ни вь чтоже ми вьмѣнена бысть, и вьсоу красотоу житиѣ сего и дивьно вьзьрѣние ѣко и дымь ми бысть видимо, а христова любы паче привезоваше се кь мьнѣ, аще и кь недоистоиноу. и вьнезапоу ѡставихь владичьство мое и вься моѣ, различьнаѣ моѣ, христоу изьвольшоу тако и прѣсветѣи госпожди богородици, и сподобиме грѣшьнаго светаго ига его благаго, и ѡбьщьника ме сьтвори чьстьнаго и ангельскаго и апостольскаго ѡбраза, малаго и великаго. семоу же коньчавьшоу се о мьнѣ, оустрою семоу бываемоу, ѡставихь на прѣстолѣ моемь и вь христодарованѣмь ми владичьствѣ лоубьвьнаго ми сына, стѣфана великега жоупана и севастократора, зети ѡдъ бога вѣньчанаго кирь алеѯиѣ цара грьчькога. и аще и недостоинь рабь христоу нарещи се, симеонь мнихь, благословихь и всакимь благословлениемь, ѣкоже благослови исакь иѣкова, сына своего, еже поспѣшьствовати емоу ѡ вьсакомь дѣлѣ благѣ оу владичьствѣ своемь, и благосрьдоу быти на мирь крьстиѣньскы, и ѡ црьквахь пещи се и о слоужещихь вь нихь; и никакоже быти зазорьноу ѡдь всѣхь творьца и господа. по семь же изьволениемь владикы моего, исоус христа, ѣкоже вѣщаваеть писание: никоторы же пророкь вь ѡтьчьствѣ своемь приеть есть, начеть подвизати се мысль моѣ, изити ми ѡдь знаниѣ моего, и дѣти, и постигноути нѣкое мѣсто, и тоу полоучити спасение. и неѡстави мене владика мои и моего желаниѣ, паче бо радоуеть се ѡ грѣшьницѣ каюшти се. изидохь изь ѡтьчьства своего вь светоую гороу, и ѡбрѣтохь монастирь иѣколи бывьши, зовомы хиландарь, вьведение светые и прѣславьние владичице наше богородице, идѣже не бѣ камень осталь на камени, ноу развалень ѡдьноудь. и потроудивь старость свою, поспѣшьствоующоу ми сыноу ми, велиемоу жоупаноу стѣфаноу, сьподоби ме владика мои быти емоу кьтиторoу. и чести его погибьшее вьзискахь, и ѡбновихь и по изволению владичице богородице. и да, ере испросихь парике оу цара оу призьрѣниѣ,

да дахь ѡдь нихь манастироу оу свєтои горѣ, свєтои богородици, оу милєѣхь села непробища, момоушоу, сламодравы, ретиваоу, трьинє, ретивьщица, трьновьць, хоча и дроуга хоча, и трьгь тоунгє, и дьва винограда тоунгє насадихь, и оуанѣникє д. єдьнь оу трьпезѣхь, дроуги оу дабьшорѣ, трєти оу голишевѣ, четврьти оу парицѣхь, а за коимьжде оуанѣникомь по дьва чловѣка, и планиноу богачоу, а одь влахь радово соудство и чоурьгево, а вьсєгє влахь. р. о. и дахь ѡдь бытька, что моге, и оу зетѣ кобылє и соли. д. сьпоудовь. и акє кьто ѡдь манастирьскихь лоуди бѣжи, или влахь, подь велиєга жоупана или подь инога кога, да се вракаю опеть. ако ли ѡдь жоупанихь лоуди приходе оу манастирьске лоуди, да сє вракаю опеть. и вьса, єлико дахь манастыреви оу светоу гороу, да нѣ трѣбѣ ни моемоу дѣтетеви, ни моемоу оуноучетеви, ни моемоу родимоу, ни иномоу никомоурє. ако ли кьто сиє прѣтвори, да моу богь соуди, и да моу є соупрьница свєта богородица на страшьномь соудищи ѡномь, и ѣзь грѣшникь симеѡнь.

3.

ЛѢТОПИСЪ ДАЛМАТИНСКІЙ ИЗЪ XII. ВѢКА

Оу имє бога свємогоућєга, творца нєба и зємлю.

Кралююћи цесарь оу гради басилїи, цесарства оу вримє, оу ко сє быху просвитлили блажени моужи

ѥрмань бискоупь и пристолꙗ капитоуласкога и пристолꙗ камижние сицилини бискоупь, и толикоѥ поутованыи и блаженыи моужь бенедикь; близоу горе щицилианске прибываше, на лить господиньихь триста и педесеть и седамь. и тада изиде иники поукь и мноство люди ѡдь истока, ки се зовихоу готи, люди тварди и големо люти, презь закона, како дивіи; кимь людемь быхоу господа три братинци, ки быхоу сынове кралꙗ свихолада, кимь братинцемь бише име: парвомоу брись, дроугомоу тотила, третомоу строиль. брись, кои бише наистаріи (умарши ѡтаць ньихь), брись седе на пристолѣ и мисто ѡтчево, и поче господовати. тотила и строила тада оузговорише ѡви два: помыслимо, како сь помоћю брата кралꙗ бриса мы да бысмо господство и высоко име добыли. и тако са свитомь и сь вольомь кралꙗ бриса брата свога скоуписта воискоу и то великоу и поидоста ѡдь своѥ дидине. и ѡни парво приидоста на кралѥвство оугарско, и кралꙗ побише и ѡтимаше кралѥвство. и потомь тога поидоше наприда, и приидоше оу тарновинноу сь мноствомь вельомь воиске. и звидивши то краль далматинскыи, кои прибываше оу чоудномь и великомъ градоу солиноу, посла после и листове кралю истріанскомоу да бы скоупіо оу поспихь своу моћь свою, и да быста ѡба пошла протива тимь згора реченымь, и силамь ньихь заѥдно ѡдтимати се. и такои ѡна ѡба речена кралꙗ скоупише велике воиске, и ѡба заедно сь воискамн сташе се и поидоше соупротива силнымь воискамь готѡмь, и сритоста се и сташе близоу и соупротивь ньимь. свакыи дань по ѡсамь дань меоу собомь скарамоучахоу сь великимь ѥдне и дроуге стране витежи и храбрыми люди маньисина, зашто се много твардо и немилостиво биахоу, ѥре и соублизь шатори ѥдиныхь и дроузихь быхоу. и тако осмыи дань карсћане и речени погане ѡрòужаше се и ѡправише на реченоу арванию, и почеше бой ѡсмыи дань меоу собомь, покли се сташе сютра прїꙗ тире дери по вечериьои, бише се твардомь и немилостивомь арваньомь еднакымь боемь меоу собомь, сь мноством мартаць ѥдне и дроуге стране, незнаюћи се до тогаи вримена, комоу бы се могао веће боꙗти, зашто ни ѥдна ѡдь страни неоустоупаше, и быше видити, да соу бои почели, зашто ѥдиныхь и друзихь живи дохаꙗхоу на мисто оубіеныхь.

Да ли оу ѥдань час томоу ниткорь несумнѣће, нере по вольи ѡногаи, комоу ниткорь не море рећи, зашто такои оучини, ѡни готи немилостиви добыше, ѥдаси крозь инки грихь, кои тада у карсћанехь прибываше и презь изма бы побїена страна карсћанска, и убїень бы краль истриискыи, и много тисоућь карсћани по добићу бы подь мачь ѡбраћено, и веле харвать бы побїено, да краль далмацїе сь мало витези смартномь раномь раниѥнь, убисе, и бы принесень оу славныи и чоудныи градь солинь, оу комь градоу бы за веће дань ѡбћеныи плачь и тоуга неизречена. потомь тога свакъ час рестише моћь и конска тотиле и брата моу строила и поукь ньихь чоудныимь закономь, свакыи час рестише моћь и конска: и то видивши да быше веће ѡдь реда мноство и конскь, зазваше бароуне и поглавице, и кь томоу се договорише, и свить вазеше да бы се имиле конске раздилити. и зѥдинише на то ѡвамо све, ча быху вазели погани, рассуше и пожгаше, да немогоу люди ни добыт кыи оузрокь у своѥ вратити се. и вазе тотила конскоу свою, и поиде и рассу істрїю и аквилєю, и поиде како моуниꙗ палеħи и градове разсиплюħи, и прииде оу италїю на лить господиньихь триста и седамдесеть и мнѡо, чинеће чоудне и тварде арванѥ сь латини. да, иштарманѥ ништарь моу се немогаше соупротивити, ѥре божꙗ волꙗ быше, комоу быше. и проиде кь сицилїи, ѡбиꙗмши оу италїи и позгавши и разасапши многе граде, и оулице оу ѡтокь сицилїискыи, и по томь мало вримена живи и ѡиде свои конаць оучини, како моу быше рекао слоуга божїи бенедикь. оу томь строиль, брать, нѥговь, сь воиском своиомь вазе кралѥвство ѡдь илирїє, а то ѥсть сва землꙗ, ча ѥсть сь оноу страноу владемїє дери до полонїє; и ѡнь твердими арванꙗми и зь немилостивими бои све ѡбиꙗ, ѥре ниткорь соупротивити се немогаше. и прииде оу босну, и слизе оу далмацїоу, и рассу приморске граде: далмоу, нароунь и богатыи и липыи солинь, и градь скардоунь. и многе главне граде положи на землю, и небы моу задовольно, посла сына свога, кога юре имише, и быше ималь и сь ньимь воиске, да бы ѡбиꙗль и доню землю, и загорскоу, а томоу сыноу быше име свиоладь. и ѡдправи сына сь мноством воиске, и меоу тимь разоумивше цесарь изь града цесарства, да ѥ строиль послаль сына сь мноством воиске оу доню и оу горскоу землю, а ѡнь да ѥ ѡстао оу праинитус, а то ѥ оу босанске стране: и посла цесарь извидити, и сталь е строиль раздилити воиске. истино извидивше, повидише цесароу, и цесарь сабравь воиске и поиде на строила, ки сроиль видивь воиске, скоупи своѥ, и поиде кь арваньи, ѥре быше славна сардца и тиломь ꙗкыи, и ѡгнѣмь юнакь, ки нере како сардить лавь посеће се. и бы ѡдь веће рань ѡбранѥнь, ке нехлюће, да ѡдь варки ѡстакалѥнь а ѡдь рань

спрежень, паде сь коньа, оутећ немогоуће, и доспише оубити га. а нѥгови видивше то, оу вигь ѡбратише, и много ѡдь ньихь скоупивши се и почеше се твардити, и ѡбранише се, и цесарова воиска роби землю и врати се богата оу цесарградь, сь великомь славомь весела. потомь тога слышавши свїоладь сынь строиловь здвиже се сь воисками што варже може, за осветити смарть ѡтца свога, да юрь ѥ цесарь, што вїо выше, оучинїо, и пошао. и онъ видивше да ѥсть оучинѥно, и да не море ѡправити, заседе землю, и поче на ѡтчино мисто господовати. и господоуюћи ими сына, и постави моу име силимирь. и бы кралѥвство нѥгово восна и валдемїа дери до полонїе, тако приморско како и загорско кралѥвство.

XIII. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ ЖИВОТА СВ. СИМЕОНА ОДЪ КРАЉА СТЕФАНА ПРВОВѢНЧАНОГЪ.

(изъ рукоп. XIII. в.)

VII. По сихь же вьсѣхь вьста вь костаньтини градѣ нѣкь царь-люты и крьвопролиꙗтель, и раздроушини мирь сь прѣподобьнымь и светымь. ꙗко-же раздвигь оуста своꙗ мышьлꙗше погльтити и иныхь владычьства, ѥже невьмѣсти безоумьни ми постиже таковаго исправлѥниꙗ, нь хоте ѡзлобити незлобиваго и светаго, нанесе на се и изьгибѣль свою и хоулоу на царьство своѥ, и ѡпоустѣниꙗ на земьлю своѥ. пришьдь бо прѣподобьни светы

сѵмеѡнь сь оугьрьскымь кралемь, и доиде града до срѣдьца рекомаго, и вь ськроушениѥ постави ѥго и вь ѡпоустѣниѥ коньчьноѥ. вьзвращьшоу же се ризѣ оугьрьскомоу вь своѥ ѥмоу владычьство, ѡнь же светы ѡтвращь се ѡть него, иде сь силою своѥю на градь перьникь, и тьь скроушивь силою своѥю и вь ѡпоустѣниѥ сьтвори и, и градь стобь, и градь земльнь, и градь вельблоуждь, и градь житомитьскь, и градь скьпьль, и градь лѣшьскь оу дольнемь полозѣ, и градь градьць, и градь призрѣнь, и градь славны нышь, и градь сврьлигь, и градь равьныи, и градь козьль. тѣхь градовь ськроушь и до коньца ѡснованиꙗ ихь искорѣнии, не ѡста бо ками на камени, иже неськроушише се. иже и не вьздвигоше се и до сего дьне. и земьлѥ ихь и богатьствиꙗ ихь и славоу ихь прѣложи вь богатьство и вь славоу ѡтьчьствиꙗ своѥго, и вь славоу вельможь и людеи своихь. приложи же кь земьли ѡтьчьствиꙗ своѥго ѡбласть нышьвьскоую до коньца, лыплꙗнь же и моракоу и глаголѥмы краии, призрѣньскоу же ѡбласть и полога ѡба до коньца сь мегами своими. и прѣбываше вь благодарении божии и вь молитвахь дьнь и нощь. побѣди врагы своѥ, ꙗко моиси амалика, крьсть христовь неѡслабьно прѣдь очима носе, и тѣмь побѣдоу воздвизаѥ на противныѥ варьвари. диѡклитию же и далмацию, ѡтьчьство и рождениѥ своѥ, истовоую дѣдиноу свою, насиленоу бывьшоу ѡть рода грьчьскаго, и сьздани гради оу неи ѡть роукь ихь, ꙗко проглаголѥть се грьчьскаꙗ ѡбласть, имьже имена сии соуть: дань градь, сарьдонскии градь, дривость, росафь градь рекомыи скьдрь, градь свачь, градь льцинь, градь славьны барь. ноторь же ѡстави, оутврьдивь іи и вьзнесь дворь свои вь нѥмь, иже ѥ и до селѣ. проче же граде испровьрже и раздроуши, и измѣни славоу ихь вь ѡбразь ѡпоустѣниꙗ, грьчьскоѥ име истрѣбивь, да неименоуѥть се име ихь ѡтноудь вь ѡбласти тои, а люди своѥ, иже вь нихь, неврѣдимо сьхрани, слоужити владычьствоу ѥго сь страхомь сь оуреченымь дѣломь ѡть светаго.

XIII. Прѣбываше же блаженыи сүмеѡнъ, безьмльвьствоуѥ сь дѣтищемь своимь савою. и безьмльвьствоующа вь монастири своѥмь, вь храмѣ прѣсветыиѥ богородице, вь светѣи и иночьствоующаа горѣ, вь вьсакомь правилѣ чрьньчьскаго оустава дьнь и нощь непрѣстающими оусти, неоумльцающиімь пѣниѥмь, прѣоускыи, и тѣскыи поуть текоущаа, и до коньца забывьшаа земьльнаа, и тлѣнніихь прьстьныихь ѡшьдшаа, и на небеса оумь вьперивьшаа тѣломь на земли стоѥщаа, оумомь же и доушею вь небесныихь прѣбывающаа, долѣ же ꙗко самого христа прѣдь собою зреща, горѣ же сь ангелы вьдьвараѥмаа, и исправивьшаа житиѥ своѥ и жизнь подобьно древьниимь светыимь правила сего начельникомь, чрьньцемь прѣподобьныимь, и смотрещаа вьзданиꙗ троудомь ихь прѣдь подвизаста се на оуньшеѥ, ꙗкоже и прѣспѣти прочихь. и скончавьшаа врѣме много вь мѣстѣ своѥмь светыѥ богородице и приснодѣвы мариѥ, доньдѣже изволи се сьздавьшоумоу тѣлеса чловѣчьскаꙗ и свѣдоущемоу таинаꙗ чловѣчьскаꙗ, ѥмоуже вь роукоу всако дыханиѥ животьноѥ, и своимь милосрьдиѥмь свѣсть коньчиноу когожде, и хоте. на оуньшеѥ прѣвести трьблаженаго старьца, вьздати ѥмоу хотє ѡправьданиꙗ ѥго за троудь ѥго, и за истаꙗниѥ тѣла и за оумноженииѥ сльзьнаго источьника и за вьсакоѥ исправлѥниѥ добриѥ дѣтели, призвати и кь таинѣи трапезѣ, и напоити источьника бесмрьтьнаго, и оудворити на мѣстѣ хладнѣ пажити ѡноѥ сьоудвараѥма вь двори своѥ сь оугождьшими ѥго, веселити се непрѣстаньно сь ангелы ѥго. кто бо ѥсть, рече, чловѣкь, иже поживеть и неоузрить сьмрьти? и сего хотє ꙗвити небесьнаго чловѣка а земльнаго ангела, потьща свою неизреченьноую милость, и лѣствицоу оуготова вьсходоу прѣподобьнаго, юже самь си прооуготова прѣди, прѣдавь владыцѣ своѥмоу, вь чась исхода ѥго прѣдьставити ю ѥмоу, юже проѡбразоуѥ каимакьсь iѡань, глаголаше: вьсходите, братиꙗ и ѡтьци. на нюже тьщаше се светы непостыдьно вьстоупивь шьствовати кь зовоущоумоу и. вь сиѥ бо врѣме начеть болѣти прѣподобьныи. и призвавь сына своѥго савоу начеть глаголати ѥмоу, поливаѥ сльзами тѣло своѥ: ѡ любимиче мои, приспѣ врѣме ѡшьствиꙗ моѥго. се прѣдьстоить христось невидимо и зоветь ме. принеси ми, чедо, матерь господи моѥго iсоус христа; да ꙗкоже ѡбещахь се, да прѣдамь вь роуцѣ ѥѥ доухь мои. призови мі, чедо, прота и братию вьсоу, да видеть исходь мои. юже бо приближають се слоугы господи бога моѥго и вои крѣпьции, и глась ихь и пѣснь ихь слышита оуши мои. поспѣши, любимиче. и принесенѣ бывьши прѣсветѣи, и вьсѣмь сьбраномь званымь покоꙗ ради трьблаженаго, прострь рогозиноу свою прѣдь светою, и лежаше, чаѥ пришьствиꙗ ангельска. и симь седещиимь ѡкрьсть телесе ѥго, вь оуныни соущиимь имь, жалеще светаго, глаголахоу ѥмоу сь ридаиниѥмь многомь: неѡстави нась сирь, прѣподобьне. нелиши нась оучениꙗ своѥго. кто бо наставить ны и кь комоу прибѣгнемы? и вьпль мьногь испльньшемь жалостьно рыдахоу. вь нихьже и савѧ, присноцвьты различьнымь цвѣтомь дѣвьства своѥго, плаче жалостьно, глаголаше: ѡ прѣподобьне, вижду, ꙗко селениѥ твориши кь господоу. нь незабиваи и нась вь молитвахь своихь, и милость испроси ны оу христа бога. како бо поживоу безь свѣтлаго ти лица? какь бо ѡвичаи примоу, ненасищаѥ се добраго пастыра своѥго? кыи ли ѡбичаи примоу бесѣдѣ доушевнѣи? оу кого полоучоу оутѣхоу мою? кто ицѣлить ми доушевныи врѣдь? оумоли владыкоу своѥго, да прімеши ме сь собою вь вѣчныѥ крови. немогоу бо трьпѣти разлоучениꙗ, свѣте мои сладкыи. и вьси ꙗко ѥдинѣми оусти рѣше: помени ны, прѣподобне, вь блаженыи твои покои. ѡнь же вьсклонь се, рече: что ѡбьѥти ѥсте печалию? начнѣте надьгробьнаꙗ пѣниꙗ. и вьнезапоу бысть шоумь, ꙗко подвижати се мѣстоу, на немьже бѣхоу. и се пѣсьнь ангельскаꙗ невидимо: слава вь вышнихь богоу и на земьли мирь, вь чловѣцѣхь благоволениѥ. трьблаженыи же поꙗше сь ними вьсемь зрещемь. и тако прѣдаа доухь свои вь роуцѣ господьни славьно. и бѣше лице ѥго ѡсклаблено, ѡбраза имѣѥ на себѣ неизрѣченьна. и дивлꙗхоу се вьси зреще сихь. и ськоутавьше тѣло блаженаго сь псальми и пѣсньми, и положише и вь гробѣ. и разидоше се кьждо вь своꙗ си, славеще ѡ сихь ѡтьца и сына и светаго доуха, нынꙗ и присно и вь вѣкы вѣкомь. аминь.

2.

ИЗЪ ЖИВОТА СВ. СИМЕОНА ОДЪ СВ. САВЕ.

(између 1208 и 1215 год.)

(изъ рукоп. XVII. в.)

І. Нашь светыи монастірь сии, ꙗко вѣдѣти вамь, ꙗко поустоу мѣстоу семоу бывшоу, ловища ѕвѣремь бѣхоу. пришьдьшоу же вь ловитвоу господиноу нашемоу и самодрьжьцоу, царьствоующоу вьсеє срьбьскые землє стефаноу немани, ловещоу ємоу зде, и изволи се ємоу въ поустѣмь семь здѣ мѣсте оустворити монастірь сии на покои и на оумножєнїє єдинокыхь чина. сего бѡ трьблаженнаго по истинѣ господина ны и отьца, да вѣдомо боудеть вьсѣмь намь же и инѣмь, ꙗко богь твореи набольша чловѣкѡмь нехоте чловѣчьскои гыбѣли, постави сего самодрьжьнаго господина царьствовати вьсею срьбьскою землѥю, нареченнаго стефана неманю. и ѡбновивьшоу ѡтьчиноу дѣдиноу и болше оутврьдившоу божїєю помо̄щїю и своєю моудростїю, данною ємоу ѡть бо̀га, и вьздвиже погыбшоую свою дѣдиноу, и приобрѣте ѡть поморьскыѥ землѥ зетоу и сь градѡвы, а ѡть рабна пилота ѡба, а ѡть грьчьскыѥ землѥ патьково, хвостно вьсе и подримїє, кострьць, дрьжьковиноу, ситницоу, лабь, липлꙗнь, гльбочицоу, рѣке, оушькоу и поморавїє, загрьлатоу, лѣвьче, бѣлицю. таа вьса моудростїю и троудѡмь своимь сїа вьса приобрѣте, погыбшоую некогда ѡть насилїа своєє ємоу дѣдины, достоинаа ємоу срьбскыѥ землѥ. и поспѣшенїємь божїємь мирь и тишиноу выпрїємьшоу владычьствоу єго ѡть вьсоудоу, вь истиноу бо сын дивьнь и страшьнь бысть вьсѣмь живоущїимь окрьсть себе, владычьствоу бо его бывшоу .лз. лѣть сьхранѥноу и цѣлоу и ни ѡть когожде неврѣжденоу. что бо сего наречемь? владыкоу ли паче и оучителю? оутврьди бо и вьразоуми вьсѣхь срьдьца, и настави ны како подобаеть правовѣрнымь христїанѡмь дрьжати правоую вѣроу кь богоу. собою прьвѣе благовѣрїе показа, потомь же и инѣхь настави. црькви ѡсвети, монастїре сьзда, светителю вь сласть послоушае, иерее чьте, кь инихѡм же велико смѣренїе и любовь имае, ненадѣющим се надежда, оубогымь застоупникь, нищимь крьмитель, нагые вь домь свои вьводе и ѡдѣваше, сирые вьспита, вьдовице оправда, слѣпымь и хрѡмымь и немѡщнымь и глоухымь и нѣмымь вь истиноу мати бысть, и просто рещи вьсе свое имѣнїе вь заимь изда. вторы бо авраамь бысть страннопрїемьць, земльныи аггель, небесны чловѣкь. тѣм же и богь прѣвьзнесе и, и дарова емоу име, еже паче вьсакогѡ имени. имени его вьси ѥзыци поклонише се. самь же сьзда мѡнастыре. и прьво оу топлици светаго ѡтьца николы. и дроугы таможде светоу богородицоу оу топлици. потом-жде пакы сьзда монастїрь светаго геѡргїа вь расѣ. и вьсѣмь тѣмь мѡнастыремь сьтвори оуправоу, ꙗкоже подобаеть. послѣди же тѣхь сын нашь светыи монастырь сьзда, егоже и нарече вь име прѣсветые владычице наше богородице благодѣтелнице. сьздавь ѡть мала и до велика, и села прѣдавь и сь инѣми правдами монастырю, икѡни и сьсоуды чьстьными и книгы и ризы и завѣсы и ꙗже соуть писана вь златопечатьнѣи повели его, паче же и вь црькви написано на стѣнѣ, и сь клетвою и се заоузою, ꙗко да никто непотворить егова прѣданїа, ꙗкоже слышите и вь книгахь сихь на прѣди о томь слово.

III. Испльнившоу же се емоу лз. момоу лѣтоу вь дрьжавѣ его, владыка же прѣмилостивыи непрѣзрѣ моленїа его, еже из глоубины срьдьца въздыхаемое, нь ꙗко щедрь и троудопрїемьць и мьздоподатель вьсѣмь хоте спасти се. приближьшоу бо се врѣмени ꙗсно сыи смотрьливыи сыи моужь вьсоу мира сего славоу и чьсть ни вь что же вьмѣни, и красота жизни сее ꙗко и дымь моу видима бысть, христова же любы растѣаше вь нѥмь, и разьгарааше срьдце его ꙗко храмина емоу оуготована и сьсоудь прѣчисть доухови его светомоу, нѣкоторимь приложенїемь вь оумь его приложившоу христоу и наставльшомоу и. и тако посьлавь сьвькоупи благородноую си дѣтьцоу и вьсе избраные си болꙗре, малые и велике. и сьвькоупивь ꙗе кь себѣ начеть имь оуче глаголати: чеда моа вьзлюблѥнаа и вьспитѣнаа мною, се оувидѣно бысть вьсѣми вами, како богь своимь промышлѥнїемь постави мене владычьствовати надь вами, и вь начелѣ каковоу приѡбрѣтохь прѣѡбидѣноую землю нашоу, и помощїю божїею и прѣсветые владычице наше богородице, еликоу мощь имѣе, неѡблѣних се ни покоа дахь себѣ, дондеже вьса направлю. и богоу поспѣшьствоующоу ми приложихь кь вамь дьлиноу и шириноу, еже вьсѣмь вѣдомо бысть. вьсѣхь же вась ꙗко и свою дѣть вьспитѣхь, даже и до селѣ, и наоучихь вы, како дрьжати се правовѣрные вѣры. мнѡѕи же инѡплеменници вьсташе на ме и обидѡше ме ꙗко и пчелы, сьть, нь именемь господьнимь противлꙗх се нимь и одолѣхь нимь. тѣмь же и вы, чеда моа възлюбленаа, не забываите оученїа своего и правовѣрнаго закона мною оуставленаго. сїе бо дрьжеще имѣти хощете бога помощника себѣ и прѣсветоую госпождоу богородицоу, и мою аще и грѣшноу молитвоу. мене же нинѣ ѡтьпоустите, владыкоу своего, сь миромь, да видитѣ очи мои спасенїе, еже есть оуготоваль прѣдь лицемь вьсѣхь свѣта вь ѡтькрьвенїе езыкомь и вь славоу вамь, паствѣ моеи. виждоу бо, ꙗко вьсе соуєти чловѣчьскѡ, елико непрѣбоудеть по сьмрьти. непрѣбоудеть богатьство ни сьнидеть слава, пришьдьши бо сьмрьть вьса си погоубить. тѣмь вь соуе метем се. поуть кратькь есть, имже течемь, дымь есть житїе наше, пара, прьсть и прахь. вь малѣ ꙗвлꙗет се а вь скорѣ погыбаеть. тѣмь вь истиноу соуєта вьсачьска. житїе бо се сѣнь и сьнь, и бо ни вь чтоже метет се вьсакь земльны, ꙗкоже рѣше книгы: егда и вьсь мирь приѡбрѣщемь, тогда и вь гробь вьселим се, идеже коупно царїе и оубѡзи. чти же, чеда моа любимаа, поустите ме скоро, да идоу видѣти оутѣхы исраилевы. и сими оувѣты оувещавь ихь добры господинь и благы пастырь, симь же вьсѣмь много рыдающимь и глаголющимь емоу: неѡстави нась сирь, господи, тобою бо освещени быхѡмь, и тобою наоучени быхѡмь, и тобою просвѣтихѡм се, пастырю добры, полагаеи доушоу свою за ѡвце. и николиже бо вь твое дьни вьсхыщено бысть ѡвче вльком ѡть богопрѣданнаго ти стада пастве. и вь вьсе ли. лѣть твоихь сьблюдени быхѡмь и вьспитѣни, и иного господа и ѡтьца непознахѡмь развѣ тебе, владыко нашь.

3.

ИЗЪ ДАРОВАТЕЛНОГЪ ПИСМЕННА СТЕФАНА НРВОВѢНЧАНОГЪ МАН. ЖИЧИ.

год. 1222 — 1228.

Си же светы и преωсвещени храмь спаса нашего ісоуса христа, азь милостию божиѥю вѣньчании краль стефань, и с прѣвьзлюбленнимъ синомь своимь радославомь прьвѣньцемь, ѥгоже и благословисмо бити емоу кралю вьсе сиѥ дрьжаве, вь семже храмѣ спаса нашего здѣ да поставлають се вьси кралиѥ, хотеще быти дрьжавѣ сѣи, и архиѥпископиѥ и пископиѥ и игоумениѥ здѣ да поставлают се и сиѥ жоупе приложихомь поωдь власть сиѥи црькви: кроушильницоу, моравоу, борьчь, лепеници ωбѣ, вѣлица, лѣвоучь, лоугомира, расина, и власи вси сиѥ кралевьске дрьжаве. и сиѥ жоупе, чьто приложихомь црькви спаса нашего, сь симь да неимаю протопопе дворске никоре ωбласти. а що доходи ωть поповь или ωть влахь или земльски люди, что ѥ поповска вирь, что се оуземле на людехь, да се та вса оуземлю сѣи црькви. а инѣмь пископиюмь ке соу дошле жоупе, да оузима протопопа дворски половиноу бири поповьске, а ѥре ѥ врьховина попомь, да ωдь тога неоуземле протопопа честы, нь вьсе то пископь да оуземле. а сие. д. жоупе: ѥльшаница, пиоука, ωба ибра, ωдь испрьва нѣоулазиль протопопа. да и ѥще да соу ωть протопопь свободне и. д. намастири кралевсци: света богородица стоуденичьска, и светы геѡргиѥ оу расѣ, и светогорьски манастирь, и света богородица градьчска. тѣми д. ми ни самѣми ими, или гдѣ имь соу села подь коими пископиꙗми, да неимають надь ними никоре ѡбласти пископиѥ. а ѡ поповьсцѣмь поставлени сихь манастирьскихь ѡбласти, и ѡ всакомь доуховномь исправлени, прѣдлагаемь та вьса на архиѥпископа. а ѡ поставлени игоуменьскомь, ѥгоже по правдѣ изволи кралевьство, сего архиепископь благославлаеть божьствьно, а краль даваеть емоу жьзль, и целовь ѥго поставлаеть его игоумена. и по томоу божьствьни сь законь наоучивьше по црьковномоу оуставоу и прѣдании. . . .

4.

УГОВОРЪ ІОВАНА ДАНДОЛА КНЕЗА ДУБРОВАЧКОГЪ СА КРАЛѢМЪ СРБСКИМЪ ВЛАДИСЛАВОМЪ.

год. 1235.

Вь име ѡтца и сына и светаго доуха. азь жани даньдоль кнезь доубровьчски, сь всѣми болꙗри и сь всовь ѡпкиновь градьсковь, кльнемо се тебѣ, господиноу кралю всѣхь рашкихь земьлє и поморьскихь, владиславоу, оу господа бога нашего исоус христа и оу прѣсветоу богородицоу, оу чьстны и животворещи крьсть и оу света божиѣ еваньгелиѣ и оу вьсе свете, оугодивьше богоу ѡть вѣка, без всаке ноужде, нь своимь хтѣнием и своѡвь воловь, чистѣмь срьдцѣмь и правовь вѣровь; без всакога пропадетва и вьне мысли, ꙗкоре ѿть дьньшнега дьне да ти смо прьѣтели правы; и да смо с тобовь едновь мыслию и единѣмь срьдцемь неразлоучно до живота нашега и твоега. и кто е твои прьѣтель, да моу смо прьѣтелие, а кто твои врагь прибѣгне оу нашь градь кь намь, да ти неиспакости нищаре оу нась боуде. ако ли чьто испакости, да е мы платимо, ако ли га неплатимо, да ѡнога самога да ти дамо. аке ли тога неоучинимо, да е на нась клетва сиѣ. и ако ти се згоди кое насилые, и прибѣгнеши оу градь нашь кь намь, да те примемо ꙗко господина, сь всаковь поучьстию и сь всакимь прьꙗниемь, сь всѣми твоими болꙗри, и с ынѣми всѣми твоими, кои се с тобовь згоде. и колико вьзлюбиши прѣбыти оу нась, да си прѣбоудеши сь всаковь поучьстию, а зла да ти неоучинимо никогаре, ни тебѣ самомоу господиноу, ни госпоги женѣ твоеи, ни дѣци твоеи, ни добыткоу твоемоу всакомоу, ни болꙗромь твоимь, и ни всакомоу никомоуре твоемоу, ни добыткомь имь: нь паче да имашь поучьсть и храноу противоу моки нашеи, ꙗко и господина. и кьга си вь схокеши поити инамо ѿдь нась, да си погеши свободно сь всакою поучьстию, и сь всѣми твоими, и сь добыткомь всакымь твоимь, и ѡнѣхь добыткомь всакымь, а мы да те испратимо, и земьли твоеи и градомь твоимь да непакостимо, ни плѣномь, ни гоусовь, ни ѡчивѣсть нь таемь, нь паче да имь прьѣмо ꙗко и самѣмь намь, и да стоимо оу старихь мегахь, а прѣс то до непосежемо никакоре. а добыткь ере смо рекли дати, да ти дамо тисоукю перьперь и петь десеть лакьть скрьлата чистога и чрьленога, когаре ти самь господинь ѡблюбиши. то половиноу да ти дамо сьга, петь сьть перьперь, и ѡноузи петь десеть лакьть скрьлата, коере тебѣ оугодно боуде, а дроугоу петь сьть перьперь да ти дамо до божика. и ѡть тога да ти неоудрьжимо всега ни мала, нь да ти подамо вьсе и опльнено. и цариньник твои да стои оу нась невргень ѡдь нась никакоре. и что е твоѣ правина, да ти ю подаемо вьсоу сврьшеноу. и кьга ѡдь нась оустрѣбоуеши помоки по мороу, и подемо ти на помокь, да ны простишь тога лѣта вьсе, что имамо законь давати, и коупьцемь нашимь, кои вьсходе по твоеи земльи, цариноу, ѩко и господинь светопочившии дѣдь ти и господинь светопочившии ѡтьць ти, кьга има смо помагали, праштала им ста. аке ли неоузможемо ити на помокь ти, то да си оузимашь все, како ти е законь. и такоге ти се и мы кльнемо, како ти се соу и ты болѣре, посли наши, клели, матѳѣи боудачикь и крьвашь маньгеревикь и петрь срѣкикь. и никоииаре оузрокомь да нераздроушимо сие клетве с тобокь, нь да ю дрьжимо тврьдо. и ако се кои крамола оучинии мегоу нами, да се соудомь исправла, а клетвоу выноу да дрьжимо к тебѣ непомьчно. и како хокемо сие все хранити, что се пише оу сиеи клетви, тако да нась богь сьхрани на семь свѣтѣ и оу боудоучемь. ако ли прѣстоупимо и едно ѡдѣ сега, что смо оуговорили с тобокь и оуписали здѣ, да ны богь сьпьне и света богородица и вси свети, кои се пишоу оу сиеи клетвѣ, на семь свѣтѣ и на (о)номь.

5.

ИЗЪ ЖИТІЯ СВ. САВЕ ОДЪ ДОМЕТІЯНА

одъ 1264.

изъ рукописа дворске царске библіотеке, изъ XVI в.

И ѥко на много на вечери закьснѣвшемь, повелѣваеть ігоумень оударити било, неделѥ бо бѣ ѡтьдьнїи. вьстаеть ігоумень и сь нимь юноша, и походеть вь црьковь на молитвоу. вьстаеть и воевода и соущїи сь нимь, стоѥти вь црькви, не бо смѣахоу ѡть очїю своею ѡтьпоустити его. пѣнїю же продльженноу соущоу, и чтенїю пакы на мноѕѣ прочитаемоу вьсѣмь сѣдѣщемь вькоупѣ. и ѡнѣмь воиномь стрѣгоущимь его сь стратилатомь, троуда же ради поутнаго, и оутѣшенїемь пира оусноувшемь вьсѣмь на мноѕѣ. и ѥко ѵвидѣ ихь оусноувшихь божьствныи юноша, бьдрое око, вьстаеть ѡть нихь и покланѥет се прѣдь светымь жрьтьвником вьздаеть обѣты своѥ господьви. благословив се ѡть ігоумена поѥмь единого старца почтенна саномь свещенства, и вьсходить на великыи иже вь монастири пирьгь, и о себѣ сего затворь благодаривь бога рече: вьзнесоу те господи, ѥко подѥть ме. сьтвор же свещенникь молитвоу ѡтѥмлѥть власы глави его, и вь ризоу облачить его аггельскаго образа, растько име савомь измѣнивь. сльзами же мнѡгыми окропивь землю, благодарные и похвалные гласы кь богоу вѣщае. ѥко желанїе срьдца моего испльни ми глаголѥ и сьврьши. ѥко и оустидѣти сє старцоу свєщенномоу ѡть многаго єго плача. и симь тако бывшємь чтєнїю скончавшоу сє и вьсѣмь вьставшємь вьзыскашє стрѣгоущєи господина своєго, и сє нєбѣ гдє видѣти єго. по вьсоижє црькви и монастирю ищоущє и мльвєщє и нє обрѣтшє єго, начєшє досаждати ігоумєноу и бити мнихы.

Воєвода жє оуставивь мльвоу, глагола кь ігоумєноу и кь мнихѡмь: что сіа нєправда и бєзчьстіє намь ѡть вась, ѡ отьци чьстиїи! мыи оубо ѡбраза, єгожєноситє, стыдєщє сє, вашоу злобоу прѣзрѣвшє, кротци и чловѣколюбиви быхѡмь вамь. нєпрьвѣє ли ѡть вась пришьдь дара просити сьи льстивыи достоиныи сьмрьти, єдиного показавь, рєчє; и дарь ꙗко ничто жє прѣобидѣвь, ѡть ѡтьца сына вьсхытивь побѣжє. ѡтьца оубо и матєрь вь сьмрьтныи плачь, и нась вь троудь многыи вьложистє, и нынꙗ пакы намь пришьдшимь ѡть роукь нашихь ськрыстє господина нашєго. и нєщє своєволствомь водитє сє. что сицє вамь моудрьствова сє? ꙗко пороугати сє намь? да или вамь мнить сє, вьсоує троудихѡмь сє, и вьздоухь гонєщє, а нє господина нашєго ищоущє? нынꙗ низпадоуть главы вашє. рцѣтє, гдє ськрыстє господина нашєго?

Сꙗ жє оуслышавшє ѡть стратилата юношє, ꙗко кь рати соущє готови, лютѣ начєшє мнихы бити нємилостивно. и ꙗко сіа оуслыша искомыи, о нієм жє толика мльва творѣшє сє, оубоꙗ сє, да нє како злоба оубїиствомь скончаєт сє, прѣникь сь пирга глоголють, соущи нощи нєщє и мракоу. и ꙗко оуслышашє гласа єго, радости многы испльнишє сє, и вси кь стльпоу притєкшє кь высотѣ зрѣхоу, ащє би мощно тмѣ ѡтстоупити, и видѣвши его оутѣшеніє пріємли. и пріємь слово кь стратилатоу глагола; многомоудрь сын разоумомь, и юныихь разоумоу низходиши се, пльць толикыи людїи имѣє сь собою вь странахь тоуждїихь высокаа моудрьствоуєши. и кь благороднымь юношамь рече: образа неоустыдѣсте се, бога како небоувоюсте се? тако ли вамь лѣпо єсть на таковоє аггльское стадо вь црькви вьороужати се. что сіи вамь зло сьтвористе? аще оубо мене ищета, се азь зде есмь. нынѣ не можете мене видѣти, заоутра же оузрите ме, сихь же ѡставите. сїа же оуслышавше страхомь и стоудомь ѡбьєти бывьше недооумѣахоу что ѡтвѣщати. и тако оумльчаахоу, и ѡтьстоупльше стрѣжахоу стльпь. и дьню же освитающоу паки приникь сь стльпа призываєть воєводоу и благородныихь юношеи, и авлает се вьсѣмь аггльскыимь образомь иночьскымь оукрашень. ѡниже таковаа оузрѣвьше его и вь таковѣмь образѣ, недооумѣахоу, что ѡ себѣ сьтворити вьзмогли бише. плачемь же и рыданїемь ѡбьєти бывьше на землю падахоу. ѡньже видѣвь ихь вь таковѣи послѣдниєи горести срьдца, вьспрїємь ихь словесы своими многыими, и оутѣши срьдца ихь, глаголє: ꙗко ꙗже ѡ мнѣ сицева тако богоу изволи се, иже бо ѡть отьца моєго до зде проводи ме вами непостыгноута, тьи и ѡть роукь вашихь избави ме. вы бо хотѣсте ѡть благаго поути ѡтвратити ме, и мною господиноу своємоу, ꙗко оугоднаа ємоу сьтвористе, похвалити се; нь господь мои, нань же оупокаю изыдохь, помощникь ми бысть, ꙗко же сеє видите. ть и напрѣдь изведеть животь мои по своеи того воли. вась же моихь любьзныхь о семь нескрьбѣти молю, ни малодоушьствовати, паче же сь мною бога похвалите, сподобльшаго ме сего, иже ѿть начела образа вьжделѣвшаго. вьзьмше же оубо мою зилемоую ризоу, и власы главы моеѥ вьзвратите се сь миромь вь свою си. и сїе ѡбразы подадите родителѥма моима, и братїи, ꙗко вѣровати вамь, ꙗко жива ме обрѣли есте. и благодьтїю бо́жїею инока, сава име мое.

Сꙗ же рекь сьврьже сь стльпа ризоу свою и юностныѥ чистотныѥ власы главы своеѥ, сь ними же и посланїе написанно кь родителѥма, оутѣшенїа образь имоущи. о мнѣ ни коеже скрьбы имѣти, моле, ни ꙗко погыбша глаголавь, наче господа молити молю, ельма молитвами ваю, на иже изыдохь, добрѣ теченїе мое сьврьшити. вамьже елика сила о своеи доуши поскрьбѣти, попеченїе боуди. ниже паки начинаите тамо мене вь животѣ вашемь видѣти. аще оубо богь вьсхощеть, здѣ вь светѣи горѣ дождоу и виждоу господина и отьца моего, и светыѥ и чьстныѥ старости наслаждоу се, и сладкыѥ и невьмѣстимыѥ любьве его насыщоу се. вьспомѣноув же имь и мнюгаа еуаггльскаа словеса ѡ правдѣ и милостыни и о остинѣ и ѡ соудѣ, и ѥже себѣ неоугоднаа никымь нетворити. приложивь же и сее рече: аще кто оставить домь, или братїю или женоу и чеда, богатьство и села и проуча, вь вѣкы царьство небесное наслѣдоуеть.

6.

ИЗЪ ЗАКОНА ВИНОДОЛСКОГЪ

одъ 1280 год.

(изъ рукоп. матичногъ).

§. 23. Ѡще поударіа то есть стража надь виноградомь и ѡдь земаль и ѡдь гоумань и ѡдь иныхь рѣчи: зверхоу кихь поудари положена, верѡвано, невеће када боуде ника шкода предь ными чинити ѡдвадии тада помагаите,.. годи ако невазме никога знаменѣ одь шкодника ѡнога, и тадаи ако покаже верованымь сведокомь кола предь дворь неоднесе ѡнога.. знаменѣ пріа нерсе буде та криваць тоужиль предь двором, кола ако непоиде сь тимь истымь кривцемь тадае предь дворь.

§. 27. Ѡще ако бы моужь жени вергаль хоберанцоу или покривачоу зь главе ва зли воли, терь бы се могло приказати трими добрыми моужи-коли женами, плати либарь .50. ако е тоужба сь тога; ѡдь кихь господинь кнезь имии солдини .40. ѡна, кои е нацина оучинена .4. и .8. лбр. да ако жена жени сверже покривачоу выше реченоу, плаћа .2. либре двороу, а ѡнои .2. ѡвци. ако оубо ѡнде нисоу сведоци добри, присези, ки таи, да ні то оучиниль, буди прость.

§. 32. Ѡще хћере, ке су ѡстале по смерти ѡчини и материни, или сыни ако нисоу ѡстали брати тымь хћерамь, имаю се аредитати или ѡставити тымь хћерамь благо ѡтчино и материно, чинећи всоу слоужбоу ѡноу, коу є̂соу имили слоужити двороу ѡтцы и матере нихь. и тако е ако бы сыни ѡстали и оумерли брезь реда.

§. 33. Ѡще ако бы ки држаль ѡшастно, то є. рнуь никоу, ка бы инуѩ была, и има вь двороу прити презь заповиди дворске вола прощенѣ, терь бы се могло наити ѡдь господина, вола ѡдь нега официала, дрьжань е платить кнезоу за приходакь ѡдь єднога .7. за всако лето, ко бы држаль то исто благо ѡшастно, терь .1. ѡсоудь солдини .40. на всако лето, а ѡно ѡшастно има се ѡбратити подь дворь кнеза.

XIV. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ РАЗВОДА ИСТРІЯНСКОГЪ

одъ год. 1325.

(изъ рукоп. XVI. в.)

III. И бывши вь ютро поли маши седоше вь цимитери светога петра, юдни подь смоквоу урницоу, а юдни подь кресть, и тоу да господинь кнезь преда всоу тоу господоу листи петроу словенанинноу зь граунща на нега слобощинноу, коу моу да, и свећаше господинь кнезь и господинь маркезь, и вса господа и дежелани. и тако идоше, а предь ними старци зь голе горице и сь крбоунь напридь, и дости дроугехь добрехь люди зь дроугехь месть, ки знаюхоу правдоу и разводи и термини мею ними, коуда соу наипрко сь церовлани. и приидоше на кожаль брегь, и ѡнди приде жоупань, и вась комоунь сь церовaль, и тоу се преговарахоу цнћа никехь роубежи ѡдь церовлань, рекоше юдна и дроуга страны, да ю ѡнди правыи нихь термень ѡдь коунфини, и тако ѡнди ѡбредише, да има при томь ѡстати, како ѥ ѡдь старехь пришло. и ѡдь тоу господинь менарть наприда ѥздећи, и старци кажоући, и правыи листь вь роуци носећи чтоући га, ки выше писань на разводехь првехь на леть божихь 1170, вь коимь се оудржахоу записани вси разводи и термини ѡдь коунфини голе горице и крвоунь. ѡдь тоу идоше сь тога брега здолоу на видамь светога петра, ѡдь тоу на велыи гричь, и тако равно здолоу подь брегь светога коціана, и на врогринь миель, вь коимь наидоше стара зламениꙗ. ѡдь тоу идоше по старехь зламениꙗхь, и тако на орехь пазаровь. ѡдь тоу по зламениꙗхь на рожане долце и на дмиичицоу, на два топола. ѡдь тоу по старехь зламениꙗхь на кантонь светога микоули, и тоу приде жоупань юри, и вась комоунь полоунски, и тоу показаше своѥ правице, и тоу се сѥдинише, да ѥ ѡнди правыи термень, и разводь ѡдь коунфини голе горице и болоунскыи. ѡдь тоу идоше на вело церѥ, ко ѥ на брегоу за светыи микоула, и тоу наидоше стара зламениꙗ. ѡдь тоу на кантонь светогь миховила, ѡдь тоу на омолно брдо, ѡдь тоу како драгошевица стои, ѡдь тоу на моулчоу поточиноу, и тоу придоше вась комоунь пићанскыи, и шь ними жоупань анжоуль, и тоу показаше крвоунцы поли листи званнеми люди, ки соу ѡнди ротоу ѡбдржали, да нигдаре нисоу пасли пићанци ни на горетинь презь воле комоуна крвоунского, и светыи бартоломен выше вась на крвоунскомь, и жоупань милеша оужигаше кандель и ѡсвећеваше, и тоу надь смоквићь имише свои дворь. и тоу за светыи бартоломен та господа поставише ѥдань камикь закопань; ѡбтесань на три

роуби, и на всакомь роуби ѥдань крижь висечень, и тако ѡдь тога камика идоше равно поутемь, ки гре кь светомоу андрею потокомь на сопоть, ѡдь тоу на стрелачь маль, и тако идоше ѡдь тоу равно по терменихь на ѡбешенће брдо, ѡдь тоу на скоче брдо на поль страни, ѡдь тоу ѥмши равно потокомь на хрватине стази, ѡдь тоу васпеть по терминехь, на кожаль брегь, и тоу се свршоую термени ѡдь разводь и коунфини ѡдь голе горице и крвоунь.

2.

ИЗЪ ДАРОВАТЕЛНЕ ДИПЛОМЕ СТЕФАНА УРОША III. ДЕЧАНСКОГЪ МАНАСТЫРУ ДЕЧАНМА ДАНЕ.

год. 1330.

Ѡть нихь же племене и азь грѣшьны и недостоины рабь христоу стефань краль и сь богомь самодрьжьць вьсѣхь срьбьскихь и поморскихь земьль, правноукь светаго симеѡна неманѥ, и вноукь стефана прьвовѣньчаньнаго крала, и сынь светаго и крѣпькаго и прѣвысокаго кралꙗ вьсѣхь срьбьскыхь и поморскыхь земьль, стефана оуроша, сынь и наслѣдьникь светаго корѣне ихь, вѣтьвь и ѡтрасль ѥдинородна родителю моѥмоу светомоу, вьзлюблѥнь вь срьдци ѥго паче вьсего живота ѥго, подьпорь и крѣпость старости ѥго. злаꙗ моꙗ, ꙗже пострадахь, вь брьзѣ изьрекоу, не моѥ ради болѣзни, ѥже приѥхь, нь славы ради божиіе, да вси слышеще посьсемь наоучеть се любити господа, и боꙗти се сь страхомь ꙗко бога всемогоущаа. тако оубо живоущоу ми вь любьви родительскои и вь славѣ земльнои веселещоу ми се всегда, нь зьлы ѡкаании диꙗволь испрьва ненавидеи рода чловѣчьскаго вьзбѣсивы братю продати прѣкраснаго иѡсифа брата своѥго, и вьложивы прѣдателю июдѣ вь срьдце прѣдати господа своѥго на пропетиѥ, забывь вьса благаꙗ оучениꙗ и наслаждениꙗ, ихже наслади се ѡть оучителꙗ свѡего сь светыми апостоли. тьжде и зде вьсели се вь злонравниѥ и зломысльныѥ чловѣкыи, ихже вьспитѣше светы родителиѥ кралевьства ми и само кралевьство ми сь любовию срьдца ꙗко братию и чеда. иже ѡставльше бога и великоую любовь нашю забывше, начеше по малоу сѣꙗти злыѥ пьлѣвелы междоу мною и родителемь кралевьствами, намь различьновѣрьны сь льстию ꙗвлꙗюще се. горьши и ѡканьнѣи невѣрныхь ꙗвише се, иже поревьновавьше моѥмоу добромоу житию, сьвещаниѥмь злымь и неподобнымь наведоше ѥго на таковое дѣло страшьное и неподобное, ꙗко не оудобь слышати ни вь оумь чловѣкомь вьмѣнити, створише ѡ мнѣ, ѥже створише. и послоушавь ихь вь скорѣ свѣта ѡчїю моѥю лиши ме непотрьпѣвь ни испытавь истины и ни расоудивь испытьно соуда, ꙗко соудь божи ѥсть. и ѥще кь семоу и вь заточениѥ вьдасть ме и сь чеды моими, прѣдати ме дрьжати вь константинѣ градѣ цароу андроникоу, рекше, ꙗко по семь неꙗвити се имени моѥмоу, ни чедомь моимь, ни видѣти землѥ ѡтьчьствиꙗ моѥго. благи же богь испрьва вса вѣдыи, и испытаꙗи сьрдьца, оукрѣпивы проданнаго прѣкрасьнаго иѡсифа, и створивы ѥго цара многимь ѥзыкомь, и надь своѥю братиѥю, тьжде свѣдыи любьвь и правьдоу срьдца моѥго кь моѥмоу родителю, ꙗви ѡ мнѣ великоѥ малосрьдыѥ своѥ свѣть ѡчню моию вьзвратикь просвѣти, и ꙗко ѡть самѣхь оустьь смрьтоносьнаго ада истрьже ме, и изведь посади ме на прѣстолѣ светыхь родитель и прародитель кралевьствами, и ꙗко цара и владыкоу постави ме господина вьсемоу стежанию ѡтьца моѥго, ꙗко не оутаило се ѥсть сиѥ страшьноѥ дѣло вьсѣмь дроугомь кралевьства ми, царемь и краламь ѡкрьсть нась живоущимь, и вьсѣмь странамь слышавьшимь. и богомь дарованнимь вѣньцемь кралевьства срьпьскаго вѣнчань быхь на кралевьство вь ѥдинь дьнь сь сыномь моимь вь лѣто ҂ѕ. ѿ. к. ѳ. мѣсеца генара ѕ. дьнь индикта є. вь праздникь богоꙗвлѥниꙗ, благословенниѥмь и роукою прѣѡсвещеннаго арьхиѥпископа никодима, и всѣхь ѥпископь и вьсего сьбора срьбскаго, ꙗко зьватисе стефань богомь помиловаиы и богомь просвѣщены краль оурошь третии азь же веселе се доушею и тѣломь ѡ божьствьнѣмь дарѣ, ѥже ми дасть владыко мои христе, и сь вьзлюблѥннымь сыномь кралевьства ми младимь кралемь стефаномь. что ти вьздамь владико мои христе за вса, ꙗже ми вьздасть. ꙗко падша ме вьздвиже и оутрьщьвена ме ѡживи и вь оумь вьсприѥмь страшны чась смртиы.

3.

ИЗЪ РОДОСЛОВА ИЛИ ЦАРОСТАВНИКА ОДЪ АРХИЕПИСКОПА ДАНІЙЛА.

(изъ рукописа XV. столѣт.)

Се бо хощоу великое и дивное и страшное исповѣдати вамь чюдеса его вашемоу христолюбію. слышите прави и истиньнь соуд божиі ѿ семь благословенѡмь кралю стефаноу оурошоу. ꙗкоже древлѥ при ісусу навінну врагь видѣ се симь погубляѥмь милостиниꙗми и вьсакыми добродѣтелюми ѥго. и мнѣ се о нѣмь искоусь пріѥти ꙗко о праведнѣмь іѡве и божіѥмь попоущеніѥмь о іѡвѣ искоусь пріѥть, и ѿ скотѣхь еже и ѿ чедехь, и самомь тѣлеси его строупь нанѣсе, а семоуже блаженномоу ни о скотѣх его ни пріе власти, нь вышу неѡстае се злоби свое хвалеи се и ненавидѣ христіанства. вьѡроужи безбожныхь перси и агарѣныхь на рѡд христіанскыи, ꙗко іудеіе на господа. и вьздвигшесе ѿ землѣ ихь многого множьство. и вьиндоше вь великоую романію. и гоубеще христіане ꙗко вльци не щедеще стада христова еже стежа честною си крьвію. и до самого града костантінаполы касающи се и хвалеще се ꙗко ни единомоу царствоу не постоꙗти прѣд силою крѣпости нашеи. и сташе вь великои романіи до к. лѣт. сьи же блаженныи краль стефань оурошь, ꙗко царь по истинѣ царь вь всѣхь пріемлїа, и призва некоторою честь ѿть тѣхь безбожныхь персь вь богѡдарованноую си дрьжавоу на похвалоу и на чьсть и на зависть своемоу величьствоу околныихь царь. и пришьдшимь имь вь землю срьбскоую, и видѣвше славоу и величьство и богатство данно ємоу одь бога зависти и льсти испльнишесе и начеше мыслити на всечьстноую єго главоу. сь же ꙗко кроткіи давидь царствоує вь богодарованнѣи ємоу дрьжавѣ. а ѡни по истинѣ безбожнии перси ꙗдоуще хлѣбь єго величаахоу нань ковь мнѣще хотѣніє си оулоучити ѡ семь блаженнемь стефане оурошоу. и о дрьжавѣ єго и ѡ светыих црьквахь невѣдоуще окааніи божіє силы и помощы и застоупленіа ѡ семь богоблаженнемь. нь глаголюще пріидѣте и оубїємь и, и наше боудеть достоанїє єго сьи же ꙗко безлобивы и кроткы глась глаголе: аще и по нас богь кто на ны, не на лоукь бо мои оуповаю, но помощь моꙗ ѡть господа сотворшаго небо и землю. ониже безбожнїи ꙗко забывше и изгоубивше оумь свои пооугающим се тьщетнимь на вьсечьстноую главоу єго, и лающе ꙗко ѱи на питающе є. а сіи надѣꙗшесе на помощь божію, и всѣ срьдечноє оупованіє имѣє кь владицѣ христоу, и простирає не мали милостинь кь светымь црьквамь и кь оубогимь и кь нищимь. сихь моленїа ни вь чтоже вьмѣни, но вьсегда за ѡтечьство си, ни тѣлеси своєго милоує ѡть тѣхь лаанїа тврьдимь градомь или мѣстомь, но ꙗко небопарніи орьль посрѣдѣ ихь прѣходе ꙗвлꙗшесе ꙗсно. ониже до конца погыбѣли свое напльнившесе сь острими своимь ороужїємъ, иже надѣꙗхоусе, наꙗхавше на блаженнаго сего ровь изрише погыбѣлы свое. онь же изь глоубины срдечнїє вьзьпивь кь всемогоущомоу владицѣ. вьньми и оуслыши ме и виждь насилїа воюющихь неправедно, призри сь небесе и посѣти и совьрши иже насади десница твоꙗ. и провидѣ божїю помощь ѡ себѣ и сьхраненїе, абїе поучивь своего отечества все чьстнїе властели и немало своего сродства, и ѡпльчившесе на тїе безбожнїе перси. сь своими хранїенними и одолѣвь побѣди, и ороужїа ихь внидоше вь срьдца ихь, и лоукы ихь сокроушишесе, и ни памети бысть безбожнаго ихь гнѣва. овѣхь смрьти прѣдасть, другы вь заточенїе осоуди, а прочїихь и немало вь робство срьбскїе земле предасть. се видѣти божїю помощь покровь и заступлѣнїе семоу блаженномоу. видите и оудивите се ꙗко чловѣци оуподобише се богомь. и се слышавь царь самодрьжавнїи великїе романїе андроникь палеѡлогь сїю великую помощь семоу блаженномоу, еже емоу посѡбстова владыка христось на сїе поганїе. и оудививше се прослави бога, и немали молба и моленїа пославь кь семоу великомоу кралю стефаноу оурошоу глаголе: любовнїи сыноу дрьжавнаго ми царствїа. слышахь великоу ти помощь ѡть владикы христа великомоу ти кралевствоу на поганїе вьсе езыкы, нь пакы оубѣды височанство сее и богомь данноую ти дрьжавоу на оставшоую честь поганихь сїихь. онь же ꙗко моудрь и хоудогь моужь поваждае ꙗстрѣби на бежещеи своего сродства храненїе поучивь слаткыми глаголы. и тако посла божїю помощїю вьсегда призывае, оныже ꙗко покоривы сынове слоушающе своего чедолюбнаго ѡца и господина. вь тоу романїю идоше и сего блаженнаго чисти хотеще, и тамо хотѣнїе свое оулоучише ѡ поганихь онѣхь ꙗко ни доуши ѡнихь избавити вь свободоу, и гради ихь до основанїа искорѣнише, а неправедное ихь богатство себе расхытише, ꙗко дивитисе и заморскимь странамь и царемь о помощи и славы семоу блаженномоу, ꙗко незабысть богь сего блаженнаго, праведнаго, и мнѡго приношенїа светымь црьквамь и маломощнымь. и тьи приношенїа не мали прославише его. ꙗко ꙗвитисе врагоу страшноу и вьсемь дивноу: и не по мнозѣ врѣменїи пакы благаа и богооугоднаа мысль взыде на срьдце семоу светомоу и вьселенскомоу цароукѵрь андроникоу. вьдьхноувь бо богь вь оумь его ꙗвити таковоу таиноу царскоу семоу благочьстивомоу кралю стефаноу оурошоу, глаголе емоу: слаткїи и любимїи пачеже вьсесрьдечнїи сыноу дрьжавнаго ми богомь царствїа, дрьзноухь ѿ семь христолюбивомоу ти кралѣвствоу спомѣнути. оны зломысльнїи перси побѣжденїи тобою. вь богодарованѣи ти дрьжавѣ и вь иныхь странахь елико скончаше се ѿть лица крѣпости твое. еще некотора ихь ѿтрасль оставшихь зѣло велики тоугы творет ми дрьжави царствїа ми, и мнѡго противише се немогохомь одолѣти имь; да аще врѣме вьзмоуть то велика ихь злоба ꙗвит се до саме главе мое. нь вѣдѣхь ꙗко помощїю и посѡбствомь любителꙗ твоего христа крѣпкь еси силою твою погоубити паметы ихь; молю оубо и оубѣждаю благочьстиво и христолюбиво име кралевства ти. потьщи се ꙗко да вьскорѣ гнѣвомь ꙗрости твое сметеши е и великое же ихь соуемоудрьно поношенїе ѿтьимеши ѿть нась, да ни вь что же вьмѣнет се. и сїе глаголы слышавь прѣвысокы краль сьи ѿть тьста своего цара грькѡмь и за толикоу безмѣрноую любовь, еже имѣста междоу собою, не закьсноу ни мало и вь чась рече собранѡмь быти воеводамь вьсѣи дрьжави свое. и томоу бывшоу и избравь велико именитїе, властели свое, елици срьдолюбьзнїи емоу. оукрѣпивь срьдца ихь словеси слаткыми и разумними ш чьстїю многою чьсти ихь, и вьса, давь елико на потрѣбоу имь, поусти ихь сь силою многою итіи тѣщно на поганые перси. и посла вь мѣсто себе великога воеводоу имь новака рекомаго грѣбострѣкоу. и ть николиже непрѣслоушаше такови заповѣди господина своего и питателꙗ. ꙗкоже прьвое послоушавше идоше на побѣдоу таковїе ереси. и тако идоше веселема ногама, помощь владыкоу христа призывающе себе. и пришедшимь имь вь дрьжавоу царства грьчьскаго до града глаголемаго иракліи. и тоу оставише вое свое. и пріидоше кь светоименотомоу цароу кvрь андроникоу. и слышавь царь такови шьствїе ихь вь помощь емоу зѣло возрадова се и велико веселїе сьтвори ѡ пришьствїи ихь, и любезно оучрѣдивь ихь и ѡтьпоусти ихь сь миромь. и тако вьлѣзше вь дрѣва и пловѣхоу чрѣзь чрьное мѡре. и помощїю божїею прикрьмише и некрѣдимо прѣшьдше поучиноу изьшьдше ѡть мора и вьидоше вь самоу тоу анатолїоу вь дрьжавоу безбожныхь. и велицѣи раты бывшоу междоу има, и не юдиною или двашти посѡбством же благаго бога. и вьсе побѣдише сьсекающе плоти ихь нечестивїе, ꙗко и травоу польскоую, и до конца паметы ихь погоубивше и вьсе богатство ихь и славоу вьзеше и вьсе хотѣнїе испльнише господиноу своемоу прѣвысѡкомоу. и сь великою чьстїю возвратише вь дрьжавоу свою. и слышавь вселенскїи царь грькѡмь андроникь таковоу побѣдоу на врага его, посла вь срѣтенїе ихь великоую честь, и пришьдшимь имь кь цароу великоу радость сьтвори и пришьствію ихь. и любезно повеселивь се сь нимь и дары многыми почьте ѡтьпоусти и. дошьдшим же имь господина своего прѣвысокаго кралꙗ, и вьзвѣ-

стише емоу ѡ всѣхь, иже послоужише емоу. и тоу си господинь мои многие хвали оумножи вь господоу богоу своемоу, и синь дльжное чьсть воздавь ѡтьпоусти ихь вь домы свое.

4.

УГОВОРЪ БАНА БОСАНСКОГЪ ТВРТКА СА ОБЋИНОМЪ ДУБРОВАЧКОМЪ.

1367.

Вь име ѡтьца и сина и светога доуха аминь. ѡть порожениѣ божиѣ лѣть ѵ. т. ѯ. з. лѣто и нашемоу господьствоу ді. лѣто мѣсеца июниа по кинзѣ а. дьнь: ми тврьтко милостию божиѡмь бань босьски придосмо оу нашоу коућоу оу градь доубровникь, и потврьдисмо вѣре сь нашомь братиѡмь и сь нашими приѣтельми сь властели сь доубровьчьними, оу коиѡи е вѣрѣ биль сь ними нашь стрiць господинь бань стѣпань, ѡнези вѣре потврьдисмо ми бань тврьтко и наши властеле, оу име кнезь влаи доброкоевнћь, и тепчиѣ сладое, и кнезь вьлкота прибинићь, присегосмо на моћехь и на светомь еванћелии кльноуће се, како да е наша коућа сь доубровьчникомь една коућа, до вѣка, како е една коућа била сь нашимь стрицемь зь господиномь зь баномь стѣпаномь, такози да есть сь нами доубровьникь една коућа до вѣка вѣкомь, до колѣ е нась сѣме и нихь, да се тѣзи двѣ коући нераздвонта никьдаре довѣка вѣчнега, него ли да еста ѡбое една коућа, и кои соу законь имали сь нашимь стрицемь сь господиномь зь баномь стѣпаномь, и кое писание ѡнѣхзи законовь и ѡнѣхь книгь потврьдисмо нашомь присежомь и нашимь писаниемь и нашимь печатомь, како да є мєю нами єдиньство оу вѣке вѣкомь, и да нехощемо доубровьника ѡставити, и нихь братьства до вѣка никьдаре, доколѣ є нась сѣме и нихь, безь нихь злога почетиѣ, ѡтьложивьше, що би не било на невѣроу господиноу кралоу оугрьскомоу. а се писа дражеславь диѣкь своимѡмь роукомь малокористномь, родомь боићь. земла ми є мати а ѡтьчьство ми є гробь. ѡть землѐ єсмо, и оу землоу оуиндемо. и вьсе законе и повеле и писаниѣ, кое є ималь доубровникь сь старѣмь господиномь сь нашимь стрицемь зь баномь стѣпаномь и сь неговими родители и сь прародители вьсега тогази потврьдисмо ми господинь бань тврьтко.

5.

ИЗЪ ЗАКОННИКА ЦАРА СТЕФАНА ДУШАНА.

Одь год. 1349.

(изъ рукописа одъ год. 1390).

Сьже законьникь поставлꙗемь ѡть православнаго сьбора нашего, сь прѣѡсвещеннымь патрїархѡмь кѵрь іѡаникїємь, и вьсеми архїереи и црьковникы, малими и великыми, и мною благовѣрнымь сте-

фанѡмь, и вьсеми властели царьства ми, малими же и великыми.

---

4. И светителїе да непроклинають хрістїань за сьгрѣшенїе доуховно. да посилѧеть дващи или трищи кь сьгрѣшившомоу, да ѡбличить его: и аще непослоушаеть, и невьсхощеть исправити се заповѣдїю доуховною, потѡмь да ѡтлоучить се.

---

20. И люди, кое сь вльховьствѡмь изимають из гробовь, та ихь сьжижоуть, този село да платить враждоу, кое този оучинить. и аще боудеть попь на то пришль, да моу се вьзметь поповьство.

---

28. И по вьсѣхь црькваχь да хранеть се оубозы, како есть записано ѡть хтиторь. кто ли ихь неоузьхранить ѡть митрополить, или ѡть игоумень да ѡтлоучить се ѡть сана.

---

57. Отроци и неропси, кои сѣде заедно оу еднѡмь селоу, всакаꙗ плата, коꙗ приходи, да плакаю вьси заедно на люди. како платоу плакаю, и работоу работаю, такози и землю да дрьжеть.

---

63. Село сь селѡмь да пасе, коуде едно село тоуде и дроуго, развѣ забѣль законитихь и ливадь да непасеть никто.

---

66. Потька междоу сельми н. перперь, а влахѡмь и арбанасѡмь р. перперь. и тези потьке цароу половина а господароу половина, чїе боуде село.

---

87. Аще кто оужежеть коукю или гоумно или сламоу или сѣно по пизме комоу, да сьжегоуть его ѡгнюемь.

---

103. Трьговци, кои греде по цареви земли, да не волиь никои властелинь, никои любо члобѣкь забавити по силѣ, или заграбити коуплю, а динаре моу силѡмь иаврькї. кто се ѡбрѣте силѡмь растоваривь или разбалавь, да плати. ф. перперь.

104. Скрьлата и мале и велике коуплю потрѣбнѣ трьговци да гредоу безь забаве по земли царевѣ, да продаю и коупоую, како моу трьгь доноси.

---

109. И где се градь ѡборить, или коуда, да га направе граждане того града, и жоупа, що есть предѣль того града.

---

112. На конецѣ свадѣ да нѣсть. аще ли се свадита два, да се біета, а инь никто ѡть конникь да имь непоможеть на порьвницоу. аще ли кто потече, и поможеть на порьвницоу, да се кажоуть, роуцѣ да имь се ѡтсѣкоуть.

(изъ рукописа одь 1700 год.)

138. И кто прѣда сына или брата оу дворь царевь, и оупроси га царь: ели вѣрьнь? и рече тьи: вѣроуи, колико мене. ако кое зло оучини, да платимь ꙗ, кои самь га даѡ. ако ли тако има творити, како дворе оу полате царевѣ, что сьгрѣши, да плати самь.

---

162 А що се где слоучи, комоу или гостоу, или трьговцоу или калоугіероу, ако имь что оузьме гоусарь или тать или коимгоде злоба, да идоу соудіамь и кнеземь или вь цароу, да имь плате соудіе и кнезови или царь, что боуде изгоубиль. А царь да ище кефаліе и властеле, коимь боуде поуть прѣдань и страже дане.

6.

УГОВОРЪ ВУКА БРАНКОВИЋА СЪ ДУБРОВЧАНИ.

около 1387.

Вь име ѡтьца и сына и светаго доуха ѡбѣщавамо се ми властеле града доубровника кнезь андреꙗ бинчоуликь, никола менчетикь, матеи жоурговикь, никола гоундоуликь, лоука боуникь, петрь сараковикь, жоунь соркоучевикь, климе гоучетикь, влкь бобалевикь, андрѣꙗ вльчевикь, ламьпре чрѣвикь, господиноу влкоу бранковикю и госпоги марѣ и нихь синовомь грьгоуроу и гюргю и лазароу и дроугои дѣци, коихь те имати вь господа бога вседрьжителꙗ и прѣчистоу его матерь богородицоу и вь силоу чьстнаго и животворещаго крьста христова и ві. врьховнихь апостоль и всехь светихь, иже ѡть вѣка богоу оугодившихь, по томь и вь доуше наше вишереченихь властель, како да си постави господинь влкь и госпога мара и нихь синове покладь, колико имь драго боуде, оу нась, и да соу нимь колии оу всако [illegible] ѡть нась, и да несьтворимо ѡваковоу покладоу ни єднога лоукавства, ни да га дамо иномоу комоу, тькмо господиноу вакоу и госпоги марѣ и ихь синовомь, или ѡни комоу рекоу. ако ли би дошло до тогаи врѣмена, ща богь недаи, тере неоузможе господинь вакь дрьжати землю срьпскоу, ноу га иженоу оугри или тоурци, или тко ини, да ми примемо господина вака и госпогю мароу и ихь децоу и ихь ризницоу оу нашь градь на нашои вѣре безь всаке соумние, колико кога годе ѡдь нашихь племенитихь грагꙗнь, и да несьтворимо никое лоукавство или безаконие ѡ господиноу вакоу и госпоги марѣ и ѡ ихь деце и ѡ ихь ризници и ѡ ихь вѣрнихь, тко ш ними боуду, и ѡ ихь иманию, и никьди да несьтворимо ми, що є прѣзь волю господина вака, и госпоге мааре, и ихь дѣце, ѡ ихь главахь, и ѡ ихь иманию. и ако би дошла нѣкоꙗ сила на градь нашь, ща богь недаи, прѣма чемь небисмо могли бити, или оугри, или тоурци, или тко ини, и оуспросе ни господина вака и госпогю мару и ихь децоу, и ихь имание, да ихь недамо ни єдномоу чловѣкоу на светь, ако бисмо добили ними вьсь свѣть. ако ли ни боуде до толике оусилости, како небисмо могли оучинити, да смо свободни ми, и ѡни сь нами, а ми прьво тога да ѡтпратимо господина вака и госпогю мароу и ихь децоу и ихь имание, и тко ш ними боуду, камо рече господинь вакь слободно, и що можемо, да ихь ѡтпратимо, и никьди да непомисалимо нѣкое зло или нѣкое лоукавство ѡ господиноу вакоу и госпоги маарѣ и ѡ ихь дѣци, и ѡ ихь иманию, ни да сьтворимо кое зло ѡ ихь, и що нѣ ними хотение, ѡ ихь главахь, и ѡ ихь иманию никьди да не сьтворимо, ако би ни вьсь свѣть говориль, да оучинимо нѣкое лоукавство и неправдоу или безаконие ѡ главе господина влка и госпоге мааре и нихь деце, и нихь иманию, да неприемо никомоу на светь за този, що ке бити на нихь зло, нь да ихь такози сьблюдемо, колико сами себе и свои градь, толико господина влка и госпогю маароу и нихь децоу и нихь имание, и тѣхзи̇, тко ш ними боудоу, всакомь правдомь, и истиномь безь всакога диꙗволега оумишлениꙗ и дѣла. и ако оусхоке да си сьтвори цркьвь по своѡи вѣре, свободно. и ако кемо ми више писани властеле и наши последни прѣстоупити що ѡть клетве ѡдь више писанихь господиноу влкоу и госпоги маарѣ и нихь дѣци и нихь иманию и нихь вѣрнимь, да ни оубию више писане клетви зде и вь боудущимь вѣце, и да смо ѡтьлоучени тѣла господна, и да смо причени кь июде и ари и кь темь, кои распеше господа, и рекоше, крьвь его на нась и на чедехь нашихь аминь.

И сикози прие посьлникь господина влка како що е записаль господинь влкь властеломь града доубровника, да този врьши господинь влькь, ако више неоузможе.

XV Вѣкъ.

1.

ПОКЛАДНО ПИСМО ОБЋИНЕ ДУБРОВАЧКЕ.

одъ 1403. год.

Вь име ѡтьца и сина и светога доуха аминь ми кнезь властеле и вьса ѡпкина гра [illegible] даѥмо вь свидѣньѥ всакомоу маломоу и голѣмомоу по семь нашемь оуписанию а подь нашѡмь законномь печьтню, како придоше кь наамь оу доубровникь господинь стараць дмитарь и радонꙗ припчикь и браꙗнь диꙗкь посланьѥмь славне госпогѥ ѥлѣне господина воѥводе сандалꙗ а кѥре славнога поменоутыꙗ господина кнеза лазара, сь листѡмь нѥ вѣровнѣмь, и ѡдь нѥ стране и на име речене госпогѥ ѥлѣне кѥре кнеза лазара поставише оу нашь комоунь оу покладь двѣ тисоукѥ доукать златѣхь, а подь ѡви оувѣть: да ѥ волна речена госпогꙗ ѥлѣна оу всако врѣме сама своѡмь главомь, али своими слоугами пославь своѥ листове а подь своѡмь печатню законнѡмь оузети вьзда, каде ѡи боуде оугодно, а да ѡи се немогоу оудрьжати или недати за нѣдань оузрокь, кои би могаль на свѣтоу бити, плаче ѡбѣтоуѥмо се дати ихь реченои госпоги, или комоу би ѡпороучила речена госпогꙗ ѥлѣна. ако би ѡи се смрть згодила, ѡдь ща богь оуклони, комоу би по своѥмь листоу ѡпороучила, ѡбѣтоуѥмо се дати безь нѣднога оузьдрьжаньꙗ. и за вѥкю чистотоу и вѣрованьѥ браꙗнь диꙗкь ѡвакигѥ листь своѡмь рукѡмь оуписа. и хѡтѣ госпогꙗ ѥлѣна кьщи господина кнеза лазара више речена кьде годи боуде послать оузети речене доукате, да пошлѥ ѡвь нашь листь, кои имь смо дали подь нашѡмь печатню исписань изь ѡвогаи. ако ли би га изьгоубила, а ѡна да пошлѥ своѥ листове подь своими печатьми по своихь добрѣхь людѣхь, како кѥ наамь задоволно бити, и ѡчито свѣтоу, ѥрь ѡна оузимлѥ теи доукате. писа се оу изебранои вѣкницѣ богоу любимаго града нашего доубровьника. лѣто рождьства христова тисоущно и четири ста и третьє лѣто мѣсеца фервара зı. дьнь. а оуписа роуско логофетъ боже помилоуи га.

2.

САВЀЗНО ПИС́МО ХРВОЯ ДУКА СПЛѢТСКОГЪ И ОБЋИНЕ ДУБРОВАЧКЕ ПРОТИВЪ КРАЛЯ БОСАНСКОГЪ ОСТОЄ.

ОДЪ ГОД. 1404.

Ва име ѡць и синь и светогь доухь. ми господинь хравое, по милости божиеи славни доукь спалицки и веѡможни велики воевода кралеваставь боснаскогь, и ка томоу, и ми кнезь властеле и васа ѡпаћинь богоу лоубимаго града доуброваникь, ѡбибитоуемо едана старана другои, и такои стависмо и сложисмо васи заедано бити соупротива кралоу ѡстои на неговоу погибиѡ и расоутие и проганание вана кралевастава вавасиха, право призвавь име господина исоуса христа. и зато ми господинь хравое ѡцели ѡбитоую двигноути воиске наше и послати е призь неретавоу оу хоумаскоу земалоу, и тоуи ва име христово проѣвити и прогласити господина павла радишићѣ кралю боснаскога, и нашомь моћию оу васемь оуздрьжати га, и помагти га на васоу нашоу силоу. и ми градь доуброваникь такое ѡбитоуемо заедано сь госаподиномь хравоемь вавасе оучинити, що моремо соупротивь кралоу ѡстои оу помоћь реченомоу господиноу павлоу радишићоу по мороу и по соухоу повихь мистихь ѡколо нась сь нашими лоудами и сь иними, кое боудемо моћи нагноути на то. а на васе више писмо ѡбитоуе господинь хравое градоу доуброваникоу, и такое градь доуброваникь господиноу хравою пѡсатавивь роуци на светомь еванагелию, и на часномь крьсти христеви васе више писмо, що смо ѡбитовали мею собомь, да врьшимо и да оучинимо, и ни каковь ни тако нась семоуи ѡбитоу неполипасти, а тако се потвори или поречe, да е проклеть ѡдь господинь богь и ѡть причисте матере божие и ѡть васихь светихь ѡдь викь богоу оугодивашихь. и ѡшаће ѡбитоуе доуброваникь господиноу хравою нашими посалабними и на наше траћение ислати и молити нашегь господина привисокогь кралю жигмоунать, како да гь ставимо на васу нашоу моћь оу милость оу реченогь господина кралю, ере веће нере краль ѡстоѣ моћи ће бити вридань и користань реченомоу нашемоу господиноу. писано оу звечани лить рошства христова тисоућно и четири ста и четварто лито мисеца генавра петинадесете дньь. оуписа миливои дѣакь.

3.

ДАРОВАТЕЛНО ПИСМО ТВРТКА ТВРТКОВИЋА КРАЛЯ БОСАНСКОГЪ ДУБРОВНИКУ ДАНО.

одъ год. 1420.

По неизреченомоу милосрдию и чловиколоубию владики моего слаткаго ми христа, и по неизреченомоу и всемилостивомоу его призринию иже на кралество ми ѣакоже и на првихь моихь природитель господь кралевь босаньсцихь također благодить присветаго своега доуха на кралевство ми изаниѣа и постави ме господина всемоу стежанию моихь прироԁитель господь кралевь босаньсцихь, ѣако бити ми вь христа бога благовирномоу и богомь посталеномоу кралоу твртkoу твртковићоу милостию божиомь краль босни и к томоу. и научехь зь богомь кралевати и правити пристоль моихь прироԁитель диле милости, чине записаниѣа градовомь и мистомь, всакомоу же по достоѣанию его, и тоуи изидоше приԁь кралевство ми все почтени властеле и поклисарие славнога града доубровника, оу име кнезь добре бенчоулићь, и кнезь пиро лоукаревићь, и ѡдь кралевства ми много оумилено просише искаше, да висмо ими по обичаю нимь потврьдили и оустановитили, що си соу они почтеномь дворщиномь издворили, що е нимь данно воеводомь сандалемь нѣговь поль дила жоупе конавальске, и такоће, що имь е речени воевода сандаль даль и дроугоу поль жоупе конавли и градь соколь оу нои, що е било прво петра павловића. и кралевство ми видивь подобно оумилено и все почтено прошение имавьше циль свить и зговорь сь властели и вельможами кралевства ми, кои се при кралевствоу ми обритоше, обнаидосмо, да е нихь прво бащинно било, призвавь име христово бисмо милостиви градоу доубровникоу и него властелемь по семь нашемь листоу потврдисмо и оустановитисмо ва викь и викомь доколи свить стои, градоу доубровникоу тоу више реченоу жоупоу конавальскоу и оу нои градь соколь са всими сели и засеоци, сь лоудми сь водами сь пашами зь дрвми, зь грьмиемь и са всацимь достоѣаниемь и правими котари више речене жоупе конавальске и града сокола са всимь, како имь се за то оудржи оу листихь воеводе сандала, да си соу волни господовати є држати и оуживати ва вики викома, они и дитца и оуноучне и праоуноучне нихь, како права и племенита господа и на все више писано азь господинь краль твртко твртковићь и сь властели и сь вельможами кралевства ми сь воеводомь воукмиромь зь жоупаномь драгишомь, сь кнеземь юриемь вонсалићемь сь кнезомь прибићемь сь кнезомь радичемь радоевићемь, сь кнезомь батићемь мирьковићемь сь кнезомь юриемь драгићевићемь сь кнезомь петромь клешићемь, сь воеводомь ивькомь сь воеводомь павломь юриевићемь ротисмо се на светомь еванћелию господини и на часномь крсти христови, како сие више писано и нами потврћено до дни и до вика небоуде нами потворено ни поколибимо и нашими послидними, паче оу всемь крипко и становито ва вики викома. писасе оу подвисокомь мисеца авгоуста шестинадесте дань оу петакь ва лито рожаства христова тисоущно и четири ста и два десето лито. а оуписа кралевства ми логофеть доушань.

4.

ИЗЪ КОПРИВНИЧКОГЪ РУКОПИСА.

одъ год. 1453.

Сь же вторыи оурошь прѣемлеть кралѥвство, многь си вь милостини, ꙗкоже инь ѡть краль и царь никто ни прьвѣе ниже по сихь. где бо неслышаше се егова милостинꙗ и правда по вьсѣхь езы-

цѣхь? достызает же и вьсточнїе страны, глаголю же ієросалимь и синаю і егѵптьскоую землю, и по вьсои грьчьскои и словенскои земли, даже и ѡстрови поморскые, и заморскые, тамо вьсоудь егова милостиниꙗ достиже, и ревность и любовь, ꙗже ѡ боѕѣ, ѡбꙗви се. и црькви сьзыдаше се, и болнице сьчинише се, ꙗкоже тамо живоущїимь быти вь оудивленїи, понеже и богь оумножи царство его, царствова бо лѣта мв. сьзида же вь ѡтьчьствѣ своемь црькви великые и чьстные, и сихь оукраси, ꙗкоже и до нынѣ видимо ѥсть, глаголю же вь светои горѣ великоую лавроу, домь прѣчистые богородице хиландарскые, и светаго прьвомоученика христова стефана при градоу звечани, еже ѥсть баньска, идеже и светые его мощи лежеть, и вьсе стѣны златомь оукраси, ꙗкоже мнѣти се полате или позлащеннѣ быти. еще же и црькьвь епископїю градьчанскоую, и оу призрѣне митрополїю и светаго стефана, и оу скопїю троероучицоу, и светаго геѡргїа на сьравѣ, и вь нагоричине светаго геѡргїа и вь солоуне светоую троицоу сьздавь и оукрасивь, и полате вьздвигь, и хрїсовоуль оутврьдивь оу царь грьчьскыихь, ꙗко да ѥсть вь ѡбласть домоу прѣсветые богородице хиландарскые. сьзида же и вь богосьзданнѣмь константине градѣ црькви, и болнице вьздвиже. и кто можеть сихь вь кратцѣ изрещи, елика сьзида и ѡбнови по иныихь землꙗхь, что же ли, ѥсть вь сихь вьснѣти? ѡбаче благочьстно и богооугодно поживь, блаженны коньць постизаеть вь лѣто ҂ѕѡкѳ. (6829 = 1321) роди же и сына два, стефана кралꙗ дечанскаго оуроша третїаго, и константина, иже вь звечани градоу лежеть светые мощи его.

5.

ПИСМО СКЕНДЕРБЕГА ДУБРОВЧАНОМЪ.

одъ год. 1459.

Вь име ѡца и сина и доуха светога аминь. ми господинь гюргь кастриѡть речени скеньдрьбегь данмо на виденнее всакомоу, комоу се достоить, и предь кога се изнесеть ѡви нашь листь ѡтворени а подь печатью прьстена моюга знаменованога мегю нами сь комоуномь доубровьчнимь за ѡвьзи посьль поставе наше, що постави оу комоунь добровьчки нашь челникь раꙗнь и господинь павель газоуль а по нашеи заповеди, юре примихоу ѡдь много почтенога кнеза и властель и все ѡпьктию властель доубровьчскихь а по нашемь диꙗкоу по ниньцоу воукосалию а сь нашимь листомь верованемь ц. доукать златихь. и за векию верованию ꙗ диꙗкь ниньць сь моѡмь роукомь писахь оу градоу доубровникоу а по заповеди господина ми скеньдрьбега писа се на лѣть рождьства христова тисоукю и д. ста и нѳ. на дни 21. юниꙗ. а било ю всегагюр поставе ҂в. и м. доукать, како се оу писме оучинило.

6.

ЛИСТЪ БАЛШЕ ХЕРЦЕГА СВ. САВЕ.

одъ год. 1497.

Ми господинь бальша херцегь светаго саве синь гласитаго споменоутиѣ госпюдина херцега владислава примихь ѡдь господина кнеза и властела

доубровачцихь перперь рѯз. и динара и. доубровачцихь. а се ми даше сада оу заѣмь доброволно а паке да боуде и да има бити ѡви исти заѣмь за поуноу платоу правижнюна за годище, кое ходи сада, а има се саврьшити оу лиетихь христовихь чȣѯи. на г. дни агоста мѣсеца. и пако и за речено годище ѡво се пластисмо на поуно иза и прѣдорню веће вѣрованье ѡвь нашь листь ѡтворени печатисмо нашомь вѣрованомь печатню. писано оу доубровникоу на і. дни ѡктоубра мѣсеца лѣто христово чȣѕз. и ѣа се потписахь господинь баѡша херцегь светаго саве и за веће свидителство моѡмь роукомь латински оуписано, како ниже оудрьжи.

XVI. Вѣкь.

1.

ИЗЪ РУКОПИСА СЕЧЕНИЧКОГЪ.

около 1501 год.

Вь лѣто ҂ѕѱкз. (6727 = 1219) поставлѥет се сава архїепископь срьбскыи, своимь же роукоположенїемь поставлѥеть .а. епископа вь хльмскои земли, оу стоне вь храме прѣсветые богородице. в. спископа оу стоне диѡклитискомоу поморїю, вл храмѣ арьхїстратига михаила. г. епископа вь дьбрѣ, храмѣ светаго николи. .д. го епископа оу боудимли храмоу светаго геѡргїа .е. го спископа вь расе, храмоу светыихь апостоль .ѕ- го епискоопа оу стоуденици, храмоу прѣсветые богородице .з. го оу призрѣноу, храмоу пресветые богородице. н. го оу грачаници .ѳ. го оу топлици, храмь светаго николи, .і. го оу браничевоу. аі. го вь бельградоу, храмоу прѣсветыѥ богородице. .ві. оу моравицахь, храмь светаго арьхилїа. повелѣ кѵрь сава дрьжати тврьдо и непоколебимо светоую вѣроу.

2.

ИЗЪ РУКОПИСА КАРЛОВАЧКОГЪ.

около 1503 год.

Сынь же его реченны стефань, иже и дечанскы имѣноуемь, третїи оурошь, и сь сьзда црьковь прѣкрасноу светаго вьзнесенїа на рѣцѣ быстрици на дечанѣхь, идѣже чьстны его мощи лежеть цѣли и неврѣдимы, и сладкые воню изливають до дьньсь, иже всакоу мысль прѣвьсходить добротою, црьков же его, ꙗже за .ѕі. лѣть сьзда се мраморїемь и величьствомь и изванїами различныхь видѡвь истоуканныхь, ꙗже недовлѣеть лѣто кь повѣданїю. вьзор же црькве всѣхь видове и ѡчи зрещихь троуждаеть ѡть ѕѣлные свѣтлости мрамора; ꙗкоже нѣкаа ѕвѣзда дьнница изь оутра сїающїи. сьписа же слоужбоу его и житїе грїгорїе цамьблакь. глаголють бо, ѡтцоу его милоутиноу ослѣпившоу ради клетве мащехи его, егоже прѣславно богь пакы зрѣти оустрои великымь чюдотворцемь архїереѡмь христовѣмь николаѡмь, и прѣемникь кралѥвства бывь по очевѣ скончании, и оубивь бльгарскаго цара михаила на велбоуждїи, и црьковь светаго вьзнесенїа сьздати тоу, идѣже тѣльта его бѣ, иже и до нынꙗ стоить, вьсеи земли тои зрѣніе доброты подавꙗеть. сьже роди два сына: константина и доушана. сь же доушань бысть краль, и кралѥвьства вѣнчань бысть на царство срьблѥмь и грькωмь и далнимь странамь. сьтвори же и црьковь прѣславноу светимь архістратігомь оу бистрици, выше призрена, еиже тьчно подь сльнцемь немню быти ничтоже, и такова доброта грѣхь ради моихь близь есть разореніа. добротою же и хоудожьствомь прѣвьсходить дечанскоу црьковь, кромѣ мрамора, и величьствωмь лоучаша дечанскаа: тѣм же и глаголють жителѥ страни тое, ꙗко призрѣнскѣ црькве патωсь, и дечанскаа црькви, и пекьскаа припрать и баиско злато, и ресавско писаніе неωбрѣтаеть се нигдеже. царь же стефань роди сына оуроша цара, бысть .д. тіи оурошь.

3.

ИЗЪ РУКОПИСА ХИЛАНДАРСКОГЪ

около год. 1552.

Вь лѣто ҂ѕцчг. (6993 = 1485) прѣстави се воукь деспоть, владѣвь .кѕ. лѣть. то лѣто ωть херделꙗ доидоше сынови стефанови оу сремь, ђоураћ и іоань деспоть.

Вь лѣто ҂ѕцчд. (6994 = 1486) постриже се ђоураћ и нареченъ бысть маѯимь. и то лѣто пренесоше мощи стефана ωтца маѯимова и іоанова вь ђоупиникь.

4.

ИЗЪ РУКОПИСА ДАВИДОВИЋЕВОГЪ.

около 1554.

(С. Лѣт. 1828 I.)

Кь прѣжднимь вьзвратим се.

Сынь же великаго жоупана немане, влькань, великыи кнѣзь, брать прьвовѣнчаномоу кралю стефаноу и светомоу савѣ. сь же влькань роди сына димитра жоупана, иже бысть инокь наречени давидь. сьзыдаже храмь светога богоꙗвленїѥ на лимоу. сь же димитрь роди сына вратька, иже бысть великыи кнѣзь. сь же вратько роди сына вратислава, иже бысть тьсть кнѣзоу лазароу. сьже вратиславь роди дьщерь милицоу, иже бысть монахїа. сїа же милица бысть ѡть плѣмене благоучьстиваго сѵмеѡна немане. вьдана бысть вь женоу кнѣзоу лазароу. сь же кнѣзь лазарь ходи вь ієросалимь и вь светоую гороу. бысть же ѡтьчьство его градь прилѣпьць. ѡтьць же его прибаць. сьзыда же и великыи храмь равьницоу, иде же мощи его лѣжеть. сьи же лазарь роди .в. сына и дьщере .є. прьви сынь его стефань, иже бысть великыи деспоть срьбскои земли, зетьскои, босьнскои и оугрьскои. .в. сынь его вльк, иже бысть девьстьвникь, неимеѥ жени. прьва дьщи его мара, иже дана бысть вльkоу браньковиђю .в. дьщи дана оу-зетоу за баѡшоу .г. цароу шишманоу бльгарскомоу .д. на оугрѣ за гарѣђꙗ цѣлиша .є. дана бысть цароу паꙗзитоу.

XVII. Вѣкъ.

1.

ИЗЪ РУКОПИСА ГОРНЬОБРЕЗНИЧКОГЪ.

около 1650 год.

Царь же константинь великыи поставлꙗеть зета своего ликиниїа царꙗ вь никомиды, притварающа се христианствовати. ликиниїе же вь томь царствы непрѣбысть вь благопокорѣнїи, нь прѣврати се на идолослоуженїе, и начеть моучити христїаны. константиа же, сестра константинова, жена ликиниїева, роди ликиниїю сына, емоуже власи главѣ его быше бѣли, и нарекоше име емоу бѣла оурошь. роди константїа и дьщерь именемь филонїю, вь светѣмь крьщенїи нареченноую ириноу, юже и моучи христа ради послѣжде. сїа же чюдодѣиствовавшїи многажди, и приведѣ кь христоу .рл. тьмь чловѣкь.

2.

ИЗЪ РУКОПИСА МАГАРАШЕВИЋЕВОГЪ.

около 1699 год.

Вь лѣто ҂зкѳ. (7029 = 1521.) паде соултань соулимань на рекоу савоу са множаствомь измаилтꙗма, и прехождахоу рѣкоу савоу ꙗко по соухомь сирѣчь по мостоу на ѡнь срема ниже вадланах (?) ꙗко немощно ни рѣкамь тѣмь исмаилтени оудрьжати. еже оугри имѣꙗхоу надеждоу на тихь силнихь рѣкахь, ѡпоустише ѡть васоудоу славни градь бе-

лнградь, нин же ѡкрьстне градове. н летнꙗхоу ꙗко же орлїе крнлатн, села н градове палꙗхоу. ѡле чоудо таковое! тогда скрьбь землн тон, слюща сремь. дивна места ѡпоустнше, црькве н градове разорнше. а олѡвїн белнградь неволнѡ оугрн предадоше, н ваннидоше авгарени месеца аѵгоуста .кн.

А госпожда елена бывшн деспотовнца неволнѡ оставн славнн градь коупннннкь, н да се бегствоу преко реке доунава, за оу́треною оу го́роу. а славноу н дивноу землю деспотовоу тоурцн попленнше, а лепн градь коупннннкь разорнше, септемврїа .ѳ.

Вь лѣто ҂зрча (7191 = 1683) понде царь моухамедь сь вонскѡмь велнкѡмь н доће оу ако градь на ћоурћевь дань. н посла везнра на градь бечь. доће везнрь подь ꙗнѡкь, посла цара татархана преко ра̑ве воде, да пленн землю нѣмачкоу. попленнше н поробнше, н много села н градове ѡпоустнше. доће везнрь са многѡм снломь вонскѡмь. н бн бечь ч. дана, ннща се неполоучн. стнгоше нѣмцы, разбнше моу, ѡстало оутече с везнромь мѣсеца аѵгоуста .кг. дань. везнрь доће оу беѡградь, посла царь, те га оуморнше, ноемврїа .кз. дань.

Вь лето 1697 нзнде царь моустафа оу влашкоу, н паде на тнсоу, н начннн мость ѡнде. н преће везнрь оу бачкоу, те оузеше тнтель, н пленн сентоу, много хрнстїаньского рода поразн, понде н доће на еегедннь. стнже прїнца лоуи с немцн, разбн моу вонскоу, н натера на тнсоу, веће се само подавн. царь бнвшн на ѡнь поль тнсе, внде таково чоудо, ѡставн све шаторе н топове, ѡде оу белнградь месеца авгоуста .кз. дань.

Другій Періодъ

средня или дубровачка литература.

I.

ЂОРЂЕ ДРЖИЋЪ

(рођ. око половине XV. в.)

1.

Милось сву напуно
  Тадъ свѣту Богъ изда,
Тебе славна круно,
  Кадъ створи врхъ
        зви̂зда.
И тымъ ти да име,
  Назвавъ те милоћу,
Да те сву са свиме
  Уреси лѣпоћу;
Лѣпось, ка̂ на сай сви̂тъ
  Изврсна іошъ небы,
Ку̂ бы моћ' прославит',
  Вазми, та й у теби:
Очима с' сунaчце,
  А анђелъ позоромъ,
Свѣтлый рай вѣначце
  Гои т' рано зоромъ,
Сву славу да носи

Тва̂ глава, ка̂ цвата
У русой той коси
Як’ пречиста злата;
Грломъ снѣга с’ бйля,
Бистрія іошъ леда,
Сву лѣпось одъ ђиля
У нѣм’ наравь сгледа.
Я сумньимъ, єда си,
Вило, съ неба сишла,
Айли с’ вила, ка̂ си
Сай часъ изъ луга пришла?
Ода свудъ просинешъ
Як’ зора съ истока
Ты вило, гдѣ минешъ
Танка и высока,
Рече свакъ самъ себи,
Позирай, позирай!
На сай свѣтъ прѣ не бы,
Нит’ ћe быт’ лѣпшій рай;
Єръ дразимъ пролѣћемъ
Створи се туи єсень,
Процавти путъ цвѣћемъ
Мирисомъ уресенъ.
Сладку рѣчь, айли гласъ
Кадъ пустишъ іошъ вило!
Туи све крозъ чудну слась
Буде се смамило.
Чувши іошъ твє̂ пѣсни
Разумне задости,
Све онъ часъ узбѣсни
Умекой радости.
Ето у све дй̂ло
Анђелъ си съ небеса,
Цѣћъ тога, ма̂ вило,
Любавь ме тва̂ стеса,
Лѣпось да т’ у пѣсни
И славимъ и пишемъ,
Єръ съ вельомъ любезни
Врхъ звѣзда уздвижемъ:
Иштомъ ми удй̂ли,
Тои, чимъ се озивашъ,
Мой цвѣте премилый!
Кй̂ у мни пребывашъ.

2.

Ако л’ бы рекалъ смилѣно,
Да танцашъ дивно коло,
Лѣпосћу с’ толи свршено,
Достойно с’ быт’ охоло!
Крозъ вилу, кє̂йзи вѣначацъ
Цавти лѣпось меу вама,

Како и ясанъ мѣсечацъ,
  Кадъ сине меу звѣздама.
Тко жели видит’ даницы
  На небу ка̂ є свй̂тлось,
Позри вилу у круницы,
  У ко̂й є райска милось.
Як’ вита єла у гори
  Позоръ є нѣ узвышенъ,
Свѣтлосћу лице нѣ гори,
  Коіой самъ велми сниженъ.
Ево іошъ тко жели видит’
  Превеликъ даръ съ небеса,
Ну ниткоръ немой завидит’
  Видивши таи чудеса.
Очи теи гдѣ вила има,
  Суначцу ке̂ кадъ сврне,
Сву му свѣтлось узвазима,
  А мени животъ стрне.
Расла ній само съ вилама,
  За ловъ да є створена,
У поредъ ну є звй̂здама
  И съ анђелцы гоєна.
Крозъ тои любовь н’има крѣпось,
  Коіомъ бы могла смутит’,
Єръ за малъ хипъ да нѣ лѣпось
  Любенъ стрѣлъ буде ћутит,
Охъ, чудно т’ видихъ гдѣ точи
  Сузе низъ своє лице,
Дѣтечце наго безъ очи
  Съ крылми како и птице!
Тои быше Богъ одъ любави,
  Безумнымъ кй̂ є тужанъ,
И чуяхъ добро гдѣ прави,

Коiойзи я быхъ сужанъ.
„Яко с' нут' крѣпось таи стече,
Све су съ ньомъ вышнѣ силе,
Васъ ми лукъ скрши у пече,
И мое злате стри̂ле!“
„А вруħiй пламенъ изгаси,
У комъ васъ горѣхъ тврдо,
Гнѣвно т' ме у свем' порази
Опустивъ сасма грдо!“

II.

ХАНИБАЛЪ ЛУЦИЋЪ

(писао око 1500—1525)

1.

изъ *Робинѣ*

Сказаня другогъ.

Робиня

Знай, да быхъ я мнила
Богу сагрѣшити,
Моя ти сва ди̂ла
Нехтеħ издрѣшити,

Видеħи те съ вольомъ
Одъ срца да мыслишъ,
Како се невольомъ
Моiомъ продумыслишъ.

А знати неишħу
Тко си, ни одъ кога,
Ни просимъ, да ви̂шħу
Чинишъ ме одъ тога.

Да, право за реħи,
По томъ, што беси̂дишъ,
Трговца нич' веħiй
Мени се ты видишъ.

Тко хоħ' си, добра честь
Свака те садружи
За оно, што болесть
Моя ти дотужи.

Съ добыткомъ сви трзи
Твои изайдите,
Тве̂ желѣ у брзи
Пуне се найдите.

Ако те ка̂ чека,
Богъ дай, да не касно
Люба те дочека
Поштено и частно.

Срѣћа ти се плећма
Овако несврни,
Нег' своимъ то већма
Крыломъ те огрни.

Богъ ће одвратити
Плаћомъ ти не маломъ,
А я ти платити
Немогу нег' хваломъ.

Већъ ако у плаћу
И ове приметъ садъ
Бесѣде, ке̂ траћу
Прошеня твога радъ;

Єръ ти ћу печали
Мое досказати,
Али т' ми дат', али
Помоћь ми недати,

Буд' да се надію
У срцу моему,
Да ти прѣ додію
Нег' сгодимъ у тему.

Рѣхъ ти, да отацъ мой
Бусіомъ погину,
И прва бы ми тои
Шиба, ка̂ ме шину,

Ку̂ іошће залихо
Млада неоћутихъ,
Колико да тихо
Щине ме по скутихъ.

Єре оца ради
Мени краль ту шћету
И брату накнади
Малу іошъ дѣтету.

Найпрво ми брата
Обилно обдари,
И чини богата
Спензомъ и тимари,

И хтѣ, да га друже
Очеви дворане,
Лѣпо да му служе,
Конѣ да му хране.

Іошће га штовати
Већма се обѣта,
Да ће бановати,
Кадъ дође на лѣта.

А мени сто села
Записа и рече,
„Расти ми весела;
Кадъ врѣме дотече,

На ты мою вѣ̂ру,
Ньомъ ти се обѣћу,
Я да ти намиру
Чесмениту срѣћу."

За тымъ удовицу
Майку ми пожали
Съ сузами на лицу,
Теръ іой се захвали,

Кажући ме рукомъ,
Велећи: „Утишай,
Теръ овомъ ябукомъ
Дичи се и нишай,

И врху нѣ стражу
Имай помня твоя,
Єръ ю имамъ дражу,
Нег' да бы кћи моя.

Я ћу те чинити
Быт' майку веселу,
И туге забыти,
Кê т' быше доселу.“

Одъ тадъ е гоила
Майка ме Єлена
Каконо босила
Китицу зелена.

Зими стêћ' у граду
У злаћене хиже,
А лѣтомъ на хладу,
Гдѣ славићъ бильиже.

При тихомъ Дунаю,
Тамо, гдѣно Сава
Рѣке се схађаю,
Заедно и Драва.

Ту быше гиздавый
Перивой, тере гай,
Видивъ га ты, правый
Рекалъ бы да е рай.

Найвеће угодно
Быше ми ту станѣ,
Пространо, слободно
И мирно шетанѣ;

Ту ти ме на чрѣде
Дворкинѣ двораху,
И мое бесѣде
Помньиво зораху;

Ту мое све дѣло
Разбирати быше
Румено и бѣло
Цвѣће, кô мирише;

И перле, кое су
Одъ броя, низати,
И накитивъ ресу
Злату подстривати;

И стерат' свилицу
По бѣлому платну,
Умѣшуюћ' жицу
Сребрну и златну.

Несрѣћо, кâ свега
Добра ме избави,
На што ми одъ нѣга
Спомену остави?

Ево се већъ болю
Смышляюћ' прваню
Сласть, него неволю
Трпећи саданю.

И ова толико
Зледь ми е горчія,
Разкоша колико
Срѣћа ми бы прія.

Незнахъ, ча е брига,
Незнахъ, ча су труди;
Толико ме нîга
Майчина разблуди.

А садъ се свакъ чуди,
Да нисамь саспîла,
Толико утруди
Дружба ме немила.

У веселомъ здравю
Весело свудъ хоћахъ,
На мехку узглавю
Покойно покояхъ:

Сада за узглавѣ
Каменъ е студеный
Мыслите, кô здравѣ
Може быт' у мени?

Сладкомъ и обилномъ
Храняхъ се я пићомъ,
И са златомъ свилномъ
Решахъ се одй̂ћомъ:

А сада премине
Данъ ми се кадгоди,
По законъ живине,
О трави теръ води.

Садъ нага и боса
Сила м' е, да хою,
Ютромъ, кадъ е роса,
И обданъ по зною.

Єръ врѣдне мê свите,
Мâ младость кê носи,
Све ми су разнй̂те
Одъ злыхъ мартолоси,

Пустиньомъ кй̂ ходе,
Теръ зимну и гладну
Везану ме воде
У руху претамну.

Теръ кадъ ми года се
Бродити се рй̂комъ,
И доли пода се
Позрѣти поникомъ:

Умиру одъ срама,
Одъ яда умирамъ,
Ни могу ту сама
Да на се позирамъ,

Видећи, гдѣ власе
Злате самь изтргла,
И грдо низа се
Пустивши развргла,

Видећи у страху
Лица проблѣдила,
Каконо у праху
Ябука презрй̂ла.

Я быхъ ихъ грдила
Рукомъ моіомъ сада,
И себи задила
Горку смрть одъ яда:

Да 'во е узицомъ
Стегнута назаду,
Теръ ми предъ тужицомъ
Утећи недаду.

И живемъ по сили
Прек' мога котѣня,
Гдѣ ми смртв омили
Цѣћ' горка живѣня.

О нека забудемъ
Муку и трудъ то'кій,
Чин', Боже, да будемъ
Он' каменъ жестокій,

О кй̂'но срдито
Море се разбія,
А онъ становито
Стêћи се несвія:

О ме се разбію
Горчина са тугомъ,
И свак' часъ приспію
Єдна ми за другомъ.

Да 'во становити
Moћи ми быт' небы,
Як' танцы той кити,
Кâ стане о себи.

Ево ми заходи
На страну бесѣда,
Єре ю заводи
Боль, кâ іой засѣда.

Да нека опета
Тамо се поврати,
Одъ гдѣ ю та клета
Болѣзань уврати.

Сгинувши Власко банъ,
(То бы име мому
Оцу), не веле данъ
Изађе по тому,

Да свое почаше
Краине простират',
А стискати наше
Турцы, и насъ ти̂рат',

И села робити,
Давши имъ свакъ плеће,
Єръ се озубити
Неима тко веће.

Теръ тада быше чут'
Свуда по русагу
Власково име слут',
Умѣнѣ и снагу

Веляху: Сва хвало,
Власко, намъ сгину ты.
И намъ є до мало
За тобомъ сгинути;

Єръ када ты паде,
Намъ се становито
У рукахъ препаде
Мачъ и копѣ вито."

Веляше свакъ тако,
Свакъ сташе ухилѣнъ:
Да не свимъ єднако
Страхъ быше разди̂лѣнъ;

Єръ они, ки̂ быху
Одъ края далече,
Погибѣль немниху
Да до ньихъ дотече.

Каконо тко н'има
Помню, ни се сви̂ди,
Докле предъ очима
Своє зло невиди.

И я ти се шћети
Овой ненадіяхъ,
Коя ми долети,
Айме, кадъ немніяхъ.

Обычай быше мой
Изходит' у шетню,
За нека мину зной
И врућину лѣтню,

Кудно се прелѣпый
Перивой простире,
И водицомъ крѣпи
Быстромъ, кâ извире:

Ту свакомъ гиздавомъ
Дворкинѣ гиздаве
Ишћаху забавомъ,
Како ме забаве.

Плешућ' по травицы,
Пѣсанце спи̂вающ',
Пореда съ славицы,
Гласомъ извіяюћ'!

Єданъ данъ ту сите
Разлицыхъ игара,
Сунце траковъ ките
Надвысивъ одъ сгара,

Воћу подъ гранами
Падосмо све скупа,
Немнећ', да за нами
Несрѣћа поступа,

Ка̂ ме како лютый
Тай желетъ за мномъ
ставъ
Мышляше тиснути
Долѣка стрмоглавъ.

Чему е говорит'
Инако, ни мнити
Оно, што има быт';
Нег' да ће ли быти?

Подъ сѣнцомъ ориха,
Вода, гдѣ се точи,
Санка ми ноћь тиха
Нападе на очи,

И небыхъ дубока
Іошъ санка заспала,
Да ме е жестока
Боязань запала.

Єръ ми се учини,
Очито да виђу,
Вуцы по планини
Конъ мене да выю.

Теръ како кошута
Одъ ставе до стазе
Верихъ се странъ пута,
Да ме не запазе.

А они скупише
Хитро се по слѣду,
Теръ ме обступише
И заду и спрѣду.

Я зада ни спрѣда
Номогућ' поступит',
Сва жута и блѣда
Изъ гласа яхъ упит'.

Чувши ме стекоше
Къ мени се све мое
Дворке и рекоше:
Што е то госпое?

Што си проми̂нила
Лишца? што уздышешъ?
Ки̂ си санъ видила?
Єдва душомъ дышешъ!

Ту санка одустахъ
Сва пуна боязни,
Мыслећи тере стахъ,
Кое су то сказни.

Я тако мыслећи
Каконо вазета,
Изтече врвећи
Та гуса проклета.

Теръ насъ обѣстрани;
И кâ чу да виче,
Али ю изрании,
Али ю поси̂че.

Одъ саблѣ погибе
Несрѣћна Маргита,
Єръ ту до потри̂бе
Быше гласовита.

Смышляти немогу,
Како ми нѣ глава
Ту паде предъ ногу
Брезъ трупа, крвава.

Премъ тада изъ гласа
Хтѣше се да вапимъ,
За уедь одъ паса
Нетрпит', кȗ трпимъ.

Да бы ми на повратъ,
Гласомъ бы вапила,
И главу тере вратъ
Самà имъ клонила.

А тадъ ме добы страхъ
Одъ смрти те зале,
У послухъ тере стахъ
И я, и остале.

Ту насъ извезаше,
За тымъ у планину
Бiюћ' одагнаше
Каконо живину.

Прiя быхъ нашла брой
Ноћу на ведрини
Свимъ звѣздамъ, нег'моiой
Послѣдньой горчини.

Пусте самь све стране
Протекла и луге,
Вепри гдѣ се хране,
И звѣри те друге.

Обайдохъ све горе,
Бродихъ се прек' сто ри̂къ,
Нигдѣ ми ниткоре
Недође помоћникъ.

А гдѣ су, мимо дворъ
Кои ми хояху,
И ноћи подъ прозоръ
Пѣсанце пояху?

Пѣсанце, у коихъ
Веляху, да самь я
Круна и дика ньихъ,
И сунце, кô имъ ся.

Нека т' ньимъ ташћину
Сваку говорити,
За болѣ вашћину
Моћи намъ створити.

Айме, ча ми пруди,
Несрѣћо прехуда,
Єръ ми ненауди
Ньихъ хитрость злоћуда,

Поколу, презала
Несрѣћо, у область
Горимъ си подала
Мене и мою часть.

Изъ сказаня треħегъ.

Властелинъ.

Быо є до сега
Доба деръ до ви̂ка
Обычай овега
Града Дубровника,
И садъ є, кадгоди
Поглавитый кои
Човѣкъ га походи,
Ал’ у нѣм’ постои,
Нѣгову дошасħу
Вазда се радоват’,
И хваломъ и часħу
Свакомъ га дароват’.
На ку̂ стварь одлученъ
Будуħи я данасъ,
Смуħенъ самь и мученъ
Умоіой мисли васъ;
Єръ ми се, знамъ, хоħе
Свршно васъ хвалити,
А’ незнамъ како ħе
Моħи се то сбыти,
Моєга єзыка
Будуħи моħь мала,
А ваша велика
И крѣпость и хвала.
Да волю, а не ри̂чь,
Хотійте вы ми̂рит’,
И, ако мало ничъ
Реку, незами̂рит’;
Васъ свѣтъ Деренчина,
Твоєга іошъ дѣда,
И храбра и сми’на
У пѣснихъ повѣда;
Тихъ быше у свѣту
Сми’нъ и брзъ на дѣло,
То му є по свѣту
Славанъ гласъ понѣло.
Онъ многратъ одврати
Своихъ одъ погубе,
И Турке полати,
Як’ соколъ голубе.
У своіой Туркомъ смрть
Носаше десницы,
У зубихъ како хртъ
Зецу предъ ловницы.
Доноконъ када се
Найде при скончини
Витезъ, стотина се
Витежки зами̂ни.
Зато га до данасъ
Текалъ є и теħи
Вазда ħе поштенъ гласъ
Высоко летеħи.
Не манѣ сада ты,
Говоре, да си сми’нъ,
Да право млађахтый
Зовешъ се Деренчинъ.
Да се сѣħ’ и бости
Теби є брезъ муке,
Да дѣла храбрости
Иду ти одъ руке.

Госпоя пакъ ова
Лѣпа и гиздава
Да е кћи Власкова,
Ласно се познава.

Лишце іой некрые,
Єръ бы рећ', да жива
(Мени се тачъ мніе)
Оца прикажива.

Нѣ оца я видихъ
Млада голобрада,
При вашемъ кралю быхъ
Поклисаръ онада.

Быше бравъ, и скочанъ,
Спаметанъ и снажанъ,
И свакому почанъ,
Одъ краля удражанъ.

Видилъ самь, гдѣ сломи
Уедно савезавъ
Петь копій, тако ми
Дай Боже, да самь здравъ.

И ове пакъ опетъ
Гледале су очи,
Онъ коньи преко петь
Машивъ се гдѣ скочи.

Увъ коня брзега
Упоредъ гдѣ тѣче,
И вола гдѣ свега
Наполи пресѣче.

Гдѣ се нѣ ньимъ борећи,
Ни витезъ, ни юнакъ
Неморе не лећи,
Толико быше якъ.

А дѣда іой бана
Знамо Маер-Блажа,
Онъ быше кршћаномъ
Зашћита и стража.

Онъ Турке съ начиномъ
Изагна изъ Пулѣ,
Бывши юръ Латиномъ
Смокло до кошулѣ.

Быо е ту съ нами,
Вѣтаръ га устави,
Када се съ войсками
Прѣк' мора преплави,

И нашега сбора
Живи су іошъ нйцы,
Кои му сговора
Были су дѣлницы.

Узраста, кй веле,
Быо е высока,
Бесѣде веселе,
Разума дубока,

Лѣпа свѣтла ока,
Опашая мала
Разплећа широка,
А хода пристала.

Да што ћу залазит'
Тамо неразложно,
Одкле пакъ изгазит'
Небы ми узможно?

Дѣла вашихъ дѣди,
И отацъ, и ваю,
Моіой се бесѣди
Изреѣи недаю.

Немогу я многе
Хвале ваше пети,
Кои самь убоге
Рѣчи и памети.

Говоръ ѣу узтегнут'
И стиснут' у манѣ,
Тере се потегнут'
На мѣсто прванѣ.

Наша су зачула
Господа, како е
Ядомъ тебе трула
Несрѣѣа, госпое,

Како си узице
Турачке допала,
И дуго сузице
У ньой проливала;

Како се по трагу
Залети пакъ овый
Соколъ, да те драгу
Ловину улови;

Како те изнашадъ
Хитро е изкупилъ,
И съ тобомъ изашадъ
Овдѣка доступилъ,

И тако заслужилъ
И то'ко достоялъ,
Да те е садружилъ,
И за свою поялъ.

Дичи се тымъ пиромъ
Градъ овый, да знате,
Колико да миромъ
Мирле му позлате.

И тога за зламенъ,
Коя годѣръ снага
Нѣговыхъ есть раменъ
Сва вамъ се подлага.

Вамъ е завелити
А нѣму пословат',
Зато веселити
Хтійте и пироват'!

И даре садъ ове,
Буди не богате,
Прим'те одъ нѣгове
Волѣ обилате.

Чимъ доѓе до ваю
Съ властели своими
Поглавица наю,
Кои е надъ свими.

Деренчинъ.

Залихомъ еръ хваломъ
Славишъ насъ, и штуешъ,
Обезомъ не маломъ
Мене обезуешъ.

И ова даница,
Моя и госпоя,
(Нека знашъ) дужница
Называ се твоя.

И листо Богъ да да
Будима доступит'

Хоћемо дай тада
Дуга се одкупит'.

Меу то, хвала ти
Предраго, премило,
Доклѣ врѣме дати
Моћ' буде на ди̂ло.

А твоіой господи
Да захвалимъ, виде,
Паметь ненаходи
Достойне беси̂де.

Само имъ рецы, знамъ,
Господо, прѣк' ми̂ре:
Милошћа прѣма намъ
Ваша се простире.

Кнезъ.

Воляхъ, да бы ваша
Милость походила
Мѣста ова наша
Другога цѣћ' ди̂ла,

Него цѣћъ опаке
Несрѣће, кâ чини,
Да свѣтле данъ зраке
Лице вамъ проми̂ни.

Но буди како хоћ',
Весели мы смо садъ,
Да вамъ се сгода доћ'
Господо,у нашъ градъ.

Гдѣ 'во смо сви ради,
Да вамъ се минута
Сва туга ослади
И жалость прелюта.

А найлише теби,
Госпое неучна,
Носити на себи
Брѣмена так' мучна.

Само се тымъ болю,
Срце се тымъ стиди,
Да наша моћь волю
Неморе да сли̂ди.

Деренчинъ.

Већъ нег' се подоба,
Већъ нег' смо пытали,
Скупа и особа
Вы насъ сте читали.

Зато буд' велика
Теби, кнеже, хвала,
И вамъ, Дубровника
Господо остала.

2.

Граду Дубровнику.

Ли поклѣ юръ праву
Неизмѣрну твою,
Дубровниче, славу
Ставихъ се да пою,

Высокимъ радъ быхъ я
Гласомъ зазвонити,
И твое хвале ћа
До неба пони̂ти,

Дубровниче, части
Нашега езыка,
Кâ цватешъ, и цвасти
Вазда ћешь до ви̂ка:

Да 'во е млохавъ духъ
Одъ грла моега,
Ли немой зато слухъ
Одклюнит' одъ нѣга;
Грло ако лиха,
И гласъ непростира,
Воля е залиха,
Кâ га надомира.

Ты он' темельитый,
Дубровниче, си дубъ,
Кои, еръ обхити
У гори каменъ зубъ,

И пусти пакъ жиле
Ћа доли, гдѣ жива
Извирућ' изъ гньиле
Вода га залива,

Крѣпко, становито
На сѣверу сѣди,
И сушомъ чрѣзъ ли̂то
Ни вене, ни блѣди,
Нег' расте охоло
У высин', и меће
Гране свудъ около
То яче то веће,

Тако да остало
Ако е премъ чему
Ту дубѣ, ли мало
Види се при нѣму,
Єръ пиђу ту доли
У жилахъ нећути,
Ни му тврдо толи
Темель се укрути.

Правда е темель твой,
Разумъ е твâ пића,
Твê станѣ у покой
Почива нѣ цића.
Слободанъ и ви̂чанъ
Ньима си добро зн́ай,
И одъ свихъ различанъ,
Кои су тебе край.
Благо твое мнози
И слобод' ки̂ виде,
Подложни, убози
Тебе ненавиде.
Немоћно еръ око
Трпити н'има моћь
Просвѣтлѣнѣ то'ко,
Теръ жели, да бы ноћь,
И мнози могући
Владавцы сви рабе
Охоліомъ врући,
Да тебе порабе:

Да ты се огледашъ
Помньиво одсвуде,
Пригоду теръ недашъ
По кôй ти науде.

Види се, мой Боже,
У граду овему,
Што разумъ, што може
Доброта у свему.

Злу волю нань крыю
Подъ плашћемъ како мачъ,
А да му задію,
Немогу наћи зачъ.

Правдомъ станѣ тврди,
Пособу и любавь,
Нань да се разсрди
Ниткоре н'има прав'.

Сили се озуби,
Чува се зле волѣ,
А милошћу люби,
Кê ништоръ ній болѣ.

Шъ ньомъ ти се озира
На онихъ, ки̂хъ годи
Разлико поти̂ра
Несрѣћа кâ годи.

Доброте свое диль
Люби ихъ и мили,
И блага добаръ ди̂лъ
Много кратъ уди̂ли.

Цркве тачъ наредно
Саградилъ е Богу,
Да звати праведно
Божій се станъ могу.

Ту ніе, тко срдитъ
У бесѣдахъ клетыхъ
Сміо бы погрдит'
Ни Бога ни светыхъ.

Штуй светыхъ и Бога,
И Божю стрми ри̂чъ,
Али се овога,
Чловѣче, града лич':

Гдѣ но и судъ даю
Племенитый и часть,
И на сагъ сѣдаю,
И сву имаю власть.

Осталога пука
Како се пристои
Свака врсть и рука
У послухъ сва стои.

Нити се тко бои,
Ни сумньи одъ кога,
Да само посвои
Власа му танкога.

Само тога цића,
Само, димъ, по тому
Мука и добыћа
Сладка е свакому.

Ту су становите
Обзиде брезъ брже,
Чимъ тврде, чимъ шћите
Гради се и држе.

Тымъ ярма никадаръ
На нѣму іошъ небы,
Тымъ вазда господаръ
Быо е самъ себи.

Самъ себи е ставилъ
Законе, по коихъ
Лѣпо т' е управилъ
Самъ себе и своихъ.

Ньимъ се е хтѣлъ дати,
А веће никому
Водит' и владати
У дѣлу свакому.

Судца є, ки̂ сѣда
На судъ, и закона
Єднака бесѣда,
Паче иста она.

А законъ є доста
Правъ и пунъ разлога,
Не манѣ за госта,
Него ли за свога.

Тымъ га свакъ почита,
Тымъ су Дубровчани
По све стране сви̂та
Люблѣни, штовани;

И тамо, гдѣ ви̂ра
Объ десну стран' нѣга
Наша се простира
Преко свѣта свега,

До тамо, гдѣ веле
Позніє дойде данъ,
Другій свѣтъ што веле,
Овога свѣта ванъ.

И тамо са лѣва
Нѣга, гдѣно ви̂ра
Мало мань саспѣва
Наша и умира;
До тамо, штоно садъ
Зову море веће,
Ко̂ мимо Цариград'
Свеђъ воду ванъ меће:
Цариградъ, ки̂ прѣти,
Да римска ка̂ быше,
Силу ће надѣти
И веле пойт' више.

Нѣговъ є васъ околъ
Источнога сви̂та,
За другу юре пол'
Запада похита.

Боже, ты пократи
Нѣму силу и моћь,
Али га обрати,
И къ теби чини доћ'!

Инако кршћане,
Я незнамъ сви бы ли
Одъ єдне ставъ стране
Нѣму одоли̂ли.

А како ће моћи,
Єданъ ихъ недаюћ'
Другому помоћи,
Нег' ли га издаюћ'?

Тога цѣћъ свакъ прави,
А право, на ви̂ру,
Да мудро борави
Дубровникъ у миру.

Нѣга ти свака врсть
Людій, и ка̂ има,
И коя н'има крстъ,
Люби и приийма.
Не само до ждрѣла,
Доклѣно вѣра рѣхъ
Мало мань саспѣла
Наша є за нашъ грѣхъ,
Да далѣ іошъ тамо,
Гдѣно се нехвали
Разми законъ само
Поганскій презалый:

До тамо, гдѣ море
Александеръ насу,
И чудно преморе
Тиро градъ и разсу.

Александаръ, кй бы
Одъ Србльи краль, и кй
За тымъ васъ свѣтъ добы,
И зва се великій.

Ту кримижъ изъ воде
Вади се црлѣный,
Кймно се господе
Одѣћа црлѣни.

И тамо гдѣ Нила
Рѣке зяю уста,
Кôй ишћући врйла
Човѣчка моћь суста.

Гдѣ малымъ врйменомъ
Истый краль сазыда
Градъ, кй се именомъ
Нѣговымъ повйда;

И тамо гдѣ града
Племенита дости
Само леже сада
Разтркане кости,

Съ кймъ но се Римъ бори
Одъ свѣта о станѣ,
Тере га разори,
И да му скончанѣ.

Буди да заплака
И онъ тога прія
И за тымъ іошъ цака
Касно се насмія.

Мôй пѣсни сбронти
Никакоръ ній моћи
Све крае, честитый
Дубровникъ гдѣ обћи.

Крозъ горе, крозъ луге
По свѣту свеђъ миче
Трговце брезъ друге
Забаве ни приче:

По странахъ, кê гледа
Сунце на далече,
И кое прѣк' реда,
И съ редомъ кê пече,

Сви трге примаю,
Мирно кê доноси,
И кê они даю,
Онъ мирно односи;

Паче іошъ тко ходи
По свѣту, настои
Свакъ, да какогоди
Име му посвои,

И да се повйди
Нѣговъ, премъ да ніе,
За нека свакъ види
Добро га свудіе.

Достоянъ е свуди
Овый градъ да слове,
Да га Богъ и люди
Вазда благослове.

И моя благословъ
Пѣсань, како може,
Дає му сада овъ,
Потврди ты, Боже!

Срѣћанъ и у свему
Теби былъ угоданъ!
И народъ у нѣму
Одъ людій буд' плоданъ.

Мудрыхъ, разборитыхъ,
Обилныхъ добротомъ,
Храбрыхъ, узоритыхъ
И здравыхъ животомъ.

Куће му нетреси
Трусъ, да ни огань жеж',
Ни благо однеси
Гусаринъ, ни лупежъ.

Госте да бы штовалъ,
И любвомъ опоилъ,
А своє нѣговалъ
И мирно покоилъ.

Мирно и безтрудно
По свѣту путовалъ,
Користно и прудно
Свє после пословалъ.

Здраво се одѣли
Здраво се заврни
Одтле, гдѣ су бѣли
Люди, и гдѣ црни,

Боже, ты уздржи,
Напрѣдуй, весели,
Што влада, што тржи,
Што мысли, што жели.

Іошће му дай срѣћу,
У пѣснихъ, мой Боже,
Да славу іошъ већу
Къ слави му приложе.

А не како ова,
Кôй бы већъ пристало
Нерећи ни слова,
Него ли рећ' мало.

Лакомо заиста
Нѣга є хвалила,
Лагала да ништа
Ніє ни вухлила.

Єда ли будешъ пакъ
И мени отворит'
Гласъ, кои буде якъ
Пети и говорит':

Ево се обићу
Вѣромъ брезъ неволѣ,
Да тегъ непохићу
Другій съ болѣ волѣ.

3.

Изъ писма Іерониму Мартинчићу.

Да друго ово зло,
Одъ кога хоћу рећ',
Близу є долѣзло,
Ближе се неће већъ;

Єръ трудно може самъ
Читоватъ утећи,
Сусѣду юре храмъ
Тко види горећій.

Затворенъ тамо ћа
Нечуєшъ у куту,
Морнаромъ како я
Кои самь на путу,

Како є прикрыла
Родіотскій отокъ
Чудна моћь и сила
Ку̂ пода васъ изтокъ.

Зато ћу да т' пови̂
Mâ пѣсань нѣкій ди̂лъ
Одъ тога, што новый
Гласъ намъ є пови̂дилъ.

Петъкратъ є тусућ' сто
Людій царъ сакупилъ,
Невольно то мѣсто
Съ ки̂ми є подступилъ.

Толикъ брой безъ мѣре
Вѣроват' тко море?
Да ли су одъ вѣре
Люди, ки̂ говоре.

Одъ оныхъ, ди, лише,
Кê тимаръ благоват'
И кихъ одлучише
Войникомъ пословат'.

Остали незвани
Купомъ се сви палю,
Разлика поганы
Мѣста ки̂хъ но шалю;

Теръ праве, рая ди̂лъ
Свакій ће добыти,
Землѣ само бадилъ
У обровъ да хити.

Поганству заисто
Свему и изтоку
Преславно то ми̂сто
Село єсть у оку.

Єръ трге, кê броди
Къ Цариграду воде,
Честократъ находи
Гусаринъ изъ Роде,

Теръ ниткоръ неморе
Одъ поганске руке
Оно тѣсно море
Бродити брезъ муке.

Кому име она
Дѣвица сатвори
Съ златога кâ овна
Пустивъ се обори.

Къ тому брезъ престаня
У копно заходе,
Робя теръ иманя
Разлика изводе.

Тымъ ти се охолит'
Буду Родіоти,
А Турцы одолй̂т'
Немогу срамоти.

Зато се нечуди,
Такова цѣһъ посла
Да є множь одъ людій
Брезъ броя ту дошла.

Четаръ ста и веһій
Брой галій, теръ навій
Єсть, у кй̂хъ бродеһи
Войска се преплави.

Чудна є стварь листо
Слушати начине
И справе заисто,
Коє се ту чине.

Найпрѣ су съ войсками
Подалече стали,
Гдѣно ихъ пушками
Небы дохитали.

Одонде, теръ почанъ,
Землю, ку̂ копаю,
Преда се меһу ванъ,
А за трудъ нехаю,

Тако, да землѣ прахъ
Ніє ту остао,
Кй̂ имъ ній по рукахъ
Тисуһкратъ пропао.

У ко̂й ствари таковъ
Начинъ су држали,
Да гору на обровъ
Землѣ су догнали,

Гору, димъ, съ ке̂
одсгаръ
Могу са высине
Видити сваку стварь,
У граду ку̂ чине.

Вѣроват' садъ онои
Морешъ, ча чиняху
Жиганти, када бой
Съ бози бит' хтіяху,

Кй̂ гору срдити
Врхъ горе кладиху,
По коихъ узити
На небо хотиху.

Томъ ти се одъ града
Горомъ заступаю,
Кй̂ свакчасъ одъ туда
Мортари лупаю,

Тако да ни нова
Куһа есть ни стара,
Ко̂й нису покрова
Разтукли одъ сгара.

Многе су іошъ веле
Ту пушке, ке̂ зяю
Пространо, ке̂, веле,
Да свѣтомъ стресаю.

Теръ стѣну найвеһу
Са десна и лй̂ва

Изъ себе ванъ мећу,
Ка̂ зидъ разорива.

Маньихъ е толика
Множь, да ній остало
Куће ни звоника,
Ки̂ мила ни мало.

За тыме есть пака
Тридесеть хиляда
Осталыхъ пушака
Ки̂хъ сваку допада

Нѣ пушкаръ, оправно
Вазда ки̂ ю носи,
И хита управно,
Камо се кадъ проси;

Тако да неклони
Главу иза мири,
Тко неће часъ оный
Да зубе оци̂ри.

Яньичарій сила,
И спахій іошъ дію,
Коихъ гвожђа ци̂ла
До подплатъ одію,
Ки̂но се напри̂да
Већекратъ макоше
Тако, да врхъ зида
Стѣге утакоше.

Немой мнит', ки̂ рыю,
Оправивъ листо тои,
Што ти сгоръ бесію,
Да стое у покой.

Мнози су, ки̂ насут'
Обровъ бы хоти̂ли,
Нека бы раванъ путъ
Ка граду имили;

Коимъ е дѣлати
Неволя то ди̂ло,
Копіи бо, теръ бати
Гоне ихъ немило.

Мнози су пакъ одъ ньихъ,
Ћа долѣ дубоке
Ки̂ дубу на поспи̂хъ
Яме теръ потоке,

Подъ мире да дошадъ
Огань ту задуше,
Каконо Біоградъ
Єда ихъ разруше.

Затворенъ еръ огань
(Тако се говори),
Да гору ставишъ нань
Гвоздену, обори.

Съ другу стран' грађани
Немысли да леже,
И стоећ' замани
Да ништаръ нетеже.

Кануне, шћопите,
Спингарде свеђъ мећу,
Турске мантелите
Коими размећу.

И ки̂ми іошъ туку
Оныхъ, ки̂ налиплю,
Да земльомъ, ку̂ вуку,
Оброве насиплю.

Теръ опо, што съ потомъ
И крвю навргну,
У градъ они потомъ
По рупахъ узвргну.

Затымъ што разоре
Пушке и разздиђу,
Опетъ мало горе
Сложе и сазиђу.

Дрѣвѣмъ, земльомъ, каломъ,
Стѣнѣмъ, кô свакъ носи,
И стварю осталомъ,
Како се гдѣ проси.

Часа непразную
Съ вечера, ни съ ютра,
Нег' се задублюю
И они изъ нутра,

Гдѣно се пакъ стаю
Са Турцы, кîно рѣхъ
Да яме копаю
Противъ ньимъ на поспѣхъ:

Ту ихъ унеблушивъ
Огнѣмъ, кî приправе,
И прахомъ задушивъ
Подъ земльомъ оставе.

Велику, ди, помоћь
Сужньи, кê имаю,
Рабећи данъ и ноћь
У томъ имъ подаю.

Ни дѣца залуду
Несѣде, ни жене,
Да у свакомъ труду
Мужемъ су такмене.

Чудеса сва, коя
Силанъ царъ ту твори,
Неморе рѣчь моя
Да ихъ изговори.

Помысли, кî свудî
Добыват' е учанъ,
Тратећ' прахъ и людій
Замани, е л' мучанъ?

Зато, ди, да има
Свршену одлуку,
Прѣ станѣ са свима
Изгубит' изъ руку,

Него ли неподрит'
Тай градъ и разсути,
Кî жели премъ пожрîт',
Како змай прелютый.

Ако се измота
Тай конацъ, кî вуче,
Срце изъ живота
Кршћанству извуче:

Ако л' Богъ непусти,
Нег' му тай изкине
Залогай изъ усти
Прѣ нег' га позине:

Већу славу стократъ
Роди ће дати тои,
Нег' колосъ, кî поратъ
Прекрочилъ быше ньой.

III.

ПЕТАРЪ ХЕКТОРЕВИЋЪ

(1487 — 1572.)

Рибанѣ.

Првый данъ.

Витеже наредный
Бертучевићу мой,
Свим' любкій и медный,
Ки̂ знаю разумъ твой,

Кои насъ свихъ брани
У потрѣбе наше,
И безъ цкверни храни
Како злате чаше,

Кои насъ свихъ круни
По многа зламеня,
Коимъ смо препуни
Свакога поштеня;

Найдохъ чтећ' лѣпу
стварь,
Гдѣ мудри говоре;
Безъ измѣне ништаръ
Дуго стат' неморе,

И многа труяня,
Коя су опора,
Да буду скончаня
Людемъ до умора.

И да е стварь прудна,
Тко ће уредъ несахнут',
Узмакнувши трудна
Тежаня, оддахнут',

Ка̂ шкоду доносе
Кипу и живѣню;
И крѣпости, ко се
Свѣсти, и умѣню.

И зато іошъ пишу:
За трудомъ дай покой
Тко неће на при̂шу
Скратиши живошъ свой.

Одлучихъ тога рад'
Минутыхъ овыхъ данъ,
Пуштавши све назадъ,
Кудгодѣ пойти ванъ.

Зиде оставивши,
Мештре, и тежаке,
Брашно приправивши,
И потрѣбе сваке.

Видећ' се заплетенъ
У ствари премиле,
И чудно уметенъ
Повольно брезъ силе.

Ки̂хъ нисамь нигдаръ
сить,
Ни у санъ, ни бдећи,
Мирніи могућ' быт'
Манѣ се трудећи.

На ту Ардалю мому,
Кои ме посвои,
Ки̂, правимъ свакому,
Чудно ме опои.

Ки̂мъ будућ' савезанъ,
Кадъ нѣга направлямъ,
И градъ, и ґрайскій станъ
Велекратъ оставлямъ.

И све пріятелѣ,
(Толи є онъ якій),
Съ ньими родителѣ
И разговоръ свакій.

Буд' да ки̂ га виде,
Толи имъ драгъ буде,
Кадъ у нѣм' поси̂де,
Тому се нечуде.

Нег' ли буду правит':
Ній у томъ грѣхоте
Свака таи оставит'
Рад' ове лѣпоте.

У комъ свакій трудъ мой
Толико ме слая,
Да ми серцу покой
То већій порая.

А све, ча се чини,
На Божю єсть славу,
На помоћь обћини,
Мени на забаву.

На утѣху моихъ,
Кои ће за мномъ быт',
Єрь є право своихъ
Помагат' и любит'!

Ли нехтећ' у мени
Скратит' мудрыхъ свѣта,
Кои су хвалѣни
По свѣт' многа лѣта,

Премъ да се слабъ чую,
Одлучихъ за три дни,
Да кудгодъ путую,
Нека ме дома ній.

Теръ за спунит' желю
Найдохъ два рыбара,
(Истину ти велю),
Найболя одъ Хвара.

Паскоя єднога,
Добра мужа и права,
Николу другога,
Млада и гиздава,

Єданъ се Дебеля;
Другій Зетъ называ,
Ки̂мъ є плавь постеля,
Кадъ лѣтныйй ловъ быва,

И ухо блажина,
А кадъ е жешкій зной,
Пиће добра вина
Срцу миръ и покой:

Чиникъ, да плавь справе,
И арборъ и іадро,
И весла да ставе,
И тимунъ и сидро,

И мрѣже танкога
Тега, кê падаю
Теръ до дна морскога,
И путомъ пливаю.

И на то убрану
Траву горске паше,
Личминомъ везану,
Да се рыбе страше.

Копитнякъ и ости,
И луча заметай,
И нймъ ће рыбе бости
Вечеръ возећ' узъ край.

Іошъ Паской доведе
Сына за потрйбе,
Кои съ ньимъ приседе,
Да буца на рыбе.

Сви узлѣши у плавь,
Весело при плочи,
Макнувъ се како лавъ
Никола ванъ скочи.

Плеснувъ се рече: *нуш'*—
Већъ слова нерече,
Свивши долами скутъ,
Теръ домомъ потече.

Како тко несправи
Пѣнез' пуну здйлу,
Ал' незна гдѣ стави
Драгу рѣчь и милу.

Ниткоръ насъ немняше,
Да е іошъ у кући,
Кадъ се юръ враћаше
Весело текући.

Носећ' окрабицу,
И съ ньомъ побукъ новый,
И стару мрѣжицу,
Кômъ ежине лови.

Затымъ танке соли,
Кâ се купи лйти,
Кŷ трате на столи
Люди племенити.

Паской му рече: „пой,
Каньченицу іошъ дай.“
Рѣхъ я: „дости е тои,
Веће тудъ непостай!“

Тай часъ се дѣлише,
Тако се бродећи
Юначки упрйше
Путъ Кабла возећи.

Дошавши у Завалу
Первый ловъ почаше,
Гдѣ велу ни малу
Рыбу неуяше.

Ѥръ мрѣжу задйше
У перво метанѣ,
Кôмъ се утрудише
Потезат' ваманѣ.

Затымъ попадоше
Колацъ одъ камика,
Мрѣжу провергоше
Спустивъ га долйка.

Коимъ (нути чуда!)
Тай часъ ю оддйше
И себе одъ труда
Берзо ослободише.

Пойдоше напрѣда
Опетъ ю спуштаюћ', —
Кудъ ѥ рыбамъ чрѣда
Побукомъ буцаюћ'!

Тои ютро нехтйше
Копитнякъ ни ости,
Мрѣжомъ бо ловише
Туи рыбе задости.

Обилно за свима,
Ча небихъ я мнiо,
Да нисамь очима
Моими видiо.

Iоште наконъ тога
Ѥдно ю меташе
Верхъ Кабла самога,
Гдѣ ино неуяше,

Нег'ли ухитише
Зубатца за срйћу,
Кй приличанъ быше
Ѥдному телићу.

Кога неизплитоше,
Како рыбе инѐ,
Нег' ли га ойдоше,
Да тако почине.

Виде ми га тада
Згледат' быше было,
Гдѣ ѥ како клада,
Одъ педля му рыло.

Видит' га лѣпота,
Чудихъ се у истину;
Како мрѣжа умота
Толику тежину.

Вѣтаръ се подвизат'
Тада поче одъ здола,
Валъ вала достизат';
И рече Никола:

Ник.

„Паско, неће намъ дат'
Сморацъ већъ ловити,
А врѣме ѥ ручат',
Ча ѥ мени мнити.

Ну iидро направи,
Аргутлу изми ванъ,
И све ино справи,
Ход'мо на другу стран'.“

Пойдосмо iидрећи
Одъ бада онога
По мору пузећи
Путъ края другога

Паск.

„Нека скратимо путъ“
Рече Паской, „ходи,
Кадъ є вѣтаръ у скутъ,
Речимо штогоди,

Штогоди найдимо,
Немучимо данасъ,
Чимъ обеселимо
Господара и насъ.“

Ник.

„Я самь вазда справанъ
Нѣга веселити,
И нѣму приправанъ
Васъ животъ служити.

Нудѣре почми ты,
Кî си разумніи
Уминуємъ, илити
Одъ мене старіи.“

Паск.

„Мож’ ли се домыслит’,
Пови ми, єда знашъ,
Да прѣ хти размыслит’,
Нег’ ми одговоръ дашъ:

Нѣгдѣ се тужіо,
Веле, быше єданъ,
Да є чудну иміо
Несрѣћу на свой станъ.

Богатацъ будући,
Пунъ свога иманя,
Да у своіой кући
Допаде скончаня.

Єръ га обступили
Злохотницы быху,
Оружѣмъ страшили,
Кô собомъ имîху.

И да му уйде ванъ,
Бѣжа крозъ прозоре,
Онъ оста савезанъ,
Єръ уйти неморе.

Што ти се садъ види?
Може ли быти тои
Истина, бесîди,
Али є лажь овои?“

Ник.

„Ако ти я буду
Повѣдит’ тои, што є,
Ча ћешъ да добуду,
Мой друже Паскоє?“

Паск.

„Пехаръ мушкатила
Знай да ћешъ добыти,
Сладка и сазрîла,
Кîмъ ти ћу служити,

Съ вольомъ, димъ, овога,
Кî насъ съ ньимъ узчтує,
Кî ће быт’, вîмъ, с тога
Веселъ, да те чує.“

Я рекохъ: „Не єданъ,
Да іошъ му два даруй,
Ако ти по васъ данъ
Изрече притачь туи.“

Ник.

„О томе добыћу
Я ћу се минути,
И о томе пиће у,
Да слышъ, ако̀ ћ' чути.

Знашъ, ко е богатацъ
Пунъ брига задости?
Оный озубатацъ,
Кому ты непрости.

Ако ћ' знат', е ли тои,
Ча ти я казую,
Пошадъ му лустре зброй,
Кê сребро миную.

Рыбамъ да е море
Домъ, то мож' видити,
На суху неморе
Ни една живити.

Рыбамъ злохотницы,
Кй̂ ихъ обступаю,
Єсу сви ловницы,
Кои ихъ хитаю.

Съ кога рыба гине,
Оружѣ есть онои,
Притньи и травине,
И побучи то'кои.

Одъ прозори буд'. знамъ
Ока су у мрѣжи,
Кŷ кадъ изтегну ванъ,
Крозъ нѣ море бѣжи.“

Када я послушахъ
Теи ствари, у тай часъ
Зачудивши се стахъ
Не мало смућенъ васъ.

И рекохь: „браћо ма̂!
Свакій васъ ухванъ стой,
Да вамъ самь я свима
Обезанъ чувши тои.

Одкле дойдохъ на свѣтъ,
И по нѣм' путую,
Одъ седамдесеть лѣтъ,
Далечъ се нечую.

Ка̂ ми старость даше,
И незнамъ одкуда,
Прѣдъ мномъ негаташе
Нигдаръ се таи чуда.

Гатку изречену
Я болѣ на свѣтъ сай,
Ни лѣпше одрѣшену
Неслышахъ, негъ е таи.“

Затымъ доіидрисмо
Съ аргутломъ у руку,
Како сами хтй̂смо
У найлѣплю луку.

Гдѣно е баштина,
Кŷ саде и рыю
Отца тере сына
Витези обію.

Дошадъ, угледасмо
Непознаие гости,
На плавь имъ посласмо
Свакихъ рыб'ца дости.

Ки̂ видити быху,
Разумна говора,
Наредно идиху
Съ покровомъ одъ згора.

Они захвалише
Цѣћъ дара ловнога,
Теръ се премъ дѣлише
Путъ Града Новога.

И ваше тежаке
Лова надѣлисмо,
И шъ ньими юнаке,
Ке̂ тоту видисмо.

Рѣхъ я: „друзи мили!
Нахитасмо рыбе:
Ча́ смо позабыли
Све наше потри̂бе?

Врѣ̀ме є благоват',
Ча се облѣ̀нисмо;
Ход'мо се поштоват',
Каконо желисмо.“

Тай часъ потекоше,
Теръ огань снѣ̀тише,
Варише и пекоше,
Како сами хти̂ше.

Туи се покрѣ̀писмо
На волю брезъ прѣ̀ше,
И писмо, и іисмо,
Колико ки̂ хтѣ̀ше.

На ону трпезу
Каменну, ка̂ стои,
Гдѣ̀но се витезу
Такову пристои.

О колке, конъ воде,
И сада постави.
Тои свимъ, ки̂ доходе,
И себи приправи.

Подъ сѣнцомъ пригнући,
Сви се веселећи,
Они потичући,
А я самъ сѣдећи.

Паской насъ понуди,
Єръ сѣдити нећe,
Рече: „добри люди,
Бы сте ли што веће?

Хоћете л' одъ мене
Оный прѣсначъ велый,
Ал' турту, ки̂ жене
Пеку на падели?

Ал' да вамъ яйникъ туи
Принесемъ? Рецыте;
Ну се свакій поштуй,
Теръ се веселите!“

„Вазми свакій ваю,“
Рѣхъ, „брже, рыбари
Мѣшати нехаю
Съ рыбомъ мрсне ствари.

Мени є овои дости
По науку мому,
Ниткоръ васъ непрости
Тому ни овому.

Све є то печено,
Не да се поврати,
И на плавь снешено,
Неръ да се потрати.“

Видећ', да нећу я,
Ни они нехтіше,
Нег' да за друговя
Хране одлучише.

Никола мыслећ' ста,
Хоће л' рећ', ал' неће,
Каконо невѣста,
Кâ жели одъ веће,

А већъ се удима
Негъ третомъ пытана,
Да мужа вазима,
Ли съ помньомъ искана.

Нѣко'ко мучавши
Самъ себе измори,
А пакъ се уставши
Истомъ проговори:

„Свакій васъ ме забы,
Зашто ми недасте?
Ну, рец'те, камо бы,
Ча ми обећасте?

Гдѣ ми е добыће,
Кô съ трудомъ мыслећи
Найдохъ, али пиће,
Кô добыхъ іидрећи?"

Рѣхъ: „Паско, потецы,
Тры дай, како вîсмо,
Већъ рѣчи нерецы;
Нехоте сгрѣшисмо

Изъ манѣга суда
Почми му точити,
Већій храни онуда,
Кудъ ћемо ходити."

Ник:

„Дости ми ће еданъ,
Нека знате, быти,
Нисамъ толи жеданъ,
Да ћу три попити.

А свакому ваю,
Кадъ ихъ наточите,
По еданъ придаю,
Исто ми згодите.

Учин'мо здравицу
Овде мы на стару,
Реч'мо почасницу
Оба господару.

За ньимъ ћешъ ты мени,
Я теби, ћайко мой,
До садъ се некрени,
Докле се спуни той."

Тадъ Паской брзо е
Самъ на плавь потекалъ
Говорећ': „добро е,
Буди, што си рекалъ!"

Брзо ти потече,
А брзо се врати,
„Све се сбуди" рече,
„И дугъ да се плати."

А нитко се нехтѣ найти,
По свемъ свѣти, кудъ ходимо,
Да насъ овой гуси плати;
Замань сузе теръ ронисмо.

Єръ е тужба, єръ е жалось,
У сужанству гдѣ тугуе
Болежльива наша младось,
А нитко ю неодкупуе!

Тѣмъ молимо милось вашу,
О господо Дубровчани!
Одкупите младось нашу!
Тако да васъ Богъ сахрани! —

Нештедите ваше благо,
За насъ тужне покрѣпити,
За што вамъ ће веле драго
Наша майка захвалити;

Затои намъ се умодите,
Тере прѣмно, тере хрло,
Одъ узица слободите
Наше руке, наше грло!

Наша майка зачъ предрага,
Нека вамъ е сада знати!
Неће штедит' свога блага,
За еданъ дукатъ до сто врати!

3.

Прелице.

Прелице смо, о господе,
Вуну пытат' дошле къ вами,

Да е дате прести нами,
Ако мека есь у кое.

Вретена су дуга одъ педи,
Кâ имамо и дебела,
Гладка намъ су мотовѣла,
Чимъ се лѣпо пређа уреди.

За на сврху пріе доћи,
Похитит' се неће друго,
Нестоимо на ньой дуго,
Єрь трудимо у дни и у ноћи.

На гребенъ се найпре ставля,
Єдно другомъ вуну глади,
Теръ изнутра меко вади
За основу власъ, кû валя,

Пакъ утакну средъ преслена,
Ратъ вретена врло хитра,
Ньимъ вртимо пріе вûтра,
Часомъ буду да предена.

Затѣмъ узамъ мотовûла,
Ньимъ мичемо сѣмо тамо,
И сву пређу намотамо,
Коя буде како свила.

Кадъ видите наше дûло,
Нећете насъ много трудит';
И насъ ћете саме нудит',
Пређенѣ ће быт' вамъ мило.

Веће вуна да се укаже,
О владике! што чекате?
Негледамо толли плате,
Нег' пріязни стећи ваше.

VII.

НИКОЛА НАЛѢШКОВИЋЪ

(умр. 1583. год.)

Разблудна вила.

Я самь млада и гиздава,
Іоште нѣсамь я видила
Вилу, кôй бы завидила,
Єръ самь одъ свѣхъ вила слава;
Я самь млада и гиздава.

Я самь крупа одъ свѣхъ вила,
Све се виле мноме диче;
Свудъ румено цвѣће ниче,
Гдѣ самь ступай мой ставила,
Свакога самь замамила,
Туи ми крѣпось любавь дава;
Я самь млада и гиздава.

Мою младось я проводимъ
У веселю и радости
Съ моѣмъ дразѣмъ, кȣ̂ находимъ;
Єръ съ нѣговомъ я младости
У покою живемъ дости,
Како хоће любавь права;
Я самь млада и гиздава.

Зими, лѣти, и есени,
А найлише у пролѣће,
Ина мысель ніе мени,

Нег' разлико брати цвѣће,
Теръ одъ нѣга пакъ видѣт' е
Урешена мени глава,
Я самь млада и гиздава.

VIII.

САВА БОБАЛИ МИШЕТИЋЪ

(род. 1530 умр. 1585.)

1.

Єка.

Охоло поклѣ тачъ
Обраћа свой ступай,
Самъ себи рекохъ: плач',
Одъ нѣ друго неуфай.
Уфай!

Уфанѣ, горо, садъ
Обећат' ты хоће
Одъ мене, а горкъ ядъ
Дѣлит' се нехоће.
Хоће!

Хоће, дишъ, рец' ми тко
Рану му̂ безъ лйка
Видати, овако
Лювена болника!
Ника!

Нику ми ты правишъ,
Узмножавъ мени цви̂лъ,
Звѣрь ли е, што велишъ,
Али ка̂ горска вил'?
Вил'!

Вили той одъ ви̂ка
Одлучихъ слуга быт',
Службу му̂ нѣ дика
Хоће ли облюбит'?
Любит'!

Любити, рец', кога?
Єре самь ванъ себе,
Мене, али другога,
Жудимъ знат' одъ тебе?
Тебе!

Теби ћу захвалит’
  Славећи твê дике,
Да любавь оваи
  Хоће ли быт’ у вîке?
          У вîке!

2.

Богу Баку.

О славный нашъ Бако!
  Ты с’ блаженство наше свако,
  Ты на сем’ свîти
  Мôшъ людемъ чинити,
  Свеђъ ведро чело,
  Срце мирно и весело,
  Сладко предраго,
  Мило и благо,
  Да се цѣло сада лѣва,
  И да се спѣва!
  Да се игра, да се скаче,
  Поштованый веселяче:
  Ну тебе гдѣ ніе,
  Нит’ се ужива, нит’ се сміе,
  Нѣсу ту пѣсни,
  Ни сладке любесни!

IX.

МИХАИЛЪ БУНИЋЪ БАБУЛИНОВИЋЪ

(умр. около 1590. год.)

изъ *Јокасте* чинъ IV.

Благій складе, кй процвѣта
  Горѣ у вышньихъ мило толи,
  Изъ божѣга
  Крыла тега
А за покой сеган свѣта
  Căлѣ сиде къ нами долй;

Небеса се твôмъ владаю
  Моћи право, и четири
  Быћа дивна
  Тачъ противна
Меу собомъ се угађаю,
  Рать се свака тобомъ мири.

И одъ тебе сва излазе
  Добра, нами кâ се чине
  Веселити
  На семъ свйти,
У кê вѣку неулазе,
  Ты докле си, зле горчине.

Ты найпрво редъ постави
  Станю одъ свѣта сметеному,
  И раздйли,
  Не по сили,
Нег' по правди и любави,
  Све на мѣсту да е свому.

Ты учини, свака звѣзда
  У свомъ быћу мирна да е;
  Коя пруди,
  И ка̂ уди;
Ты имъ начинъ и редъ изда,
  Да намъ свѣтлось свака дае.

Тобомъ намъ се данъ отвора,
  Тобомъ сунце намъ исходи,
  Кое реси
  Свѣтъ съ небеси,
Текућ' окол' безъ умора,
  Кіме на свѣт' све се плоди.

Ты си узрокъ, да намъ тако
  У почетку одъ годишта
  Да пролѣће
  Траву и цвѣће,
Лѣто и есень воће свако,
  И зима намъ пруди иста;

Намъ у срце теи любене
  Ты ужижешъ пламе чисте;
  Крозъ кê народъ
  Людскій на родъ
Свеђъ настои, да несвене,
  Нег' се увѣкъ продльит' жите;

И разлике звѣри одъ горе,
  Птице, рыбе іошъ толике,
  Међу собомъ,
  Само тобомъ,
Землю, небо, синѣ море
  Напуняю твое слике;

Къ вышньойзи се тобомъ страни
  Умилѣне дижу ствари,

XII.

ИВАНЪ ГУНДУЛИЋЪ

(1588—1638.)

I.

Изъ *Османа* 1627.

1.

Пѣванѣ прво.

Ахъ! чѣмъ си се захвалила,
Ташта людска охоласти!
Све што выше стерешъ крыла,
Све ћешъ пака ниже пасти.

Вѣковите и безъ сврхе
Н'є подъ сунцемъ крѣпке ствари;
А у высоцѣхъ гора врхе
Найпрѣ огнѣный трѣсъ удари.

Безъ помоћи вышнѣ съ неби
Свѣта є ставносъ свѣмъ бѣгућа:
Сатиру се сама у себи
Силна царства и могућа.

Коло одъ срѣће у околи
Вртећи се непрестає:
Тко бы гори̂, ето є доли̂,
А тко доли̂, гори̂ устає.

О дѣвице чисте и благе,
Ке̂ врхъ горе славне и свете;
Сладкомъ власти пѣсни драге
Свѣмъ пѣво̂цымъ наричете,

Нарецыте садъ и мени:
Како источном' цару младу
Смрть витеви несмилѣни
Даше у свом' Цариграду.

Знамъ, да бы се одпрѣ хти̂ло,
Да я пѣвамъ, вы кажете:
Ко̂ се онъ роди, срѣћно и мило
Цару Ахмету прво дѣте,

И по смрти отца свога
Съ ке̂ помоћи, съ ке̂ засѣде
Врхъ престоля османскога
Мустафа му дундо сѣде;

Ко̂ ли се опетъ царско ми̂сто
Мустафи оте, тере у слави
На престолѣ оно исто
Султанъ Османъ царъ се стави;

И онъ млађаханъ како пака,
Желянъ старѣхъ славу срѣсти,

Подиже се на Поляка
Съ многомъ силомъ, съ маломъ части:

Али да тѣмъ пѣсни ове
Сасма дуге неизходе,
Смрти обяв'те вы нѣгове
Худе узроке, тужне згоде.

Владиславе, полячкога
Славна краля славный сыну,
Чимъ твâ пуни слава многа
Свега свѣта величину,

На спѣваня ова обрати
Величанство ведра чела,
У кѣхъ ти иштемъ приказати
Недобытна твоя дѣла.

Кралѣвићу гласовитый
Юръ у смрти цара Османа
Свемогућомъ твôмъ добыти
Замнѣла е свака страна.

Тѣмъ съ мê трублѣ да свѣтъ слыша
Славу твою свакъ часъ већу,
Ты свеђъ дѣлуй дѣла выша,
А я пѣт' ихъ престат' нећу.

Ядна у срцу успомена
Цару Осману бѣше остала,
Да му е войска неброена
Одъ полячке руке пала;

И да земльомъ своиъ великомъ
Одъ тога се дигла глава,
Гласећ' царокѣмъ добытникомъ
Кралѣвића Владислава.

Или путникъ копномъ яше,
Ил' поморацъ море броди,
Владиславъ се кликоваше
Славанъ царской при незгоди.

Госбе чинећ' дружба мила,
И пастыри стада пасе
Стренителя турскѣхъ сила
Попѣваху у све гласе.

Юръ на крылѣхъ одъ вѣтара
Гласъ по свему свѣту прши,
Кô кралѣвичъ силна цара
Копя сломи, саблѣ скрши.

У ведрини надъ облацым'
Съ истока му до запада
Сунце уписа златнымъ зрацым'
Име, коимъ слава влада,

Кажућ', да онъ при Нѣстеру
Источнога разби змая,
Летећ' за ньимъ у потѣру
Сивый орô до Дуная.

Чѣмъ съ овога дѣте охоло
Печали се, гризе и мори,
Мыслећ', да свѣтъ васъ около
Туђомъ хваломъ нѣга кори,

Кличе: „Я ти, ахъ! никако
Кралѣвићу незавидимъ;
Суђено е было тако,
Добытникомъ да те видимъ.

Нит' ме веће срѣћа мучи
Теби добра, мени худа;

Єръ кому се што одлучи,
Вѣкъ неубѣгне тога суда.

Ну све ране срца мога
И муке су и жалости
Съ непослуха витежкога
И съ бойничке невѣрности.

Ахъ! неумрли витезови,
Гласовити Турцы стари,
Съ кѣхъ добыше васъ свѣтъ овый
Мои дѣди, ваши цари,

Гдѣ начини ваши бойни,
И дѣла су славна она,
У кѣхъ изгледъ єсть достойный
Витежкіехъ одъ закона?

Вы у труду дни водећи,
Снажна срца, сміоне образе
Казахоте, подносећи
Лѣтна сунца, зимне мразе.

У погубахъ крѣпцы узрокомъ
Одъ послуха вѣре чисте,
Тѣкомъ поля, горе скокомъ,
Рѣке пловомъ проходисте.

Мыслећ', да є сваке зледи
Трпѣт' болѣ, паче умри̂ти,
Нег' цареве заповѣди
Съ непослуха преступити.

Све пожуде, све похлепе
Виђаху се ваше миле:
Яхат' бойне конѣ лѣпе,
И изъ лука тратит' стри̂ле.

Паче свакiй у одлуцы
За разкоше свое обра,
Саблю о пасу, копѣ у руцы,
Лукъ о плећѣхъ, коня добра.

Была су вамъ бранина у путу
Безъ разлуке свака жита,
А студенца быстра у скуту
Пића одъ воде племенита.

Коню и вама стрѣхе обћене
Стаху ноћнѣхъ срѣдъ покоя
Кућарице оплетене
Одъ храстовѣхъ танцѣхъ хвоя.

И войводе и витеза,
И на копну и срѣдъ мора,
И постеля и трпеза
Бѣше кожа звѣри одъ гора,

Паче у сѣверъ посрѣдъ зиме
Єздећ' мразно Подунавѣ,
Стераше вамъ многратъ свиме
Снѣгъ постелю, стѣнѣ узглавѣ.

Одѣћа васъ реси лана,
Свита сама и препроста,
А за оклопѣ у юнака
Срце и прси бѣху доста.

Грђахоте вы сва блага
И сва племства, разми оно,
Што добые сабля и снага
Воюући свеђъ смiено.

Суђахоте, да неволѣ
Найвеће су стат' безъ рати,

И да е умрѣт' велѣ боле,
Нег' изпразно дне траяти.

Веляхоте, да кудѣлѣ
Жене преду дома у тмини,
А юнацы непріятелѣ
Да затѣчу на равнини.

Држахоте за часъ свою
И найвеħу дику и славу,
За вашега цара у бою
Изгубити русу главу.

Вапяхоте: смрти прѣка!
Неставлямо паметь на те,
Да се царство простре, а нека
Животи се наше скрате!

Ахъ! блажена и честита
Коли доба ваша сцѣнимъ!
Ласно добыт' круну одъ свѣта
Бы съ витезим' такъ храбренымъ.

Яохъ! а сада све е инако!
И войводе, и войницы,
Све е отишло наопако,
Невѣрни су свиколицы.

На бой иде свакъ подъ силу,
Гр'е га лѣто, зима му уди;
А облаче злато и свилу,
Людска обличя, женске ħуди!

Теръ подъ златомъ дочѣмъ сяю
У направахъ безъ процѣне,
Непріятелѣ позываю
Не на біеня, нег' на плѣне.

Ходећ' землю, бродећ' воду,
Да у ласти плову, хране
Спрѣдъ єдеке у поводу,
Напрѣене задъ сехсане.

Свіони су ньихъ шатори,
Столи златни, на кѣхъ сѣде,
Рыба у мору, птица у гори
Єстойске ихъ слѣдомъ слѣде.

На трпезахъ врху сага
Дуге и обилне госбе чине,
Піюћ', докле свѣсъ и снага
Одъ вина имъ свѣмъ погине.

Пернице имъ разкошне су,
Гдѣ у блуду сву ноћь тону,
У мирису и уресу,
Проћ' нарави и закону.

Одъ момака и одъ дворана
Свакій ограђенъ у около
Яше у злату коня врана,
Главу диже, гледа охоло,

Теръ се гизда, теръ се дичи
Таштомъ славомъ од юнака:
Васъ у виду и у ри̂чи,
А у створу ништа пака.

Ахъ! коликратъ пунъ немира,
Видећ', єданъ одъ кршћана
Гдѣ ихъ на ята гони и ти̂ра,
Како овце на свѣхъ страна',

Викнухъ, скочихъ самъ на коня
Бойникъ уєдно и войвода,

При срамоти беззаконя
Непазећ' се одъ незгода.

Паче неостахъ, за осветит'
Те прикоре сасма грубе,
Враћат' овѣхъ, онѣмъ прѣтит'
Немарећи за погубе.

Ахъ! злочести и незнани,
Одъ шта сте се, рѣхъ, препали?
Єда и вы, кô и кршћани,
По двѣ руке нѣсте имали?

Єда и они нѣсу люди?
Єда и у васъ срца ніе?
Што васъ страши? што васъ труди?
Турско старо сміонство гдй е?

Болѣ вамъ е смрть стигнути,
И у бою съ копѣмъ пасти,
Нег' ли тако погинути
Безъ замѣне и безъ части.

Ну заманъ се снага мучи,
Єзыкъ вика, рука удара;
Єръ одъ овѣхъ страхъ се случи
Съ непослухомъ яньичара.

Спахоляни, кй срѣдъ рати
Хрваху се іоштъ сміони,
Кô ови почеше уступати,
Узмакоше прешно и они.

Ово узрочи, мê бойнике
Лешки мачи да посѣку,
И одъ крви друге рйке
Край Нѣстера да протеку;

Паче, да та рѣка свуди̂
Напуни се и заязи
Тѣлесима мртвѣхъ людій,
Кѣхъ полячка власъ поразы.

Али хоћу унапрѣда,
Да ма̂ рука свѣтомъ врти,
И она сама заповѣда
Врхъ живота и врхъ смрти.

Чѣмъ мы цари штете сваке
И свега смо узрокъ вая,
Ки̂ частимо не юнаке
Нег' хотиме одъ сарая;

И хоћемо: тко одпріє
Служећ' блудно дни проводи,
Съ непріятелѣмъ да бой біє,
И да влада и господи.

Мы за узможит' веће злата
Негледамо ни єдна ина,
Теръ юначка што бы плата,
Садъ є царска трговина;

Али тргъ се царскій ти̂ра
И одъ трговац' намѣстника,
Гоне у войску скупъ пастыра,
А плата имъ є одъ бойника.

Тѣмъ пастыри изза стада
Войводами подъ овацым'
Како хоћешъ да икада
Удрити се смію съ юнацым'?

Не, не, източни бойни пуцы,
Зачео самъ дѣла већа,

У овой сабльи, у овой руцы,
Свѣта е удесъ, ваша срећа.

Царъ Лесандро премогућій.
У врѣмена старѣхъ лѣта,
Младъ кô и я воююћи
Добы царство свега свѣта.

А и Сулиманъ царъ храбреный,
Прадѣдъ славный мога дѣда,
Саблю опаса врсникъ мени,
И войсками заповѣда.

Два цара ова іошъ одъ давна
За изгледъ ставихъ желямъ моимъ;
Ньихъ ћу слѣдит' дѣла славна,
Доклѣ васъ сай свѣтъ освоимъ.

Храбрене су ове справе;
Я знамъ, што ћу, и што е трѣби.“
Преста, — и пунъ желѣ одъ славе
Створи узмножне заче у себи.

Царска блага неброена
У изтокъ однѣт' мысао обраћа,
И писма, у кѣхъ штію се имена
Одъ свѣхъ витез', кѣхъ онъ плаћа;

А то, да ту, непазећи
Сипат' пѣнезъ, одъ свуђере
Кй узможе скупъ найвећій
Одъ юнака изабере;

Къ яньичаромъ теръ савише
Веле већій брой изнова
По избору іошъ изпише
Одъ източнѣхъ витезова;

А и чете спахоляна
Два кратъ веће съ тѣмъ учини
Съ нова скупа изабрана,
Съ кѣмъ ихъ сдружи и седини;

Нека се уздомъ томъ укроте,
И послушни унапрѣда,
Нештедећи свê животе,
Лете, гдѣ царъ заповѣда.

Іоште одлучи у свôй вольи,
Подъ заклетву паче рече:
Тко се укаже юнакъ больій,
Да часъ предъ ньимъ вышю стече,

На владаня царска своя
Хтећи само да се узвысе,
Кй добыю часъ срѣдъ боя
Съ непріятельим' хрвући се,

Теръ не пѣнезъ, блудъ и жене,
Нег' ли само крѣпось гола
Одъ милости путъ и сцѣне
До царскога буде стола.

Благодарствомъ овацыме
Свемогућъ се изит' нада,
И у кратко прострѣт' врîме
Съ изтока се до запада.

Ову одлуку становиту,
Подъ заклетву и подъ вѣру,
Найпрѣ учини онъ очиту
Глави одъ паша Дилаверу,

Съ десеть тисућ' кй бояра
У източной скупнѣхъ страни

Ланьску есень млада цара
Одъ полячке силе одбрани;

Тѣмъ царъ пашу великога
Хусеина смакну онада,
А узвыси славно овога
Да у свê мѣсто царствомъ влада.

Ну што нѣму незатая,
Іошъ и хоци свому обяви,
И хадуму одъ сарая
Бѣлѣхъ вила црной глави.

Пакъ свакому да се мучи
Мысô овога договора,
За користанъ свѣтъ одлучи
Боголюбствомъ скрыт' ю сдвора.

Зато гласе просу опета,
И свакому чини знати,
Да гробъ светца Махумета
На Меку ћe поћ' кланяти.

А одтоле путъ краина
Поморскіехъ сврнут' рече,
Сидонскога Емирина
Съ одметницым' да посѣче.

2.

Пѣванѣ четврто.

Юръ богданскій воевода
Бѣше умукô, желянъ чути,

Кадъ одъ бойнѣхъ казат' сгода
Поклисаръ се царскій упути.

Кличе: „Чут' є страшно и плачно,
Како Полякъ цара добы,
И не люде, ну дивячно
Звѣринѣ ово гануло бы.

Тѣмъ, што иштешъ, мâ беcѣда
Да ти каже ствари трудне?
Иста ихъ земля приповѣда
Свѣмъ путникомъ у ноћь и у дне;

Земля є чула и видѣла,
Чуй, виђ' и ты предъ очима
Вѣчну жалось турскѣхъ дѣла,
Кâ наконъ насъ остат' има.

Колик' окомъ мож' замѣрит',
Све бы витез' пуно равно;
Войска, кŷ н'є моћ' измѣрит'
Брой, кû чуо н'є се давно.

Обзирућ' се на гомиле
Кости, кê свудъ леже около;
Суди, кê се стрше силе;
Мысли, коя крвь се проли.

Сто єзыка сто народа
У єдно се ста съ по свѣта;
Мачъ полячкій смрть свѣмъ пода,
А гробъ ова земля клета.

Ну єръ велика чуда често
Вѣре ласно недостоє,
Мѣсто ћу ти садъ по мѣсто
Указати, гдѣ тко стô є.

Прутъ подъ тобомъ гледай ри̂ку
До ћа, гдѣ опетъ Нѣстеръ греде:
Царъ преко нѣ сву̂ велику
Войску у ово полѣ уведе.

А Хотима града оно,
Изъ далека гдѣ се би̂ли:
Яко Поляцы и сміоно
Подъ ньимъ бѣху се утврдили.

Нѣстеръ рѣка свѣмъ дубока
Штићаше ихъ одъ сѣвера,
Градъ браняше ихъ одъ истока,
И брѣгови, кѣмъ н’є мѣра.

Одъ запада яме чудне
Бѣху издубли око себе;
А небѣху одъ полудне
Ине имъ тврђе одъ потрѣбе.

Єре изванъ тврда и яка
Што се и сама мѣста виде,
Одъ найболѣхъ спрѣдъ юнака
Стаху у огню ньихъ обзиде.

Ну да обране и одъ тога
И друге имъ све су пале,
Прси бы ихъ одъ самога
Кралѣвића сачувале.

Неиште се грађа ина,
Гдѣ Владиславъ славный поста,
За сто гора и планина
Онъ самъ сво̂й є войсцы доста;

Онъ самъ турской войсцы одоли̂,
И одъ насъ мртвѣхъ горе уздиже,

И одъ крви рѣке проли
Одъ Нѣстера ширѣ и выше.

На главицы, врхъ насъ ка̂ є,
Шатори се царски обстрѣше,
Около имъ на све крає
Капиџія стража бѣше.

Подъ гвозденѣмъ буздохани
Шесь тисуѣ' се овѣхъ нађе;
Єръ стражницы они избрани
И царскѣхъ су врата зграђе.

Везира овдѣ великога
Хусеина се шаторъ пропе,
Десеть тисуѣ' около га
Круже, носеѣ' бѣле оклопе.

Не далече шатор' царскѣхъ,
Кй одъ града слику држе,
Глава одъ чета яньичарскѣхъ
Али-ага шаторъ врже.

Съ ньимъ юнака тріесь тисуѣа
Дође за штитъ царске главе,
Десница є ньихъ могуѣа,
Огнѣнѣмъ се дилькам' славе.

Ну є могуѣство свѣхъ липсало,
И сва слава потамнила,
Ако срѣдъ ньихъ неоте мало
Царску главу польска сила.

Тѣмъ Алія, вѣрный ага,
Замани ихъ кори и кара,
Чѣмъ сва̂ сама сабля и снага
На обрану бѣше одъ цара.

Ахъ да слѣдећ' тве̂ крѣпости
Свакій є витезъ твой воєво̂,
Не турачке, да ну кости
Полячке бы быле ово.

Спахоляна пакъ войница
Бѣше скрыла мѣста даля,
Кѣхъ гвоздена свеђъ десница
Што достиза, хрва и валя.

Петнаесь тисућ' бы ньихъ броя,
Съ гиздомъ коня яха свакій,
Садъ, и тада врхъ ньихъ стоя
Глава Дервишъ юнакъ якій.

Якій юнакъ, али коли,
Яо, похибанъ цару свому!
Єръ бы узрокъ овый охолый
Свему распу турачкому.

Онъ съ юнацым' своим' узмаче,
Цара остави онъ найпрвый,
Онъ омасти найпрѣ паче
Мачъ полячкій турскомъ крви.

Близу овѣхъ путъ запада
Множь спахія сташе опета,
Мемія ихъ Хрватъ влада,
Дваесь тисућ' у сто чета:

Цѣви одъ гвожђа шупля носе,
Ке̂ огнѣна зрна измећу;
Врлиномъ се свудъ поносе,
У погледу кажу смећу.

Витезови узъ ньихъ прйцы,
Деліє стаху у три чете,

Пута обћенѣхъ засѣдницы,
Издайство имъ очи прѣте.

Одъ разлицѣхъ звѣрій коже
Стеру имъ се сгаръ низъ плећи,
Дуго съ ницѣмъ неразложе,
Сабля е разлогъ ньихъ найвећій.

Мѣште Бога пѣнезъ служе,
Другъ у друга неузда се,
Самокресе тамно оруже
Одъ издае, носе увасе.

Съ ньима се Омеръ свудъ потежа,
Штуе дружба главомъ нѣга,
Разбойника и лупежа
Ко̂ найврлѣга и хуђега.

Съ полудна се румелскога
Беглербега шаторъ просу,
Воеводства подъ власъ свога
Песеть тисућ' подпуно су.

Быо е овый паша избраный
Юсуфъ Бошнякъ изъ Благая,
Ки̂ простріе мостъ пространый
Преко рѣке одъ Дуная.

Сви у огню свои бойницы
Путъ паляху мимоходе;
Тѣмъ н'е чудо, да у сво̂й ри̂цы
Дунавъ подъ ньимъ склони воде.

Скендер-паша съ Арбанаси
Съ лѣвога му края стоя,
Дванаесь тисућ' ньихъ се гласи
Задоенѣхъ крви одъ боя;

Юнакъ съ дружбомъ поносито
На Поляке првый изтече,
Кѣхъ съ Гашпаромъ преднѣ лито
Дѣо затера, дѣо посѣче.

Али охолъ првѣмъ боіомъ
Заманъ се уфа имат' болю,
Ако плати крви своіомъ
Предню добыть на истомъ полю.

Соколовићъ паша одъ Босне
Съ десне му е быо пака,
Срѣдъ войнице свê крѣпосне
Съ шеснаесь тисућ' ста юнака,

Соколовићъ унукъ царскій,
И везира Махумета,
Кѣмъ іошъ слове краи угарски
Цѣћъ вазећа одъ Сигета.

На коньіехъ сви Бошняцы
Сяху свѣтло одѣвени,
Заточницы хрли и яцы,
Копяницы свѣмъ храбрени.

За четами босанскиме
Юнацы опетъ стаху изъ страна,
Кѣмъ светога Саве име
И херцега стои Стѣпана.

Херцеговце тко е видіо,
Десеть тисућ' брой имъ пода:
Ђор-Хусеинъ паша е быо
И бегъ ньима и войвода,

Тврђа одъ жице саплетена,
А оружя свѣмъ су пушке,

Челядь узрасла усрѣдъ стѣна
Стижућ' и хрвућ' звѣри лужке.

Ну одъ запада врхъ свѣхъ паша
Сдржа шаторъ земля равна
Махумета Карашака
Будимскога паше славна;

Юнакъ овый славно име
Стече у войскахъ, кое води,
И везиромъ велицыме
Юръ га зваху сви народи;

Паче до часъ чекаше се,
Да га веће нада свими
Царъ на прво мѣсто узнесе,
Хусеина смакне и сними;

Поклѣ врхъ свѣхъ воевода
Помилова іошъ га онада,
За любовцу кадъ му пода
Сестру и Будимъ, да ньимъ влада.

Али отровна худа злоба,
Ка̂ за туђѣмъ распомъ смагне,
Нађе варку у то доба́,
Да изъ свѣта онъ се изагне.

Ова цару видъ заслй̂пи,
Да га усили безъ разбора,
Да онъ Поляке самъ нахрини
Разбіяти срѣдъ табора;

Паче осуда была е така,
Турска войска да погине,
Кадъ опусти одъ юнака,
Кй̂ е храняху надъ све ине.

Самъ насрта скупне силе,
Валя, удара, сѣче, и стрѣля,
Доклѣ паде врхъ гомиле
Одъ побіенѣхъ непріятеля.

Ахъ! да е така три бойника
Наша войска іощъ имала,
Небы нѣ се штета прîка,
Нег' полячка нарицала.

Али вѣчна дика и слава,
И смрть иста бы му таде,
Кралѣвића Владислава
Изподъ руке поклѣ паде.

Соко віе бржій одъ стрѣле
Врхъ свѣхъ птица перя охола:
Али лети выше веле
Орô сивый врхъ сокола.

Ну вай! худа кобна доля!
Спомена ме хтѣ разжалит',
Да ми е трѣби срѣдъ неволя
Непріятелѣ силомъ хвалит'!

Ахъ! нехвалимъ непріятелѣ,
Него крѣпось, кâ подъ неби
Свѣтлости има дана бѣлѣ,
И гдѣгодъ е, хвала е себи.

Вратимо се тѣмъ съ бесѣдомъ
Казат' опетъ одъ царева
Войства обилна мѣста редомъ,
Напрѣдъ, назадъ, съ десна и съ лѣва.

Пази онамо, гдѣ уточило
Къ трећему се полѣ брѣгу,

Мѣсто е оно дано было
Натолѣвскомъ беглербегу,

И тко подъ ньимъ саблю прия,
Уврѣжи га срѣдъ два мора
Сивасъ, Морасъ, Амазія,
Бурса, Ерсумъ и Ангора.

Сви войводомъ нѣга гласе
Войводами нада свима,
Ну опетъ народъ свакій на се
Пашу одъ мѣста за главу има.

Натолѣвац', све пушкара,
Было шесеть тисућа е,
Свакій е вѣранъ, и за цара
Сто живота дат' нехае.

Шаторъ узъ ньихъ паша обстріе
Одъ везена платна лѣпа,
Одъ Фазинске Мангарліе
И обилнога одъ Алепа.

Юръ юнака съ собомъ обра
По стотину стотин' свакій;
Сви имаху коня добра,
Саблю бритку и лукъ якій.

Одъ шесь тисућ' множь се узбуси
Карамана, и узъ ньихъ сдружа.
Путъ одиру, живу у гуси;
Батъ, сабля и лукъ ньихъ су оружа.

Толикій се брой коньика
Съ царомъ овдѣ доћ' потежи,
Кѣхъ Іордана пои рѣка,
А еврѣнска земля врѣжи;

Свакій хрбомъ вѣшто меће,
Свакій лукомъ добро стри̂ля,
Безъ крѣпости, безъ одѣће,
Витезъ на око, лупежъ сбыля.

Арапа се узъ ньихъ често
Три тисуће три кратъ стало,
Ки̂ никада єдно мѣсто
Необће држат' ни за мало.

Челядь безъ стана и безъ части
Гдѣ се дере, плѣни и штети,
Боля скровно за украсти,
Нег' ли очито за отети.

Далечина око устраша:
Гледай, гдѣ се небо скуча,
Діярбекирскій се ондѣ паша
Съ десеть тисуђ' войске сбуча.

Оружѣмъ се сви обстрѣше,
Съ конѣмъ потеђ' вазда лацы,
Сви подъ перѣмъ, сви се рѣше
Прави витези и юнацы.

Сами стекоше ову славу
Супрођ' орлу одъ сѣвера,
Недобытну слѣдеђ' главу
Храбренога Дилавера,

Ки̂, нека му расте сми̂нѣ,
На прсієхъ држа ви̂ку
Одъ Славойке Ађамкинѣ,
Люби своє, златну слику,

Ку̂ на копю добы и оте
Сыну краля одъ Персіє,

И замѣрне цѣћъ лѣпоте
Кратка часа безъ нѣ ніе;

Паче іоштеръ што е већа,
Одъ правога далек' зная,
Држи, да она сва е срѣћа
И божанство, кое клая.

Турске крви усрѣдъ блата
Међу Лехе юнакъ скочи,
И оте орлу изъ ноката
Младый мѣсецъ одъ източи.

За кое дѣло Османъ младый
Хусеин-пашу диже, а нѣга
Врхъ везира свѣхъ посади
На владанѣ свѣта свега.

Код' нѣга се Армен' іоште
Петнаесь тисућ' тврдо сгнѣзди,
Конѣ сухе и окоште,
Али хрле свакій езди.

Оружя су стрѣле и луцы,
Кô инѣмъ мнозѣмъ и ньихъ врсти,
А съ гвозденѣмъ шипи у руцы
Индіоске дуге трсти.

Пази, сунчя зрака злата
У облакъ бѣо гдѣ е упрла,
Ондѣ паша одъ Багдата
Стô е, и узань войска врла,

Абасъ бѣлой у хальини,
Кй одъ слѣдника посвећенъ е,
Онъ се у образъ приклонъ чини,
А высоко срце ценѣ;

Горѣ одъ мора хвалинскога
Ћа до Бѣлезоре града
Разлика су дружства многа
Одъ народа, коими онъ влада

Сто паша е и сто бега,
И витеза брой безъ броя
Подъ знаменѣмъ бѣла стѣга
Съ ньимъ слѣдило крвь одъ боя.

Али погледъ садъ упути,
Одклѣ бѣлый данъ излази,
На врхъ оный подигнутый,
Кй све равно полѣ пази.

Ондѣ източна ста бойница
И у нѣ лицу сунце и зора,
Гласовита Соколица
Великога кћи Могора.

У нѣ дружби дванаесь она
Дѣвойчица бойнѣхъ има,
И могућа е и смiона
Цѣле войске затећ' съ ньима.

Све у рукахъ копля носе,
А у очiю држе стрѣле,
Вези одъ злата ньихъ су косе,
Яшу конѣ як' снѣгъ бѣле.

Сабля о пасу, лукъ низъ плећи
У многу имъ виси уресу,
По прилицы по одћи,
Виле одъ гора видѣт' све су.

Тѣмъ кралѣвска прегиѕдава
Дѣкла срѣдъ ньихъ рек' бы да [illegible]

Лѣпа божица одъ дубрава,
Ка̂ у лову данке трае.

На разблуде она млада
Ћудь охолу вѣкъ непрегну;
Бѣсне конѣ кроти и влада,
И текућій вѣтаръ стигну.

Срѣдъ оружя расте сміоно
Безъ боязни у животу,
И одъ жене неима ино,
Нег’ само име и лѣпоту.

По планинахъ преко гора
Врле звѣри тражи и диза,
И слободна безъ умора
И тѣра ихъ и достиза.

Кацыга іой реси тежка
Мѣште вѣнца златне коси,
Штитъ зрцало, и витежка
Оклопя су цвѣтъ, ки̂ носи;

Вито коплѣ нѣ е игла,
А вретено бритка сабля,
На помоћь се цару дигла,
Да полячка поля уграбля.

Якно руса, ку̂ околи
Бодежльива драча одъ свуди,
Лѣпота се нѣ охоли;
Нека чезне, тко е жуди. . . .

Да одъ поляченхъ сила ова
Сама оста, гласъ проли̂та,
Срѣдъ добытнѣхъ витезова
Добытница недобыта;

И да и садъ іошъ обтѣче
Сѣмо тамо по краини,
Роби, плѣни, біє; сѣче,
И одъ кршћана расапъ чини.

Видъ се напредъ непростира,
Тѣмъ немогу указат' ти,
Великога одъ Мисира
Гдѣ є обћіо паша стати,

Одъ Мисира, ки̂ се има
Съ кралѣвствима изтакмити.
Толико бо неизмѣрныма
Мири около землѣ обхити.

На бой съ два кратъ стотин' триста
Быо є дош'о войвода овый;
Одъ египскѣхъ плодцѣхъ ми̂ста
Нѣгови су витезови.

Свакій у златной у одѣћи
Сребромъ кова коньске ступе,
Непріятелю свомъ носећи
Не оружя нег' ли одкупе.

Остатцы се ово броє
Одъ старієхъ Мамелука
Срце имъ сміонство згубило є,
Тратит' злато не іошъ рука.

Нут' замѣри мѣсто, коє
Прекопскога сдржа цара,
Ки̂ на помоћь цару доє
Съ трієсь тисућа своихъ Татара,

Гдѣ обноћи, неосване;
Безъ престанка, безъ умора

Плѣни, обтѣчућ’ сваке стране
И одъ поля и одъ гора.

Сва подольска земля и руска,
Кꙋ пожеже и пороби,
Татарину бѣше узка,
Доклѣ нѣга ячій добы.

Воевода кіовскій га,
Банъ Замойскій, съ плѣномъ стиже,
И учини, да опетъ рига
У свôй крви све, што диже.

Ну гдѣ оставлямъ одъ полудна
Црнце? Гдѣ ли имъ мѣсто кажу?
Звѣзде броит’ стварь е трудна,
Тѣмъ е болѣ да се утажу.

Источнога войска змая
Неможе се войска рѣти
Нег’ пучина безъ дна и края,
За свѣтъ прикрит’ и прождрѣти.

Глед’ около ода свуди,
Што око види свомъ крѣпости,
Све бы пуно бойнѣхъ людій,
Све е садъ пуно сухѣхъ кости.

Све бы пуно огня жива,
Све е садъ пуно мразна праха,
Прутъ и Нѣстеръ што обтѣцыва,
Съ црна мора до Угровлаха.

3.

изъ VIII. Пѣваня.

Хитрый хадумъ свѣмъ обяви
Весео погледъ, слику драгу,
Спрѣдъ на прси руку стави,
И у бесѣду кличе благу:

„Дружбо мила, дни честите
Кй траете срѣдъ дубраве,
Уживайте и слѣдите
Лѣпе игре и забаве.

Нитко неимай страхъ, ни чезни,
Єръ дошашће мое неће
Разврћ' ваше танце и пѣсни,
Ни донѣт' вамъ горке смеће;

Паче у дружбу вашу, кâ е
Многе срѣће, многе чести,
Гдѣ у миру свакъ дни трае,
Я ћу за нађ' миръ улѣсти:

Тѣмъ гиздава дружбо млада,
Овдѣ, гдѣ сте вы скуплѣни;
Небуди вамъ мучно сада,
Дат' за мало мѣсто и мени."

Кô изрече те бесѣде,
Гдѣ сѣнъ великъ дубъ простира,
Самъ безъ дружбе Турчинъ сѣде
Срѣдъ селяна и пастыра.

Милостиво на старога [illegible]
Любдрага се пакъ обрати, [illegible]

Тере поче овако га
Тврдѣмъ клетвам’ упрашати:

„Ахъ, тако ти Богъ съ высине
Вратіо очим’ видъ жуђеный,
Врѣдный и добрый домаћине,
Племе твое сповеђ’ мени,

А по царску славну главу,
Тако непô сабльомъ моіомъ,
Кадъ истину скажешъ праву,
Нећ’ ме уврѣдит’ рѣчи твоіомъ.

Стари твои тко су были?
Рец’ слободно безъ обзыра:
Єсу ли они господили,
И изъ господства тко ихъ изтîра?“

На ово у срцу смућенъ свому,
Кличе старацъ пунъ жалости:
„Споменьиват’ невольному
Мучно е преднѣ честитости;

Єръ колѣно племенито
Одъ помоћи тому ніе,
Кога убожтво вѣковито
Подъ тежкіемъ робствомъ крые.

Ну господаръ такій када
Заповѣда благо и мило,
Подъ заклетву теръ ми сада
Одъ очи’ се то ставило,

Одъ ничеса нећу предат’,
Све ћу казат’, ну, яохъ! болѣ
Нарыцат’ ћу, нег, сновѣдат’
Старѣхъ моихъ све неволѣ.

Диже се искат’ у свомъ двору
Лазаръ деспотъ одъ Србіє
Два юнака по избору,
Да уда за ньихъ кѣери двіє.

Лѣпу и младу Вукосаву
Да Милошу Обилићу;
А поносну и гиздаву
Мару Вуку Бранковићу.

Одъ Маре се и одъ Вука
Славпый деспотъ Ђурађъ роди,
Врхъ рашкога свега пука
Наконъ уйца ки̂ господи.

Одъ Ђурђа се и одъ Єрине
Маре опетъ кѣи родила,
Цвѣкъ лѣпоте нѣ єдине
Ку̂ облюби царска сила;

Ну се одъ цара бѣху силна
Облюбиле већма тада
Плодне стране, мѣста обилна,
Гдѣ съ Єриномъ деспотъ влада.

Онъ на дворе ко̂ нѣгове
За царицу имъ кѣерь одведе,
Посла имъ конѣ по сынове,
И примами ихъ, да га слѣде.

Подиже се пакъ да стече
Подъ оружѣмъ ньихъ државе,
И єдва деспотъ живъ утече
Изпредъ саблѣ све̂ крваве;

А Єрина изъ бѣлога
Смедерева изагнана,

За наћ' Ђурђа война свога
Путъ угарскѣхъ пође страна.

Оваке му пакъ да гласе,
У Будиму кадъ га срѣте:
Тргай, тргай сѣде власе,
Тужный старче, съ худе штете.

Господство оте, и изпосѣца
Твоє войске царъ огнѣный;
Гргуръ, Стѣпанъ наша дѣца
Робови су ослѣплѣни.

Чуй, кê ми су сынцы мили
По єдному садъ гласнику
Плачной майцы поручили
Трудне гласе, сгоду прйку.

Срце ће се твê на пола
Разцѣпити, майко тужна:
Твâ два сынка, два сокола,
Два слѣпца су и два сужна!

Ты по свакой свѣта страни
Гледашъ, майко, на данъ бйо;
Нама се є зракъ сунчаный
Млађахніемъ уграбіо.

Разлогъ бѣше: мы двоица
Да смо штапакъ ћаћку и теби!
Съ ћаћкомъ старцемъ ты старица
Да насъ водишъ, садъ є трѣби.

Али слушай сву несгоду
И нашъ тежкій ядъ немилый:
Съ очима смо и слободу
Сладку и драгу изгубили;

Царица насъ, майко драга,
Сестра наша, кћерца твоя,
Предъ Муратомъ непомага,
Кому люби быт' достоя.

Паче и она, ваймехъ! иста,
Да намъ кућу изкорѣпи,
Врломъ цару на свѣтъ приста,
Заедно насъ съ ньимъ ослѣпи.

Нит' іой гану срце тада
Тврђе одъ стѣне, врлѣ одъ звѣри,
Любавь одъ два братца млада,
Худу мысô да нетѣри:

Зато, ако тай путъ слйдишъ
Ты, да (лѣпе све госпое
У Будиму кадъ развидишъ,)
Двѣ невѣсте нађешъ твое,

Када будешъ майко тамо
Међу угарскѣмъ госпођами;
Тужна майко, мысли само,
Кê ћешъ хвале подат' нами.

Єда рѣт' ћешъ: имамъ жива
Я два сына, два юнака
У кѣхъ стои и прѣбыва
Мога срца радось свака?

Два сына имамъ, моћ' ћешъ рѣти;
Ну два слѣпца, ну два роба;
Отеше ми ихъ Турцы клети,
И сада ми ихъ држе оба.

Съ несрѣћнога сегаи гласа,
Кй му пода плачна люби,

Старацъ деспотъ пунъ пораза
Смртно ублѣђе, рѣчь изгуби.

У жалости и у болести
Становитъ се омрамори,
Али кô се пакъ разсвѣсти,
Єдва овако проговори:

Одъ када смо изгубили
Сва ина добра мы на сви̂ти,
Настоймо се турской сили
Сужньи у старось неучинити.

Вѣрна друго, са мномъ ходи,
Путъ славнога Дубровника,
Гдѣ се госту у слободи
Држи вѣра свѣмъ велика.

Али Муратъ будуħ’ слышô
Ђурађъ деспотъ са свѣмъ благомъ
У Дубровникъ да є отишô,
Слободомъ се штитит’ драгомъ,

Прешно одправи поклисаре
Къ Дубровнику свѣтлу граду,
Кнезу и вѣħу шлюħи даре,
Да му у руке Ђурђа даду;

Или инако, онъ запрѣти,
У крваву люту бою
Да ħе на ньихъ градъ подрѣти
Царску огнѣну саблю свою.

Ну Дубровникъ срѣдъ покоя
Ки̂ одъ слободе круну стече,
Съ мыта одъ злата, съ прѣтнѣ од боя
Одъ вѣре се непорече.

Тако да истый царъ охолый
Чудеѣи се тада кличе:
„Цѣѣъ твê вѣре крѣпке толи
Вѣкъ ѣешъ живѣт', Дубровниче!“

И тако се премъ догоди,
Іошъ Дубровникъ съ давньомъ круномъ
Стои цѣѣъ вѣре у слободи
Међу лавомъ и дракуномъ.“

Круне угарске веѣій діо,
Сву босанску кралѣвину,
И гдѣ е херцегъ господіо,
Влась подасе турска укину;

Іошъ срѣдъ уста люта змая,
И ноката бѣсна лава,
Око тебе с' оба края
Словинска е сва држава.

Робови су твои сусѣди,
Тежке силе свѣмъ господе;
Твê владанѣ само сѣди
На прѣстолю одъ слободе.

„У слободну граду овому
Одъ зетовѣхъ тако рука
Сачува се деспотъ, кому
Я самь унукъ одъ унука;

И одъ нашега свега трага
Ненаходи се нитко иный,
Разми ова кѣерца драга,
Кâ е разговоръ мой единый.“

4.

Изъ XIX. Пѣваня.

Як' срѣдъ гора, кадъ изъ гая
Вепаръ дивій ванъ се изтîра,
Чѣмъ множь паса са свѣхъ края
Кружи га около и обстира,

Смртно прѣтећ' врлѣм' зуби,
Изкречи се васъ и хроче,
Тѣмъ да сміонство ловацъ губи,
Кй га тѣрат' найпрѣ поче:

И онъ се е крѣпко уставіо,
И свѣхъ чека; ну ніе тога,
Кй бы изъ близа удрит' сміо
На дивяка страшивога.

Проћ' везиру несмію тако
Клети царски одметницы:
А онъ стои крѣпко и яко
Съ дрѣновицомъ у десницы.

Свакій голу саблю уздиже;
Свакій прѣку смрть му жуди;
Али ступит' ни еданъ ближе
За удрит' с' ньимъ се неусуди.

Али онъ у то штапъ дрѣновый
У обѣ руке стиште и хвати,
И гдѣ у скупу витезови
Найвећемъ су, ту се обрати.

Якно сокô, кадъ га сила
Ята одъ птица стисне одъ свуди,
Оштре чапѣ, брза крыла
Изъ высина се орећ' труди;

Сада ову тежко удара,
Плахо ону садъ заноси,
Теръ у исто доба одъ сгара
Перѣ снѣжи, а крвь роси:

Такій є видит' везиръ силный,
Сѣмо, тамо скаче и лупа,
Хрве ударац' градъ обилный,
Млати, квиста, хуса и хрупа.

Саблѣ, штити, стрѣле, луцы
Съ крвавѣмъ се даждомъ оре:
Съ єднѣмъ штапомъ само у руцы,
Гô толико човѣкъ море!

По везовѣхъ удри Шећа;
Вѣріо се овый бѣше одъ скора,
Вѣреници тѣмъ се обећа
Честитъ на дворъ доћ' є' одора;

Али, ако га она узчека,
Настат' ће се мразна и нага,
Єръ по земльи рана прѣка
У крви є прострла га.

Як' ружица, вила млада
Кỳ у вѣнчацъ бере о зори,
Онъ повехну; нань санъ пада,
У вѣкъ му очи кй затвори.

Іошъ Веліи стуче главу,
И мождани све му проли,
Кй тадъ стрептѣ, и у крваву
Блату леже на тле долй,

Теръ є видѣт' як' чесвина,
Кâ у дивіой никну гори,

Силный вихаръ изъ корйна
Кадъ є подре и обори.

Ту изъ далек' Ферасъ пази,
Теръ изъ шупля гвожђа тиште
Зрно огнѣно, да порази
Славна пашу, тако иште:

Ну гвоздена цѣвь раздрѣ се,
Смртно олово чѣмъ изтѣра,
Теръ Юсуфу смрть донесе,
А несгоди Дилавера.

Роди се овый у Пловдину,
А съ ненадне худе чести,
Съ туђа ударца садъ погину
У тућему овдѣ мѣсти.

Мрући обрну къ небесиме
Очи и руке, да укаже
Родна града сладко име,
Издишући смртно ихъ заже.

Видећ' Дервишъ расапъ многій
Одъ своієхъ одъ бойника,
Сраманъ собомъ у налоги
Съ голомъ сабльомъ скаче и вика:

„Да ли є могућ', да ли є врѣданъ
Садъ одъ рука оволико
Одхрват' се човѣкъ єданъ
Харајућ' насъ люто и прйко?

Ахъ, нашега руга и смеће!
Тко у вѣке да вѣрує
Злочество ово тамно одвеће,
Приповѣдат' ако узчує?

На страну се свак' уклони!
Я самъ за свѣхъ указат' ћу,
Одъ насъ юнакъ тко е сміон'и;
И за убит' га начинъ наћ' ћу.“

Васъ штапъ разбіенъ везиръ тада
Мећe; учиніо съ ньимъ е доста:
А саблю и штитъ съ тлихъ попада,
Што одъ побіенѣхъ пусто оста.

Лѣву ногу напрѣдъ ставля,
И ньомъ мало поклекнива;
Выше прси' штитъ управля,
Главу узъ лакатъ скуча и скрыва.

Другомъ рукомъ саблю хвати,
Бочу узъ десно свое колѣно,
А бодезань къ срцу обрати
Свомъ злотвору несмилѣно.

Управ' стои Дервишъ врлый,
И одкрывено стегно храни,
Десну бедру чуват' хрли,
Справанъ скочит' къ свакой страни.

Врхъ лѣве се ноге уздржи
Васколичакъ витезъ бѣсный,
А уздигнутъ лакатъ држи
Бридке саблѣ врхъ бодезни.

Тиска еданъ проћ' другому
Оштра гвожђа безъ милости,
И смрть прѣти овый оному
Са свомъ моћи и крѣпости.

Ну Дилаверъ веће у смећи
Хрô за удрѣт' прѣче и яче

Васъ на лѣвой се уздржећи
Десномъ ногомъ напрѣдъ скаче.

Али Дервишъ десну страну
Хитро узмаче, и хтећ’ сгода,
Бодезни одъ сгар’ люту рану
У стегно му тай часъ пода:

Съ крви, кою тадъ угледа,
Срце узаврѣ у везира
Так’, да у гнѣву свога врѣда
Люта е змія, пунъ чемера.

Тихо е море, кадъ прождира
Плавъ потопомъ одъ валова:
Мирно е небо, кадъ све сти̂ра
Срѣдъ вихара и трѣскова.

Главу, стегно, руке, прси,
Непріятелю свак’ часъ раня
При живота свога сврси:
Назадъ се оный свеђъ укланя.

Стиже га овый, и удара,
И нань се ори якно рѣка,
Кâ низъ гору стрмо одъ сгара
Крши плахось бѣсна тѣка.

Али опакій себаръ нѣкій
Видећ’ што се Дервишъ нада,
Дилаверу пода прѣкій
Смртный ударацъ изза вада.

У затѣлякъ сѣкирицомъ
Онъ га удари съ якомъ силомъ,
Да съ крвавѣмъ ончасъ лицомъ
Паде сметенъ ница ти̂ломъ.

Свакъ нань срне одасвуди
Съ голомъ сабльомъ у десницы,
Врхъ нѣга е гора одъ людій,
Скачу по нѣм' свиколицы.

Вапіе Дервишъ плешући га:
„Ты, кй узъ цара бы найвышій,
Душу у крви блюй и рига',
Подъ ногами моим' сопиши.“

Ну неможе већъ овога
Чут' Дилаверъ прехрабреный,
Бѣше издахô тріе тога,
И остô якно мразъ студеный.

II.

Изъ Аріядне.

Чинѣнѣ прво, сказанѣ друго.

Тезео, Аріядна, Свѣтникъ и скупъ бойника Тезеовыхъ.

Скупъ.

Ако у край рѣке Измена
Пленитый гласъ простира
Сладкоскладна грчка лира,
Нека буду похвалѣна
Херкулова славна дѣла.

Сгодити се вѣку нећe,
Да ће мучат' градъ Атене
Славне добыти и храбрене,
Съ кѣхъ садъ свѣтао и пунъ срѣће
Краль є добрый, ки̂ ю влада.

Пѣвати ће куфи би̂ли,
Пѣвати ће виле одъ мора,
И оне, коє посрѣдъ гора
Воде о зори танчацъ милый
При кладенцу у дубрави,

Теръ ће рѣти, ко̂ порази
Недобытанъ злу наказань,
И ко̂ по нѣм' бы указанъ
Путъ, по комъ се сміоно излази
Изъ захода сметенога.

Тезео.

Витези храбрени,
О дружбо одъ труда
И одъ части, ка̂ мени
У помоћь бы свуда,

Скоро ће сванут' данъ,
Кадъ ћете доћи вы
На жельный родный станъ,
Поносно у слави,

Гдѣ свакій честитъ премъ,
Загрлит' вратъ има
Любовцам' дразіємъ,
Сыновма милыма.

Кȣ радось избрану,
Кȣ ћемо ћутит' слась,
Оружѣ на страну
Кадъ стави свакій насъ,

Кадъ будемъ съ вами я
Покоянъ видити
Одъ роднѣхъ оганя
Дымъ къ небу ходити.

Скупъ.

Сладко е дѣцу свȣ,
И сладко и мило
Любовцу гиздаву
Примити у крыло,

Али маня часъ небуде
Людемъ, кои славу любе,
За часъ лѣпу кадъ погубе
Подносит' се виде и труде.

Гдѣ небеса найгнѣвнія,
Гдѣ свеђъ мора смућена су.
Гдѣ у леду и у мразу
Валъ се съваломъ све разбія,
Слѣдит' ћемо волю твою.

Тезео.

Доста смо поднйли
Погубе и смеће,
Врѣме е домъ милый
Да види свак' веће;

Да радось свак’ свою
Ужива съ любави
У миру, у гою,
У играхъ, у слави.

Свѣшникъ.

Умарла крѣпось, димъ,
Безъ снаге остае,
Ако іой за трудим’
Покой се недае.

Добыти грде све
И срца гнѣве ее,
Ако вѣнцы одъ славе
Чела имъ нересе.

Тезео.

На луку пођ’те вы,
И помня буди вамъ
Одъ войске, одъ плави,
Я ћу овдѣ остат’ самъ,

Теръ дочѣмъ срѣдъ мрака
Тмасту сѣнь студену
Одъ златнѣхъ одъ зрака
Стрѣляня иждену,

Дразѣмъ ћу покоіомъ
Срѣдъ лѣпе зелени
Съ гиздавомъ вил’ моі̆омъ
Разсладит’ све мê дни.

Скупъ.

Ахъ! блажени и честити
Да бы сви сни ваши были,
Ахъ! да съ зоромъ данакъ би̂лый
Оба буде пробудити
Самиренѣхъ у покою.

Што цкнѣнѣмъ одъ хода
Уставлямо одлуку,
Кôмъ свѣтлый войвода
Шлѣ насъ свѣхъ на луку?

Чинѣнѣ друго, сказанѣ треће

Пелинко и скупъ рыбара

Пелинко:

Невольніемъ путницыма
Починути ніе моћи,
Драге и тихе сне друзима
И покое сметаюћи.

Скупъ

Ил' на изтокъ сунце сине,
Ил' у синѣ море зађе,
Да одъ мыслій покой нађе,
Кê му у труду стати чине,
Заманъ иште, ткогодъ влада.

Ну юръ звѣзде блѣде остаю,
Бѣломъ рукомъ ясна зора
Одъ кораля врата отвора,
Срѣдъ истока коя сяю
Чистѣмъ златомъ нарешена.

Скупъ

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
Зракъ обяви,
Данъ донеси,
Ходи ведра, ход' весела,
Любовника старца остави.

Богъ сунчаный ставіо е
Златну узду своимъ коньима,
Юръ изъ мора зраке свое
Мећe, и къ небу путъ узима,
Да сне изагну тамне сви̂ма,
Отворене трепте очи,
Простри, простри зракъ съ източи,
У комъ намъ си данъ донѣла.

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
Зракъ обяви,
Данъ донеси,
Ходи ведра, ход' весела,
Любовника старца остави.

Ноћь съ мѣсецомъ и звѣздами
Скупивъ тмасту сву̂ копрену
Друго небо своимъ играми
Иде уресит' носећ' сѣну;

Цвѣтъ, на бусу ки̂ е зелену,
Сунце проси, росу пыта,
Ходи драга, ход' честита,
Земля те се е ужелѣла.

Зоро лѣпа, зоро бѣла
Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
Зракъ обяви,
Данъ донеси,
Ходи ведра, ход' весела,
Любовника старца остави.

Тихъ кладенацъ ромонећи
Зове свѣтлось дана драга,
Славицъ перя сва̂ чистећи
Врху гнѣзда пѣсни слага,
На пршанѣ хладка блага
Сладко трепти врхъ одъ мора,
Танце воде виле одъ гора,
Решећ' цвѣћемъ ведра чела.

Зоро лѣпа, зоро бѣла,
Златнѣмъ ступомъ небо уреси,
Зракъ обяви,
Данъ донеси,
Ходи ведра, ход' весела
Любовника старца остави.

III.

Изъ Дубравке

Чинѣнѣ прво. Сказанѣ друго

Радміо и Рыбаръ

Рыбаръ. Честитый пастыру,
Ты пѣват' подрани,
Єръ водишъ у миру
Покоянъ своє дни;

Уфаня, яо, а ма̂
Несрѣћа нестѣче
Побѣгућ' изъ дома
Тукућ' се далече.

Радм. Ткогодъ си, нецвѣли,
Ни твоим' несрѣћам'
Коби данъ веселый,
Ки̂ є срѣћанъ свима намъ.

Ну ако си ты рыбаръ,
Ко̂ каже васъ чинъ твой,
Коя те чини стварь
Къ дубрави доћ' овой?

Рыбаръ. За схранит' старось му̂,
И оддахнут' безъ силе
У гнѣзду сладкому
Слободе премиле.

Приморя наша сва
У ништа сила сби:

Дубрава сама ова
Влада се по себи.

По ньихъ свѣхъ срдита
Звѣрь трчи и хржи,
И стиже и хита
И у ноктѣхъ своихъ држи.

Овдѣ чут' зле звѣри,
Ни инога гласа нû,
Нег' што самъ жубери
Тих' славицъ на грани.

Овдѣ ніє сироте,
Кŷ сила потиште,
Небои се срамоте,
Тко ю самъ неиште.

Толико є владанѣ
Силно у насъ, да се ты
Жена, дѣца, иманѣ
Неможешъ твоє рѣти.

Разлогъ, правда и мѣра
Свему є злато у насъ,
Продава нань вѣра,
Животъ се, душа, и часъ.

Ствари у насъ те ніє,
Кôмъ волянъ мош' се чут',
Куповат' трѣби є̇,
Ако хоћ' оддахнут'!

Врста овдѣ свакоя
У часной забави
Срѣдъ мирна покоя
Весело борави.

Радм. Ты си доћ' мудро обрô,
Пріятелю, подъ сѣни
Одъ мѣста, гдѣ добро
Гости су примлѣни;

Єръ одкадъ найпріе
Ниче ова дубрава,
И одкадъ се обстріе
Безбѣднѣмъ плотомъ сва,

Вѣра у ньой крѣпакъ
Станъ нађе и стече,
Съ кôмъ е слободанъ свакъ
Одъ силе найпрече.

Тѣмъ, госте, кадъ срѣћа
Донѣ те пріятеля
У овый данъ, найвећа
Кадъ намъ су веселя;

Найлѣпшій кадъ пастыръ
Съ найлѣпшомъ одъ вила
Сдружи се, и на пиръ
Дружба имъ гре мила,

Танцы се хитаю,
И пою ту пѣсни,
И игре играю
Съ разлике любезни:

Тѣмъ слѣд' ме, пріятелю,
Єръ бихъ я узео,
У обћену веселю
Да си и ты весео.

Рыбаръ. Вѣранъ другъ быт' ћу твой,
Єда и я у момъ труду

Драгъ покой у вашой
Дубрави наћ' буду.

О Дубраво, славна свима
У уресу прекрасному,
Лѣпа ти си мои́ очима,
Драга ти си срцу мому.

У веселой овой сѣни
Одъ честитыхъ твоихъ грана
Провести е мило мени
Діо найдражій моихъ дана:

Тѣмъ разпинямъ мрѣже мое,
И у завѣтъ вѣшамъ врнѥ
На зелено дубѣ твое,
По комъ блази вѣтри прше.

Сказанѣ седмо.

Горштакъ и Дивякъ, сатири.

Горшт. Ту ли си, Дивяче,
Кудъ ютросъ одъ мене
Кріюћи измаче
У гае зелене?

Єда те е срамъ, да пукъ
Смѣхъ тобомъ нетвори,
Теръ самъ` кô пребѣнъ вукъ
Скиташъ се по гори?

Таят' е залуду,
Чеса ніе моћ' скрыти,

По свачѣмъ я суду
Лѣпшій самъ него ты.

Дивякъ. Лѣпшій ты, него я?
Тко е, тко ти вели,
Да е лѣпша шоя
Нег' голубъ пребѣлый?

Оваку тко другу
Види игдѣ наказань!
Пастыра по лугу
Нестраши на благданъ.

Гор. Ты страшишъ, а я не,
Съ грдоће немиле,
Одъ ове стране
Пастыре и виле.

Див. Одъ жена и одъ людій
Гонѣнъ си свуда ты,
А мою свакъ жуди
Пріязань имати.

Гор. Я людемъ свѣмъ самъ драгъ,
И зато прѣ сунца
Іошъ ютросъ на данъ благъ
Зазванъ самъ за глумца.

Див. Тебе су дозвали
За глумца пастыри,
Ки̂ немашъ свирали,
Ни кô се, знашъ, свири!

Гор. Свирале ево мê,
И ако ћешъ за окладъ
Свирити са мноме,
Узми и ты свою садъ.

Див. Свирале несвири,
Ни у то дни губи,
Нег' съ главе роге сдри,
Теръ у нѣ затруби.

Гор. А съ мѣшниц' твоієхъ
Тыхъ писакъ разци̂пи,
Теръ одсадъ у тай мѣхъ
Недувай, нег' ньимъ пій.

Див. О зори, кадъ моє
Дипли се огласе,
Тихъ славицъ запоє
Натѣцат' съ ньима се.

Гор. Подъ дубѣмъ я када
Засвирамъ у гаю,
Пастыри и стада
Съ веселѣмъ играю,

Див. Пођ', горско звѣренѣ
У горахъ заглуша',
Нескладно свиренѣ
Да се овдѣ неслуша.

Гор. Врзи рѣчи и дава'
Разумѣт' другій путъ,
Свиримо оба два,
Кога є болѣ чут'.

Див. Почни ты найпріє
Натѣцат' ки̂ се хоћ',
Ки̂ одъ насъ добыє,
На пиръ ће глумацъ поћ'.

И већа нека ти й
Срамота и штета,

Узмимо пѣвати
Упоредъ опета.

Свире.

Гор. Ни дипли ни твой гласъ
Задава страхъ мени,
Я почехъ оный часъ,
Ты ме опетъ измѣни.

Див. Сада самъ изусти,
Тко свири болѣ одъ насъ;
Добытъ си, и пусти
Одъ глумца мени часͅь.

Гор. Или ти є у вольи,
Или ніє, стат' ћешъ ћа,
Кô глумацъ найбольій
Дозванъ самь на пиръ я.

Див. Тамо се ит' немучи.
Єръ ко трсь разпукла
Свирала твâ звучи
Нескладна и мукла.

Гор. А буче те твоє
Мѣшнице кô спила
По ѓорахъ, изъ коє
Одъ вѣтар' дме сила.

Див. Ахъ, када нећешъ рогъ
Дигнути сврх' очи',
Пођ', свиньо, у брлогъ,
А овдѣ нехрочи.

Гор. А ты, кадъ замукô
Іошъ нѣси, потрчи,
Губава жабо, у кô,
А овдѣ некврчи.

Див. Зміо люта, прегризи
Отровный езыкъ тай,
Болѣм' се понизи,
А у несвѣсь неригай.

Гор. Ригашъ ты злобный едъ,
Хуђій свѣхъ живина,
Али опетъ упоредъ
Ход' са мномъ, зачина'!

Див. Непѣвай ты, нег' блей,
Козе ине гдѣ пасу;
Съ славицемъ горскимъ, ей,
Нескладашъ се у гласу.

Гор. Ахъ нути, у што уфа
Црный вранъ несвѣсный,
Да бѣлога онъ куфа
Добыт' ће у пѣсни.

Див. Ракле ми двѣ дунѣ
Дарова изъ нѣдри,
Да одъ очи' свѣтлѣ'
Попѣвамъ зракъ ведрый.

Гор. Киту ми нѣкій данъ
Ябук' да Любица,
Да іой хвалимъ прамъ златанъ
И уресъ одъ лица.

Див. Кадъ мой сладкій гласъ зачина.
Како славицъ ки̂ се извія,
Нань дотеку изъ планина
Хоя, Леро, Долерія.

Гор. Кадъ мой езыкъ пѣсни кликне
Како стаглићъ, ки̂ жубери,

Да ме реси, цвѣће никне,
Да ме чую, теку звѣри.

Див. Кукулява я два гнѣзда,
Кѣхъ пѣт' наравь медно учи,
Хранимъ лѣпой, кôй мâ звѣзда
За вѣчну ме слугу одлучи.

Гор. Свега руда яганьчића,
Двѣ матере кй̂ посиса,
Пасемъ драгой, кôй ме срй̂ћа,
Да самь вѣчный робъ, записа.

Див. Рец', кâ у гори звѣрь пребыва
Людске свѣсти и спознаня,
Кâ се у быстрой води умива
И мѣсецу чиста кланя?

Гор. Каж' ми, птица оно кâ е,
Кâ свôй смрти ложи дрва,
И изъ огня опетъ жива устае
Перя и крыла стѣчућ' прва?

Див. Садъ познат' мож' управ'
Одлуку твŷ луду,
Зашто се съ лавомъ мравъ
Затѣче залуду.

Гор. О жабо, съ крѣсови
Пођ' кврчи и кришти,
Мой е данасъ пиръ овый,
Ты за се другій ишти. *(Оде)*.

IV.

Сузе сына размешнога. Изъ плача другогъ.

Ахъ, спознанѣ пречестито!
Унутарня съ тебе зрака
Разведрена види очито
Право добро безъ облака,
Гдѣ є спасенѣ`, гдѣ су мои
Сладцы и дрази свѣмъ покои.

Яо везъ, кй̂ ме смртно веже,
Я непознахъ срѣдъ кривине:
Тако и море неутеже,
Тко му нори у дубине;
Ну на врху пакъ када є,
Трудъ му и мало воде дає.

Косе, кê звахъ златомъ прiє,
Яо, заблѣштенъ съ ньихъ на близу,
Познамъ, да су люте змiє,
Кê садъ срце моє гризу;
А съ погледим' свѣтле очи
Муня, изъ коє трѣсъ искочи.

Оно лице, гдѣ ми сй̂ва
У ружицахъ зора бй̂ла,
Садъ є драча бодежльива,
И мâ вѣчна ноћь немила;
А усти, кê мняхъ да медъ хране,
Чемеромъ су отроване.

Зрацы, кѣмъ се животъ дичи,
Зовући ихъ звѣзде своє,
Химбени су проводићи
Были одъ тамне смрти моє;

А посмѣси ведри и сладцы
Пуни града црни облацы.

Ахъ, и оставихъ мѣсто родно
Пробіюћи стране и луге,
И иштући, што є угодно,
Нађохъ яде, бриге и туге,
И у доба то сметено
Остахъ као дрѣво одсѣчено.

Ето животъ мой свѣдочи,
Какавъ свѣтъ є и што дає;
Кадъ се смѣє, плачъ узрочи,
А кадъ блазни, тадъ издає;
У уресну лѣпу суду
Сдржи налипъ и смрть худу.

Цѣловомъ те сладцѣмъ трує,
Грлећи те смртно убія;
У хвалахъ те истѣхъ псує,
А у крѣпчинахъ свѣхъ превія;
Разликъ образъ ставля на се,
Као звѣрь, кâ се вѣтромъ пасе.

Тихо съ хитрым' засѣдами
Тѣра изъ срца свѣхъ боязни,
И унѣгує съ прва и мами
Подъ приликомъ одъ пріязни,
Пакъ кô силникъ нлеше и мећe,
Тко се узда унь найвеће.

Тако и море у тишини
Съ края поморца у плавь зове,
А кадъ га има у пучини,
Скочи и узаври на валове,
И у потопу, ки̂ нань ори,
Пріє смрти гробъ му отвори.

Ахъ, садъ имамъ паметь хитру,
Све є, што свѣтъ гледа и двори,
На огню восакъ, дымъ на ви̂тру,
Снѣгъ на сунцу, санъ о зори,
Тренуће ока, стрѣла изъ лука,
Кѣмъ потегне снажна рука.

Ахъ, ніє животъ людскій друго
Нег’ смућено єдно море,
Нег’ плавь єдна, ку̂ у дуго
Бію вали како горе;
И срѣдъ овѣхъ нетомъ тмина
Чоекъ се роди, мрѣт’ почина.

Бѣжи, кудъ знашъ, што хоћ’, чини;
Западъ и изтокъ васъ обходи;
И безкрайной по пучини
Свѣтъ кружећи Индіє броди;
Крій се у яме горскѣхъ хриди:
Смрть свуда те слѣдомъ сли̂ди.

И ніє ствари, коя може
Убѣгнути тога суда.
У покою срѣдъ разкоше
Стой безъ мысли и безъ труда;
Бран’ се оружѣмъ, злато трати:
Нећешъ іой се одхрвати.

Смрть негледа ничіє лице,
Єднако се одъ нѣ тлаче
Сиромашке кућарице
И кралѣвске те палаче;
Она упоредъ мећe и валя
Стара и млада, роба и краля.

Ведре круне, тежка рала
Єдномъ косомъ она слама;
Лѣпось, благо, снага и хвала,
Све є предъ ньомъ на огню слама;
Глуха и слѣпа безъ озира
Кудъ проходи, све сатира.

Сграде охоле, кê высѣше
Нѣкада се до небеса,
Садъ хрване по тлѣхъ леже,
Гнюснѣмъ ступомъ стадо ихъ сплеса;
А одъ унук' се царскѣхъ хране
Кости' горе неукопане.

Славне госпође и кральице,
Кѣхъ лѣпости іошъ се хвале:
Златне косе, драго лице,
Лювенъ погледъ, кê су имале,
Ахъ, виђ', што су у ово доба:
Мало праха, у дно гроба.

Гдѣ су младцы прегиздави,
Племенити и богати,
Ки̂ цѣняху нѣгда у слави
Поредъ сунцемъ увѣкъ сяти?
А што є одъ ньихъ садъ остало,
Нег' ли у земльи землѣ мало!

Гдѣ юнацы, кои снагомъ
Лаве хрваше и медвѣде?
Гдѣ разумни съ рѣчи благомъ,
Ки̂ дажђаху медъ съ бесѣде
Господећи срца умрла?
Смрть у пепео све є стрла!

Гдѣ они, кы̂ се одъ свѣхъ людій
Добытницы огласише?
Гдѣ ли узмножни, кѣхъ пожу́ди
Кругъ малаханъ васъ свѣтъ быше, —
И остали неброєни?
Сви су у лакту землѣ сбѣни.

Гдѣ су източна царства стара?
Гдѣ господство одъ Римляна?
Сва подъ плугомъ, кѣмъ свѣтъ хара,
Одъ врѣмена су узорана:
Єсть, тко нѣгда свѣтомъ влада,
А незна му се име сада!

Мру kралѣства, мру градови,
И ньихъ племство трава крыє;
А єръ є умрлый животъ овый,
Чоекъ у срцу миранъ ніє;
А свакій данъ види очито,
Да ніє ништаръ вѣковито.

Врѣме хара станацъ ками,
И жестоко гвожђе изеда;
А хоћемо мы, да нами,
Кы̂ смо одъ землѣ, сврхе неда?
А ако животъ нашъ є сгледанъ,
Васъ ніє друго, нег' хипъ єданъ.

Што є было, прошло є веће;
Што има быти, іошъ ніє тога;
А што є сада, за часъ неће
Одъ прошашћа остат' свога:
На хипу се врѣме врти,
Єданъ хипъ є све до смрти.

Ахъ, да у што можешъ рѣти,
Да се уздашъ веће оди̂?
Єда у врѣме? Врѣме лети,
И у доходу своиъ проходи;
Сгледай, гдѣ си, свиђ’ се, тко си,
Уфай, кай се, моли, проси.

Тко се роди, еванъ умріе,
И бы, као ты, пріе тебе;
Да, као нѣму, и теби е
Мртву быти одъ потрѣбе,
Да за тобомъ роде опета
Новый народъ, нова лѣта.

Али свакъ часъ гдѣ гледамо
Мрѣти, и дѣцу у повою,
Ахъ яо! зашто неимамо
Выше главе свеђъ смрть свою?
Ка̂ часъ по часъ сгоду пази,
Да те убіе и порази.

Ну смр̀ть ово ніе, што чини,
Да све умрле наравь стиже;
Смрть е оно, што истинный
Вѣчный одъ рая животъ диже:
Кратакъ уздахъ смрть е одъ сви̂та,
Смрть е од душе вѣковита.

Ахъ, еднака смрть е свима;
Ахъ, и свакъ зна, да умрѣт’ ће;
Али съ мукам’ еднацыма
Доћ’ свакому смрть, яо! неће:
Добри ће и зли мрѣт’ еднако,
Ну у рай добри, зли ће у пакô.

Добри ће у рай, пунъ уреса,
Гдѣ у ведрини безъ облака
Ся врхъ сунца и небеса
Єдна свѣтлось у три зрака,
Подъ престолѣмъ гдѣ вышньиме
Стои удесъ, срѣћа иври̂ме;

Гдѣ у люблѣномъ своме Богу
Душа славомъ опоена
Добро изврсно, радось многу
Сасма ужива, свеђъ блажена,
Покой вѣчный, лѣпось праву,
Миръ, доброту, знанѣ и славу.

Зли ће пасти у поноре,
Дно пакленѣхъ црнѣхъ яма,
Да ту у вѣке вѣка горе
Срѣдъ жестоцѣхъ страшнѣхъ плама,
Осуђени у тамности
Безъ уфаня, безъ милости;

Гдѣ змiе отровне, змаи горући,
Зле наказни, срде врле,
Хуђе яде, немиръ люћій
Даю клетѣмъ, ки̂ се прле;
Гдѣ оре потопъ тешкѣхъ сила
Дажди одъ огня, гради одъ стри̂ла;

Гдѣ е вай смртный, ки̂ свеђъ колѣ,
Горцы плачи, труди живи,
Туге, печали и неволѣ,
Срђбе, омразе, смеће и гньи̂ви,
Шкрипня одъ зуба, кршня одъ рука,
Вѣчна жалось, вѣчна мука.

Ахъ, мâ душо, трепти и чезни
Мыслећ', како животъ страя;
Мука є вѣчна, нѣ болѣзни
Безъ сврхе су и безъ края;
А у паклу ніє уфаня,
Нег' скончанѣ безъ скончаня.

Лѣпа душо, кâ у насъ сходишъ
Неумрла, чиста и бѣла,
Ты одъ живота данъ изводишъ;
Вѣчна свѣтло́сь твâ весела
Неба є зрака, свѣта дика,
Плодъ вышнѣга сунца и слика.

Анђеоска є тебе стража
У животу обградила,
Божя помня ты найдража
И сладка си кћерца мила:
Онъ неумрлый, да те спасе,
Умрлу одѣћу узе на се.

Ахъ, да ли се несрамуєшъ
Племство и свѣтлось тву̂ велику
Поцрнити, чѣмъ стануєшъ
Сбѣна у грѣху тамну и прȋку?
Не, не, укажи, света одлука,
Да си дѣло Божіихъ рука.

XIII.

ЂОНЪ ПАЛМОТИЋЪ

(род. 1607 умр. 1657.)

(изъ Кристіяде)

1.

Пѣванѣ пето.

А владаоцы одъ Сіона,
И светога темпла главе́,
Кѣхъ завидось усіона
И страхъ леденъ смртно даве,

Оне ноћи премъ страшиве
Проведоше врѣме бдѣћи
Съ мысли опаке и сумньиве
Непокойни сви стоећи.

У томъ быћу ньимъ се чини,
Да Исукрста іоштеръ виде,
Како у многой величини
У солимскій градъ узиде.

Кое множтво дѣце праве
За ньимъ ступи, челядь коя,
И нѣгове дике и славе
Съ веселѣма пѣсним’ поя!

Єдпымъ гласомъ чую одъ свуда,
Пачекъ истомъ тичу рукомъ,
Неизброена хвалит’ чуда,
Коя учини предъ свѣмъ пукомъ.

Гдѣ юръ свѣтло нѣга име
И доброта райска лети
Поредъ съ гласомъ неумрлыме
Препѣвана по свемъ свѣти.

Што ће учинит'? премъ очита
За свой поразъ дѣла пазе,
Пророчанства зламенита
Гдѣ на сврху свою излазе:

Одъ божѣга рода ньима
Краль да ће се породити,
По дошашћу кога има
Власъ госпоска ньихъ свршити;

Да сіонскій градъ сцѣнѣный
И поносна црква славна
Быт' ће тада у несцѣни
Съ тлѣмъ пореда стрена и равна;

Обичаи да ће старе
Обраћене быт' у ништа,
Нит' ће частит' сбѣне отаре
Веће одъ крви светилишта.

Изгубѣни зато весма
У злой сумньи и у страху
Посрѣдъ свогa свакій дома
Болни, блѣди, скровни стаху.

На истый начинъ дробне пчеле,
Срѣдъ раногa кê пролѣћа
Теку мирне и веселе
За купити медъ изъ цвѣћа:

Кадъ нарини зима мразна,
Теръ се облацым' небо скрые,

Силна дажда и поразна
Плахе рѣке да проліе,

Сметене се и забѣне
По улиштѣхъ крыю и тае,
И засве су заклопѣне,
Гнѣвно небо страхъ имъ дае.

Бѣше врѣме, у сну миломъ
Трудни умрли кадъ бораве,
И доходномъ дану бѣломъ
После и дѣла сва оставе,

А нечистѣхъ юръ неманій
Огнѣнита войска ноћна
Бѣше изашла пакла вани,
Злѣмъ варками яка и моћна.

Кудгодѣръ се она обрати,
По свѣхъ путѣхъ ктѣ да саспе
Злобу, нехаръ, смеће, рати,
Буне, омразе, штете, распе.

Кужне образе, грде слике
Вазели су дуси врли,
И на чете страшне и прѣке
Єрусалемъ васъ обастрли.

На тврде се дѣо граће
У страхоћи многой пружи,
Врху темила дѣо уваће
Силнѣмъ коломъ кое обкружи.

На высине кућа сѣде
Множь велика браће люте,
Дѣо обступи и обсѣде
Свеколике града путе.

Срѣдъ пролѣтнѣхъ тако дана
Хрлѣхъ птица ята честа
Изъ полуднѣхъ кадно страна
У хладнія бѣже мѣста,

Врху морске чимъ ширине
Оне тѣку стрѣловите
Одлучене да краине
Брзѣмъ тѣкомъ прѣ ухите;

На край, ки̂ се ньимъ помоли,
Први паду и навале
Црнѣмъ крылимъ, теръ околи
Све прикрыю пусте жале.

Скровнѣмъ едомъ спрва трую
Худа пакла срде злобне
И помало господую
Свѣсти химбамъ ньихъ подобне.

Теръ пожудне свѣхъ поразу
Безъ престанка окомъ раде,
Тврдоглавство, сумню, омразу
Слаба у срца сѣю и саде.

Сномъ свезанѣмъ мнози людимъ
У страшивъ се начинъ кажу,
И вићенѣмъ ташто худымъ
Неприличне сгоде лажу.

Мнози узимлю чина хитра
Човѣчанска лица на се,
И просиплю бржи одъ ви̂тра
По свемъ граду горке гласе.

Садъ овега, садъ онега
Одъ могућѣхъ лете у дворе,

И на правый родъ Вышнѣга
Неизречена зла говоре.

Кажу црно мѣште бѣла,
И колико хуђе знаю,
Сва нѣгова добра дѣла
У грѣхъ тежакъ обраћаю.

Гнѣвне, тихе, помне, лотре
Безъ разлуке бунит' трче,
Тлапе, хине, снују, мотре,
Злобе, еде, мразе, срче.

Да гре Исукрсъ прѣкъ и срдитъ,
Гласе блѣдећ' и трептећи,
Нову вѣру за потврдит',
Старе отаре съ темпломъ ждећи.

Да има у руцы гвожђе охоло,
Све заклопе да разори,
Да сва црква юръ около
Страховитѣмъ пламомъ гори.

Одъ црковнѣхъ іошъ дворника
Хине образе и одѣћу,
И на врата свѣхъ вѣћника
Срну, носећ' ядъ и смећу.

Якѣмъ гласомъ ньихъ у вѣће
У высоко темпло зову,
Ако роднѣхъ мира неће
Штету видѣт' сви готову.

Истый глава войске црне
Неправедна ради сбора
Црквe у врата силомъ срне,
Снажнѣмъ махомъ кѣхъ растворa.

Одъ ударца тежка и прѣка
Златни вези шкрипле и звече,
И гласъ якій силна звека
Разлега се ћа далече.

Тымъ се ода свудъ неправедный
Скупъ староста сборит' справля;
Ни ноћь тмаста, ни мракъ ледный
Ньихъ ступае неуставля.

Како да су съ варкомъ прѣкомъ
Непріятельи кй немили
Ноћно съ худѣмъ издавникомъ
Изненадке градъ примили;

Теръ да све су тврде обране
Са свѣмъ вратим' освоене,
И да войске оружане
Сѣку, жегу, робе, плѣне.

Пути одъ града сви су пуни,
Нѣгдѣ улазе, нѣгдѣ изходе,
Єдва у страшной зна се буни,
Одклѣ, зашто, камо, ходе.

Дуси жельни свачѣ штете
Преображени путомъ греде,
Свѣмъ давају злобне свѣте,
Сиплю отровне свудъ бесѣде.

Они съ главням' огнѣнѣма,
Срчба и смећа гдѣ се плоди,
Свѣте и кажу путе свѣма,
Да слободно свакій ходи.

Іоште изъ главе єда пуне
У неизмышлѣнъ начинъ међу

Пламъ чемерный одъ набуне,
За узмножит' смртну свѣћу.

Неставляю паметь на та
Ньихъ чинѣня люди тужни,
Свакій у гнѣву слѣпомъ врата,
Свѣмъ неразборъ влада кужный.

У тои хитрѣхъ дванаесь слуга
Яма огнѣнѣхъ краль неправый,
На дванаесь божійхъ друга
Хрло упути, и одправи,

Да кушаю са свомъ снагомъ
Кровъ разлике свѣте штетне:
Єда се одъ ньихъ кігодъ драгомъ
Воєводи свому одметне?

Они, єръ имъ ове боє
Богъ све сказô бѣше одъ пріє,
Проћъ чемеру справни етоє
Одъ паклене люте зміє.

Неотворене варкамъ свѣсти
Кажу, и срце толи снажно,
Да ніє яко ньихъ замести
Све худобнѣ множтво лажно.

Заманъ стрѣля ньимъ противa
Сва химбенства злобникъ старый,
И све слике промѣньива,
Да ихъ одврже и превари.

Єръ све одмећу зле засѣде
Витезови боголюбни,
Съ кѣмъ ихъ хрве, съ коѣмъ греде
На ньихъ разсапъ змай погубный.

И немогућ' злотворъ врлый
Ока сажет' съ мысли клете,
Съ овомъ рѣчимъ къ нѣму хрли
Да га сасма сконча и смете.

„Ты се у глухе ноћи доба
По пустошной скиташъ гори,
Одъ студени ноћне злоба
Прѣ времена да те умори,

И мож' трпѣт' зла толика,
И тако се допустуєшъ,
Да твâ лѣта сваколика
Служишъ, тужишъ и болуєшъ?

Кâ непаметь? несвѣсь коя
Силує те и наводи,
Да робуєшъ безъ покоя,
Гдѣ си рођенъ у слободи?

Кô подложанъ, како таманъ
Да се тучешъ свеђъ двореħи,
Одъ кога є уфат' заманъ
Сличну трудимъ плату стећи.

Ты єднога слѣдомъ слîдишъ,
Кî на темпло руку стере,
И ставля се, као самъ видишъ,
На смакнуће старе вѣре.

Кога изметъ све челяди,
Одъ никакве руке и сцѣне
Множтво людій дворит' ради,
И некрѣпке слѣде жене.

А найпрви главе одъ града,
Сви закони како просе,

Нераздружна пуни склада
Нань омразу смртну носе.

Юръ се купи сборъ праведный,
За неправа да се дîла
И за животъ тай нередный
Нѣму пода смрть немила.

Юръ ће обилну плату дати
За мотреня свâ химбена,
Видећ' као се слабо уздати
У власъ множтва потиштена.

Мало му ће дат' помоћи
Неприлична хваста и слава
Одъ велике силе и моћи,
Кŷ разумѣт' людемъ дава.

Скрыт' га неће густи облацы,
Да неприми смртну муку,
Ни начини друзи опацы,
Кѣмъ добыва гласъ у пуку.

Нецкни, нестой, неизгуби се,
Силне одъ смрти бѣж' на врîме,
Ако уреда неуклони се,
Изгинут'ћешъ заедно шъ ньиме.“

Съ овѣмъ злобнѣмъ бесѣдами
Свѣхъ превара творацъ чини,
Да се крвникъ злый помами
У омрази, у врлини.

И видећ' га предобыта
Съ главньомъ лупа нѣга огнѣномъ,
Теръ му тай часъ съ очи' одлîта
И съ ноћномъ се мѣша сѣномъ.

Съ очи' одлѣта, ну далече
Негре напась несмилѣна,
Веле већу него стѣче
Снагу и крѣпось невиђена.

И тако се стере и віе
Око нѣга и настои,
Да унь улази найпосліе,
Душу и животъ теръ му свои.

Тымъ, раздеженъ кужнѣмъ пламимъ,
И наказни ребъ чемерне,
Поче мыслит' собомъ самымъ
Мысли опаке и невѣрне.

На паметь му духъ нечистый
Ставля животъ неугодный
И погубе безъ користи
Кое нодъ труднѣмъ стѣгомъ подни.

Заповѣди, кое обилне
Одъ божѣга прими сына,
Чине му се оштре и силне
Преко мѣре и начина.

Тога одъ быћа онъ се одриче,
И чимъ мысли зле пробира,
Клетва хоће, судъ протиче,
Да издавникъ неима мира.

Тачъ доброга научителя
Сву подъ ноге любавь ставля,
Теръ га охолѣхъ непріятеля
Крвне у руке издат' справля.

Ахъ несрѣћный, ахъ смамѣный,
Надъ смамѣне све на свѣту,

У злой мысли заслѣпѣный,
Да непознашъ твою штету!

Ахъ, разгледай добро, кога
Толи опако хоћ' издати;
Неодрицай се створца свога,
Врат' се къ твому Богу, врати!

Ра̀забери, промысли се!
Ку̂ часъ дослѣ стеко̂ еси,
Другъ любѣный броєћи се
Славна краля одъ небеси,

Коликратъ си твоѣмъ ушима
Божанствене слушао ри̂чи
И разгледо̂ лице очима,
Людска наравь кѣмъ се дичи.

Ку̂ множъ, чѣмъ се Богъ одкрыо,
Славнѣхъ чуда видіо си?
Одъ кѣхъ и ты ки̂годъ ди̂о
Нѣга вольомъ дѣлово̂ си!

Невиђенѣмъ грѣхомъ вѣку
Сада црнишъ све твê дике,
Найхуђега да те реку
Надъ све остале издавнике.

Коя несвѣсь влада тобомъ?
Ка̂ похлепа премъ немила,
Съ едовитомъ толи злобомъ
Свѣсь е твою обуймила?

На што те су бѣсне желѣ
И лакоме твê потакле,
Надъ све божѣ непріятелѣ
Злый крвниче, клетый пакле?!

Што е животъ твой омрзо̂?
У ке̂ тежко зло се упрти?
Што тва̂ душа плахо и брзо
На поразе вѣчне срти?

Што се у бѣсу крвномъ опи?
Као нетрептишъ съ тве̂ невѣре?
Да те небо неприклопи,
Да те земля непрождере!

Да потопна вода при̂ка,
Да пламъ огнѣнъ несхара те,
Да звѣреня сваколика
Ненапире гнѣвна на те.

Пази, у кое срнешъ смеће,
Кое стѣчешъ садъ нечасти,
Како губишъ хвале и срѣће,
Съ кога врха радишъ пасти?

Чесь, у лудой коя одлуцы
Изъ рука ти садъ излѣта,
Жудѣти ће мнози унуцы
Доклѣ буде сврха одъ свѣта.

И радъ тога сву твою желю
И тва̂ уфаня ташта, коя
У изпразномъ садъ веселю
Заче охола паметь твоя,

Разпршат' ће вихаръ плахій;
И кадъ узмнишъ быт' найвећій,
Найгорой ћешъ на замахи
И у найхуђой быт' несрѣћи.

Ахъ, доколѣ мож', оти̂ра'
Неправедну мысао изъ прси'

И злу напась, ка̂ те обстира,
Да те вѣчнѣмъ зломъ замрси.

У то злобни редовницы
Съ худѣм' главам' одъ грађана
Бѣху дошли свиколицы
Срѣдъ скровита цркве стана.

Врху сбора набунѣна
Кайфа прву власъ држаше,
Кому митра посвећена
Сѣде праме покрываше;

Онъ врхъ златна стола сѣди
Одъ свѣхъ инѣхъ найвышега,
А остало се вѣће изреди
Съ обѣ стране око нѣга.

Међу ньим' се невиђене
Врте одъ пакла бѣсне срде,
И држе ихъ разгоєне,
И у омрази плахой тврде.

Свака свога обрала є,
И у нѣгово срце улази,
Теръ га нукат' непрестає,
Правду и разлогъ да непази.

Врху стварій множѣхъ они
Међу собомъ разложаху,
На рогоборъ усіони
Мири одъ цркве сви бучаху.

Єдни суде и говоре,
Съ гнѣвномъ рѣчимъ и немиломъ
Исукрста да уморе
Или съ варкомъ или силомъ;

Єдни опака даю свѣта
Проћъ начину и проћъ путу,
Да се' животъ скрати опета
И Лазару ускрснуту.

А то єре нѣга ради
Тои замѣрно пазећ' дѣло
Дохођаше множь челяди
Подъ божѣга сына крыло.

Съ друге стране већій дѣо
Страхъ и тежку сумню каже,
Да набунѣнъ пукъ неміо
Супроћъ себе нараздраже.

Зашто бѣше витезъ славный
Занѣо людство, комъ ніе броя,
Крозъ божанственъ говоръ ставный
И крозъ дѣла райска своя.

Ну Никодемъ бѣше умѣтный
Одъ найпрвѣхъ града глава,
Кому самомъ пакô штетный
Крѣпко срце нескончава.

Пребываше съ вѣромъ многомъ
Блага у свѣсти мысао нѣму,
Ну се опрѣт' самъ съ разлогомъ
Несуђаше вѣћу свему.

Онъ се указа у незнани
Непріятель Богу спрва,
Кога мнократъ, а замани,
Засѣдами таштѣмъ хрва.

Ну кадъ добро позна, да є
Краля одъ неби породъ правый,

Посланъ смирит' наше вае
Човѣчанской у нарави,

Како еданъ слѣпацъ, кому
Иза тмина бѣо данъ сине,
Поклони се творцу своему,
Ходећ' путомъ одъ истине;

Потайно га узе слѣдит'
За нестећи съ нѣга омразе,
И зле люди неразедит'
На готове свое поразе.

Ну кадъ виђе зло приступно,
Кê се очито нѣму прѣти,
Безъ озира да сви скупно
Праву животъ хоће отети,

Већъ нехотѣ таити се,
Него сміоно прѣдъ свѣмъ сборомъ
Ста на ноге, и одкры се
Съ овѣмъ мудрѣмъ премъ говоромъ:

„Створь е, о коіой бесѣдимо,
О сіонски главе избрани,
Како добро сви видимо,
Свѣтля него зракъ сунчаный.

Ни ћу истине веће крыти,
Гдѣ е корысть родна града,
Да знамъ главу изгубити.
Ваше одъ руке овдѣ сада.

У овому сви човîку,
Ако паметь праву имате,
Божю наравь, райску дику
И пазите и позна'те.

Онъ Богъ, онъ е сынъ вышнѣга
Краля, кому свѣтъ се кланя,
Старѣхъ пророкъ кажу нѣга
Зламенита припѣваня.

Старѣхъ пророкъ, кѣмъ учини
Складно пѣват' сгаръ духъ светый,
Да ће божій сынъ единый
На се людску путь узети.

Нека ћаћку свомъ вѣчному
Припоручи люди тужне,
Кѣхъ у грѣху обћеному
Змай паклѣный држи сужне.

Изпуня се све на нѣму,
Свето писмо што пророчи,
Ніе разложит' одъ онему,
Што свачіе пазе очи.

Немоћни су оздравѣни,
Глуси чую, слѣпи виде,
Губавцы су очишћени,
Нѣмъ говори, сгрченъ иде.

Изъ тѣлеса людскѣхъ бѣже
Изагнане зле напасти,
Свудъ су обилне обилѣже
Одъ нѣгове райске власти.

Ніе немоћи на свѣтъ, кою,
Гдѣ е крѣпко срце и вѣра,
Крозъ десницу и рѣчь свою
Свемогућу неизтѣра.

Ніе зледи, ку̂ неутажи;
Ніе болести, ку̂ неуставля;

И да є лѣпшій даръ и дражій,
Душу одъ грѣха іоште оздравля.

Трема, кô є стварь свѣмъ познана,
Милый животъ мртвѣмъ врати,
Одъ кѣхъ Лазаръ четиръ дана
Укопанъ се виђе стати.

Съ дѣла овега тачъ замѣрна
Пукъ зачуђенъ нѣга сли̂ди,
Сама е ваша свѣсь невѣрна,
Самѣма се вамъ невиди.

Предъ свѣм', ки̂ су права суда,
Ствари су ово изванъ ми̂ре,
До высоцѣхъ овѣхъ чуда
Людска крѣпось недопире.

Моћь велика божанствена,
Смрть и наравь кâ силує,
Заєдно шъ ньиме сєдинѣна
Све ово чипи, све дѣлує.

Коликратъ се нѣму опрѣсмо,
Садъ съ бесѣдомъ, садъ съ варками?
Коликратъ га схарат' ктѣсмо
Садъ съ оружѣмъ, садъ стѣнами?

Ну се брзо на тлѣ упази
Свака изпразна наша одлука,
Єръ ніє мѣста людской снази,
Гдѣ воює божя рука!

Одъ срдите наше обѣсти
Онъ се густѣмъ покры облакомъ,
И свой животъ чини оплести
Райскѣхъ дворанъ войскомъ якомъ.

И іошъ крѣпось толи многу
Заслепѣни непознамо?
Іоштера се нашемъ Богу
Съ вѣрнѣмъ срцемъ некланямо?

Што чинимо у овемъ вѣку?
Што намъ напрѣдъ веће остае?
Загрлимо райску срѣћу,
Кâ намъ съ неба слѣћела е!

Спаситель намъ сгаръ сишô е,
Да нѣгова милось тиха
Смири людске непокое,
Да слободи свѣтъ одъ гриха.

Тымъ снижени и весели
Ход'мо у нѣга величине,
Да намъ райскій миръ удѣли,
Да намъ прости све кривине!“

Чимъ овако онъ говори,
Подбунѣнѣхъ поглавица
Срце у еду гнѣвномъ гори
Кажућ' билѣгъ посрѣдъ лица.

Погледомъ ѓа кривѣмъ пазе,
А одъ велике срчбе и гньйва
Искре изъ очи' свѣмъ излазе,
Образъ слике промѣньива.

Свакчасъ горій, свакчасъ већій
Злый бѣсъ ньиховъ разгара се,
У неправой теръ ихъ смећи
Несвѣстиѣма мыслим' пасе.

Сила яза паклѣнога
Набуньльива и отровна,

Коя у прсѣхъ ньихъ свакога
Съ бѣснѣмъ едомъ стои скровна,

Свѣмъ заступа праву истину,
И наметь е свѣмъ отела,
Съ тврдоглавства да погину,
Да на опака срну дѣла.

Нехтѣ у дуго стат' скровена
Срчба, кӯ имъ срце вари,
Негъ охола, негъ огнѣна
Ванъ изиде и удари.

Опакъ, ердитъ, неразборитъ
Сборъ васколикъ скаче и вика,
Како тай часъ да се оборит'
Црква имаше сваколика.

Якъ срѣдъ гвожђа трѣсковита,
Чимъ се пазе прахомъ лютымъ,
Скровна сила огнѣнита
За изит' яка тѣснѣмъ путимъ,

Све што већой у тѣскоћи
Намѣра се и находи,
Толико се съ већомъ моћи
На пространо тиска и ходи.

Ну нечини силна маха,
Съ кѣмъ охола на дворъ срне,
Подложнога доклѣ праха
Сву множь у пламъ необрне.

Съ усіоныме дымомъ таде
Обô и страшанъ трѣсъ удара
Да разори тврде сграде,
Цѣле войске раздре и схара.

Запанѣна на далеко
Сва се около земля стреса
Съ буке страшне, съ кê бы рекô,
Да се оре сва небеса.

Разпршане и сметене
Тадъ све видишъ противнике,
Ньихъ обране развалѣне,
Стрена оружя и бойнике.

Не инако силно вѣће,
Премъ поспѣшно на све штете,
Све подъ ноге ставля и меће
Мудра знанца добре свѣте.

Злой челяди тои ніє дости,
Пуни срчбе неприклоне,
Єдовитой у плахости,
Изъ цркве га іоште изгоне.

Кадъ несвѣсна рогобора
Неразложне преста буке,
Узе Кайѳа, глава одъ сбора,
Изговарат' своє одлуке:

„О господо племенита,
Нієданъ се одъ васъ непрепада',
Што се одврже и одскита
Одъ насъ овый луђакъ сада.

Као се изгуби, као се смами,
Како злотворъ нашъ химбеный
Съ обычайнѣмъ преварами
Срце и паметь нѣму обсѣни!

Наше вѣре сцѣну и славу
Онъ толико дослѣ люби,

Да ктѣ мнократъ свою главу
За нѣ любавь да изгуби.

Противника паче истога,
Подъ стѣгъ кога садъ побѣгну,
Съ темельитѣхъ сто разлога
Већекрати снађе, стегну.

Садъ га слѣди намъ против,
И то му є часъ и дика;
Така у рѣчи моћь пребыва
Вухвенога виленика.

Пунъ паклѣне хитре злоће,
У нѣму се кâ находи,
Онъ затравля кога хоће,
И у дружбу сву̂ приводи.

Вѣровати несличнo є,
Да є сишао съ неба сгара
Смирит' людске непокоє,
Кои овако люди вара.

Ки̂ свѣхъ сатрт' насъ негледа,
Да могућство своє узмножи,
И припѣва и сповѣда,
Да є избраный породъ божій.

Сврћ' законе Мойсесове
На очи наше ки̂ се суди,
И обычає ставля нове,
Да ихъ препрости слѣде люди.

Прѣдъ свѣмъ пукомъ ки̂ говори,
И хвали се премъ очито,
Да є дошао, да разори
Ово темпло гласовито.

Темпло, кое юръ сграђено
Бы по божіой заповѣди,
У кое благо неизброено
Потратише наши дѣди.

Іошъ да тога грѣха ніе,
На кои се непостави:
Злобе опаке праштат' сміе,
И съ грѣшницы дни борави.

У найхуђѣхъ людій стане
Насртати неима срама,
И разметат' дни свечане,
И градъ бунит' супроћъ нама.

Коя овдѣ есь доброта?
Коя е ово нова ви̂ра?
Кои начинъ одъ живота?
На што се ова стварь простира?

Іошъ ће съ варкамъ, съ кѣмъ се упути,
За узмножити своe моћи,
Градъ васколикъ подигнути,
Да намъ буде врха доћи.

Чеса васъ градъ? Съ власти при̂комь
И съ помоћи пакла худа
Одъ светинѣ подъ приликомъ
Онъ толика твори чуда!

Да, држећи начинъ овый,
Има учинит', да се склоне
Израелски сви градови
Подъ неправе своe законе.

Тако да ће вѣра избрана,
Коя одъ насъ надъ све остаде

Много вѣка бы држана,
Не безъ вѣчне наше хвале,

Быт' у напрѣдъ несцѣнѣна,
И погрђенъ законъ старый,
Света црква порушена,
Похарани славни стари.

Тымъ сви данасъ єдне одлуке
Безъ страха му одредимо,
Коє достои, тежке муке,
Сви га на смрть осудимо.

Доклѣ имамо моћь и врѣме
Погасимо пламенъ, кои
Съ велицѣмъ се зломъ нашѣме
Свакчасъ већій ствара и гои.

Єръ кадъ буде снагу стећи
За дат' нами вѣчнѐ смеће,
Дворове ће све пожећи
И полаче све найвеће.

Добри ако смо мы трпѣти
Ова дѣла недостойна,
Нећe тога вѣкъ поднѣти
Царъ великій Рима бойна.

Онъ ће послат' своє бойнике,
Да намъ съ многомъ нашомъ мукомъ
Власъ и землѣ свеколике
Оружаномъ отму рукомъ.

По свѣмъ свѣту да прогнани
Вѣковитый вай кушамо,
И у нієдномъ мѣсту и страни
Мирна стана неимамо.

Судъ е свѣстанъ и праведанъ
И користанъ надъ све ине,
Да за осталѣхъ умре еданъ,
Да васъ народъ непогине.

Овый говоръ мой добаръ е,
Тко забавит' да може му?
Ове хвале, ово уздарѣ
За божанство врат'мо нѣму."

Ове рѣчи Кайѳа дава,
Чимъ неправый сборъ свѣтуе,
И на сврси као свѣхъ глава
У незнани пророкуе.

Єръ за ино съ неба съ горѣ
Ніе дошао сынъ Вышнѣга;
Негъ да смртимъ своимъ умори
Смртне злобе свѣта свега.

Тымъ сви пуни бѣсти худе
И чемера паклѣнога
Немилосну на смрть суде
У людскому тѣлу Бога.

Сви еднаку мысао имаю,
И у злу су сви единни,
Ну начина най' незнаю,
Да се тай ствар скровна учини.

Како еданъ злотворъ, кои
За сва̂ дѣла прѣка и худа
Животу се свому бои
Одъ оштрога права суда;

Чимъ напунѣнъ страха и туге
Бѣжи одъ правде, ка̂ га ти̂ра,

И пробія поля и луге,
Свакчасъ за се теръ се обзира.

Наглѣмъ окомъ изъ далече
Густу дубѣмъ гору види,
И да у ню прѣ утече
Хрлѣмъ тѣкомъ свой путъ слѣди.

Али кадъ къ ньой ступи ближе,
Ненадна га срѣтне рѣка,
Кâ му жуђенъ путъ престиже
Съ пласѣмъ валимъ силна и прѣка.

Тымъ запанѣнъ мыслит' стане
Одъ свудъ тежко зло пазећи,
Управъ друге, као ће стране
Безъ кораблѣ моћ' утећи;

Тако сцѣнећ' быт' слободни
Сіонски главе премъ немили,
Бывши на злу смрть угодни,
Божій породъ осудили.

Да та осуда худа и злобна
Изврши се немне прїе;
Сврхе и пута ну подобна
Ньихъ срдитомъ суду ніе.

Одъ различнихъ мыслій вали,
Сумню чине свѣмъ велику;
Да у зло кое небы упали,
Изъ кога изит' неће вѣку.

Кадъ издавный клетый Юда,
Кй се одъ дружбе ноћно украде
Не безъ свега вѣћа чуда
Къ ньимъ приступа изненаде.

Трептећи га сви примаю
Блѣда и тамна съ мысли прѣ̂ке,
И мѣсто му за часъ даю
Међу прве редовнике.

Пуни сумнѣ теръ жестоке,
Одъ дошашћа одъ нѣгова
Клепе знати праве узроке,
Ка̂ сгодила стварь се нова?

Тымъ за чут' га муче стое,
А онъ охоло сврће и прѣчи
Свудъ огнѣне очи свое,
Пакъ говори ове рѣчи:

„Знамъ, честита о ѓосподо,
Да опакій Галилео́
Веле вамъ е страха подо̂,
И жестоко свѣхъ е смео.

Онъ законе старе угодне
Смета, и диже сво̂мъ области
Съ многомъ штетомъ землѣ родне,
А съ вашоме маломъ части.

Тымъ васъ видимъ сединѣне
Тврдо мыслит' и сборити,
За грѣхъ власти увређене
Као ћете се осветити.

Безъ никакве ваше муке,
Даръ ако ми сличанъ дате,
Я вамъ га ћу дат' у руке,
Да већъ страха неимате.“

Рече, а вѣће све весело
Обећа се и завеза

За издавно нѣму дѣло
Даръ сребрнѣхъ тріесь пѣнеза!

Тріесь пѣнеза неправедну
Плату крви, кое небы
Заплатило каплю єдну
Све, што васъ свѣтъ сдржи у себи.

Као се шъ ньиме сговорише,
Якъ слободни одъ свѣхъ зала
До врата га допратише
Даюћи му множтво хвала.

Онъ се опета къ свôй дружини
У высоке врати горе,
На уздану да учини
Одъ свѣхъ зала зло найгоре.

2.

Пѣванѣ дваести и єдно

Юръ у крыло синя мора
Блѣдо сунце приступаше,
А вечеръ се изза гора
Съ мркломъ ноћи приближаше,

А тѣлеса іошъ прибѣна
Свакій на своmъ крижу стаху;
И іошъ управъ нецвилѣна
Свога укопа неимаху.

Ова дѣла неподнесе
Ариматскій Іозефъ милый,
Младацъ, кому многе уресе
Благодаранъ Вышньій удѣли.

Међу врѣднѣхъ людій сборомъ
Онъ у сдѣни бѣше првый,
Свѣтô дѣлим' и говоромъ,
И и одъ высоке куће и крви.

Врху тога множь русага
Одъ немале обилности,
И брой великъ злата и блага
Уживаше у радости.

Ну да вѣчну часъ добуде
Врѣдный витезъ и храбреный,
Съ крѣпкѣмъ срцемъ ктѣ да буде
Исукрстовъ другъ любѣный.

Видећ' чуда гласовита
Слѣдит' га уве са свомъ моћи,
Справанъ у све стране одъ свйта,
Шъ ньимъ на сваке труде поћи.

Зато бывши дружба ина
Одъ страха га оставила,
Крыюћи се срѣдъ планина
И срѣдъ пустѣхъ гая и спила.

Онъ се ништа нестрашећи,
Дође у дворе Пилатове,
Слободно му говорећи,
Али съ цѣномъ, рѣчи ове:

„О могућій свѣтлый бане!
Гласъ е, да ты благъ и міо
Данаска си съ твое стране
Научителю мому быо.

И да кривѣмъ редовникомъ,
Кй су права обидили;

И за злобу смрти прі̂комъ
Беззаконо уморили,

Протіо си се веќекрати,
И настоіô, ну залуду,
Съ благомъ рѣчимъ омекшати
Тврда пука несвѣсь худу;

Знашъ, да онъ смртну муку прими,
Што за обрану одъ истине
Опирô се често ньими,
И што є карô ньихъ кривине:

Допусти намъ, што мож’ саде,
Мртво тѣло укопати,
Смири у тему наше иде,
Разговоръ намъ тай некрати!

Цѣла и нова посрѣдъ гроба
Я ќу нѣга поставити,
Ки̂ саградихъ скоро доба,
Знаюќ’, да имамъ и я умрѣ̂ти.“

Понтіо рѣчи ове одврати:
„Колико быхъ веќе уживô,
Да вамъ могу садъ подати,
Кое просите, тѣло живо.

Вы богови одъ истине
Свѣдоцы сте срца мога,
Да самь држао све начине
За неуморит’ праведнога.

И мени є благость мила,
И знамъ поштит’ вышнѣхъ што є,
Ну предобы злоба и сила,
И пожуде смете мое!

Кою оћућехъ данасъ муку,
Немогућ' му дат' помоћи
Набунѣну супроћъ пуку,
Кому е трудно врха доћи!

Кадъ одолѣ градъ онакій,
Пођ'те, теръ га укопайте,
И, кô развлогъ иште свакій,
Напоконю часъ му дайте!“

Рече, а Іозефъ друмъ управи
Што се може поспѣшніе
На несрѣћный брѣгъ крвавый
Садъ честите Калваріе.

Шъ ньимъ Никодемъ мире бѣле
Града изходи еолимскога,
И онъ у срцу мучанъ веле
Ради смрти мештра свога.

Юръ се обадва приближати
Починаху пуни смеће,
Одклѣ смртно угледати
Могаше се мѣсто веће.

На гори се виђе ньима
Оружанѣхъ чета людій,
И копячамъ охолыма
Брѣгъ обастртъ одасвуди.

Єръ пропета да тѣлеса
Неомрцыне блага дана,
Ки̂ пунъ славе и уреса
Светковаше сіонска страна,

По наредби редовника
Съ крижа ихъ дигнут' бѣше гори̂

Дошла изъ града множь бойника,
И укопат' ихъ на истой гори.

Ту два кривца, ки̂ прибѣни
За злочинство своє стаху,
Іошъ ядовно измучени
Животъ съ смртимъ провођаху.

И твореһи плачъ прелютый,
Да ихъ васъ пукъ чути буде,
Желю имаху издахнути
И съ тѣмъ доспѣт' смртне труде.

Пазеһ' челядь несмилѣна,
До по себи немру сами,
Прибіяю ньихъ колѣна
Претежкѣма копячами;

Тере видеһ', да су умрли
Съ крижа ихъ мртвѣхъ одбіяю,
И у препросту яму хрли
Вржене ихъ укопаю,

Ну божѣга пазеһ' сына,
Издахнуо да є веһе,
Уставля се нѣхъ врлина
И мртва га грдит' неһе.

Теръ као милось имаюһи,
Одъ брзе се смрти чуде,
Блѣдо тѣло гледаюһи
И нѣгове ране худе.

Гласъ є, да су мнози дружбу
Райскѣхъ дворанъ ту видѣли,
Гдѣ на плачну бѣху службу
Сгаръ съ небеса долѣһели.

И у снѣжаной гдѣ одѣћи
Око смртна крижа лѣте,
Божанствену крвь купећи,
Ку̂ цѣђаху ране свете.

Теръ у чашахъ гдѣ злаћенѣхъ
Съ многомъ части свакій по се
Скупѣну ю путъ блаженѣхъ
Свѣтлѣхъ страна горѣ носе.

Тадъ се еданъ одъ бойника
Кому бѣше Лонгинъ име,
Срца изнађе тврда и при̂ка
Међу осталѣмъ бойницыме.

На хрлу се онъ затѣче
Коню съ оштромъ сулицоме,
Теръ отвори, теръ просѣче
Свете и славне прси пъ ньоме.

И около се свакъ чудећи
Люте изъ ране, ке̂ му пода,
Тутако се виђе тећи
Измѣшана крвь и вода,

Да по дѣлу знамо тому
Као смо крвимъ одкуплѣни;
А по виру воденоме
Одъ кривина умывени.

Радъ кладенца чудна толи
Свеколике ближнѣ траве
Огрезнуше, и на поли
Блѣде осташе и крваве.

Чимъ чудеса таи свакъ пави,
Іозефъ, кажућ' много смѣнѣ,

Међу оружѣ густо улази,
На крижъ светый теръ се пенѣ.

Ту сузами обилныма
Полѣваюћ' лице и крыло
Съ Никодемомъ сбія и слима
Драга мештра мртво тѣло.

Кое слимѣно поставили
Срѣдъ платна су снѣжанога,
Истый вечеръ кû купили
Бѣху цѣћа посла тога.

У платну га носе бѣломъ
Кровъ бойника дружбу худу,
Съ укопнѣме да га цвѣломъ
Поставити у гробъ буду.

Овдѣ сада долетите
Сва младости вышнѣхъ двора,
Краля одъ неби да дружите
Укопнога до мрамора:

Свакій одъ васъ сгаръ донеси
Киће цвѣћа разликога,
Мртво тѣло да се уреси
Спасителя свѣта овога.

Свакои бы разлогъ быо
Да у овему сада быћу
Тко е свѣтъ цвѣћемъ наресіо,
Покрывенъ е васъ у цвѣћу.

Божѣ тѣло донешено
Бы предъ плачнѣхъ жена дружбу,
Кое тачъ горко и сметено
Поновише свою тужбу,

Да на болне ньихъ ґоворе,
Кѣмъ прилике нїе подати,
Свеколике ближнѣ горе
Чуяху се разлѣгати.

Судіо бы, да се околи
Свако полѣ брѣгъ и страна
Справля цвѣлит' съ многомъ боли
Свога створца укопана.

Тужна майка жалостива
Сѣди живца врхъ камена
Разкосана, болежльива
И чемерно уцвилѣна.

Не безъ вая усіона
Срѣдъ ядовна свога скута
Наслонила бѣше она
Свога сынка издахнута.

Теръ грлећи мртво тѣло
Цѣлива очи садъ сажете,
Садъ крваво блѣдо чело,
Садъ пробѣне прси свете.

За тезѣмъ се замышлѣна
Люте у ране запазила,
Кѣмъ га е челядь несмилѣна
Свега, ваймехъ, изгрдила!

И тачь горке муке и смеће
У своему срцу ћути,
Да изъ нѣ яднѣхъ уста веће
Гласа и тужбе нїе чути,

Одъ болести нег' велике
Стои тако непомична,

Плачна образа, блѣде слике
Мрзной стѣни сва прилична,

Кодъ нѣ вѣрнѣхъ скупъ дружица,
Вапіюћи тужне у гласе,
Прси раня, грди лица,
И просуте трга власе.

Одъ ньихъ єдне чимъ сметене
Безъ престанка сузе и плачу,
Млакомъ водомъ подниженe
Божѣ тѣло перу и плачу.

У снѣжаный поставъ єдне.
Кѣмъ га завит' мртва имаю,
Изабране и наредне
Множь помасти поставляю.

Разметнутѣмъ ова прами
Крвава му тре колѣна,
Жестоцѣма надъ ранами
Са свѣмъ тѣломъ наслонѣна.

Прободене руке и ноге
Грли му она и цѣлива,
И надъ ньима грозне и многе
Рони сузе и проли̂ва.

Све болесне, све дреселе
Радъ нѣгове смрти прѣке,
Туже, уздышу, јауче и цвѣле
И валяю плачне рѣке.

Одъ божѣга єдва тѣла
Раздѣлит' ихъ люди могу,
И они пуни плача и цвѣла,
И они кажућ' болесь многу.

Ну тажећи тужнѣхъ жена
Жалось све што болѣ знаю,
Укопнога срѣдъ камена
Краля одъ неби поставляю;

И у достойной стократъ оцѣни
Хотећи се одѣлити
Светомъ гробу подннжени
Натѣчу се поклонити.

Тада женска дружба избрана,
Нехотећи сама остати,
Томъ га виђе укопана,
На станъ болну майку одпрати;

Али злобни и немили
Жидовскога пука главе
Іошъ небѣху уставили,
Страхъ ни мысли свѣ неправе,

Єрь се многократъ сгоди нѣкда
Одъ истога нѣга чути,
Да одъ мртвѣхъ опетъ има
Онъ на свѣтлось ускрснути,

И да княиге старе и свете
Старѣхъ пророкъ той цѣвваю,
Коѣхъ они писма и свѣте
Слѣпи одвеће непознаю.

Цѣћа тога зло смућени
Шлю бойнике оружане,
Нека обстеру гробъ каменный,
И у ноћь и у дне да га бране.

Одъ нѣговѣхъ да когоди
Ученика сміономъ власти

Неусуди се и ослободи
Укопано тѣло украсти.

И да лаживъ гласъ просуо
Небы еврѣиской по држави,
Да е одъ мртвѣхъ уакрснуо
И у животу да борави. —

Садъ съ небескѣхъ сгаръ высина
Къ мени крѣпось твâ долети,
— — — —
— — душе светый!

Ты, кои си радось права
И веселѣ свега створа
Свѣтлось, уресъ, часъ и слава
Одъ небеса, землѣ и мора,

Изъ памети мое сада
Сасма изђерай и одрени
Што е остало муке и яда
Радъ немиле смрти у мени!

Теръ жуђеномъ твôмъ милости,
Иза горка плача и смеће;
Оћуђенѣ одъ радости
Удѣли ми трудну веће!

Радости оне, ку̂ съ тобоме
Множь ужива срећнѣхъ душа
Горѣ, съ честимъ гдѣ вѣчноме
Свакоя се сладось куша.

Бѣжи плачно ћа дреселѣ,
Овдѣ радось наша истинна,
Овдѣ наше све веселѣ,
Овдѣ наша часъ почина.

И вы већій подигните
Пѣсни мое ромонъ оди̂;
Спасителя теръ славите,
Наше одъ кога добро изходи!

Онъ, да веће изъ дубоке
Круте ноћи буде извести
Старе свеце и пророке
На обећане райске чести,

Бѣше сишао, духъ безъ пути,
Надъ паклѣне доли̂ стране
Међу стѣне, међу люти,
Гдѣ дапъ бѣо вѣкъ несване.

Гдѣ усіоный, гдѣ страшивый,
Непреставный мракъ кралюе,
Гдѣ несходе люди живи,
Плачъ и смећа гдѣ стануе.

Овдѣ одметна и опака
Црна браћа пребываю,
Кои могоше добра свака
Уживати горѣ у раю.

Ну еднацы дочимъ быти
Створителю свому раде,
Себи поразъ вѣковитый
Съ охоластимъ своіомъ граде.

Єръ разсрчбе пунъ огнѣне
Краль одъ неба свемогућій
Свѣхъ заклюси оборене
У паклѣный язъ горућій!

Туи грѣшника душе тужне
И они тужни нада свима

Друже у црнѣхъ ямахъ сужне,
Вѣчне муке даюћ' ньима.

Ове душе укопане
Радъ чинѣня худа свога
Найдублѣ су посрѣдъ стране
Одъ понора паклѣнога.

Ту тко улѣзе, веће вѣку
Неима уфаня моћ' излѣсти,
Него у огню страшну и прѣку
Трпи горке све болести;

Огню, съ дымомъ усіоныме,
Кои жеже а несвѣти,
У никоє до́ба и врӣме
Кои неће догорѣти.

Огнѣнога врху круга,
Гдѣ грѣхъ свою плату стѣче
Мирна и тиха мѣста друга
Простиру се на далече.

Ту ни єднога ніє плама,
Ни се друго зло находи,
Изванъ тмина и ноћь сама,
Кâ подъ земльомъ свудъ господи,

Душе избранѣхъ одређене
На небеске юръ покоє
Одъ неправѣхъ разлучене
Ту траяху врѣме своє.

Грѣхъ старога родителя,
Не ньихъ дѣло худо и прѣко
Райскога ихъ одъ веселя
Уздржаше ћа далеко.

Оне инога неимаху
Вая, муке, ни горкости,
Ни се опета доћ' хараху
На свѣтъ овый пунъ жалости,

Ванъ што бѣше іоштеръ ньима
До тои доба забранѣно
Међу дусимъ небескима
Лице уживат' божанствено;

Ту стояху оцы свети,
Кй словећи добрѣмъ дѣли,
Безъ кривине юръ на свѣти
Годишта су своя провели.

Живѣт' путомъ одъ нарави
Само бѣше ньихъ забава,
У пріятельству, у любави
Овце пасућ' срѣдъ дубрава.

Правду любит', и частити
Великога краля одъ неби,
И ниткому нечинити,
Што небы узô човѣкъ себи.

Ту небесомъ дружбе угодне
Светѣхъ пророкъ пребываху,
Дѣла и ствари кй доходне
По градовѣхъ припѣваху.

И они, кй су свете и знане
Юръ законе людемъ дали,
И кй су ихъ свòе одъ стране
Доброволно послушали.

Жена и людій дружба врѣдна,
Кâ законе божѣ облюби,

И множь дѣце, кѣхъ нередна
У неврѣме смрть погуби.

Сви чекаху данъ суђеный
Са свѣмъ срцемъ, са свомъ свѣсти,
Да ихъ породъ божанственый
На небеса буде одвести.

Ту пророчни дуси свети
Крозъ высоко свое знанѣ
Разбираху по памети
Съ помньомъ божѣ обѣћанѣ,

Теръ броећи вѣке и лîта,
Дохитаху, да су веће
Близу доба таи честита,
Кадъ ће доспѣт' свое смеће.

Тымъ познаюћ', да ће изити
Скоро изъ тамне ноћи блѣде,
Срѣћне узеше говорити
У веселю сеи бесѣде:

„Ето срѣћный данъ долети,
У кои ће быт' подано
Божѣ лице намъ видѣти,
Добро уживат' свѣмъ чекано.

Ови съ неба великога
Радъ горуште свê любави
Пунѣмъ духа пресветога
Намъ небескій краль обяви.

Ови друзѣмъ умрлыма
Навѣстисмо мы нѣкада,
Да съ пожудамъ свакданьима
Народъ му се людскій нада.

Права свѣтлось къ нами греде,
Племе краля одъ небеси,
Да насъ у рай горѣ одведе,
Да насъ вѣчномъ чести уреси.

Онъ є быо, нитко иный,
Кога нами веђекрати
Подъ приликомъ вышньй учини
Бойна одъ лава припѣвати.

Ки̂ самъ єданъ за све ине
Подложи се на смрть при̂ку,
Нашъ противникъ да погине,
Ки̂ намъ оте прѣдню дику.

Лавъ одъ крви славна Юде
Земльи у помођь посланъ сгара
Непріятелѣ наше худе
Разби, добы, сплеса, схара.

По све свѣта четирь стране
Сви се умрли веселите,
И вы срѣђне душе избране
Коє се овдѣ находите.

Ето вы сте садъ блажени,
А нами су сасма веће
Вышньи двори разтворени,
И удѣлѣне райске срѣће.

Юръ као є одъ насъ навѣштено,
Скоро ће се догодити,
Да се има све створено
Подъ небесомъ веселити,

Да ће одъ райске честитости
Славни быти свудъ билѣзи,

Одъ велике да радости
Узиграт' ће горе и брѣзи,

Якъ яганьцы тихи и млади
Лугомъ слѣдећ' свê матере
Скачу травной по ливади
И веселу игру тѣре.

Юръ е врѣме приступило,
Да съ кладенцымъ быстре ри̂ке
Медъ пресладкій, млѣко би̂ло
Буду ронит' свеколике,

И вы хриди о каменне
Свакомъ сластимъ да течете,
И одъ раскоше неизречене
Да зламенѣ свудъ кажете!“

Срѣћни дуси и блажени
Ове рѣчи говораху,
А у нутра се тмасте сѣни
На ньихъ радось веселяху.

Затворени тачъ грађани,
Бойна войска кѣхъ подступа,
И ньихъ мире, ну замани,
Тресковитѣмъ огнѣмъ лупа,

Засве да се мало бое
Одъ порава погубнога,
Чимъ у тврђи якой стое
Сачувана града свога;

Ако войску помоћника
Изъ далека видѣт' буду,
Ки̂ ће охолѣхъ противника
Сатарисат' силу худу,

Пунъ радости, пунъ веселя
Гласъ до неба дигну таде,
Да ньихъ истѣхъ непріятеля
Срце ледный страхъ попаде.

Срѣдъ радости овѣхъ ето
Славный осветникъ сегаи свѣта
Васъ горуштѣмъ срцемъ свѣтô
Ступа на прагъ пакла клета.

Бѣху врата ту гвоздена
Несмотрна грда чина,
Яка, силна, утврђена
Изванъ мѣре и начина.

Ничя крѣпось, ничя сила
И никаква власъ подъ неби
Ньимъ кренула и оборила
Да вѣка ихъ на тлѣ небы:

Али породъ Превышнѣга
Крозъ моћь свою божанствену
На срамоту пакла свега
Томъ ихъ тегну, ньима крену.

На кренуће силно и яко,
Кое учини божя рука,
Замнѣ небо, земля и пакô
И ста свуди страшна бука.

А кадъ сіоный ромонъ чуше
Изъ огнѣне тай часъ стране
Сви се дуси зли сунуше,
Да паклѣна врата бране.

Сгаръ до паса людске слике
Ношаху они, а низдолȋ

Бѣху звѣри грде и при̂ке,
Єдовити змаи охоли.

Тѣмъ режећи, страховите
Свакій одъ ньихъ гласе изпусти,
И ста пламе огнѣните
Изъ немилѣхъ метат' усти.

Тмасти язи, блѣде спиле
Одъ паклѣне ноћи скровне
Све се бѣху задымиле
Одъ ньихове паре отровне.

Али све тои бы залуду,
Єръ сынъ краля небескога
Смете силу прѣку и худу
Злобна пука проклетога.

Онъ несамо тадъ раствори
Врата одъ пакла своіомъ власти,
Негъ ихъ іоштеръ сасма обори
И учини на тлѣ пасти.

Сметена се тадъ угледа
Црна кућа и немила,
Теръ тутако тмаста и блѣда
Ноћь се одѣли изъ нѣ крыла.

Єръ каконо язный ками,
Ки̂ горуштомъ пламу одсѣва,
И ноћнѣма ки̂ тминами
Своѣмъ зракомъ одолѣва,

Кралѣвскога посрѣдъ стана
Ся съ начиномъ тачъ лѣпыме,
Да далеко изћерана
Тмина утѣче сва прѣдъ ньиме:

Тако породъ божанственый
Виђенъ густой у тамности,
Све разагна мркле сѣни
Неизреченомъ свôмъ свѣтлости.

Као виђеше дуси клети
Посрѣдъ яма своѣхъ Бога,
И ньимъ мрзећ' образъ свѣтый
Свѣтльiй одъ лица сунчанога,

Препадени таи̂ часъ свише
Подъ утробу грде куде,
Теръ се одъ страха уклонише
У найдублѣ язе худе.

Ту скровени едовиту
Творећ' режню, завiяху,
И замани свою очиту
Штету и поразъ свой плакаху.

Како у старой кадъ планини
Полудивя челядь стое,
Зимномъ леду и врлини
Подложена све дни свое,

Изъ далече ако упазе
Оружанѣхъ войску людiй,
Изређени гдѣ пролазе
У юначке чете туди,

Свакiй одъ ньихъ ође одъ страха
Спилу свою, теръ се упути
Не безъ тѣка брза и плаха
У найвыше стѣне и люти,

Съ мнозѣмъ чудомъ теръ одъ толе
И съ боязнимъ погледаю

Бойне конѣ, пѣшце охоле,
Крозъ ньихъ мѣста гдѣ ступаю.

Али чисте душе избране
Божанственой при свѣтлости
Веселе се по све стране
Сузећ' многе одъ радости,

Теръ држећи путъ высина
Подигнуте руке обоє
Хвале Бога господина,
Ки̂ ньихъ яде погледо̂ є.

У веселю пакъ велику
Све што болѣмъ редомъ знаю,
Супроћъ своему слободнику
Греду, и нѣга сусрѣтаю.

Ни єдна се одъ ньихъ ту неморе
Наситити, гледаюћи
Райско лице и позоре,
Гдѣ зракъ сѣва премогућій.

Све га мирне, све веселе
Поздравляю съ многомъ части,
И рѣчи му ове веле
Садружене съ чудномъ сласти:

„Као примамо сада тебе,
Свѣтла части одъ небеси!
Кои туге и потрѣбе
Наше утѣшит' дошао єси,

Съ премъ великомъ ки̂ милости
И намъ и свой людской крви
Срѣће враћашъ и радости,
Коє изгуби ћаћко првый,

Кои къ дворимъ небескима
Свѣту справне чинишъ путе,
Да за твоѣмъ ступаима
Слободно се люди упуте.

Твой намъ образъ божанственый
Ся надъ сунцемъ одъ источи;
У твомъ лицу рай жуђеный
Уживаю наше очи.

Къ намъ си дошао, али кое
Поднесао си ты на свѣти
Труде, муке, непокое,
Одъ кѣхъ и овдѣ гласъ долѣти.

Тко е с̀вето твое тȋло
Изранio люто толи,
Чie гвожђе тачъ немило
Крвь пречисту твою проли?

Тко се людской у нарави
Нашао толи тврде ћуди,
Да на тебе руку стави,
Тебе уморит' да се усуди?

О валови синя мора,
Суху землю кȋ пашете,
И већкратъ се выши одъ гора
Путъ небеса подижете,

Срѣдъ кога сте яза скрыли
Вашу охоласъ, вашу силу,
Кадъ створитель вашъ премилый
Смрть поднесе тачъ немилу?

Чему нѣсте у тои доба
Подигнули потопъ врлый

Врху землѣ пуне злоба,
И све грѣшно людство стрли?

Ты ли, божій славный сыну,
Теи жестоке ране подни̂!
А да мы смо по начину
Сахранѣни и слободни.

Мы одъ таке нѣсмо сцѣне,
Ни съ намъ людскій народъ иный;
Съ твê доброте неизречене
Ты честите насъ учини!

Ты цѣћа насъ веле изтруди,
И поднесе тежка дѣла,
Драгъ покою одъ свѣхъ людіи̂,
Вѣчный уресу свѣхъ анђела!

Нашъ е, нашъ грѣхъ небескога
Родителя уврѣдіо,
А ты еси цѣћа тога
Съ крижа твою крвь проліо.“

Ове рѣчи у веселю
Срѣдъ заклопне тамне стране
Свому драгомъ спасителю
Говораху душе избране.

За тезѣмъ се све дѣлећи
Изъ мрзеће стране блѣде
Къ вѣковитой райской срѣћи
Осветника свога слѣде.

Срѣћне душе, слобођене
Одъ свѣтовнѣхъ труда веће,
Ни подложне на промѣне
Одъ неставне слабе срѣће.

Людскій ћаћко првый ходи,
Ки̂ за старо своє дѣло
Іоштера се неслободи
У небеса дигнут' чело,

За ньимъ стари оцы знани,
И пророцы свети греду,
Бѣлѣмъ платномъ повезани
Поноситу главу сѣду.

За пророцымъ лѣпѣмъ редомъ
Иду избране дружбе остале,
И съ веселомъ све бесѣдомъ
Слободника свога хвале.

Заплакаше зло тадъ они,
Кѣхъ за грѣхе нецвилѣне
Држи пако̂ усіоный
Дно пропасти своє огнѣне;

А то єре тужни уфаня
Одъ слободе неимаху,
Негъ вѣчнога срѣдъ скончаня
У огню вѣчномъ боловаху.

Краль проклетый навластито
Худа одъ пакла са свомъ дружбомъ
Уздысаше огнѣнито
Съ лютомъ смеђомъ, съ горкомъ тужбомъ,

Добрѣмъ душамъ завидеђи
Злобный силникъ и неправый,
Рай, ки̂ Богу противеђи
Онъ срамотно нѣга остави.

У тао свога бранителя
Дружаху оне у радости

На разкоше, па веселя,
На неизмѣрне честитости.

И чимъ ґреду и ступаю
На блаженство райско шъ ньиме,
У ґласъ меденъ припѣваю
Свето и славно нѣга име.

Срѣћне душе, кое живѣти
У вѣчной ће горѣ слави;
Гдѣ немогу веће умрѣти,
Гдѣ се ужива покой правый.

Весели се кудъ проходе
Повѣтарце благо шъ ньима,
Далек' пласи вѣтри одходе
Съ тресковитѣмъ облацыма.

Паче и вышньи ведри двори
Одъ веселя билѣгъ даю,
И горуштѣхъ звѣзда кори,
Кои радось ньихъ гледаю.

Поздравля ихъ бѣла зора
Узъ драгъ жуберъ злацѣхъ птица,
И кâ бѣше иза гора
Свѣтла изашла юръ даница.

XIV.

ВЛАДИСЛАВЪ ЕРЕ МИНЧЕТИЋЪ

(умр. 1666.)

(изъ Трублѣ словинске пис. 1663).

— Царъ Солиманъ са своимъ силомъ
Истокъ, западъ заедно сдружи,
И съ већіемъ свѣта дѣломъ
Дође Сигетъ да обкружи.

Одъ Сигета градъ по срѣди
Быстре воде стои на сами,
Паче у мирномъ блату сѣди
Кô у прстену драгійками.

Яка е собомъ ґрађа охола
Съ дѣла одъ руке и нарави,
А іошъ яча, банъ Никола
На нѣ обрану што се стави.

Справля плави, мосте зиђе
Врхъ Дунава, Тисе и Драве,
Страшномъ войскомъ да прѣ прїђе
И превезе бойне справе.

Подъ теготомъ одъ бойника
Сва се около земля тресе,
А банъ славный зла силника
Ніедне прѣтнѣ нехае се.

Ты спомено, кâ на свйти
Бранишъ крѣпось бойнѣхъ людій,
И да неостану у забыти
Ньихъ юначства гласишъ евуди,

Ты прикажи смѣона дйла
Одъ хрваня витежкога,
Кê юнаке смрть немила
Схара съ прѣка боя онога.

Да, дай одкри дѣо найманый,
Люто біенѣ кô прошло е,
Нека слуша свѣтъ саданый,
Што вѣкъ старый дѣловао е.

Сповѣђ', коя крвь се проли
У множ' силнѣхъ приступишта,
Кô храбрено банъ одолй,
И сби турске силе у ништа.

Кô одъ еда царъ запрештенъ
Ил' освану, ил' се смркну
Трудномъ мысли одъ свудъ стиштенъ
У несвѣсномъ гнѣву цркну.

Съ мудрѣмъ свѣтомъ везиръ славный
Сгоду царску хитро мучи,
Паче на бой да су справни
Воеводамъ свѣмъ наручи.

Васъ кô изчезнутъ ньима рече,
Како тврдо царъ закле се,
Да свѣмъ сютра главу сѣче,
Ако Сигетъ неузме се.

Кадъ бы ютро, истомъ зора
Сину, и данъ разсвану се,
Ето турскѣхъ изъ табора,
„На оружѣ'“ вапит' чу се.

Безъ крзманя, безъ обзира,
У сто чета войска скочи,
Да на разсапъ срне одъ мира
Пріе нег' сунце данъ заскочи.

Соколовићъ Мехмедъ паша
Све оружѣ уедно скупи,
Са свѣхъ страна силе узмнажа,
Градъ да обстере и подступи.

Донѣ огнѣне трѣске умрле,
Страшнѣмъ огнѣмъ кê пуцаю,
Да бы у прахъ све сатрле
Тврђе, Сигетъ кê чуваю.

Съ клетѣмъ ступомъ приближа се
Утопніехъ иа край вода
Вапіюћи у све гласе,
Да се смртный юришъ пода.

Съ голомъ сабльомъ у десницы
Онѣхъ гони, овѣхъ ти̂ра,
Да нахрипе свиколицы
На погубу тврдѣхъ ми̂ра.

По юначству, ил' по сили
Свакій витезъ гре напрѣда,
Ну када су приступили,
Гдѣ се онуђе прођи неда,

Ста урнебесъ ћа до неби,
Сто и сто тисућ' грла ви̂ка,

Земля одъ буке єкти у себи,
Тѣкъ узпрегну ближня рѣ̂ка.

Васъ се у дыму градъ затвори,
Све обуйма магла црна,
Изъ кê дажди, одклѣ се ори
Градъ огнѣнѣхъ смртнѣхъ зрна.

Нахриплює свакъ на мире,
Тко узлази, а тко пада,
Овый є мртавъ, оный умире,
Оный ранѣнъ гре назада.

За сто рука десномъ самомъ
Сѣче, и срне свудъ банъ првый,
Обстртъ гвожђемъ, дымомъ, пламомъ,
Васъ у праху, зною и крви.

Рѣк' бы, дажди трѣсковима,
Чимъ све обходи мира крає,
А на ударце, кê у штитъ прима,
Гора одъ гвожђа рек' бы да є.

Мири крвимъ поливени
Безъ првога стоє уреса,
Видећ' се одъ свудъ обкружени
Грађомъ мртвѣхъ одъ тѣлеса.

Ма ето уредба сгара съ неби
Давно одређенъ часъ доніє,
Бой почетый да по себи
Одъ Сигета већъ доспіє.

У огнѣный се прахъ утруни
Смртна искра, кâ учини,
Да се огня све напуни,
Да пламъ тврђу сву разчини.

Расте огань, а одъ свудъ врви
Войска, у ку̂ банъ се уплака,
Теръ пламъ гаси людскомъ крви
Извѣченѣхъ одъ Турака.

Али страшну силу огнѣну
Моћь умрла ко̂ да уздржи,
Ако сгара тврду стѣну
И найяче зиђе пржи?

Тымъ банъ славный, трѣсъ одъ боя,
Видећ' поразъ свой очито,
Са сво̂мъ дружбомъ мала броя
Хтѣ одлучит' становито

Непредат' се, прѣ умри̂ти,
Бит' се доклѣ дыхат' могу,
И свой животъ посветити
Светой вѣри, части и Богу.

Мао остатакъ дружбе сдружа,
Съ ньима изъ града на дворъ скаче,
Съ оружіемъ срѣдъ оружа,
Изпрѣдъ огня међу маче.

Умути се у скупъ лютый,
Одъ множства се непрепада,
Само у срцу болно ћути
Дружбе поразъ, разсапъ града.

Гдѣ су яче турске силе,
Ту як' муня хрлѣ тече,
Конѣ, люде, копя, стри̂ле,
Крши, ломи, плеше, сѣче.

И то множство банъ охолый
Покла, удави, ступомъ сплеса,

Да се обзиданъ васъ у околи
Нађе мртвѣхъ срѣдъ тѣлеса.

Изъ захода смртне обзиде
Са свомъ моћи изит' иште
Ну скупъ већій одъ свудъ иде,
Ки̂ га сасма већъ притиште.

Подпире се, хрве, и уздиже
Выше себе мртвѣхъ горе,
Али у дуго трудъ га стиже,
И уздржат' се већъ неморе.

Пада сунце свѣхъ бойника,
Подъ теготомъ простртъ пада,
И свôй слави до вѣкъ ви̂ка
Изтокъ нађе срѣдъ запада.

Неосвећенъ ну незађе
Срѣдъ тамнога смртна мрака,
Доклѣ єданъ живъ се нађе
Правовѣрнѣхъ одъ юнака.

Пунъ достойства къ небу одхрли
Славно честитъ нада свиме,
Свѣту оставля гласъ неумрлый,
Душу Богу, слави име.

Има живѣт' тымъ до ви̂ка
Драгъ на земльи и на неби,
Дика одъ писма и єзыка,
Міо вышнѣму, славанъ себи. —

XV.

ИВАНЪ БУНИЋЪ ВУЧИЋЕВИЋЪ

(род. 1658.)

1.

О умрли ташти люди
За чеса се лакомитє,
У той хлапньи и пожуди
Веће благо да скупитє?

Знайте, знайте, да найдраже
Ваше стоке и похране
Неће быти скоро ваше,
Нег' за вами тко настане.

Голѣхъ васъ є породила
Изъ утробе ваша мати,
Голѣхъ ће васъ земля и гньила,
Стара майка, укопати.

По смрти се инђе броди,
Друзѣмъ моримъ, на ине крає,
Гдѣ овый пѣнезъ непроходи,
Гдѣ се злато непознає.

Благо умрло неиштите,
Коє плѣсань тре и стара,
И иманѣ нежелите,
Црвъ и хрђа коє хара.

Божя рука сгара съ неби,
Кâ редъ свему створу дає,
О човѣче, іошъ и теби
Све потрѣбе дат' моћна є.

Одъ божѣга провиђеня
Звѣри є свакой да́на храна,
Богъ да начинъ одъ живлѣня
Бѣлѣмъ птичимъ зрна врана;

И сумньите, да остави
Слугу вѣрна, кй̂ све уфанѣ
Съ темельитомъ вѣромъ ставй
Само у Божѣ смилованѣ?

Не, не, не, не, надъ звѣздами
Блага му се многа хранє,
Злато, бисеръ, драгій ками
Лѣпшій, источне нег' є съ стране:

Зато благо оставите,
Кê є узрокъ одъ свѣхъ злоба,
Негъ за оно прионите,
Коє прати прѣко гроба.

2.

О несвѣсне и махните
Людске свѣсти сасма у себй,
Кê знат' и умѣт' свѐ цѣните,
Што є подъ небомъ и на небй;

Опака ти є ваша вѣра,
Кôмъ се разумъ вашъ подноси!
Крива ти є ваша мѣра,
А неправи све разлози!

Вы држите темельито,
Да ніє чуда на семъ свѣти,
Коє може быт' скровито
Вашемъ знаню и памети,

А незнате слабѐ и трудне
Да сте веѣма, нег' ли очи
Ноѣне птице у полудне
Супроѣъ сунцу одъ источи;

И да раззнат', што є истина
По ученю лаживому,
Ніє дано, негъ съ высина
Обявлѣна кадъ є кому.

Права истина сгаръ доходи,
Право є добро Превышнѣму,
Инуда се ненаходи
Правый разумъ, негъ при нѣму.

За чеса ти є, свѣсти охола
Гледат' звѣзде съ полуноѣи,
И небеска пазит' кола,
Загонєтат', што има доѣи?

Када незнашъ, надъ звѣздами
Да є створитель многе власти,
И да ти є подъ ногами
Яма вѣчне одъ пропасти?

За чеса ли є искат' теби
Узрокъ свему, кадъ ти ніє
Познанъ вышньій сгара съ неби,
Свѣхъ узрока узрокъ кӣ є?

Чему ти е крѣпось знати
У каменю, рѣчи, и трави,
Кадъ неумѣшъ извидати
Твою душу зле нездрави?

Умѣтонство чему ли ће,
Мѣре одъ землѣ и одъ небеса,
Кадъ ти гробу доста быт' ће
Четирь лакта за тѣлеса?

Ахъ, чіемъ се охолите
Людско знанѣ и мудрости?
Име право достоите
Предъ вышньіемъ одъ лудости!

Виђ'те кô сте заблѣштене,
Слабе, слѣпе, и неяке,
Ако нѣсте просвѣтлѣне
Одъ небеске сгара зраке.

Спознайте се, кô заходи
Одъ правога свакій друма,
Кй̂ съ разлогомъ само ходи
Умрлога одъ разума;

И да знанѣ право извира
Выше края свѣхъ одъ свѣта,
Гдѣ видъ людскій недопира,
И гдѣ разборъ недохита.

XVI.

ИГНЯТЪ ЂОРЂИ

(1675—1737)

I.

Уздаси Мандалѣне.

1.

Изъ Уздисаня трећег’.

Вѣко-створацъ люби, и ћути,
Вѣчномъ нѣму слично што є;
Све, што може погинути,
Прѣдъ Неумрлѣмъ препросто є;
Вѣчну душу ћути и люби,
Ку̂ за освоит’, себе изгуби;

Кôй за животъ дат’, у зною
И у крви свой угаси.
Ахъ виђ’, душо, цѣну твою,
Ахъ, спознай се, колика си:
Єръ васъ уресъ одъ небеса,
Замѣна є твога уреса!

Ахъ и уресъ твой остави,
Кѣмъ замамит’ могла є Бога,
Нѣгда слѣпа при любави
Одъ уреса тѣлеснога
Мандалѣна, свога лица
Затравлѣна любовница.

Али у кратко позна врѣме,
Кê лѣпости єсу праве,
Теръ сузама текућѣме
Смакну съ лица єве направе,
Да нѣ крѣпось выша устане
Врхъ таштине поплесане.

Видѣ небо, кадъ іой съ чела
Одъ направа облакъ мину:
Кадъ нѣ пређе зора бѣла,
Тадъ є райско сунце обсину:
Воће у души провре, каде
Нѣ лѣпости цвѣтъ опаде.

Теръ кô мѣсецъ, кадъ прострле
Нань су свой мракъ кобне сѣни,
Све притеже къ себи умрле,
Да га пазе зачуђени:
Тако и она тамна и блѣда
Рай притеже, да є гледа.

Свупнѣхъ капаль' влажну силу
Сгаръ лѣваше хридна спила,
Кô да и хридь плачну узъ вилу
Бѣше цвилит' научила,
И грезняше страна свака
Кућнѣмъ даждомъ безъ облака.

Ромонито чѣмъ падаше
Вода низъ врхъ пуклой стѣни,
Сва на єдно протѣцаше
У наравный судъ каменный,
Комъ чиняху свудъ около
Тврду ограду станци голи.

Еврѣнкиня едномъ млада
Конъ езера тога сѣде,
Те́ръ унь упрѣ пуна яда
Уцвилѣне свое погледе,
Велећ': „сузе, яохъ, смућене
Тебе узмноже, скраћаю мене.

Плаче даждомъ хридь у спили,
Да ты растѣт' будешъ съ тога,
О езеру, друже милый
Мога цвила покорнога:
Плачемъ и я; ну смућеный
Гине у сузахъ животъ мени.

Ты, камене, плачешъ тако,
Засве плакат' неимашъ трѣби,
Єръ ты вѣранъ доба у свако
Живіо си кралю одъ неби,
И единa бы твâ желя
Съ жельомъ твога створителя.

Теби онъ рече: землю реси
Величиномъ врха твога:
Ты се уздигну путъ небеси,
И прослави створца Бога:
Ни се тужишъ, што те удара
Самосилнось злѣхъ вѣтара.

Заповиђе, да те пзгрди
Съ свомъ страхоћомъ дивячь тмаста,
И да т' чине заклопъ тврдый
Заплетенѣхъ жиле одъ храста.
Нареди ти: ставанъ сѣди!
А ты обслужи, што онъ нареди.

А я, ваймехъ“ — пакъ изпусти
Уздахъ изъ дна срца своґа;
Рѣчь утопи ньой срѣдъ усти
Рѣка плача ненаднога,
Теръ у мыслѣхъ задубѣна
Оста врху стѣне стѣна.

На скутъ руку свою наслони,
А на руку плачно лице,
Пазећ’ воду, гдѣ ромони,
Протѣчући низъ литице:
Кадъ у води тои пазећи
Назре слику свою по срѣћи.

Лице у лицу кадъ неугледа,
Кѣмъ одъ лѣпѣхъ сѣва у брою,
Нег’ образа сухоръ блѣда,
И безъ слике слику свою,
Сплете руке, главомъ стресе,
Пакъ вапити подиже се:

„Лѣпось свака на свѣтъ одй̂
Поправъ има рѣт’ се у створу
Зидъ на снѣгу, снѣгъ на води,
Вода у рѣци, рѣка у мору,
Сгледна свѣтлось, кâ скраћа се,
Бѣгућъ уресъ брзъ на часе.

Гробъ позлаћенъ, штетна мама,
Медный чемеръ, смрть жуђена,
Пѣна, магла, вѣтаръ, слама,
Пламъ, хипъ, санъ, гласъ, прахъ, дымъ, сѣна,
Съ мало славе и годишта
Земля изъ землѣ, ништа изъ ништа.“

2.

Изъ Уздисаня Четвертогъ.

*
* *

Ноћь изиде, теръ у спили
Врхъ тамности тамнось сѣде;
Приклопише мракъ немилый
Придошасте сѣни блѣде;
А хукаху изъ литице
Муклѣмъ гласомъ ноћне птице.

Ноћни страси бѣху стисли
Иштомъ хриди сеи дивячне,
Кадъ одъ тмине тамніе мысли
Духъ стиснуше виле плачне,
Теръ нѣ паметь силомъ плаху
Глухѣмъ коломъ превіяху.

У нѣ свѣсти скупной оне
Ноћнѣмъ мукомъ якось стѣчу,
И досадомъ силе сміоне
Свудъ насрђу, свудъ е обтѣчу,
Нукаюће, да промѣни
Нѣ живота путъ хвалѣный.

Юръ нѣ срце ядовито
Оштре, благе, ротне, изправне,
Лако, плахо, скровно, очито
Дубу, вію, страше и блавне,
Да покоя неима, а када
Одъ ньихъ бѣжи, у нѣ упада.

Тако плавим' силу чини
Брзѣхъ вѣтар' плаха измѣна;
Тако и срна по планини,
По све стране затѣчена,
За утѣћ' ловце, лава клета,
За утѣћ' лава, ловце срѣта.

Тѣра ихъ она, теръ бой біе,
Завађена собомъ сама,
Доклѣ една преблазни е
Добросличнѣмъ преварама,
И засве одъ нѣ непримлѣна
Даи достоя быт' чувеня.

Веляше іой: „Ахъ, устави
Сузе, и себе неумори!
Одъ покоре редъ е правый
Мѣру држат' у покори:
Неће Вышный, Мандалѣна,
Да погинешъ прѣ времена.

Ломе дубѣ вихри штетни,
Стрѣла огнѣна хридь раствори;
Доста е вѣтрицъ премалѣтный,
За отрунит' цвѣтъ у гори:
А ты ломишъ твой цвѣтъ млада
Трѣскомъ, вихромъ труда и яда?

Марта, твоя сестра знана,
Такій животъ, знашъ, неживе,
Нег' франачкѣхъ прѣко страна
Стерућ' руке милостиве
Свудъ помоћи дѣли, и овуда
Бога гласи, твори чуда;

Бѣж' изъ спиле! Крѣпось свака
Непознана, крѣпось ніє:
Тамна є зора срѣдъ облака,
Тамно є злато, кê се крыє,
Сини дакле, и одкри свѣту
Чудо одъ чуда, лѣпось свету.

Створь замѣрну врхъ свѣхъ створій,
Вышу одъ сунца сунцу обяви:
То єсь тебе, кâ превари
Пунъ превара свѣтъ неправый,
И подъ ноге врже твоє
Све, што у нѣму прелѣпо є.

Држава те родна зове,
Коя у теби свой лѣкъ наћ' ће:
Тко юръ жудѣ твê цѣлове,
Садъ твой ступай цѣливат' ће:
Тко те изтѣра нѣгда и смете,
Садъ свою у душу примит' ће те.

Ахъ, видећ' те (кô веселе!)
Узиграт' ће горе у себи:
Китни цедри, вите єле
Приклонит' ће врхе теби:
Уставит' ће тѣке обћене
Быстре рѣке зачуђене.

Тадъ васъ истокъ съ чистѣмъ дари
Ит' ће у теби частит' Бога:
Одисат ће пуни отари
Дыма облаке мирисногa,
И горѣт ће безъ престаня
Лузи арапски на сто оганя.

Кланяти ће народъ желянъ
У сто ступа твоє уресе:
Подъ ногам' ти пако̂ издѣлянъ
У мрамору кривит' ће се,
И казат' ће потлачену
Твоѣмъ ступаіомъ хвасту и сцѣну.

Сят' ће писмо златно оздала:
Ово є вѣцым' посвећена
Землѣ еврѣнске круна и хвала,
Господична Мандалѣна;
Ка̂ предобы млада у лѣта
Свѣтъ и себе већу одъ свѣта.

Звѣрим' спила, крѣпось слави:
Што цкнишъ веће? што цкнишъ оди̂?
Твога изгледа зракъ гиздавый
Поредъ съ даномъ стерат' ходи:
Тако єръ добро, разлогъ вели,
Свему свѣту да се удѣли.“

* * *

Невѣрнице, што є тва̂ слава?
Варка одъ мысли срѣдъ таштине.
Што є тва̂ хвала прегиздава?
Дахъ одъ уста безъ истине.
Што є тва̂ свѣтлось, што є тва̂ сцѣна?
Плодъ врѣмена, плѣнъ врѣмена.

* * *

Све тве̂ быће, све тве̂ иманѣ
Кѣмъ се гиздашъ надъ сва ина:
Здравлѣ, якось, племство, знанѣ,
Благо, лѣпось, величина,

За знат' све, што собомъ носє,
Оди са мномъ, виђ' напосе.

Славно є благо: ну неблага
Одъ блага є хваста и слава;
Нестечено духъ примага,
А стечено желю издава,
Теръ насъ чини съ добра мала
Тамнѣмъ сужньим' свѣтла кала.

Славна є лѣпось: ну по мени
Познамъ славе нѣ лаживє.
На се мрзи, тко ию сцѣни,
Єръ шъ нѣ умира, тко у ньой живе.
И єднако, ваймехъ, труди,
И тко є има, и тко є жуди.

Славно є стећи знанѣ умрло:
Ну то знанѣ колико є?
Єръ іошъ да се свудъ прострло,
Небы знало, нег' свѣтъ што є.
А свѣтъ што є найпосліє?
Стварь, ка' свакчасъ єсь, и ніє.

Славно є носит' царску одѣћу,
И быт' дворенъ съ круномъ горî;
Ну не тебе, нег' тву̂ срѣћу
Двори само, тко те двори:
И у ваѣхь за вай тежій
Твоя дворба съ срѣћомъ бѣжи.

Драгось копни при врѣмену,
И у себи се сама изєда;
Племство удѣли потиштену
Срѣћа, а врѣдну мнократъ неда:

Тко има веле надъ иныма,
Одъ веле се страшит' има.

Пріятѐльство є мале вѣре,
А здравлѣ є слабо дости,
Веселѣ се за часъ стере,
Младось лети путъ старости,
И честократъ непомага,
Нег' є штетна снажну снага.

Ну іошъ и да є права твоя
Свѣтлось, свѣте прехимбеный;
Іошъ да даре твѐ безъ броя
Съ врхомъ проспешъ у скутъ мени.
Єда у крылу таке чести
Живѣла быхъ безъ болести?

У найвећой честитости
Ова бы ми мысао устала:
Доклѣ, ахъ, доклѣ сеи радости
Уживат' ћу? яохъ, одъ мала:
Тѣмъ неуживамъ по разлогу,
Єръ неуживат' брзо могу.

Ахъ, кô вѣтаръ вѣтре у бою,
А валове валъ разбія,
Мени у честу непокою
Благе срѣће чесь горчія;
Єръ одъ добра изгублѣна
Плачна остає успомена.

Сама є ставнось горѣ у раю,
Єръ рай Богъ-є, кӣ неумире:
Туи сва добра непрестаю;
Туи свеђъ нова слась извире;

Туи свеђъ стѣче, све што жели,
Опитъ славомъ духъ весели.

Туи неизречнѣхъ ситъ е дара,
И тѣхъ дара духъ ситъ ніе.
Ситъ е, еръ тоне срѣдъ добара;
Ніе ситъ, еръ му недодіе.
Теръ све имаюћ' съ тѣмъ дарима,
Жуди имати ихъ, засве ихъ има.

Туи зракъ сунца божанствена
Незапада блаженѣме;
Туи зломъ смрти смрть сатрена,
И безъ крыла лежи врѣме:
Туи се у вѣчномъ стану обѣћа
Вѣчномъ пуку вѣчна срѣћа.

* * *

Съ тѣмъ умукну: ну химбена
Мыс'о опета нѣ свѣсь рани,
Говорећ' іой: „Мандалѣна!
Плачешъ, трудишъ, бдишъ замани:
Таштo е дѣло, знай, пустити
Што·есь, за оно, што има быти.

Земля е теби предъ очима;
А тко е, тко зна, што е гори̂?
Себи небо, а людима
Свѣтъ дарова, тко свѣтъ створи.
Земля твоя заисто е,
Може и небыт' небо твое!

Добро е, добаръ што Богъ дае,
И ніе грѣха туи ни єднога;
Злоћа е сцѣнит', да злоћа е
Насладит' се дарим' Бога:

И достоянъ дара ніе,
Даре уживат' тко неуміе.

Садъ уживай, чѣмъ ведрѣме
Зракомъ младось твой прамъ злати.
Бога любит' свеђъ е врѣме,
Ніе свеђъ врѣме за уживати.
Мучно е умрле стѣћ' радости:
За стѣћ' небо хтѣт' е дости.“

Тако мысао ню заводи
У заходе мрѣка свѣта.
Тѣра е она; ну доходи
Изтѣрана мысао опета,
Докле пуна сумнѣ, и муке
Къ небу уздигну гласъ и руке.

* * *

Пођ'те ахъ пођ'те, мысли одъ мене
Крѣцке у вашой некрѣпчини!
Мысли у тмини порођене,
И премъ сличне слѣпой тмини!
У што уфате? кудъ пршите?
Што хоћете? што просите?

Прѣ нег' стрѣла сунце хрли,
Прѣ нег' сунце вѣтри сли̂де,
Брже одъ вѣтра гре трѣсъ врлый,
Брже одъ трѣска погледъ иде:
А вы, о мысли, брже веле
Вѣтра, трѣска, сунца и стрѣле.

Враћате се вы бѣжећи,
Вы миръ кажућ' біете ме,
Вы стерете тѣкъ мучећи
Глуше одъ ноћи ноћно у врѣме,

Да мнократи, яохъ, несцѣни
Мâ свѣсь иста, да сте у мени.

Ніє времена, моћи ніє
За справит' се, да не идете,
Єръ хрлите справе пріє,
И сву траву размећете,
Теръ гдѣ немни, духъ васъ срѣта,
Єръ садъ нѣсте, садъ сте опета.

Къ небу идете, ну безъ крыла;
Валъ безъ плави преходите;
Вы безъ очи', вы безъ тѣла
Све гледате, све ћутите;
Вы ћућенѣ, вы вамъ иоте
Крыла, тѣло, плавь, очи сте.

Прѣднѣмъ быћу момъ прикладне
Лице изъ лица превраћате:
Благе, миле, худе, ядне,
Садъ блазните, садь раняте;
И хитрина ваша чини,
Што ніє другой моћ' хитрини:

Да ніє скровню, што се крыє,
Да што є далек', близу є очима,
Да што є прошло, прошло ніє,
Да непроће, што проћ' има,
Да узбуде, што быт' неће,
А што ће быт', да єсть веће.

А у себи што сте пака,
Нег' врхъ воде празно писмо,
Часъ одъ часа, мунѣ зрака,
Искре одъ огня, кѣмъ живисмо,

Вѣтаръ, кои прши и лѣти
По просторѣхъ одъ памети.

Плодъ одъ душе, за ню смести
Крозъ промѣне свое разлике,
Рѣчь безъ гласа, гласъ одъ свѣсти,
Слика одъ створи, створь безъ слике,
Често штетна, злобна и тиаста,
Свеђъ неставна, свеђъ прошаста.

Манъ у помняхъ мой духъ вене,
Манъ васъ тѣрамъ изъ памети;
Єръ кадъ тѣрамъ васъ изъ мене,
Моя на васъ мыс'о лѣти,
А кадъ мысô на васъ пада,
Васъ, о мысли, мыслимъ тада.

II.

Изъ Салтѣра Словинскогъ

3.

Пѣсань XXVIII.

Нос'те Богу сынци Божи
Сынке одъ стада младе овниће:
Часъ му и славу свакъ приложи,
Засве онъ славомъ вѣчномъ свиће,
Свакъ му име штуй, нѣговымъ
Простртъ светѣмъ прѣдъ дворовим'.

Єръ іошъ морске язъ дубине
Неимаше свой край стрмый̂,
Кадъ гласъ вѣчне величине
Незавапѝ, нег' загрми:
Да се, кудъ онъ заповѣда,
Вода съ землѣ дѣли уреда.

Кадъ врхъ воднѣхъ яза пуче,
И тврдъ вапай забесѣди,
Режня одъ мора смѣрно умуче,
И обслужи, што онъ нареди,
Теръ се указа пунъ крѣпости
Гласъ неизмѣрне́ великости.

Ако вѣтаръ дубѣ у гори
Страховитѣмъ хукомъ слама,
Ако давнѣ чедре обори
Надъ высоцѣмъ планинама,
Знай, да вихаръ врши и слѣди
Гласъ свемоћне заповѣди.

Єръ либанске Богъ ће чедре
Подрѣт' силомъ плате врле,
Да путъ вышнѣ стране ведре
Як' телиһи скачу и хрле,
Кадъ ихъ завіе, и захити
Снажный сѣверъ, югъ срдитый.

Паче и горе съ мѣста свога
Кренут' ће се кадъ онъ рече,
И кô породъ іоднорога
Предъ вѣтромъ ће трчат' прѣче
Китный Либанъ, и угодный
Изкорѣнѣнъ Сиріонъ плодный.

Гласъ Божіи пламъ облака
У трѣскове цѣпа огнѣне:
Теръ и мунѣ ствара, и свака
Правде оружя божанствена,
Када подъ громъ, ки̂ се чує
Свôй освети стрѣле кує.

Богъ неплодну пустошь стрѣса
Славномъ рѣчи, кою изусти:
Кадъ узхоће онъ съ небеса,
Узплодит' ће Кадесъ пустый;
Да процвѣта, и прорађа
Воћа одъ инѣхъ дража и слађа.

Гласъ Божіи скоте одъ звѣри,
Зачне, изхитри, справи, изведе;
По нѣмъ нецкни при матери,
Нег' на пашу єлѣнъ греде.
Божѣмъ гласу скровно ніє
Мѣсто одъ дубравъ найгустіє.

Свакъ у цркви славит' ће га,
Єръ потопомъ дажде дѣли,
Да сва земля зене съ тега,
Теръ се по ньой пукъ насели,
Видеќ' изъ нѣ крыла избрану
Съ обилности цавтѣт' храну.

Краль господинъ у вѣчному
Кралѣству ће столовати;
Господинъ ће пуку свому
Недобытну якоєь дати;
Господинъ ће пукъ нѣговымъ
Смирит' дразѣмъ благосовим'.

Буди тройству часъ неумрла
Съ хваломъ пуномъ дике и склада,
Єръ се слава своя прострла,
Одъ кадъ свѣтъ є, ћа до сада,
И живѣт' ће вѣкъ срѣдъ рая
Безъ скончаня, сврхе и края.

4.

Пѣсань LXVII.

Богъ устани: предъ ньиме се
Разбѣжите противницы;
Бѣж'те вышньи злохотницы
Погледъ, кѣмъ се пакô трѣсе;
Паче сви безъ уточишта
Тѣмъ погледомъ пођ'те у ништа.

Како сѣверъ разтѣрива
Побѣгућій дымъ на часе;
Како восакъ растапа се
Предъ врућиномъ плама жива:
Тако и лице судца одъ сгара
Све грѣшнике смакни и схара'!

А безгрѣшной у слободи,
Тко си добаръ и праведанъ,
Кушай срцемъ миръ нареданъ,
Госбе части, танце изводи:
Ну съ тѣмъ мысли упореда,
Да, што чинишъ, све Богъ гледа.

Пойте Вышнѣмъ и нѣгово
Име у пѣснѣхъ разгласите,
У срце га сви примите,
Цѣћъ єръ васъ є помиловô,

Кадъ сво̂мъ смрти предобыту
Смрть поплеса вѣковиту.

Господинъ се онъ называ,
Надъ сва имена слове именомъ:
Ахъ съ радости неизреченомъ
Предъ ньимъ, вѣрна душо, ужива',
А некъ трие и смета се
Тко кривину ћути уза се.

Некъ се смета познаюћи,
Да е сиротам' ћаћко истинный
Богъ, кй̂ тужне брани и чини
Удовицамъ судъ могућій,
Теръ педепше све немиле
Людій опацѣхъ грабше и силе.

Онъ е у раю, ну іошъ има
Презамѣрный станъ у свѣту,
Инокупну цркву свету,
Наречену своимъ вѣрныма,
Да у ньой буду едно уфати,
Любит', слѣдит', вѣровати.

Ньихъ онъ снажно свеколике
Изъ паклѣна робства избавля;
И што е веће, неоставля
Ни свое исте одметнике,
Нег' ихъ къ себи зове изъ гроба,
У комъ леже, грѣха и злоба.

Наднебескій кралю, када
Ты предъ нама войвођаше
Прозъ пустыню, теръ слѣђаше
Чудотворный путъ нѣкада,
Узтресена сва земля е
Оћутѣла твє̂ ступае.

Синай гора препадена
Стрептѣ, павеѣ’ твâ чудеса:
Предъ тобоме сгаръ съ небеса
Здаждѣ мана премедена,
Кâ твой народъ при невольи
Израелскій задовольи.

Да ну съ веѣомъ ты крѣпости
И опетъ ѣешъ сгаръ пролити
Благодарный и особитый
Светотайнѣхъ дажъ милости,
Некъ огрезне ньимъ едина
Црква, нова твâ баштина.

Ты ѣешъ, кадгодъ обнеможе,
Ню покрѣпит’ врѣдно и яко:
Твое овчице врѣме у свако
Пребыват’ ѣе у ньой, Боже,
Поклѣ у ньой си сладку избрану
Свѣмъ потребнѣмъ справіо храну.

Ты ѣешъ, некъ се свудѣръ чую,
Твоим’ гласницым’ влась донѣти,
Да, кудъ жарко сунце свѣти,
Новый законъ навѣштую,
Теръ га и видеѣ’ смрть узa се
Прехрабрено личе и гласе.

Ухитит’ ѣе кральи руку,
И увѣтит’ се меу собоме,
Са войницомъ безбройноме
Поразъ донѣт’ вѣрном’ пуку:
Нуѣе скоро предобыти
Цркву плѣномъ наресити.

Вѣрни о люди, срѣдъ пламена
Іошъ за вѣру да и умрете,

Изъ пламена извит' ћете
Голубица неоцкврнѣна,
Коіой сребромъ пера мила,
Коіой горе златомъ крыла.

Паче и кральи противницы,
Кадъ ихъ удре власъ небеска,
Предъ врлиномъ бича и трѣска
Спознат' ће се свиколицы,
И побѣлѣт' обраћени
Кô Селмонской снѣгъ на стѣни.

Црква опћена гора є света,
Гора, у коіой Богъ господи,
Врхомъ ясне звѣзде изходи
Нѣ высина къ раю узпета,
Туста, обилна, моћна свима
Напунит' насъ даровима.

Туста є гора, душу єръ сваку
Туи сладости райске сите,
У инѣхъ горахъ несумньите,
Люди, обилнось наћ' єднаку.
Ово є гора, у кôй своє
Вѣчно станѣ Вышньій обрô є.

Десеть тисућ' своихъ анђела
Радостива чета охола,
Быше уресна Богу кола,
Коя га су сгаръ донѣла,
Кадъ намъ законъ дат' долѣти
На синайскій врхъ пресветый.

Таки опета Ты се узведе
Ето къ небу, Господине,
Чѣмъ добытникъ вѣчне тмине
Изве изъ робства твê прадѣде,

И на вѣрне проли одсгара
Врхсунчанѣхъ потокъ дара.

Теръ и онѣхъ призва къ себи,
Худовѣрно ки̂ живяху,
Ки̂ у цркви несцѣняху
Да пребыва краль одъ неби,
И да унуђенъ по любави
Међу умрлѣмъ Богъ борави.

Господъ блаженъ све дни буди,
Сахранѣня Боѓъ нашега,
Онъ насъ путим' свѣта овега
Провести ће срѣтно свуди,
Богъ спаситель, нашъ Боѓъ, ки̂ є
Выше смрти краль свачіє.

Поразит' ће онъ неправе
Противничке силе у ѣду;
Свѣхъ, ки̂ грѣшнѣмъ друмомъ ѓреду,
Ударит' ће поврхъ главе,
И за косе наєжене
Оборит' ихъ бѣне и стрене.

Реко̂ є Вышньій: Басанскога
Юръ мой подъ мачъ краля обратихъ,
И воденѣмъ развпомъ стратихъ
Фарауна срдитога:
Тачъ ма̂ рука развут' има
Злобне, ки̂ су сличнн ньима.

Некъ твой ступай омака се
Васъ у крви, пуче вѣрный,
И ньомъ твои пси чемерни
Жеданъ єзыкъ масте и красе,
Кадъ по земльи на далече
Изъ злотворскѣхъ рана узтече.

Славе, части, круне твоє,
Кадъ ты у ћаћковъ дворъ се увведе,
Тве̂ якости свѣтле изгледе
Рай запанѣнъ видіо є,
О мой славный кралю и Боже,
Смрть и пако̂ ки̂ преможе.

Тадъ предъ тобомъ, ки̂ садъ гори̂
У пресветомъ сѣдишъ мѣсту,
Складно у скупу красну и честу
Дворба иђаше, ка̂ ти удвори,
Гласъ одъ уста свой дразима
Дружећ’ жицам’ меденыма.

Меу млађанѣмъ дѣвицами,
Коє у бубнѣ удараху,
Ову пѣсань сви пѣваху:
Дай благосовъ створцу съ нами,
Нова црквo, ка̂ си изврѣла
Родомъ старога Израела.

Туи быяху отцы свети
Кѣхъ тва̂ якось изе изъ тмина,
Родъ младога Бенямина
Цѣћъ веселя ванъ памети,
И шъ ньимъ главе премогуће
Одъ Юдине царске куће.

Туи господе и войвода
Избори се бѣху стали,
Кѣмъ Забулонъ, кѣмъ Нептали
Гласовито племе пода,
Тебе славећъ, ки̂ тво̂мъ крви
Новъ да законъ, смакну пр̥вый.

Вѣнче одъ рая, ахъ нареди,
Да тва̂ снажна рука изъ нова
Све потврди, што дѣлова
Ты међу намъ нѣгда и среди:
То єсь, врхъ тве̂ цркве твога
Пошльи духа пресветога.

Поклѣ у темплу краљи овому
Носит' ће ти даре выше
Дара одъ онѣхъ, кѣмъ частише
Юръ те у темплу солимскому;
Само, о ћаћко нашъ узданый,
Заштити га, чува' и брани.

Тко запина намъ засѣду,
Рекъ бы у трсћу звѣрь скровена,
Ты га узпрегни; єръ скуплѣна
Войства и пуцы на насъ греду
Тере бѣсне, як' огнѣни,
Бацы у краве разжежени.

А то да бы отѣрали
Изъ тве̂ вѣрне кралѣвине
Тко очишћенъ одъ кривине
Надъ сребромъ се свѣтли и хвали.
Ахъ, нироде ты разметни,
Ки̂ бой ишту худый и штетный.

Поклисари тадъ приклони
Изъ Египта къ теби прит' ће,
Етіопскій трагъ хрлит' ће
За предат' се твоим' закони';
Тебе частит' жельно одвеће
Све невѣрне државе ће.

О земальске кралѣвине,
Кѣмъ се справля чесь толика,
Пойте одъ Бога слободника
Недохитне величине;
Пойте, пойте могуѣега
Надглавника свѣта свега.

Онъ, кî якось свою свѣдочи,
И бой біе, кадъ е трѣба,
Яшуѣ' врху неба одъ неба,
И врхъ сунца одъ източи;
Онъ ѣе викнут' снажно свуда,
Свое разгласит' власти и чуда.

Нѣму, ерь за свой приграліо е
Израелскій народъ новый,
Свакъ дай хвалу, свакъ га зови,
Свакъ нарьщай славе свое,
Свакъ, тко позна, да га онъ створи,
Шльи му драге пѣсни узгорî.

Величанство нѣгово се
У облацѣхъ види и снага;
Вихаръ, муня, громъ еднага
Нѣму послухъ даю и носе:
Замѣрніи ну е опета
Срѣдъ райскога скупа света.

Израела онъ новога
Богъ є и стражникъ неизмѣнитый;
Онъ ѣе укрѣпит' и уснажити
Нелагоднось пука свога.
Благосовѣнъ онъ є у себи
И подъ небомъ и на неби.

Вѣрна црkво, ћаћка слави,
И ћаћкову сына слику,
Духу одъ душа любовнику
Части и хвале свакъ приправи,
Како вѣцым’ минутѣме,
Садъ и одсадъ по све врѣме.

5.

Пѣсань LXXVII.

О мой пуче, слышат’ хрли
Што ти уста мâ нареде,
Уши пригни, теръ пригрли
За твой законъ мê бесѣде.

Єръ науке мê ћу отворит’
У причицахъ ставнѣхъ одâ,
Обявит ћу и говорит’
Одъ давнинахъ што се сгоди.

Одъ старине то есь наше
Све, што чусмо по бесѣди,
И све, што намъ сповѣдаше
Мудросвѣсни отцы и дѣди.

Сгоде славне нада свыма,
Кê нескрыше срцу у свому
Они познѣмъ сыновима
И породу дошастому.

Навѣштуюћ’ вѣрно дости
И хвалећи по истини
Чуда, коя свôмъ крѣпости
Самодржацъ райскій учини.

Якобову онъ колѣну
Да свѣдочбу свое любави,

Кадъ свой законъ за спомену
Израелскому пуку остави,

И нареди іошъ, нека се
Свакчасъ законъ тай темельи,
Да га своіой дѣцы гласе
Боголюбни родительи.

И да унуцы, кй̂ ће устати,
И родит' се, све то чую,
Теръ што чуше сповѣдати,
Своим' породим' навѣштую.

Нек' сви у Бога уфат' буду,
Вѣрнѣмъ милось кй̂ нештеди,
И непусте, ни забуде
Дѣла и вѣчне заповѣди.

Поклѣ инако быо бы свакій,
Премъ кô и свои стари быше,
Злый нараштай и опакій,
Кй̂ разлюти Бога одвише.

Злый нараштай, кй̂ кривѣме
Желямъ срце свое дарова,
И нередбамъ небескѣме
Злобномъ душомъ невѣрова.

Ефраимовъ родъ нѣкаде
За изгледъ намъ буди одъ тога,
Кй̂ побѣгну ружно и паде
Срѣдъ арваня витежкога,

Засве у бойну супротиву
Да онъ прѣђе снажнѣхъ рука
Натежући брвъ тетиву,
И стрѣляюћ' вѣшто изъ лука.

Теръ се изгуби, еръ затая
Увѣтъ, съ Вышнѣмъ кои ухити,
И уступи и нехая
По закону Божѣмъ ити.

Ахъ у срце свое неудѣля
Чуда, ка̂ му Вышньій обяви,
И своега створителя
Доброчинство заборави.

Чуйте све, што ньихъ дѣдима
Египскога цѣћъ пораза
Надъ полянам' танеоскима
Чудотворнось вѣчна указа.

Продрѣ море, чете избране
Тудъ проведе, и у проходу
Подигну имъ съ обѣ стране
Тврдъ у налогъ плаху воду.

Ньихъ садружи свôмъ помоћи,
Ньихъ облакомъ у дне обсѣни,
Ньимъ за жарко сунце одъ ноћи
Съ неба посла ступъ огнѣный.

Небеска е рука силна
У пустиньи хридь просѣкла,
Да ихъ напои вода обилна
Якно изъ пунѣхъ яза истекла;

Єръ изъ станца кадъ се извади
Быстро врѣло, срѣдъ слободе
Протекоше по ливади
Ромоните рѣкомъ воде.

Ну нехарный пукъ неузпреже
Кривованя тѣкъ своєга,
На разсрђбу негъ подјеже
У пустиньи той Вышнѣга.

Ротнѣмъ срцемъ сви насташе
Подкушиват' моћь нѣгову,
Набунише се и пыташе
Свомъ животу храну нову.

Брзи къ Богу псовкам' проћи
Крозъ безпутно рѣше смîнѣ:
Єда намъ ће Вышньій моћи
Госбу средит' срѣдъ пустынѣ?

Знамо удрене да изъ люти
Воду отвори свôмъ десницомъ,
Теръ се виђе огрезнути
Земля чудномъ поплавицомъ.

Ну ніє врѣданъ прострѣт' руку,
И съ неба намъ крухъ донîти,
И трпезу гладномъ пуку
Страни у пустой приправити.

Чуюћ' творацъ, гдѣ се боле,
Мѣште смирит' ихъ да сиде,
Срђбомъ плану, кâ на охоле
Своє у доба главе узиде.

Своє у доба, кадъ нѣгово
Разжалѣнѣ већъ неузпреже,
Нег', кô пламенъ, Якобово
Тврдоглаво множтво ужеже.

А то, у нѣга єръ неимаше
Вѣру срцемъ безъ темеля,
Ни се у свога поуздаше
Могуђега схранителя.

Тѣмъ, буд' да га разжалише
Онъ за тадаръ бичъ устави;
Съ стране одъ неба теръ найвыше
Допушта имъ дажъ гиздавый.

Заповѣдѣ облацыма,
И небеска врата отвори,
Да крухъ райскій дажде ньима,
И пресладку ману одгори̂.

Премда човѣкъ туи благова
Крухъ анђелскій, іошъ Богъ къ тему
Посла даре врхъ дарова
И обилне єстойске му.

Вѣтре источне диже ѝ прини̂,
И доведе югъ съ полудне,
Да затѣра по планини
Къ пуку избраномъ хране улюдне.

Сдаждѣ, ко̂ прахъ одъ равнице
Тадъ множъ меса изъ высине,
И лѣтуштѐ перѣмъ птице
Быше у начинъ одъ пржине.

Оне еврѣнскѣхъ срѣдъ та́бора
Занесене тѣку у плаху
Около се свѣхъ шатора
Брзѣмъ ятомъ пролѣтаху.

Гостише се и наситише
Лачни умрли у потрѣби,
Богъ имъ донѣ, што просише,
И ньихъ желя заманъ небы.

Али имъ предньій грѣхъ непусти,
Ни на псовке већъ се оглуши,
Теръ съ естивомъ іощъ срѣдъ усти
Разсрђбомъ ихъ свôмъ придуши.

И за поразъ тежій и ячій
Међу ньима по све стране
Поби снажнѣхъ и потлачи
Цвѣтъ младости изабране.

Са свѣмъ тѣме тврдъ у злоћи
На кривине ступи изъ нова,
И Божіе чудне моћи
Пукъ заслѣпѣнъ невѣрова.

Тѣмъ кô магла, дымъ и сѣна
Живлѣнѣ се ньихъ разчини,
И ньихова лѣта стрена
Проминуше у брзини.

Кадъ ихъ одсгаръ убіяше,
Искаху га смѣрно у страху,
Враћаху се, чѣмъ се страше,
Теръ поспѣшно къ нѣму иђаху.

Призиваюћ' на умъ, да е
Онъ едина помоћь своя,
И да Вышньій обрана е
Одъ свакога непокоя

Ну ньихъ мысȏ, яохъ, съ рѣчима
Неугађа се, ни у тои врѣме,
Улаяше само устима,
И езыкомъ химбенѣме.

Тврдѣмъ срцемъ и усіонымъ
Прави съ Богомъ нежнвише,
Ни небескѣмъ подъ законим'
Службеницы вѣрни быше.

Тко ово чуе, свакъ мни, да ће
Богъ ихъ разсут' своим' трѣсковим':
Ну добростивъ онъ подат' ће
Нову милось грѣсимъ повым'.

Онъ съ обилнѣмъ милосрђемъ
Свой уклони бичъ слѣдећій,
И предъ злоћамъ ньихъ найгрђѣмъ
Свȣ̑ разсрђбу нехтѣ ужећи.

Паметуюћ', быће умрло
Да путь има слабу уза се,
И духъ, кои сгледно и хрло
Бѣжи у назадъ невраћа се.

Тѣмъ бы смилѣнъ, чѣмъ срчише
Толикратъ га свȏмъ ѻбѣсти,
Чѣмъ пламъ нѣговъ пробудише
У пустиньскомъ сушномъ мѣсти.

Чимъ сврнуше на зло изъ нова,
Чѣмъ кушаше нѣга опета,
Често дражећ' Израелова
Помоћника славна и света.

Све то злобна напась дони̂,
Ѥръ неимаше на памети
Вѣчну якось и данъ оный,
Кадъ изъ робства быше отети.

Кадъ египской по држави
Богъ замѣрна дѣла у створу,
И зламеня страшна обяви
Танеоскомъ по простору.

Кадъ за скупно похарати
Жеђомъ своє противнике
У текућу крвь обрати
Замућене дажде и ри̂ке.

Кадъ да изведу свѣхъ до мала
Посла обаднѣхъ муха облаке,
И пробуди жабе изъ кала
За̀ разсути люди опаке.

Кадъ лѣтине све́ у пуку
Преда црни, да ихъ отима,
И тежачку стоку и муку
Неброєнѣм’ пруговима.

Поби градомъ лозе угодне,
И у пусту голеть створи,
И разкошне воћке плодне
У студеной слани умори.

Съ градовита огня учини
Животинам’ доћ’ на манѣ,
И невѣрско све попли̂ни
У даждивом’ пламу иманѣ.

Разлюти се, теръ неодолѣ
Срцу огнѣномъ, негъ найбрже
Врхъ мѣштана све неволѣ
По худобскѣхъ рукахъ врже.

Путъ изравни сво̂й срдности;
Да слободно на ньихъ пада,
Ньихъ животу смрть неопрости,
Ньихъ живине закла и стада.

Прворoдне све до скора
Крваво удри ти̂ по глави,
И Камовѣхъ срѣдъ шатора
Све првине страшно удави.

Теръ як’ овце вуцым’, тада
Свой пукъ оте мѣста изъ тега,
И у начинъ кротка стада
Прозъ пустиню проведе га.

Множтво прође безъ боязни,
Чѣмъ се у вышньой уфа обрани:
А црлѣный понoръ язный
Непріятелѣ прождрѣ и зани̂.

Пакъ свое драге Богъ уведе
Свою у землю посвеђену,
До ове горе, ку̂ посѣде
Онъ десницомъ сво̂мъ стѣчену.

Трагу изпрѣдъ ньихъ сву неправу
Отлѣ изагна съ бойне силе,
И подложну ту државу
Разлучи имъ право у ди̂ле.

Ньихъ настани по колѣнѣхъ,
Некъ имъ слове часъ до ви̂ка,
У шаторѣхъ заплѣнѣнѣхъ
Одъ побѣнѣхъ противника.

Али учини тои залуду
Сахранитель благодарный,
Єръ непаря наравь худу,
И грѣшенѣ пукъ нехарный.

Разѣдише и кушаше
Опетъ якось Превышнѣга,
Славный законъ нечуваше,
Ки̂ свѣдочи светѣмъ нѣга.

Грдеќ’ срѣќу, ку̂ су стекли,
Одврнуше своє ступає,
И кê съ небомъ бѣху урекли,
Преступише погођає.

Ахъ чѣмъ у ньихъ злоћа нова
Злоће одъ отац’ своихъ єдначи,
Светыня се сва ньихова
Кô лукъ злочесъ изопачи.

Богъ се огнѣви съ райске стране,
Гдѣ по брдѣхъ пакô штую,
И гдѣ слике издѣляне
Съ створительомъ замѣнюю.

Теръ кадъ зачу вапай грдый,
И гласъ тамнѣхъ светилишта,
Израеловъ родъ погрди,
И доведе сасма у ништа.

Затѣмъ шаторъ, гдѣ влась своя
Меу людемъ е боравила,
Пунъ огнѣна непокоя
У развръби врже изъ Сила.

У сужанство сву колику
Преда якось свога пука,
Да му лѣпось, славу и дику
Иностранна сатре рука.

Ньихъ затѣче ставне у грѣху
Смртнѣмъ мачемъ изъ высина,
Ньихъ потиште, премда бѣху
Нѣговъ народъ и баштина.

У пепео младце обрати
Тадъ противне пламъ деснице;
Тада неима тко плакати
Посѣчене дѣвойчице.

Небы удове, кâ бы свою
Процвилила дѣцу таде,
Тадъ подъ бридко гвожђе у бою
Посветитель убѣнъ паде.

Да ну, иза сна кô велика,
Господъ нашемъ при забыћу,
Уста у начинъ заточника,
Кому узаври срце у пиħу.

Насъ освети, а злобнике
Ружномъ боли удри одзада,
Да ньихъ прикоръ живи у вѣке,
И срамота незапада.

Іозефову нехтѣ кућу,
Ефраимово необра племе;
Нег’ да круну свою могућу
Унуцыма Юдинѣме.

Теръ Сіонску гору узô е
За любѣный станъ честитый,
И дворъ у ньой сградіо е
Поредъ съ свѣтомъ темельитый.

Дворъ пресветый, дворъ охолый,
Станѣ украсно надъ сва ина,
Страховито станѣ, коли
Єднорозѣхъ одъ живина.

Затѣмъ себи служећега
Давида иза стада диже,
Иза скотниц’ узе нѣга,
На кралѣство теръ га уздиже.

Нека мѣште стада тога
Пасе и влада по начину
Родъ Якоба слуге свога,
Облюбѣну свою баштину.

Тѣмъ краль пастѣръ ньихъ пасô е
У срчаной праведности,
И кô умѣше руке свое
Водіо ихъ у мудрости.

Дайте тройству, кê васъ влада,
Славу, душе свеколике:
Кô бы съ прва, буди сада,
А кô сада, буди у вîке.

III.

Изъ живота славнога пророка и краля Давида.

6.

II. Будући онъ наймлађій међу браћомъ, бы одъ отца поставлѣнъ за настойника више домаћѣхъ стада, гдѣ за крѣпостно данке проводити и хвалити наредно Превышнѣга, научи вѣшто ударати у Салтѣръ, и складати боголюбне пѣсни. Неманѣ указа туи велекрати свою избориту снагу и срце юначко, удирући бо му на овце разлика грабећа звѣреня, онъ голѣмъ рукама опираше се ньима, задавльиваше лаве и медвѣде, теръ имъ изъ крвавѣхъ челюстій силомъ изкидиваше плѣнъ попаденый.

III. У то Саулъ, кои тада выше пука израелскога кралѣваше, сгоди се, да цѣћа свога непослуха паде у омразу Божю, кроцѣћъ чеса заповиђе Богъ свому пророку Самуелу, да пођe у градъ одъ Бетлема и да у очиной кући помаже светомъ помасти Давида на мѣсто Саулово за краля. Тако бы учинѣно, и та стварь потая се за кое доба.

IV. Нетомъ Богъ остави Саула, нарипи га духъ нечистый, кои га толикомъ унутарньомъ зловольности предушиваше, да га честократи вађаше изванъ зебе. Зато бывши му напоменули дворани, да Давидъ сасма хитро у Салтѣръ удараше, дозва га тай часъ у дворъ кралѣвскій, и нѣговѣмъ ударанѣмъ и пѣснима узе, кадъ бы га зловольнось притисла, унутарню муку разговорно ослађивати.

V. Не до веле донѣ згода, да се Филистеи или државницы одъ Палестине, сусѣди израелскога кралѣвства, подигнуше съ оружанѣмъ четамъ на Саула, коѣмъ Саулъ съ войницомъ своіомъ поспѣшно изтече супротива. У палестинской войски имаше горостасанъ заточникъ, па име Голіятъ, кои за много дана излазаше на полѣ, позиваюћи на мачъ и на копѣ, ако бы имъ ишло одъ срца, витезе Саулове. Нитко несміяше изити на позовъ, припаденъ страховитѣмъ узрастомъ и могућомъ десницомъ врловитога Голіята, тако, да Саулъ быяше личбомъ обећо онему, тко бы толико снажна израелскога противника погубіо, свою хћерь за жену, и съ хћеромъ богаства неизречена. Самъ Давидъ нађе се, засве да у првый цвѣтъ одъ младости и іошъ невѣшъ воеваню, кои се услободи изтећи на заточиште супроћъ горѣреченомъ бойнику, теръ съ помоћи небескомъ, у кою се саму уздаше, погоди га каменомъ изъ праће у срѣдъ чела, и тако на землю оборена истѣмъ га нѣговѣмъ мачемъ посѣче, теръ нѣгову главу приказа Саулу. Ово бы найпрвый узрокъ, съ коега Саулъ поче Давида ненавидѣт’ и прогонити, покли Евріенкинѣ диклице, радостиве цѣћа рати довршене и предобыта непріятеля, изводећи кола, бѣху Саула при Давиду погрдиле и зачеле у танцу оваку пѣсань:

Свôмъ тисућу витезова
Ако Саулъ сабльомъ страти:
Смакну сабля Давидова
Толико ихъ десеткрати.

За кою стварь онъ одъ тада настоя Давида и своіомъ рукомъ и туђомъ погубити. Ну замани, еръ свемогућа обрана съ Давидомъ бѣше, коя надахну іошъ и Іонату, прворођенога сына Саулова, да га са свомъ душомъ облюби, и да му буде помньивый стражникъ и помоћникъ узъ оца, нека небы ніедномъ скровномъ засѣдомъ изгинуо.

X. И другій изгледъ одъ благоће и милости опетъ указа Давидъ према опакомъ Саулу. Овый заборавлѣнъ одъ преднѣга доброчинства Давидова и подјеженъ злѣмъ духомъ, коѣмъ у свѣсти патіяше, бѣше се подигнуо изъ нова съ бойницыма за тражити нѣга по пустиньи одъ Цыфа, у коіой бѣше оћутіо, да у истину боравляше. Али нетомъ узавна Давидъ кралѣву люту одлуку, подигну се слободно у дружби Абизеа свога сестрића, а сына Сарвіе сестре свое; теръ преко глухе ноћи приступи къ таборима прогонительскѣмъ, и увуче се у шаторе Саулове, нечувенъ одъ ниткога. Туи нашадши краля гдѣ спи, и видећи Абизеа сасма наоштрена за погубит' га, уздржа десницу свога друга говорећи: Устави се и непростри руке на краля божіомъ помасти забилѣжена, и знай, да доклѣ годъ онъ одъ свое непогине, неће по мени никада погинути. Нека ме тѣра и прогони, одлученъ самь пріе сваку неволю поднѣти, негъ убойствомъ одъ краля, съ небеса помазана, небеса увредити. Одѣли се дакле и съ собомъ понѣ отолѣ копѣ и судъ воде, коя стаху Саулу наконъ главе, теръ кадъ се подалѣ одмакну, зивну слуге Саулове, и вратећи имъ, што бѣше изъ кралѣва шатора изнео, указа очито, да онъ Саулову смрть и круну, како га злогласницы потвораху, неискаше.

Трећій Періодъ

Нова литература

Епоха прва.

I.

ПАВЛЕ ВИТЕЗОВИЋЪ

умр. 1713

(изъ дѣла: „*Оддйленъ Сигетско*“. Дѣлъ III.

Путникъ и Єка.

Одкудъ е овъ хаметъ? Одкудъ то гробовѣ?
Єда ли то заметъ Сигетовъ е? *Овъ е!*
Држимъ на прилику котъ да гласи ече,
Теръ ми нѣгдо нѣку рѣчь изрече: *Рече.*
Овдѣ нѣко Божѣ створенѣ се крые;
Одговара: гласъ, е како пріе: *И е.*
Яви се, гдо си годъ, чія-й то рѣчь была,
Kâ ме-й на овъ приходъ забавила? *Вила.*

И люди су нови, и виле овдѣка;
Нека име пови̂, ако є ка̂? *Єка.*
То ли ми, Єко, ты, драгъ и планинъ славо,
Дошла си напроти? Єко здраво! *Здраво.*
Ступи ближѣ Вило! видишъ ме како самь
Намѣрилъ се въ ди̂ло ово самъ: *Ово самь.*
Ступи, дай се гледат', неухаяй мимо:
Ал' рец', гдѣ ћу я стат'? То просимо. *Симо.*
Нут' заповѣди те твоихъ рѣчій сли̂димъ:
Ово самь: али те іошъ невидимъ. *Видимъ.*
Знамъ старе наваде да и сада имашъ:
Ки̂ те видит' раде непроштимашъ. *Штимашъ.*
Лудо є просити (вели се рѣчь здавно)
Што ни-й моћ' добыти; то-й оправно. *Равно.*
Нег' ти даръ оби̂тамъ, славна Єко моя!
Пусти ме, да пытамъ за нѣкоя. *Коя?*
Пытат' ћу, што-й было: ты казат' оби̂тай.
Тере себи, вило, даръ допытай. *Пыштай!*
Ал' што ћу чинити за поменъ, нареди,
Гдѣ ћешъ говорити одъ обсѣди? *Сѣди.*
Нег' бы іошъ радъ знати брезъ сиде и руха,
Што имамъ држати радъ послуха: *Уха.*
Чуданъ ти-й ратинъ свѣтъ, и чудне наваде,
По кихъ на 'во Сигетъ градъ допаде! *Паде.*
Охъ како якій градъ (чудно споменутѣ)
Мора трпити садъ разсутѣ! *Разсутъ є.*
Ке̂ су му пушћали рати въ овой странки;
Круто ти су мали ти останки! *Танки.*
Гдѣ му-й прва сила? гдѣ му є сподоба?
Ка̂ га-й на то ди̂ла зла худоба? *Доба.*
Самъ турскій поглавникъ приде подъ те зиде,
И съ ньимъ многій войникъ за напри̂де? *Приде.*
Чудно ти-й чинила срѣћа, садъ се сліє,

Она турска сила да га біє? *И є.*
Траве почерниху одъ крви велике:
Свудъ се, знамъ, точиху каплѣ прйке? *Рйке.*
Тулика градъ хрвећ' турска величина,
Шта показа найвећ' с' непочина? *Чина.*
Како градъ ужгаше? То су чудне ствари!
Єда огань даше яничари? *Чари.*
Кулико врагъ може и съ рукомъ и съ усти!
Али те прикоре Богъ припусти? *Пусти.*
То су, кй насъ страше бичи брезъ утѣхе
Ничемурне наше за прегрѣхе! *Грѣхе.*
Што є сада Сигетъ Туркомъ? покидобъ є
Съ овуликомъ буркомъ посталъ гробѣ? *Робъ є.*
. . . Добро се држаше въ Сигетской трудности,
Съ ньиме, кô равнаше банъ, младости. *Дости.*
Гдо-й помоћь іошъ творилъ? гдѣ како сѣна стогъ
Срѣдъ пламена-й горйлъ тâ Сигетъ небогъ? *Богъ.*
Кâ бы сила бану, ал' срѣћа не боля,
Да дође томъ стану, гдѣ-й неволя? *Воля.*
Каковъ се чиняше Туркомъ тай банъ тужанъ,
Када прот' ньимъ сташе оборужанъ? *Ружанъ.*
Како є одганялъ Турке? є ли канећ',
Гда-й Сигетъ помагалъ вѣру бранећ'! *Ранећ.*
Да банъ біє яко, видећи Куртъ Зимо,
Кудъ є яхалъ, ако пытат смймо? *Мимо.*
Добро се є чуват' што се многи бое;
Тешко є купуват' здравѣ свое! *Ô є.*
Єл' царъ на 'ве стране, и на 'ве прилике
Допелялъ избране све войнике? *Нике.*
Онъ якій Делиманъ, ваздаръ на бой ганѣнъ,
Є ли одъ смртныхъ ранъ былъ обрађѣнъ? *Ранѣн*
Мора свакъ дойт' на дворъ смртнога умора
Ил' є гдо прѣко горъ, или прѣк' мора? *Мо*

. . . Кога 'но юнака 'з наших гласъ пови̂да
  Лютога и яка котъ медви̂да? *Вида.*
Што є нѣму была Хайкуне храбрена,
  Да се рече вила оружена? *Жена.*
Чеса є было ньой, да се-й помужила,
  И по войски турской проит' смила? *Мила.*
. . . И она-й ту пала одъ крви и пота,
  Нач' се є пушћала слѣпота? *Лѣпота.*
И ньой мечъ смрть зада кодъ другихъ войника:
  Што є мужу сада та владика? *Дика!*
Много-й учинила (нека речемъ потомъ)
  Ал' є то добыла ли̂потомъ! *И потомъ.*
Дична-й становито любавь те господє:
  Ал' заистинито ако то є? *То є.*
Да бы се садъ якихъ тако женъ искало:
  Кулико б' се такихъ женъ имало? *Мало....*
По свой той тврдини градъ уеше змiє,
  Теръ се у зидини Турчинъ смiє. *И є.*
Видимъ (туго наша!) въ граду, не котъ прiя;
  Гдѣ алаче паша, и делiя. *И я.*
Врѣднога онъ уби заисто кршћана,
  Кога везиръ люби 'зподъ тумбана. *Бана.*
Гдѣ га погоди онъ, да опаде нице,
  Зрномъ, ал' оштриномъ сулице? *У лице.*
Я мняхъ (котъ гласъ ходи, али ни-й свѣдока),
  Да га зрно сгоди покрай бока? *Ока...*
Али то у дике божѣ пустимо дворъ:
  Ты на рѣчи ни̂ке iошъ одговор'! *Говор'.*
Ко̂ се-й одъ храбрости хорватске сгодило
  Хотенѣ, се-й дости видило? *И ди̂ло.*
Има градъ турска власть, кога ни-й купила,
  Нити га є на часть єпросила? *О сила.*

Хвалити на ви̂ке, ки̂ државу боє,
  Бана и войнике де врѣдно є? *О є!*
Ти витези мили по земльи са свиме,
  Гласно су пустили своє ври̂ме! *Име.*
Ке̂ є годъ састала ту смртна прилика,
  Палме є процвала свим’ младика! *Дика.*
За вѣру се биху, за ку̂ главе даю:
  Въ ком’ се настаниху сада краю? *Раю.*
Ка̂ имъ є госпоя зеленъ вѣнацъ ’звила,
  И пѣсамъ одъ боя ньим’ справила? *Вила.*
Знамъ да су старице ньихъ майке цвили̂ле,
  И жалость сестрице имиле! *И миле!*
Богъ ми имъ дай покой, вѣчне свѣће пламенъ,
  И створи съ ньими свой добаръ знаменъ! *Аменъ.*

II.

ТОМА БАБИЋЪ

рођ. ок. 1680 умр 1750.

изъ дѣла „Цвѣтъ разлика мириса духовнога“

Пакао.

Велика є паклена дубина
  И іошъ већа нѣгова ширина.
Много дубля него синѣ море,
  Кое с’ нигда измѣрит’ неморе.
И дубля є одъ сваке пропасти,
  Єръ неима никакове сласти,
Пакао є мѣсто страховито,
  Божанствене правде становито,

Гди онъ ставля и люде и жене,
Све грѣшнике тужне осуђене,
Све грѣшнике своє противнике
И врагове своє одметнике.
Ніє, брате, на свѣту жалости,
Нити има такове тамности,
Нити има такове пропасти,
Єръ су онде вражіє области.
Ніє разумъ нигда разуміо,
Ни мудрый се човѣкъ домысліо,
Какв' є, друже, паклена тамница,
Кою створи вѣчнѣга десница.
Страховита подъ земльомъ пропасна,
Теръ одъ Бога пакао зазвана,
Єръ у нѣму страшный огань гори,
Кои увѣкъ осуђене мори:
Єръ жестоку имаде врућину,
И доисто велику жестину.
Тко бы мога' изтомачит' сада,
Тко ли, брате, разумѣт' икада
Тога огня престрашну врућину,
Те врућине опаку жестину?
Та є мука много ядовита,
Међу другим' мукам' страховита.
Толико є оный огань жестокъ,
Да га неима ни западъ ни истокъ.
И крвь ньихов' чини извирати,
У костима мозакъ сажижати;
И велике муке ньим' дајући,
А никада необлакшаюћи,
У нѣм' бы се гвожђе растопило,
И каменѣ у прахъ обратило.

Да упаде велика планина,
Ил' Велебићъ, или ти Промина,
У нѣм' бы се одмахъ разкипила,
Да бы трђа и одъ туча была.
Колико є юръ страшно видити,
Колико ли мучніє трпити,
Садъ на свѣту клачине ужгане,
И веома пећи угрѣяне,
И жераве врло разпухане,
И све стѣне огнѣмъ угрѣяне,
И остале све муке одъ свѣта,
Кê су быле одъ првога вѣка;
То при Паклу найманя мучица,
Ка' при огню найманя искрица,
Ал' при мору найманя капльица,
При свем' свѣту найманя травица.
Такве муке кадъ бы у паклу быле,
Ньима бы се лагахне чиниле,
Ка'но тѣлу сламицу носити,
Подъ кôмъ се неморешъ уморити.
Осуђене давно бы стратіо,
И давно ихъ у прахъ обратіо,
Ал' є вѣчный самъ Богъ одредіо,
Пакленому огню наредіо,
Да имаде у вѣке горîти,
Осуђене у вѣке морити;
Да ни єданъ нигда неумира,
А никада да неима мира:
Нити умрѣт' нигда неће моћи,
Неимадућ' никакве помоћи.
Што у пака' долази то веће,
То се огань разжиже то жешће,

Єръ є и пећь то веће ужгана,
  Што є веће дрва набацана:
А у паклу што є веће людій,
  Све то већу онде ватру буди.
Тешко ономъ, ко туте пребыва,
  И такову баштину ужива,
Болѣ бы му было нерођену,
  Нег' у паклу тужну поставлѣну.
То є плаћа опакихъ грѣшника,
  Заповѣдій Божіихъ преступника.

Ни ватрена мука ніє сама,
  Него и ледъ и велика слана.
Онде мучи превелика зима,
  Ка̂ у себи чудну студень има;
Коя чини све вѣтре пухати,
  И снѣгове големе падати;
Коя чини рѣке студенити,
  И іошъ живе воде леденити;
И крупице често ударати,
  Брезъ престанка све мрази падати;
Ка̂ иеима края ни почетка,
  По све вѣке, у вѣке, до вѣка.
Све извире, нигда неувире,
  Нити има никакове ми̂ре;
Све изходи, нигда незаходи,
  Све походи, нигда непроходи.
Отровна є, неимаде лѣка:
  И дурат' ће у вѣке до вѣка.
Яохъ ономъ, ко туте пребыва,
  И такове баштине ужива.
Болѣ бы му было нерођену,
  Нег' у тому леду поставлѣну.

То є плаћа опакихъ грѣшника,
  Заповѣдій Божіихъ преступника.

Іошъ су, друже, ту веће тамности,
  Укоизим' неима свѣтлости,
И ова є мука страховита,
  Много већа него огнѣвита.
Душу чини све удиль цвилити,
  Єръ іой неда већъ Бога видити,
Ова тамность гора мркле ноћи,
  Коіой мѣсецъ недаде помоћи;
Све є тмина, ал' неима зоре,
  Єре у ньой сванути неморе.
Толико є тамна у вѣке вѣка,
  Да неима никада доспѣтка.
Да бы у ню сунце завирило,
  За Исусомъ кое є цвилило,
Сунце бы се онде растужило,
  И свою бы свѣтлость изгубило.
Туте сунце нигда незавири,
  Нити бѣла зора незасвйтли;
Ни Даница туте недоходи,
  Ни никаква свѣтлость непроходи;
У тым' тминам' жестоко цвилећи,
  Осуђене душе прогонећи,
И велике муке ньим' дающи,
  А никада необлакшаюћи.
Болѣ бы му было нерођену,
  Нег' у таким' тминам' поставлѣну.
То є плаћа опакихъ грѣшника,
  Заповѣдій Божіихъ преступника.

Ко є муке такове видіо,
  Покору є у вѣке чиніо,

Да бы таких мука неимао,
Ни у таких мукахъ пребывао.
Те бы муке у радости быле,
Кадъ бы годѣ доспѣтакъ видиле;
Али друже ту ніе доспѣтка
По све вѣке, у вѣке, до вѣка.

Вѣчность има врата пригвоздена
Тере Божіимъ ключемъ затворена,
И само се онда отворaю,
Када душе у пака' примаю.
Єръ е Божя правда наредила,
На врати е паклу одредила,
Кои годѣ унутра улазе,
Да веѣъ надворъ нигда неизлазе.
Ніе вѣчность дана недѣльица,
Нит' е мѣсецъ, нит' е годиница;
Ніе она хиляда година,
Него, брате, у вѣке до вѣка.
У вѣчности толико допире,
Колик' нигда ни Богъ неумире.
Я немогу вѣчность изказати,
Ни нѣзина вѣка приказати;
Нити могу свега свѣта люди,
Ни анђели, кои но су мудри;
Єръ е вѣчность како оно коло,
Теръ се врти паклу наоколо,
Све почима, нигда недоспѣва,
А у паклу у вѣке пребыва,
Яохъ оному, ко туте упане,
Єре нигда веѣе неустане;
Єръ ѣе туте яохъ! говорити,
А у паклу у вѣке горити:

Докле ћемо овде уздысати,
  У тамницы овой сужнѣвати?
Кадъ ли ће намъ зора забѣлити?
  Кадъ ли сяйно сунце завирити?
Кадъ ће намъ се та Богъ умолити,
  Теръ насъ страшномъ смрти поморити,
Да у мукам' овым' неживемо,
  И да за се тужни незнадемо?
Тадъ врагови ньима одговоре:
  Іошъ ће быти вама све то горе.
Єръ се овде нигда неумира,
  А никада неимаде мира.
Већъ мучите ядне слуге наше,
  Ово куће и ваше и наше,
Кое ћемо увѣкъ уживати,
  У жалости свакой пребывати.
Іошъ се ньима врагови ругаю,
  Нека муку іошъ већу имаю:
На свѣту сте изпразно пѣвали,
  Лѣпше и лѣпше іоштера играли.
Мы хоћемо пѣвати и сада,
  „Нећу Бога видити никада!“
О грѣшниче, жалостна пѣваня,
  Жалостніег' іоштера уфаня.
Када чую ове разговоре,
  Одъ жалости у пака' заноре,
Вапіюћи онде све то горе,
  Єръ имъ мука доспѣти неморе.
То є плаћа опакихъ грѣшника,
  Заповѣдій Божіихъ преступника.

Колико є на свемъ небу звѣзда,
  Кое човѣкъ неизброи нигда,

Да толико годин' буду были,
И паклену тамницу поднȋли,
То бы ньима све за ништо было,
Кадъ бы икадъ доспѣтакъ видило.

Колико е у свем' Раю светыхъ,
И колико у Паклу проклетыхъ,
Да толико годин' буду были и. т. д.

Колико е на горам' листова,
И колико на травам' цвȋтова,
Да толико годин' и т. д.

Колико е зрна у пршинам'
И колико длака на живинам',
Да толико годин' и т. д.

Колико е крупиц' у планинам',
И капльица дажда у равнинам',
Да толино годин' и т. д.

Колико е у огню искрица,
И колико у мору рыбица,
Да толико годин' и т. д.

Колико е летућихъ птичица,
И колико на свѣту мравица,
Да толико годин' и т. д.

Колико е оса и пчелица,
И колико малыхъ комарица,
Да толико годин' и т. д.

Колико е свуда живиница,
И колико снѣга пластуница,
Да толико годин' и т. д.

Колико е на свѣту створеня,
Одъ коизихъ ніе успоменя,
Да толико годин' буду были,
И паклену тамницу поднйли:
То бы ньима све за ништо было,
Кадъ бы годѣ доспѣтакъ видило.
Али, друже, ту ніе доспѣтка,
По све вѣке, у вѣке, до вѣка.
Єръ е вѣчность као едно коло,
Теръ се врти паклу наоколо;
Све почима, нигда недоспйва,
А у паклу у вѣке пребыва;
Све походи, нигда непроходи,
Све изходи, нигда незаходи.
Исписати нигда нитко неће,
Нег' прилику свакій свою меће;
Да бы писа' и дневи и ноћи,
Исписати нигда неће моћи;
Нити могу свега свѣта люди,
Ни анђели, кои'но су мудри,
Колика е паклена дубина,
И колико нѣгова ширина.
А у вѣку толико допире,
Колик' нигда ни Богъ неумире.
Тежко ономъ, ко туте пребыва,
И такову баштину ужива.
То е плаћа опакихъ грѣшника,
Заповѣдій Божіихъ преступника.
Птица мала, да бы долетила,
И када бы све воде попила,
Єдну каплю кадъ бы она пила
У хиляду хиляда година,

Теръ да бы имъ ткогодъ доказао,
И у паклу ньима приказао,
Да ћ' имъ тада довршити вѣчность,
Имали бы међу собомъ радость.

Малый дѣтићъ кад'но бы преліо,
И на друго мѣсто самъ пренîо
Сва езера одъ морске дубине,
У коизимъ неимаде мîре,
Теръ да бы имъ ткогодъ доказао и. т. д.

Малый црвакъ кадъ бы подгризао,
И сву гору свѣта прегризао,
Само едномъ да бы угризао,
Кадъ бы хиляд' година лежао,
Теръ да бы имъ и т. д.

Малый мравакъ кадъ бы прелîзао,
Прѣко свега свѣта прегмизао,
Ишто едномъ кадъ бы корачіо,
Кадъ бы хиляд' година свршіо,
Теръ да бы имъ ткогодъ доказао
И у паклу ньима приказао,
Да ћ'имъ тадай довршити вѣчность,
Имали бы међу собомъ радость.
Али вѣчность нигда недоспîва
Яохъ ономъ, тко туте пребыва.
То е плаћа опакихъ грѣшника,
Заповѣдій Божіихъ преступника.

III.

АНДРІЯ КАЧИЋЪ

изъ дѣла *„Разговоръ угодный народа словинскога*

(1756)

1.

Пѣсма одъ краля Владимира.

Горко цвили сужань Владимире,
У тамницы краля бугарскога.
Горко цвили, данакъ проклиняше,
У кои се на свѣтъ породіо.

Сцѣни ячанъ, да нечуе нико;
Ал' то чуе Косара дѣвойка,
Лѣпа кћерца краля бугарскога,
Кои быше рода словинскога.

Пыта нѣга Косара дѣвойка:
„Што е теби, мой сужню невольный?
Али ти е майка омилила?
Али ти е жао завычая?

Али ти е гладакъ додіяо?
Ал' тамница, ядна куђа твоя?
Ал' на ногу негве до колѣна?
Ал' на руку тежке лисичине?

Ал си чуо, мой сужню невольный!
  Да с' удае вѣрна люба твоя?
  Теръ проклинѣшъ данке и године,
  И старицу ядну майку твою."

Говори іой сужань Владимире:
  „Прођи ме се Бугарко дѣвойко!
  Ніе мени жао завычая,
  Нити ми е омилила майка,

Нит' е мени гладакъ додіяо,
  Ни тамница ядна кућа моя,
  Ни на ногу негве до колѣна,
  На на руку тежке лисичине,

Нит' с' удае вѣрна люба моя,
  Єръ се досадъ нисамь оженіо,
  Нити ћу се яданъ оженити,
  Єрбо ћу ти брзо погинути

У тамницы краля бугарскога,
  Самуела, да га Богъ убіе.
  На вѣри е мене преваріо,
  У тамницу тамну поставіо."

Іошъ му вели Косара дѣвойка:
  „Та рецы ми мой сужню невольный!
  Одъ куда си? одъ кое ли землѣ?
  Одъ кога ли рода и племена?"

Говори іой дѣте Владимире:
  „Я самь сужань одъ Херцеговине,
  Дворіо самь краля словинскога
  У Трѣбиню граду біелому.

Што ме пыташъ за родъ и за племе,
  И то ћу ти повѣдити право;

Я самь, секо, рода господскога,
Ал' самь сужань краля бугарскога.

У мене є блага неброєно,
Моя бы ме изкупила майка;
Ал' ме кралю неда на одкупе,
Него ишѣе русу главу мою!“

Тѣшила га Косара дѣвойка:
„Немой цвилит' мой сужню невольный!
Я самь кѣерца краля бугарскога,
Самуела, господара твога.

Расплитат' ѣу жуте косе моє,
Любит' ѣу му скута и колѣна,
Ноге ѣу му сузам' поливати,
Живымъ ѣу га Богомъ заклиняти,

Да те пусти изъ тамнице тамне,
И пошалѣ старой майцы твоіой,
Нек' се твоя обвесели майка,
Кадъ угледа Владимира сынка“.

Пакъ одшета бѣлу двору свому;
Теръ се сама собомъ разговара:
„Што самь годеръ видила юнака
Словинскога рода и племена,

Я невиди лѣпшега юнака
Ни лѣпшега, ни присталієга,
Нит' га може породити майка,
Одъ младога сужня Владимира.“

Пакъ улѣзе у дворе бієле,
Люби баби скута и колѣна,
Ноге му є сузам' обливала,
Овако є баби говорила:

„Даруй мени сужня Владимира,
За моєга вѣрна заручника,
А тако ти свѣтле круне твоє!
И тако ти сынка Родомира!

Чини ми се, мой милый бабайко!
Да ће быти рода господскога.
Дворіо є краля словинскога.
Лѣпо збори, понизно говори.

Опрости га изъ тамнице, бабо!
А тако ти срца коня твога,
И тако ти бритке ћорде твоє!
Єръ є лѣпо момче херцеговче.“

На то се є кралю насміяо,
Косари є тихо говоріо:
„Ніє оно момче херцеговче,
Већъ є оно кралю Владимире!

Я немогу друго учинити,
Валя ми га теби даровати,
Сва є твоя слика и прилика,
Слави нѣга Крбава и Лика.“

Кадъ разуми Косара дѣвойка,
Да ће быти краљица словинска,
Одъ драгости сузе проливаше,
Свому баби руке целиваше.

Одъ тамнице ключе узимала
Тамницы є врата отворала,
Владимира сужня дозываше,
Теръ овако нѣму говораше:

„Устани се, кралю Владимире!
Теръ отари горке сузе твоє.

Ево тебе заручница зове,
Лѣпа кћерца краля бугарскога.“

Кадъ е сужань рѣчи разуміо,
Низъ образъ е сузам' оборіо,
Благосливлѣ Косару дѣвойку
Веће, него свою милу майку.

Пакъ изађе изъ тамнице тамне,
И отиђе къ двору дѣвойчину,
Лѣпо га е тасте дочекао,
За здравлѣ се съ ньиме упытао.

Зове къ себи бугарске терзіе,
Да му крое са златомъ хальине.
Облачи га у скерлетъ и злато,
Сійну сужань кано сунце жарко.

Племенитъ е собетъ учиніо,
Господу е на собетъ сазвао,
Вѣнча нѣга съ Косаромъ дѣвойкомъ,
Поврати му круну и кралѣство.

Ту веселѣ велико быяше,
Неможе се, побре, рећи више.
У двору су бубньи и свирале,
А прѣдъ дворомъ дивно коло игра.

У колу су Бугарке дѣвойке,
Коло води сека Косарина,
Лѣпе она пѣсме изводила,
Сваку пѣсму секи припѣвала.

Да е кому погледати было
Самуела, краля бугарскога,
Како свога зета целиваше,
Целиваше, и благосливляше.

„Ходи съ Богомъ, драго дѣте моє!
На путу ти добра срѣћа была!
Пуно самь ти, сынко, сагрѣшіо,
И старицу майку разцвѣліо,

Држећи те у тамницы тамной,
Морећи те и жеђомъ и гладомъ;
Узми, сынко, заручницу твою,
Поведи є къ бѣлу двору твому.

Поздрави ми словинску господу,
И старицу милу майку твою,
Кою нє самь врло уврѣдіо,
Бреззаконѣ свако учиніо.“

Свимъ деліям’ пѣсма на поштенѣ,
Богъ намъ дао здравлѣ и веселѣ!

2.

Пѣсма одъ Кроє.

Одъ када су цари постанули
У Єдрени граду бієлому,
Ніє већа войска сакуплѣна,
На витеза̀ бана Скендербеѓа,

Што сакупи Муратъ царе силный.
Купіо є годину данака.
Када ли є сакупіо быше,
Диже войску на Крою бієлу.

Колико є Тиранъ полѣ равно,
Изподъ Кроє града бієлога,
Свега су га Турцы притиснули,
И попели бѣле чадорове.

Кадъ ли войска починула быше,
Силный Муратъ бѣлу кньигу пише,
Теръ ѥ шалѣ кройскомъ капитану,
По имену кнезу Вранянину.

У кньизи га Муратъ поздравляше,
Теръ овако нѣму говораше:
„Лѣпа поздравь младу капитану,
Вранянину одъ старине бану,

Кою шалѣ господаръ одъ свѣта,
По имену Муратъ Сулимане,
Бритка Сабла Бога великога,
И буздоханъ светца Мухамеда.

Видіо си, кнеже Вранянине!
Силну войску подъ Кроянoмъ градомъ,
Бы ли лашнѣ звѣзде пребройо,
Него войску цара честитога.

Ово ѥсу свати витезови,
Лѣпи свати Мемеда моѥга,
Кои су се довлемъ потрудили,
По Кроянy ліепу дѣвойку,

Кою' но самь давно замѣріо,
Замѣріо и прстеновао
За моѥга сынка найдражега,
По имену Мемеда младога.

Вранянине кройскій капитане!
Ил' ми предай Крою поноситу,
Или чекай свате витезове.
И приправляй господске дарове,

Изъ бостана румене ябуке,
Русе главе твоихъ витезова,
Сви су мои свати поносити,
За друге ти нехаю дарове.“

Нѣму кнеже кньигу одписуе,
У кньизи се старцу подругуе:
„Небудали, мой старче невольный!
Ніе Кроя за Турке дѣвойка!

Єръ одъ давна има господара,
По имену Кастріотић’ бана,
Кои бы се пріе потурчіо,
Него бы е теби даровао.

Ходи къ мени, кадъ е теби драго,
И сви твои свати витезови,
Лѣпе самь имъ даре приправіо,
Црна праха и тежка олова.

Поздравля те Крояна госпоя,
Заручница Кастріотић’ бана,
Лѣпе ти е даре приправила,
Бритку саблю Юре господара.“

Када га е царе разуміо,
То е нѣму и помучно было,
Али му се ино немогаше,
Већъ господи тихо бесѣђаше:

„Ево Врана кньигу одписуе,
У кньизи се мени подругуе:
Да ми неће поклонити града,
Докъ е нѣму на рамену глава.

Ал' ево му тврду вѣру даємъ:
Ако ми га ухватити Богъ да,
Црне ћу му очи извадити,
Жива ћу га на мѣхе дерати.

Валя, да мы рано уранимо,
Теръ на Крою складно ударимо.
Ко ухвати кнеза Вранянина,
За пашу ћу нѣга учинити.“ —

Іощъ небыше зора забѣлила,
Завикаше цареви телари:
„На ноге се Турцы витезови!
Да се иде Кроя узимати.“

Скочише се паше и везири,
Одъ бедрица саблѣ повадише,
Баряктари развише баряке,
Алайбези подигоше войску,

Теръ на Крою юришъ учинише,
Са свихъ страна нагло ударише.
Съ єдне стране Турцы яньичари,
Съ друге стране паше и сеймени.

Єс' ли, побре, икада видіо,
Када снѣжакъ лети изъ облака,
Тако стрѣле у градъ долѣћаху,
Теръ войникомъ ране задаваху.

А тресе се дрвлѣ и каменѣ
Око Кроє высоке планине,
Одъ топова, шиба, и пушака,
Одъ яука ранѣныхъ юнака.

Надъ Кроіомъ е сунце помрчило
Одъ црнога праха и олова,
А зидови крвави быяху
Све одъ крвце царевыхъ делія.

Бѣла града неузеше Турцы,
Него подъ ньимъ многи изгибоше,
Око града на снопе лежаху,
Теръ Мурату яде задаваху.

Али ево и горѣ жалости!
Удри Юре изъ горе зелене
На коньике цара честитога,
Теръ погуби хиляду Турака.

Изподъ Крое то Муратъ гледаше,
Браду гулећ' сузе проливаше.
Диже войску изподъ бѣла града
Пакъ улѣзе подъ чадоре бѣле.

За три данка ни съ кимъ неговори,
Нити кланя, нит' абдестъ узимлѣ,
Кадъ четвртый данакъ освануо,
Зове Муратъ паше и везире.

Срдито е ньима говоріо:
„Ал' сте дошли Крою освоити,
Ал' Мурата цара укопати
На Тирани полю широкому?

Ево вами тврду вѣру даемъ:
Ако сютра Крою неузмете,
Живе ћу васъ у топе мећати,
И съ вами ћу Крою узимати.“

Када ли є данакъ освануо,
Ударише турски таламбаси,
Свѣтле саблѣ паше повадише,
Яньичаре на градъ натѣраше.

Лѣстве носе паше и сеймени,
Теръ іи међу граду узъ бедене;
Ал' се бране витежки грађани,
Лѣстве ломе, одсѣцаю главе.

Ахъ, мой Боже! големе жалости!
Тежка ти се крвца проливаше,
Низъ долину она тецыяше,
У Дрину се рѣку саливаше.

Малено є врѣме постаяло,
Удри Юре изъ горе зелене
На чадоре цара честитога,
Сѣче Турке, ни броя се незна.

Када га є Муратъ угледао,
Изподъ Кроє града бієлога,
Овако є царе бесѣдіо,
Да слушаю паше и везири:

„Скендербеже, горска хараміо!
Веле ти си мени додіяо,
И юначкихъ глава одсѣкао;
Али твоє неодсѣче нико.

Али имашъ конѣ бѣле Виле?
Ал' юнаке сиве соколове?
Ал' є твоє одъ мазіє тѣло?
Єръ ти сабля нахудит' неможе!

На Адама често ударасмо,
И нѣгову войску изсѣкосмо;
Боякъ бисмо съ царемъ Константиномъ,
И нѣгову землю освоисмо,

Побисмо се съ кралѣмъ Караманомъ,
Теръ нѣгово царство освоисмо;
Боякъ бисмо съ кралѣмъ Владиславомъ,
И русу му главу одсѣкосмо:

А садъ има пуно годиница,
Да воюемъ, и да боякъ біемъ,
Да бы съ киме, небы ни жаліо,
Већъ съ хайдукомъ одъ Крояна баномъ,

Кога нигда придобыт' немогохъ,
Ни на силу, нити на прѣвару.
И ово су люте ране мое,
Кое нигда преболѣти нећу.

Што ће рећи кральи и цесари,
Што л' остали бани и главари:
Ко придобы силу Муратову?
Ко л' изсѣче Турке яньичаре?

Послахъ на нѣг' Али-пашу мога,
И съ ньимъ войске четр'есть хиляда,
Све коньика, по изборъ войника,
Да погубе Скендербега бана,

Ил' погубе, ил' доведу жива.
Ал' невѣрный Кастріотићъ бане
Сву изсѣче силну войску мою
Насрѣдъ Дибре поля великога.

Опетъ послахъ Фериш-пашу мога,
И съ ньимъ войске петнаесть хиляда,
Небы ли га обноћъ прѣваріо,
И русу му главу одсѣкао;

Ал' проклетый Скендербеже бане
Изъ потайныхъ удари бусія,
Теръ погуби Фериш-пашу мога,
И нѣгову на прѣвари войску.

Поуздахъ се у Мустапу мога,
Да ће добыт' Скендербега бана;
Али змія Кастріотићъ Юре
Разби пашу, изсѣче му войску.

За осветит' мое витезове
Одъ Скендера бана изсѣчене
Скупихъ войску, пойдохъ къ Светиграду,
Да на силу я освоимъ нѣга.

Освоихъ га, — али на прѣвари:
А када се натрагъ повратисмо,
Теръ преброихъ силну войску мою,
Ал' то нейма половина войске.

Ово има по годинe дана,
Да я біемъ Крою са свихъ страна,
Немогу е тужанъ освоити,
Ни на силу, нити на прѣвару;

Већъ изгибе силна войска моя
Подъ Крояномъ, онъ се небѣліо!
И іоштъ ме е болесть обхрвала
Одъ старости и тежке жалости.

Помози ми, светче Мухамеде!
Кои си ме досадъ помагао;
Ако ли ме ты помоћи нећешъ,
Єво ти се кунемъ на ћитапу:

Разорит' ћу высоке мунаре,
А зидат' ћу цркве и олтаре;
Разковат' ћу сребрне ибрике,
А коват' ћу криже и калеже;

Погубит' ћу оџу великога,
Клањат' ћу се папи латинскому!" —
То изусти, а душу изпусти
Подъ Крояномъ на полю равному,

И полети къ светцу Мухамеду,
Теръ се Муратъ съ ньиме барабари,
Близу светца подвивъ ноге сѣде,
Лулу піюћ', на ватри се гріюћ!

3.

Пѣсма одъ Беча.

Рано рани Текелія бане,
Бѣле кньиге пише на све стране;
Єдну шалѣ Ердельићу бану,
И господи одъ землѣ хорватске:

„Ердельићу, одъ Хорвата бане!
Ево има пуно годин' дана,
Одъ када смо краля изгубили,
Одъ нашега славнога народа,

А дворимо краля туянина,
По имену цара Леополда.
Камо наша уживаня стара?
Гди є слава унгарске господе?

Већъ є врѣме, да се пробудимо,
И нашега краля освоимо,
Кои ће насъ миловати лѣпо,
Кано майка сынове єдине.

Єво наукъ Текеліє бана:
Одбѣгните бечкога цесара,
Теръ за краля мене окруните
У Пожуну граду бієлому.

Я имадемъ доста лѣпа блага,
Сакупит’ ћу моє Угричиће,
Освоит’ ћу бієле градове,
Све до Беча и около нѣга;

Дат’ ћу вама поля и ливаде,
Лѣпа села, богате вароше,
И бієле куле и градове,
Што но вамъ є дѣдовина стара.

Ако ли ме послушат’ нећете,
Подигнут’ ћу унгарске катане,
Поробит’ ћу хорватске државе
До Любляне града бієлога.

Нудеръ лудо негубите главе,
Већъ се моіой круни подложите,
Каконо се скоро подложише,
Витезови унгарски кнезови.“ —

Другу быше кньигу написао,
Теръ е шалѣ цару честитому:
„Султанъ царе, милый господаре!
Ево теби добре гласе кажемъ;

За краля су мене учинили,
Угричићи, мои витезови;
Ал' се боимъ душманина твога
Леополда цара нѣмачкога.

Већъ те молимъ, мой честитый царе!
Да сакупишъ силну войску твою,
Я ћу мое младе Угричиће,
Ердель равный и сву Унгарію,

Отић' ћемо къ Бечу біелому,
Ласно ћемо освоити нѣга,
Германію, и сву Италію
Башъ до Рима града біелога

Садъ е врѣме, мой честитый царе!
Да осветишъ твое яньичаре,
И погубишъ душманина твога,
Леополда цара нѣмачкога,

Кои ти е пуно додіяо,
Яньичаре твое исѣкао.
Доспѣвајућ' клањамъ ти се лѣпо,
Теръ ти любимъ скута и колѣна.“

Одписуе Ердельићу бане,
И господа одъ хорватске стране:
„Небудали, момче силовито!
Младо, здраво, пуно поносито!

Другому се кралю некланямо,
  Нег' цесару старцу Леополду,
  Коино е мила майка наша,
  Како знаде и доброта ваша.

Прія ћемо главе погубити,
  Него тебе за краля познати,
  Кои неймашъ вѣре ни закона,
  Веђъ Калвина штуешъ кано Бога,"

Одписуе Мемедъ царе силный:
  „Слуго вѣрна, Текелія бане!
  Неће пройти два мѣсеца дана,
  Дойт' ће теби помоћь са свихъ страна!"

Што е река', порека' се ніе,
  Силену е войску сакупїо,
  Одъ Багдата до Царевыхъ врата,
  Све покупи по изборъ юнака.

Палестину и Азію равну,
  Романію и сву Булгарію,
  Арбанію и Мацедонію,
  Славну Босну и Херцеговину,

Каравлашку и Карабогданску,
  Татарію до Бендера града,
  Славонію, Лику и Крбаву,
  Котаръ равный и Сѣньску државу.

Када ли се войска подигнула,
  Прѣко лѣпе землѣ Унгаріе,
  Преброит' е нигдо немогаше,
  Дочекат' е нигдо несміяше.

Оде войска къ Бечу біелому
Пѣваюћи, конѣ играюћи,
Прѣдъ ньоме су паше и везири,
Люти змаи цара честитога.

Силный витезъ, великій везире,
По имену Карали Мустапа;
Везир-паша одъ Будима града,
По имену Дели-Ибрахиме;

Ольи-Оџа, паша одъ Софіе;
Амет-ага, великій ћехая;
Карамеџед-паша одъ Алепа;
Ћорбег-паша одъ Мисира града;

Ћидир-паша одъ Босне поносне,
Мустап-паша одъ Херцеговине;
И тефтедаръ цара честитога,
По имену Ефенди Асана;

Осман-паша везиръ одъ спахія;
Топџи-паша одъ свѣтла оружя;
Али-паша одъ Караманіе;
Омеръ-паша одъ Караизара;

Мустай-беже, ага яньичарскій;
Амет-паша града Темишвара;
Ћорбег-везиръ, паша одъ Дамаска;
Али-паша одъ Бурсіе града;

Ольи-Аметъ паша одъ Агріе;
Осман-ольи паша одъ Ћутая;
Асан-паша одъ грчке државе;
Емиръ-паша одъ Едена града;

Ислан-везиръ, паша Никопольскій;
Одъ Мараса силный Амет-паша;
Али-паша одъ града Анцыра;
Одъ Болика паша Усеине.

Остале ти пѣвати немогу,
Єръ бы пѣсма одвећъ дуга была.
Ал' послушай, мой милый браєне!
Да ти кажемъ туге и чемере,

Турска войска куда пролазаше,
Онде куга морія моряше;
Старо сѣку, малу дѣцу колю,
А дѣвойке воде у сужаньство.

Докъ су дошли до Беча бѣлога,
Сто хиляда робя заробише,
Мало манѣ глава одсѣкоше,
Тако, побре, мудри люди пишу.

Малено є врѣме постаяло,
Леополду бѣла кньига дође
Одъ Лорене Дуке великога.
У кньизи є нѣму бесѣдіо:

„Свѣтла круно, великій цесаре!
Ето на те сва сила царева.
Прѣдъ ньоме є великій везире,
По имену Карали Мустапа.

Бѣжи, старче, куда годѣръ знадешъ,
Немой лудо изгубити главе.“
Кадъ є цесаръ кньигу прогледао,
Одъ жалости быше проплакао.

Пакъ дозывлѣ кнеза Штаренберга,
Овако є нѣму говоріо:
„Штаренберже одъ старине кнеже!
Ты си мени вазда вѣранъ быо.

Предаємъ ти круну и цесарство,
Бечъ бієлый, и моє прѣстолѣ.
Узми войске колико ти драго,
Брани града, кано свою главу,

А я идемъ одъ града до града,
Искат' помоћь одъ стара и млада.
Неплаши се, мой сивый соколе!
Брзо ће ти добра помоћь дойти.“

Кадъ-ли се є ноћца ухватила,
Бѣжи цесаръ изъ бієла града,
Съ собомъ води дѣцу и любовцу,
Слуге своє и дворане младе.

У Бечу се издаица нађе,
Теръ доказа Текеліи бану:
„Зло га лега' и зорицу заспа',
Утече ти цесаръ Леополдо!“

Кадъ є бане разуміо гласе,
Скочіо се на коня витеза,
За цесаромъ у потѣру трче,
Ал' га бане достигнут' неможе;

Єръ утече горицомъ зеленомъ,
Здраво дође къ Линцу бієлому,
На путу му лоша срѣћа быше,
Пустахіє изъ горе удрише,

Отеше му сребрне танюре,
  Златне купе, коим' піе вино,
  Ни то ньима доста небыяше,
  Веђъ црковну одору отеше.

Мало тога врѣме постаяло,
  Гласъ допаде старцу Леополду:
  „Бѣж', цесаре! ето Угри на те;
  Нит' ђешъ остат', нит' однѣти главе!“

Кадъ е цесаръ гласе разуміо,
  Прія зоре быше ураніо,
  Теръ побѣже прѣко Германіе
  Подалеко у градъ Пасавію.

Али ево яда и горѣга!
  Све до Беча Турцы освоише;
  Опалише Татари вароше,
  Оборише куле и градове.

Дымови се до неба дигоше
  Одъ Будима до Беча бѣлога;
  А кадъ бы се нођца ухватила,
  Свакога бы туга обуяла,

Гледаюђи огнѣне пламене,
  Гдѣ се дижу гори у высине.
  Одъ онога огня пакленога
  Око Беча града біелога.

Те жалости Бечани гледаху,
  Горко цвиле, сузе проливаху;
  Ал' іи тѣши Штаренбергъ витеже,
  Силный юнакъ, одъ старине кнеже.

„Небойте се Бечани грађани!
Неће Турцы нахудити нами!
Метимо се у Божіе руке,
Ласно ћемо предобыти Турке,

За Исуса мы боякъ біемо,
И за нѣга крвцу проліемо,
За нашега доброга цесара,
За родбину и за отачбину.“

Истомъ витезъ тако бесѣђаше;
И дружину свою слобођаше,
Видише се пѣшцы и коньицы,
А баряцы кано и облацы
Око Беча града біелога.

Колико е полѣ наоколо,
По нѣму се друго невиђаше,
Него пѣшцы, коньи, и коньицы,
Чадорови и алай-баряцы!

Српня дана тринаестый быше,
Када подъ Бечъ Турцы доездише;
Чадоръ пенѣ великій везире
Прамъ біелу двору цесарову.

Каву піе, бѣлу кньигу пише,
Теръ е шалѣ младу генералу,
Штаренбергу одъ Беча главару,
Турски пише, теръ му яко прѣти:

„Ђаурине, бечкій капитане,
Невѣрниче, Бога одметниче!
Кудъ ћешъ сада, на кою ли страну?
Божя срчба ево паде на те,

И па твога краля невѣрнога,
Леополда цара нѣмачкога,
Кои бѣжи одъ града до града,
Да утече срчбу Мемедову.

Ал' ево му тврду вѣру даємъ,
Нек' се крыє, кудъ є нѣму драго,
По планинам' и густым' дубравам',
Нит' ће утећ', на однѣти главе.

Тебе, бане! и твоє грађане,
Понукуємъ кано и сынове,
Да бацыте те орле крсташе
Одъ двѣ главе, зло узданѣ ваше,

А метнете цареве баряке
На бедене Беча бієлога.
Чекат' ћу васъ по' бієла данка,
Єръ є везиръ ваша мила майка."

Кньигу штіє бечкій генерале,
Кньигу штіє, а на ню се сміє;
Одговори Мустапу везиру
Црнымъ прахомъ и тежкимъ оловомъ.

Кадъ то види Мустапа везире,
Поче копат' тврде метеризе,
И намѣштат' големе топове
Око Беча града бієлога,

Са свихъ страна живый огань дає,
Теръ га біє нигда непрестає:
Оре куле, дворе цесарове,
Пробіяху одъ града зидове.

Бечъ біелый лѣпо одговȁра:
Небои се силенога цара.
Живый огань изъ нѣга сипаше
На алае Турке разгоняше.

Али Турцы нигда непрестаю,
Веħъ подъ градомъ лагумъ подкапаю:
Три велика пуно страховита
Ужегоше на двадесеть и три.

Потресе се полѣ наоколо,
Дунай вода, дрвлѣ и каменѣ,
Бечъ біелый, высоке планине;
Дымъ се диже гори у вышине.

Яньичари юришъ учинише
Съ голым' саблям' на градъ ударише:
У граду іи войска дочекала,
На Турке е огань оборила,

Гранатири огнѣнымъ гранатам',
А пушкари прахомъ и оловомъ,
Витезови саблям' и кадарам',
А грађани дрвѣмъ и каменѣмъ.

Изгибоше Турцы яньичари,
Ал' біела нéузеше града,
Веħъ срамотни натрагъ побѣгоше,
Избіени, люто изранѣни.

Непрођоше два біела данка,
Три лагума Турцы ужегоше:
Стаде вика у градў юнака.
Силни Турцы на градъ ударише.

Одъ зорице теръ до мукле ноћце
  Непресташе на юришъ трчати;
  Ал' удари Серенъ генерале,
  Теръ потѣра Турке яньичаре,

Потѣра ихъ низъ то полѣ равно,
  Теръ iи сѣче, нигда непрестае:
  Многе Турске онъ одсѣче главе,
  Опоштени цесаровце младе.

Свега Юла непресташе Турцы
  Яде даюћ' Бечу бiелому:
  Лагумџiе лагуме жегући,
  Яньичари юрише чинећи.

Али ево велике неволѣ!
  На четири Августа мѣсеца,
  Великъ Турцы лагумъ ужегоше,
  Теръ широка врата учинише;

Ударише тада яньичари,
  Силне баше, и сеймени Турцы,
  Са свихъ страна пѣшцы и коньицы,
  Кано мрки изъ горице вуцы.

Али ньима лоша срѣћа быше,
  Єръ iи огнѣмъ Нѣмцы изтѣраше.
  Оста мртвыхъ царевыхъ делiя
  Око града, ни броя се незна.

Ево опетъ огня и горѣга!
  У по'ноћи ударише Турцы,
  Петый данакъ Августа мѣсеца
  То ће рећи нашки Коловоза.

Сійну свѣтлость по Бечу бѣлому,
И по Бечу и около нѣга,
У по' ноћи, кано и у подне.
Одъ онога огня пакленога.

Шарампове освоише Турцы,
На нѣ међу зелене баряке;
Али Турцы тежко изгибоше,
А веће ихъ ране допадоше.

Сѣче Турке Лезле генерале,
По имену кнеже Александро;
Изтѣра іи изъ біела града,
Теръ іи тѣра низъ то полѣ равно.

Када ли се натрагъ повратише,
Свакій носи главу одъ юнака;
Ал' погибе Лезле генерале:
Ей, витеже, покойна ти душа!

Іошъ ти, побре, лѣпше чудо кажемъ:
Скочіо се Даунъ генерале,
У по' ноћи удари на Турке,
Теръ витежке окрвави руке.

То на седа̀мь Коловоза быше,
Кадъ се нико бою ненадаше;
Здраво се е натрагъ повратіо,
Яньичаре многе погубіо.

Али ко ће сили одолѣти?
Ко л'градове бѣле обранити?
Турска войска̀ подъ земльицомъ сташе,
Теръ се на градъ бѣлый наслоняше.

Састаше се и Турцы и Нѣмцы,
Да бы могли скупа вечерати,
Єданъ другомъ винце додавати.
Садъ помысли туге и жалости!

Єчи земля подъ біелымъ градомъ,
Лагумџіе лагумъ подкапаю,
Теръ граѣаномъ тешке ране даю,
Чекаюћи те смрти ненадне,

Говоріо Штаренберже кнеже:
„Ко предаде бѣлу кньигу мою
Свѣтлу бану, Дуки одъ Лорене,
Дат’ ћу нѣму сто жутыхъ дуката.“

Сви юнацы мукомъ замукнуше,
Али нехтѣ Микаловићъ Юре,
Младо момче срдца юначкога.
Већъ е нѣму юнакъ бесѣдіо:

„Пиши кньигу, милый господаре!
Я ћу поћи къ Дуцы одъ Лорене,
Посрѣдъ войске цара честитога.
Говорит’ ћу турски и арапски.“

Кадъ е нѣга разуміо кнеже,
Пише кньигу, сузам’ е полива,
Теръ е шалѣ къ Дуцы одъ Лорене,
Овако се съ ньиме разговара:

„Генерале, и преведрый бане!
Или незнашъ, ил’ нехаешъ за насъ!
Одъ Турака живит’ неможемо,
Ни бранити Беча цесарова.

Ево има петдесеть данака,
Да га бію Турцы брезъ престанка.
Съ едне стране бумбе и лумбарде
Ору куле, и палаче бѣле:

Съ друге стране лагумъ подкапаю;
Съ треће стране юришъ непрестае:
Изгибоше мои генерали,
Капитани, млади обрстари.

Да ты знадешъ, мой преведрый бане!
Какви есу коньи у Турака!
Да іи лютим' уздам' неузтежу,
Скочили бы граду на бедене.

Турцы нама люте ране даю,
Брезъ престанка беденъ подкапаю.
Ходи съ войскомъ, што годъ прія морешъ,
Єрбо смо ти у невольи тешкой."

Одписуе Дука одъ Лорене:
„Небрини се, млађанъ капитане!
Неће проћи ни недѣля дана,
Дойт' ће теби помоћь са свихъ страна.

На дванаесть Септембра мѣсеца,
Ударит' ће бубньи одъ истока
Иваниша краля Полячкога,
Исъ ньимъ войске тридесеть хиляда:

Други ће ти ударити бубньи
Одъ запада, гдѣ почива сунце,
Мои бубньи, моя войска силна,
Тріесть хиляд' по изборъ Нѣмаца;

Трећи ће ти бубньи ударити
  Одъ сѣвера Дуке Бавіере,
  И съ ньимъ войска двадесеть хиляда,
  Али е то огня жестокога.“

Истомъ у градъ бѣла кньига дође,
  Потресе се дрвѣ и каменѣ:
  Живый лагумъ Турцы ужегоше,
  Тврдый беденъ у лагумъ дигоше.

Велика се отворише врата,
  У ширину двадесеть лаката.
  Бритке саблѣ Турцы повадише,
  Са свихъ страна на градъ ударише.

Ево, брате, боя великога,
  Ево рата, огня, жестокога!
  Ту се сѣку пѣшцы и коньицы;
  Ту се боду силни копѣницы;

Люте косе косцы донесоше,
  Теръ по поли Турке изсѣкоше;
  Ту се брани мало и велико,
  Попи, фратри, жене и дѣвойке.

Бію Турке дрвѣмъ и каменѣмъ,
  Врѣломъ водомъ, пакломъ растоплѣнымъ,
  Ту се колю ножим’ и ханџарим’,
  А бію се тежким’ буздоханим’.

Шкулари се юначки поднѣше:
  Силовито на Турке удрише;
  Єдни сѣку, едни боду Турке,
  Теръ крваве свое бѣле руке.

Тадъ изгибе войска цесарова;
Али турске ни броя се незна:
Бѣла града Турцы неувеше,
Гулеќ' браде назадъ побѣгоше.

Кадъ ли се е ноћца ухватила,
Грађани се пеню на вышние,
Къ небу међу огнѣне пламене,
Изъ звоника светога Стѣпана;

На гласъ даю Дуцы одъ Лорене,
Тужно станѣ Беча бѣлога.
Лѣпо ньима одговара Бане
Одъ нѣмачкихъ высокихъ планина.

Одъ помоћи зламеня даваше,
Теръ грађане Дука слобођаше,
Да се бране за мало данака
Одъ оныхъ невѣрныхъ Турака.

Кадъ ли дође данакъ дванаестый,
Угледа се войска цесарова
На планини светогъ Леополда,
Силна войска Дуке одъ Лорене
У црлѣно быше обучена.

Друга се е войска угледала,
Сва у бѣло, побре, обучена;
Дваесть хиляд' силеныхъ юнака,
И прѣдъ ньима Дука Бавіере.

Трећа се е угледала войска,
У зелено сва е обучена;
Силна войска краля полячкога,
Иванища змая огнѣнога,

Сійну бечко полѣ наоколо,
Око нѣга высоке планине,
Одъ оклопа и одъ оклопника,
Одъ пушака, копя, и сабаля.

Генерали вѣће учинише,
Како ће се ударит' на Турке.
Десно крыло они одредише
Великому кралю полячкому,

А да нѣму помоћницы буду:
Младый витезъ херцегъ одъ Саксена,
Лавембурго, змае одъ двѣ главе,
И Рабата, бане генерале,

Іошъ два кнеза, на гласу витеза,
Мађарія Палфи генерале,
И Гундула, витезъ гласовитый,
Дубровчанинъ пуно племенитый.

Ови бѣху славни генерали
Подъ барякомъ краля полячкога,
Кои войскомъ нѣговомъ владаху,
И подъ Бечемъ главе одсѣцаху.

Лѣво крыло одређено быше
Великому бану одъ Лорене;
Помоћнике нѣму поставише
Силне лаве, орле одъ двѣ главе:

Одъ Бадена славнога херцега,
Люту змію Лезлу генерала,
Любомирка и Мерци барона,
Крои бана, и Тафъ генерала.

На васъ дундаръ бани одредише
Двѣ аждае одъ землѣ нѣмачке:
Бавіеру бана великога,
И Сакксона херцега славнога.

Дадоше имъ добре помоћнике,
Єданаесть младыхъ генерала,
А да ньима лѣпо заповѣда
Свѣтлый бане, принцыпъ одъ Валдека.

Три се силне упутише войске
Низъ планину светогъ Леополда;
Кадъ су сашли на то полѣ равно,
Генерали у редъ поставише
Силне войске, да се бію съ Турцы.

Бой заметну Парела принцыпе,
А за ньиме Лезле генерале;
Са свымъ крыломъ удари на Турке
Силный витезъ херцегъ одъ Лорене;

Краль полячкій ударіо быше
Съ деснымъ крыломъ на дванаесть паша,
На Мустапу великогъ везира,
И на младе Турке яньичаре;

Удри дундаръ Дука Бавіере
На васъ дундаръ цара силенога.
Ево боя, ево огня тежка!
Ево, побре, мейдана витежка!

Одъ праха се ништа невиђаше;
Одъ топова ништа нечуяше;
По свемъ полю крвца тецыяше,
У Дунай се воду саливаше.

Ту се бише одъ ютра до подне;
Іошъ се незна, чіи мейданъ быше.
Кадъ то види Дука одъ Лорене,
Удри коня сребрнымʼ мамузамʼ,

Умѣша се у войску цареву
Съ голомъ сабльомъ у десницы руцы,
А за ньиме све крыло нѣгово,
Теръ потѣра Турке витевове.

Мало послѣ Дука Бавіера
Разби дундаръ цара силенога.
Краль полячкій у потрѣби быше,
Яньичари еръ му се упрѣше.

Неможе іи съ мѣста помѣстити,
Нитʼ іи може юнакъ придобыти;
Али нѣму добра помоћь дође
Одъ Лорене и одъ Бавіере.

Ударише едино на Турке,
Потѣраше младе яньичаре,
Теръ іи сѣку до мрклога мрака.
Алʼ утече Мустапа везире.

Осташе му огнѣни топови,
Чадорови, бубньи и свирале;
Остаде му азна и заира;
Мртве войске петдесеть хиляда.

Бѣжи везиръ одъ града до града;
Єдва духатʼ у Бѣоградъ дође,
Онде му е горя срѣћа была,
Руса му е глава одсѣчена.

IV.

ПЕТАРЪ КНЕЖЕВИЋЪ

1765.

изъ дѣла: *Мука господина нашега Исукерста и плачъ матере нѣгове.*

Рѣчи писаоца.

— Сайде Пилатъ потомъ тога,
И видеђи свезанога,
„Коя тужба рече ньима,
Супротъ тому одъ васъ има?“

Сви рекоше: „да злочинацъ,
По све ніе, и іошъ хинацъ,
Овдѣ небы свезанъ быо,
Нит' бы га се тко додîо.

А садъ ово сви велимо,
И чисто ти говоримо,
Да га смакнешъ и уморишъ,
А друго намъ неговоришъ.

Онъ бо вели, да е одъ Бога,
И сынъ да е Свемогога;
Онъ законе ставля нове,
Теръ се нашимъ кралѣмъ зове.

Є ли право, да се овакій
Човѣкъ пусти преопакій?
Єръ с' отежешъ? добро пази,
У зло кое неугази.

Ова коя приказасмо,
И на знанѣ теби дасмо,
Све су ствари одъ истине;
Суди дакле нек' погине."

Пилатъ рече: „кадъ велите,
Да е кривацъ, и желите,
Да погине, водите га,
И по писму судите га."

Тадъ гласъ опетъ сви дигоше,
И съ вапаiомъ нѣм' рекоше;
„То се нами непристои,
Већъ у саму теби стои."

Пилатъ онда нѣму рече:
„Одкадъ име тако стече,
Ето тебе кралѣмъ творе,
Є л' истина, што говоре?"

Будућ' дотле муче стао
Исусъ, и рѣчь нерекаб,
У мучаню тадъ престаде,
Теръ м' одговоръ овый даде:

Исусъ.

„Ал' си одъ себе то познао,
Али ти е тко казао?
Краль есамь ли ты м' упыта?
Єсамь, ал' не овог' свѣта.

Свѣта да самь краль овога;
Имао быхъ и я кога,
Кои бы ме садъ бранiо,
Теръ неб' овдѣ свезанъ быо.

Али самъ се родит' хтîо,
И човѣкъ се учиніо,
Да нележи свѣтъ у тмина,
Већъ некъ позна, што є истина.

У правицы тко годъ ходи,
Мене слыша, и находи:
Овако є, како велимъ,
Єръ спасеня сваком̀ желимъ."

Рѣчи писаоца.

Кадъ чу Пилатъ: „Небучите,
Рече, да ли промыслите,
Ніє тако то судити,
Већъ трѣба є извидити.

Вы велите, да га уморимъ,
И да друго неговоримъ,
А я вами велимъ опетъ,
Теръ ћу краля вашегъ пропет'?"

Кадъ Пилата разумîше,
До небеса гласъ пружише:
„Другогъ краля мы неймамо,
Цесару се сви кланямо.

Да немойдеръ већъ каснити,
Ни толико ластанъ быти;
Хоће правда мѣсто своє,
Суди дакле, єръ право є."

Пилатъ поче тадъ мыслити,
Како ће га избавити;
Рече слугам': „Узмите га,
Тере бичим' избите га!"

Тада слуге нѣг' сграбише,
Къ ступу свезавъ, тако бише,
Да га быше крвь облила,
И іошъ землю натопила.

Одртъ тако васъ быяше,
Да се свака кость виђаше;
Нит' му остаде нигдѣръ цѣло
За ратъ игле славно тѣло.

Пакъ му руке опростише,
И нань опетъ навалише,
Біюћ', ружећ', и псуюћи,
И за руго нань плююћи.

Тымъ сплетоше чудну круну,
Преоштрога трня пуну,
Теръ га шъ ньоме окрунише,
И на главу штапим' сбише,

Ушло трнѣ у мождане
Юръ быяше на све стране,
И живъ само тадъ остаде,
Да путь умре, еръ недаде.

Тако страшно изранѣна,
И томъ круномъ окрунѣна
Пилатъ пуку ту стоећи
Указа га, говорећи:

„*Ево човѣкъ*, кои свога
Неим' обличя юръ людскога,
Зарадъ лютыхъ смртнѣхъ рана,
Будућ' одртъ са свихъ страна.

Што савише већъ желите?
Юръ какавъ е, сви видите:
А да речемъ по разлогу,
Права смакнут' я немогу."

А кадъ види майка ди̂ва
Сынка свога едва жива,
Свега крвю обливена,
И немило нагрђена,

Одъ жалости умираше
И брезъ свѣсти юръ быяще,
Кое како мало стече,
Наричући едва рече:

Госпа.

„Аймехъ, сынко, срдце мое,
Тако ли е тѣло твое?
Тако л' ми те нагрдише,
И за руго окрунише!

Ево цвилимъ и уздышемъ,
Ево едва душомъ дышемъ:
Знамъ, да самь ти тужна мати,
Ал' незнамъ ти помоћь дати.

Глава, сынко, каква ти е!
Свакъ бы реко, твоя ніе.
Какавъ образъ, дико моя,
Крвавъ, и пунъ мртвог' зноя!

Ей, Пилате, яданъ быо,
Што си сада учиніо?
Правда твоя теръ то ли е,
Да се дере, тко кривъ ніе?

О нехарни вы жудіе,
И немили крволіе,
Што ми одъ сына учинисте,
Зашто л' ми га нагрдисте?

Ніе ли васъ миловао,
Ніе л' чуда дйловао,
Ніе л' мртвым' животъ дао,
А бетежне оздравляо?

Гди е законъ, любавь гди е?
Харность ваша така ли е?
То ли нѣму повратисте,
Files послѣ добра, когъ примисте?

Садъ кому ћу, кудъ ћу, што ћу
На толику рећи злоћу,
Видећ' пропасть пука мога,
А прогната одъ свакога?

Цвили, кукай, тугуй, плачи,
Штогодъ имашъ, све потлачи.
Што ћу тлачит', што л' м' остае,
Кадъ ми тебе садъ нестае?

Што се добра хтѣт' могаше,
У теби се нахођаше,
И брезъ тебе, душо моя,
Ніе мира ни покоя.“....

V.

ПЕТАРЪ ВУЛЕТИЋЪ

изъ дѣла: *Іосипъ праведный.*

пѣваня другогъ.

...Два годишта по овому
Краль Фараунъ, краль честитый,
Види створи у сну свому,
Кê неморе разумîти.

Зато сметенъ порад' тога
Поче веле тужанъ быти,
Мыслеħ', да бы наша' ткога,
Кой ħе те сне стомачити.

Све покупи разумнике,
И мударце у полачу,
И закона научнике
Да му те сне истомачу.

Свакъ ньихъ кралю томачаше
По разуму разликому,
Што мудріе тко могаше
За угодит' кралю свому.

Томаченя премъ да многа
Разумницы изведоше,
Да ли срдце краля свога
Упокоит' немогоше.

Бы пригода ова лйпа,
Да нехарный слуга оный
Спомену се одъ Iосипа;
Рѣчи оваке кралю донй:

„Фарауну, круно славна,
Створь ће драга теби быти,
Кâ се сгоди мени одавна,
Сада ћу ти сва правити.

Я быхъ нашастъ у кривини,
Два годишта юръ ће быти,
И твоя ме милость чини
У тамницу поставити.

Онде срѣћомъ намѣри се
Жудiо младићъ лѣпа образа,
Кои къ мени придружи се,
И млоге ми ствари сказа.

Тако єдномъ и мени се
Нѣкакове ствари сните,
И кадъ ютромъ пробуди се,
Све му правихъ, како быше.

И рече ми, да ћу опетъ
У милости твоiой быти,
А другому, да ће пропетъ
Быт' на крижу, и умрйти.

Што намъ рече, све се сгоди,
А другчiє ништа небы,
И онде се юшъ находи;
Чин' га, кралю, привест' къ себи.“

Кадъ е то краль разуміа,
  Службеникомъ заповй̂ди,
  Изъ тамнице да жудія
  Предань воде, да́ га види.

Службеницы потекоше
  Изъ тамнице да се изводи,
  Ту т' му власи остригоше,
  И умише свега у води.

Ту свукоше шъ нѣга халю,
  А другу му обукоше,
  Нарешена тако кралю
  Упоштеню приведоше.

Видивши га краль целова,
  На прѣстолю своиъ сѣдеђи,
  И лѣпо га помилова,
  Овако му говоређи:

„Ну, мой драгій, брезъ свакога
  Страха мени сада прави
  Створи скровне одъ сна мога,
  И одъ мысли мене избави.

Овако се мени шняше,
  Да кодъ Нила, славне рй̂ке,
  Седамь тустыхъ крава сташе́,
  Кй̂хъ тустини ній прилике.

Претѣлина бы толика,
  Кў̂ живине те имаху,
  Одъ тустила да велика
  Єдва собомъ помичаху.

Седамь крава пакъ мршавыхъ
Изхођаху ванка рѣке,
Тако иледныхъ и хрђавыхъ
У Египту небы у вѣке.

Кê одъ глада єдва узгора
Своє кипе уздржаху,
Одъ неволѣ и прѣкора
Глобима се шебећаху.

Насрнуше пакъ мршаве,
На тлехъ тусте оборише,
И зелене як' бусъ траве
До мрве ихъ све прождрûше.

По сну овомъ видихъ другiй,
Седамь класiй родна жита,
Кû направни, єдри, дуги,
Єдна лѣпшя створь одъ свûта.

Другу седамь класiй сташе
Таштыхъ, празныхъ, и брезъ врнiй,
Класи празни погуцаше
Класе пуне ћа до стрни."

Краль доспѣвши говорити,
Рече Іосипъ нѣму овако:
„Кралю славный и честитый,
Ког' є име веле яко,

Седамь пуныхъ класiй жита,
И претѣлыхъ седамь крава,
Свакому є створь скровита,
А мени се знати дава.

То ћe рећи, да себице
  Седамь годишт’, кî ћe прити,
  Хоћe обилность одъ пшенице
  И одъ сваке хране быти.

Обилности, кâ ћe доћи,
  Нигдаръ има твой Египатъ,
  Мѣста люди нећe моћи
  Найти, гди ћe жито сипат’.

Седамь правнѣхъ класiй жита,
  И мршаве оне краве,
  Зламеную гладна лîта,
  Кâ ћe обастрит’ све државе.

За годиштим’ обилности
  Седамь годишт’ врла глада
  Наскочит’ ћe у наглости
  Народъ, кои буде тада.

Гладъ ћe овый толикъ быти,
  Кî ћe трпит’ она лîта,
  Да ћe му се находити
  Успомена вѣковита.

Зато, кралю, садъ е врîме,
  Чинъ су лѣта обилности,
  Да съ разумомъ ты твоиме
  Найдешъ мужа одъ врѣдности,

Кои ћe пойти на све страпе
  Одъ Египта кралѣвине
  Приправляти сваке хране,
  Да пукъ гладомъ непогине.“

Краль и шъ ньиме кои сѣде,
Присмеђени сви осташе,
Када врѣдне те бесѣде
Одъ Іосипа послушаше.

Зато краль му рече овако:
„Слышай, сынко мой люблѣный!
Тко ће быти мударъ тако,
И духъ имат' божанственый?

Я надъ тобомъ небыхъ мога'
Мудрієга нађ' човѣка,
Кой бы здравлю пука мога
Потрѣбнога нашао лѣка.

Єре теби Богъ указа,
У напрѣдакъ што ће быти,
Милость мога ты образа
У вѣкъ нећешъ изгубити

Ево тебе узвышуємъ
У честитой моіой хижи,
И съ одлукомъ нарећуемъ,
Да ме ниткоръ ніє ближій.

На рѣчь єдну уста твоихъ
Да се васъ пукъ пригнут' има,
Подложникомъ одъ свѣхъ моихъ
Господинъ си нада свима.

У кралѣвству юрве мому
Ниткоръ ніє тебе већій,
Него я самъ преславному
На прѣстолю момъ сѣдећій.

Нарећуемъ тебе сада
Врхъ Египтске покраине
Одъ истока до запада
Поглавицомъ надъ све ине.“

Краль свой прстенъ съ прста свуче,
И Іосипу нѣга даде;
У славне га свите обуче,
Златанъ веругъ на вратъ кладе.

Чини нѣга пака сѣсти
У злаћене свê кочіе,
И да дворникъ по свихъ мѣсти
Прѣдъ ньимъ тече и вапіе:

Да е Іосипъ старешина
И господинъ одъ области,
И на своя свакъ колѝна
Да прѣдъ ньиме има пасти.

Іошъ се закле краль прѣдъ свима,
„Да по име мое родно!
Ни ногомъ се макнут’ н’има,
Ак’ Іосипу ніе угодно.”

Краль му име друго стави,
Одъ Іосипа у Фанека,
То схранитель свѣта правый
У езыкъ бы нашъ изрека’.

VI.

ГЕРГО ВАРЕСАНИНЪ

Говоренѣ

Одъ слѣпоће грѣшника, кои премда виде, и изкушаю покараня Божя свимъ тывимъ сагрѣшиват' непрѣстаю.

„И Іона сађе на дно лађе илити ђеміе и спаваше сладко.“ — Овако се штіе у кньигу Іоне пророка.

Кадъ побѣже пророкъ Іона изъ свога у туђій вилаетъ за непоћ' приповѣдат', како му Богъ заповѣдаше, у великій градъ одъ Нииниве, дойде къ мору, плати возарину, и улѣзе у едну лађу, коя иђаше онамо у Тарзисъ, градъ одъ Цылиціе. Коя како се одъ края оддѣлише, и навезе на дебело море, ево одма духнуше противни вѣтрови, надведоше се тавни облацы, почеше сѣват' огнѣвите мунѣ, пуцат' страховити громови, и падат' градъ и киша заедно. Одкудъ узбуни се море, и узаври тако, да дижући лађу на валове, хтіяше ихъ потопити свеколике у дубине своe. Онда они жалостни морнари и путницы, кои шъ ньима быяху, сви одъ страха више мртви него живи, долѣ клекавши, срдце, очи и руке къ небу уздижући плакаху, уздысаху, и велике завѣте чиняху за избавлѣнѣ и ослобођенѣ своe. Самъ Іона нити се брине, нити преда, нит' промышля погибѣли, коя му надъ главомъ стои, него сашавъ долѣ у лађу сладко спава и почива.

Я незнамъ, слышаоцы драги, што се вами чини одъ еднога сна и спаваня овакога. Ну я по мени судимъ, да е зла прилика: еръ да еданъ спава, кои никакве бриге неима, нити се находи у жалости, ни у погибѣли никаквой, осуда ніе никакова. Али спават', теръ сладко спават' и хркати находећи се у бризи, и у очитой погибѣли, као нашъ Іона, охъ, то е чудо велико! Я по мени, реко, судимъ, да е една зла прилика ово Іонино у очитой погибѣли спаванѣ: еръ приликуе, и приказуе намъ виђенымъ начиномъ жалостный станакъ еднога отврднута грѣшника, кои находећи се у непріятельству съ Богомъ, и зато у очитой погибѣли тѣлесной и душевной, и видећи прѣтнѣ и покараня, коя Богъ шалѣ сврху грѣшника, на мѣсто дозвати се у се и оставит' грѣхе, то се већма завози, и грѣхъ на грѣхъ прти, и тако самъ чини се непознаніи и неразумніи одъ истыхъ живина неразложитыхъ. А нутъ послушайте помльиво, е ли ово истина.

За познати, да е ово истина, то есть, да грѣшникъ на мѣсто, што бы се имао обратит' и грѣхе оставит', видећи прѣтнѣ и покараня божя, већма у грѣху тврдне и стѣне; нутъ промыслите, коя и каква покараня Богъ посла сврхо Фарауна, краля одъ Египта, небы ли се дозвао, и пустіо изъ сужанства пукъ израелскій, а онъ ни на едно одъ ньихъ нехтѣ се обратити. Ево, найпрво чини Богъ по Мойсею и по Арону све рѣке, и све воде ньихове у крвь обратити, да неимаду чимъ жеђь угасити. Али на то необрати се Фараунъ ни вѣћницы нѣгови, премда седамь дана поднѣше ово покаранѣ, и жалость ова у свой земльи египтской. Иза тога дакле посла Богъ толико множтво жаба, да имъ се

све куће напунише, и сва мѣста ньихова, тако, да нити бы могли сѣст', ни лећ', гдѣ ихъ небыяше. Паче ни ѣћа ни пића узет' небы могли, у кому ихъ небы было; за то ест' и пити грстило бы имъ се, а одъ кврkотаня у шибикамъ уши бы имъ заглунуле; И сасвимъ тызимъ необратише се. Зато заповѣди Богъ Арону, да удари шибкомъ по праху, и кадъ удари, васъ прахъ землѣ оне окрену се у комарице, кое ньихъ и животиню колюћи нису ихъ дали ни очим' отворити. Сасвимъ тымъ више отврднути, посла имъ Богъ едно неизмѣрно множтво мушица одъ сваке врсте, кое као роеви притиснувши ньихъ и марву люто длаху и крвь имъ пяху. Ну необративши се, посла Богъ кужну болесть у животину ньихову; а и по ньима истымъ чини да се отворе грдне ране. Видећи ништа неманѣ, да се и на то необраћаю, пусти изъ неба ватру страховиту, и заедно градъ тако крупанъ, да имъ сатра све сграде, и поби сву животину, коя одъ оне кужне болести быше остала. Іошъ и траву и жетву по польима замете. Али и опетъ у отврднућу оставши, чини Богъ, да кобилице каконо облакъ сву землю прекрыю и опусте све, што одъ града быше остало. Паче іошъ и младице одъ воћа и одъ дрвя изгризоше. Са свимъ тызимъ іошъ у своіой злоћи стоећи отврднути, спусти Богъ за три цѣла дана страховите и прегусте тмине у свой земльи египтской, кое бы сваку свѣтлость, и найвећу ватру дунуле. Зато нит' е тко кога могао видит', ни ест', ни пити, ни спават', ни съ мѣста се никудъ помакнути. Што е пакъ іошъ горе и жалостніе, ћутили бы у оному страховитомъ мраку звижданѣ змія и завіянѣ другихъ крволочныхъ живина. Лупанѣ такођеръ вѣтрова, оренѣ каменя, и приказиванѣ св кoякихъ страховитыхъ приноса. И са свимъ тызимъ іошъ у злоћи своіой остадоше. Найпослѣ дакле Богъ учини, да у едну ноћь помру несамо сва дѣтца ньихова прворођена, починавши одъ сына Фараунова до найманѣга сиромаха, него іоштеръ да имъ и одъ животине поманька свако, кое се прво имало. Ну еда се баремъ иза тога обратише? Необратише се ни иза тога. Што имъ се дакле найпослѣ догоди? Ево што. Тѣраюћи Израелићане прѣко мора црлѣнога остадоше имъ тѣлеса непотоплѣна у дубинам' морскимъ, а душе у мукахъ пакленыхъ.

Приличнымъ начиномъ и садъ Богъ неманька опоминят' грѣшнике, да се дозову, и да се врате съ пута одъ изгублѣня на стазу одъ спасеня, шалюћи садъ болесть, садъ прогонство, садъ войску садъ гладъ, садъ кугу, садъ потопъ воденый, садъ сушу, садъ поморъ одъ животине, садъ друге туге и неволѣ. Али они слѣдећи отврднуће Фарауново, ни на едно одъ овыхъ понукованя неозываю се, већъ све еднако и више у грѣсима стое. Ну зашто ово? Зашто невѣрую, докъ на себи неизкушаю найпослѣднѣ изгублѣнѣ свое; каконо е изкушао нѣкій рыбаръ, одъ кога пише св. Петаръ Даміанъ, да пошавши съ лађицомъ рыбу ловит' поведе собомъ еднога сынчића, кога оставивши у лађицы, сађе у воду ловит': и будући' уловіо едну рыбу веома голему, бацы ню у лађицу къ дѣтету, пакъ опетъ поче ловит'. Ама она рыба гледаюћи у оно дѣтешце, оно се прѣпаде, и завика отца говорећи: Ћако мой! ћако! Рыба гледа у ме, и хоће да ме прождре. Отацъ изъ воде смѣюћи се, и одбіяюћи дѣтету на лудость, рече: Ты ћешъ ню прождрѣт', а неће она тебе. Опетъ дѣте другій путъ, и трећій, зове отца исто говорећи; а отацъ опетъ сміе се, и на лудость дѣтиню одбія; кадъ ево изненада у еданъ часъ дигавши се рыба, вграби оно дѣтешце, и шъ ньимъ скочи у воду, и већъ нигда више нит' се виђе рыба, ни дѣте. И онда жалостанъ отацъ познаде зло и изгублѣнѣ свое.

Приличанъ догађай овому догоди се едной матери кое дѣтешце обноћь у бешицы плачући и чичећи веома нежали іой се да устане, и да пригледа, што му е, мыслећи, да е оно дѣтиный плачъ обычайный, као рекавши, нека плаче, а кадъ се наплаче, утѣшит' ће се, што но е рѣчь обычае лѣне и немилостиве матере. Али дѣте брезъ престанка плачући, и већъ будући му се авазъ одъ плача сманькао тако, да се мало чуяше да плаче, уста мати, и оде, да види, што му е. Али ево, о жалостна догађая! една мачка, будући му све тѣмещце до можка прогризла, можакъ му вадећи еђаше, а дѣтешце издыше. Онда нехарна она мати немила познаде свою лѣность и отеванѣ, ал' залуду. Ово и оваке догађае промышляюћи грѣшницы отврднути, имали бы се на врѣме дозват' и обратит' на толике вике и понукованя одъ своихъ пастыра духовныхъ, а не чекат' докъ ихъ стигне найпослѣднѣ покаранѣ Божѣ, кадъ већъ небуде врѣмена одъ покоре ни одъ милосрђа.

Неможе се нигда изкавати задоста лудость, ил' да болѣ речемъ злоћа и слѣпоћа еднога отврднута грѣшника, кои непромышля погибѣли свое, коя му све удиль за вратомъ стои, већъ да метнемо ову прилику. Єданъ путникъ уморанъ види едну стару сграду велику, сву распалу, коя свакій часъ има се сгроминят', и на землю паст'. Да ли одъ труда санъ надхрвавши га, улѣзе и заспе онде. Ево другій когодъ пролазећи онуда види га, и улѣзе, да га пробуди, и узимавши га за руку, рече му: ей ты, што ту чинишъ? устани брже, изайди одтле: чуешъ, како звиждане вѣтра стои, ето ће се садъ сва та сграда сатрти, и свалити: а онъ неће се ни макнути, већъ іошъ одговара: айде ты за посломъ твоимъ, а остави мене у миру, да я спавамъ. Рецыте ми, молимъ васъ, ніе ли то велика будалаштина, паче слѣпоћа, и тврдоглавство онога путника? Теръ тко му небы рекао: ей! е л' то тако? Спавай, яране; ако те притисне, ты се гледай: хоћешъ ли зло? ето ти га.

Животъ е людскій, сынцы мои, башъ као една сграда стара и разпала, коя се брзо има зорити, и на земльи пасти. Са свимъ тызимъ спавају грѣшницы, и продуляю санъ свой у грѣсима, и у злоћам' сваке врсте, и премда ихъ буде пастыри духовни вичући брезъ престанка съ апостоломъ св. Павломъ: устани, жалостный грѣшниче, и раздрѣмай се одъ тога сна смртнога, врѣме е већъ разбудит' се и устат' изъ злочестогъ обычая одъ заклетва, одъ псованя, одъ опіяня, одъ мроморания, одъ злоба, одъ ненавидости, и одъ другихъ уврѣђеня Божіихъ, и свога искрнѣга. Али ну, о жалости, на сва ова вика期 и ономиняня оглунути и отврднути стое грѣшницы, чекајући найпослѣднѣ изгублѣнѣ свое.

Достойна е створь у истину горка плача и крвавыхъ суза видит' човѣка грѣшника толико отврднута, да се учини несамо приличанъ, него іошъ горій и непознаніи одъ истыхъ неразложитыхъ живина. Оне бо іошъ издалека заслете, и уклоняю се одъ погибѣли своє, а єнъ непознає, и небѣжи одъ покараня божіихъ, зато тужи се Богъ по Єреміи пророку говорећи: Хорао или ястребъ одъ разбоности зрака небеснога засѣти и познаде врѣме зимно, зато бѣжи и укланя се у топла мѣста одъ погибѣли зимне. Такођеръ грлице, ластавице, чаплѣ и ждрали, и друге многе птице разлике и пазе врѣме своє, кадъ имаду поћ', и уклонити се одъ погибѣли зимне, кадъ ли опетъ изаћ', и гнѣзда начинят' за лећи се: а самый грѣшникъ непознає суда божіихъ, нит' сє укланя одъ покараня нѣговыхъ. О жалости! О несрѣће нѣгове!

Пише научный Тертуліянъ, и говори, да многе живине неразложите имаду познанѣ одъ нѣкихъ трава, кое имъ за лѣкарію служе, и ньима се лѣче. Єлѣнъ, кадъ є ранѣнъ, и дивокоза, теръ ако остане у ньима стрѣла, одма траже и пасу нѣку траву, кою Латини диктамумъ зову, а нашки ясенакъ рече се, и одма се излѣче, и стрѣлу изъ себе изметну и избаце. А човѣкъ ранѣнъ толикимъ и толикимъ смртнымъ ранам' одъ грѣха, нетражи лѣкаріє спасоносне одъ свете изповѣди, ни одъ покоре, већъ лежи и спава подъ овымъ грднымъ ранам' своимъ. Ластавица, кадъ іой птићи у гнѣзду ослѣпе, одма тражи росопасти, и донѣвши га излѣчи ихъ; а човѣкъ заслѣплѣнъ не єднымъ, него разликимъ грѣсима, нетражи лѣкаріє духовне за прогледат' и видит' свой жалостный станакъ одъ вѣчнѣга изгублѣня. А што ћемо више? вы исти очима вашимъ видите, да мачке и пшетенѣ, када се зло чую, одма траже и пасу траву пирику, и ньоме се лѣче. А грѣшникъ жалостный болує болешћу духовномъ грѣха отровнога по толико и толико времена, и немари тражит' лѣкаріе, да се излѣчи, и у милость божю поврати. Одкудъ дакле ніе горій, будаластіи, и непознаніи одъ истыхъ живина неразложитыхъ, кое болѣ одъ нѣга познаю, што е за болѣ нѣ? А нут' іошъ послушайте и ово, пакъ доспѣвамъ говоренѣ садашнѣ.

Пише св. Іеронимъ у животу св. Павла, првогъ пустиняка, да св. Антунъ опатъ, иђући тражит' овога св. пустиняка по едной страховитой пустиньи, далеко одъ свакога пребываня людскога, срѣте се съ еднымъ страшиломъ, кое одъ паса до горѣ виђаше се човѣкъ, а одъ паса долѣ коза. Ово видећи зачуди се човѣкъ светый, боећи се, да небыяше ђавао, прекрсти се, небы л' побѣгао. Да ли оно не само да непобѣже одъ крижа, него іошъ ближе къ нѣму прикучи се, и даде му нѣкогъ воћа, кое ондѣ ресте на нѣкомъ древету палма звану, као да се покрѣпи, и за пута понесе, и као за нѣко пріятельство. Онда светый устави се, и упыта га, тко онъ быше? Одговори она наказа: я самь умрлый, и еданъ одъ оныхъ дивльихъ людій, кои у овой пустиньи пребывамо, кое лудый народъ држи за богове шумске и польске, и нами се кланяю, и за таке насъ штую. Молимо те, да се за насъ Богу правому молишъ, кога знамо, да е на свѣтъ дошо за спасенѣ людско: ербо е гласъ нѣговъ, и нѣгова имена изашао по свой земльи. Када то чу одъ нѣга светый старацъ грозно проплака, и ударајући штапомъ у землю завапи: Яо теби невѣрна Александріо, коя за богове страшила штуешъ. Што ћешъ сада рећи? Ево живине познаю и изповѣдаю Исуса, и милости нѣгове просе, а ты се страшилима кланяшъ, и за богове ихъ држишъ.

И я дакле съ разлогомъ сада могу вапит': яо вами, о грѣшнйцы отврднути; яо вами! кои неслушате, што вамъ се каже и приповѣда одъ смрти, одъ суда страшнога, одъ пакла, одъ засѣда ђаволскихъ, и одъ покараня божіихъ, коя сврху васъ стое, да се обратите, и покору чините, него слѣдите, и у отврднућу вашему стоите. У кому ако васъ смрть затече, нећете се моћ' нигда више обратит', ни сахранити. . . . Истините бо су рѣчи св. Августина: како тко живе, онако ће и умрѣти. Боже сачувай свакога опака живлѣня, да опако и умрѣти небуде. Одъ шта насъ ослободіо Богъ свемогућій Отацъ, и Сынъ и Духъ светый, Аменъ.

VII.

МАТІЯ АНТОНІЄ РЕЉКОВИЋЪ

умр. около 1800.

(изъ Сатира 1761)

Осимъ другогъ имаде Посйло,
Кô съ Диваномъ нйй се раздѣлило,
Єръ се жене скупе на сокаку,
Башъ у светацъ, и недѣлю сваку,
Пакъ већъ ондѣ васданъ мормораю,
О другому, и оговараю,
Да у селу нитко неостане,
Кога єзыкъ ныіевъ недостане,
Протресаюћ' свакогъ жива станѣ,
Животъ, начинъ, и свако иманѣ.
Прва вели: „та шутите жене,
Докъ я кажемъ, послушайте мене:

Мой мужъ сада постао трговацъ,
Узайміо сто форинтій новац';
Пакъ отиде на скелу на Саву,
Незнамъ, камо, брига ме е саму,
Да му Семберъ сто крмака даде,
У Шопрону докъ свинѣ продаде.
Онъ дотѣра стотину бравацa,
А ній дао ни полакъ новаца,
Пакъ хавлію мою изроваше,
И кућу ми мал' неподкопаше.
Кукурузи онъ е стаде хранит',
Я се лютећ' немого забранит',
Него едночъ, када лѣпо свану,
Я отидо гледат' на тавану,
Кадь я дойдо гледат' кукурузе,
Празанъ таванъ, полише ме сузе.
Одтѣра ихъ тамо до Каньиже,
Пакъ продаде мало и пониже.
За стотину дебелыхъ бравацa,
Ній узео ни полакъ новаца;
Баремъ главно да онъ за нѣ узе;
Прода вола, купи кукурузе,
Садъ несміе у Лукачевъ шамацъ,
За Сембера некъ се брине ямацъ." —
Друга рече, по имену Ружа:
„Што ты, сестро, тако фалишъ мужа?
Ній за свакогъ таква трговина,
Кои нейма пунъ свой подрумъ вина,
И у двору ергелу говеда,
И кованлукъ пунъ воска и меда;
Ял' комъ ніе одъ отца остало,
И кои се помогао мало,

Теръ тко нейма башъ своихъ новаца,
Яли доста коня и оваца,
И тко незна купит', нит' продати,
Нег' се исто туђа посла лати,
Пакъ онъ свинѣ храни кукурузи,
Кано да му увѣкъ ору плузи.
Ако ће онъ трговацъ постати,
Нека се онъ арендаштва лати,
Како и нашъ нѣкій дућанція,
Што но кодъ васъ нѣгди бѣше прія;
Онда ће онъ быт' правый трговацъ,
И имати съ обе стране новац':
Одъ дућана и одъ арендаштва,
И одъ каква другога пайдаштва.“ —
„Башъ погоди!“ одговара трећа;
„У два посла ній єднака срећа,
Заръ ты ниси чула поодавна,
Приповѣдат' одъ оногъ гаврана,
Кои видећ' препелицу ходит',
Пакъ нѣзинъ ходъ хтіяше погодит';
Онъ се за ньомъ ходећи намучи,
Свой остави, нѣзинъ ненаучи.
Неказуй ми, сестро, одъ крчмара,
Кои точећ' свой вилаєтъ вара,
И у кому нейма нитко вѣре,
Докле праве онъ недржи мѣре,
А у вино докъ наліє воде,
Истомъ видишъ, нѣг' у арештъ воде.
Негъ ако ће постат' занатція,
Нећ' онъ буде добаръ сафунція.
То я кажемъ, и моє є вѣће,
Он ће скупо продавати свѣће.

А што велимъ іоштеръ одъ сафуна.
Болѣ пройде, нег' злочеста вуна.“ —
„Шути драга,“ одговара прва,
Нѣшто б' рекла, іошъ ми фали мрва.
Заръ свакій врагъ зна начинит' свѣћу?
„Нефала ти, на твоєму вѣћу!
Єръ онъ у лой свиньскогъ мѐтне сала,
Пакъ изгори као и машала.
Я прѣксиноћь купи за 'потуру,
Пакъ недура ни за єдну уру;
Іошъ немого напрест' ни вретена,
А изгори, ко да є сметена.
Нейма болѣгъ одъ єдногъ пекара,
Єръ онъ баремъ никога невара,
Него крушацъ и земличку пече,
Пакъ се влада, и іошъ новца стече.“ —
„То є добро“, друга одговара
Измедъ жена, по имену Клара:
„Да онъ кадкадъ и на цѣну гледа;
Ал' онъ никадъ другачіє неда,
Нег' ако є и євтино жито,
Све єднако онъ, црно му ли̂то,
Крухъ про̀дає, и земличку пече:
Ній могуће, да новца нестече.
Я ючера посла по переце,
Да єдныме забавимъ дѣтешце,
Пакъ да видишъ, жалибогъ крайцара,
Нейма ништа, него люде вара.“ —
„То истина,“ рѣчь іой узе Ката.
„Ніє болыій одъ єднога тата,
Кои свога изкрнѣгъ прѣвари,
Криво тече, и за грѣхъ немари.

Али што ћешъ? кадъ онъ другачъ неда,
Пакъ ни судацъ неће да пригледа.
Такви су ти и наши месари,
Рецы баремъ, да онъ непрѣвари.
Болый комадъ дае господаромъ,
А нама се у вѣкъ тужи кваромъ.
Пакъ сиромашь нека кости глође,
Многа съ дѣломъ празна кући хође.
Я нѣкій данъ дойдо у месару,
Пакъ му реко: драгій господару,
Одсѣцы ми добаръ комадъ меса,
Имамъ гостій, тако ти чудеса.
Чекала самь и два и три сата,
Докъ одсѣче комадъ суха врата,
И одрѣза нѣшто мало уха,
И приметну комадъ карапуха,
Пакъ ктіяше да метне и дробца;
Я му бацы, ерь нећу айнмокца.
Хотіяо да га судцу тужимъ;
А е л' право, да се исто ружимъ?
Зато скочивъ са празнымъ танюромъ,
Скуха кокошь, руча сь моимъ Ђуромъ.
Нейма, сестре, болѣгъ одъ млинара,
Баръ сирома онъ никогъ невара,
Него кои добро самлѣт' знаде,
Узме ушуръ, теби твое даде.
Іошъ када е каква добра срѣћа,
Намелѣ се пуна брашна врѣћа.“ —
„Ніе тако!“ од'нудъ виче Клара:
„Заръ ты незнашъ, да онъ тебе вара?
Да одашта онъ пече колаче;
У пепелу и бѣле погаче?

Нег' одъ твога брашна одасіє,
А теб' саспе у брашно посіє.
Я самь жито лієпо опрала,
Да самелѣ нѣму у млинъ дала;
А када ми онъ поврати брашно,
Одмахъ позна, да ній сасвимъ частно,
Єръ є моє жито промѣніо,
За непрано своє измѣніо.
А Богъ знаде, како ушуръ скида,
Колико ли одъ кога укида!
Я находимъ найболѣгъ терзію,
Єръ онъ ради и на вересію,
А никога прѣварити неће,
Нег' кадъ фали, іошъ свой комадъ меће."—
„Неймашъ ништа"! вели іой Луція,
„Я донесо нѣгдѣ мало прія
За два рифа лѣпога дамаска,
Да ми зобунъ начини по башка.
Пакъ знашъ, сестро, кадъ се човѣкъ бои,
Замоли га, да прѣдамномъ крои.
Неће, вели, быт' дамашке доста,
Нек' полъ рифа іошъ пошалѣ Коста.
Кадъ я сутра по мой зобунъ дойдо,
И по соби нѣшто мотрит' пойдо,
Ал' му жена у буцаку сйди,
Она мысли, нитко ю навиди,
Одъ дамашка дѣцы крои капе.
Кадъ я смотри, грозница ме сапе.
Ништа друго одъ себе незнадо,
Єръ у руки ништа неимадо,
Нег' изтрго изъ руку дамашакъ,
Она скочи, маши се за рашакъ,

И да мене удари по глави;
Ал' ю, сестро, мало неудави.
Зато, велимъ, правогъ господара
Нейма болѣгъ одъ едногъ чизмара;
Єръ онъ крои све одъ добре коже,
Лако прода, и себе поможе.“ —
„Баръ ми одъ нѣг' ништа неговори“,
Уста Дора, пакъ іой одговори:
„Я већъ знадемъ све наше шустере,
Докъ што справе, то се и подере.
Осимъ тога свагда радит' неће,
Негъ све по данъ на дилѣ одмеће.
А што стече прѣко све недѣлѣ,
Неће оно да съ женомъ подѣлѣ,
Нег' у светацъ прождре у механи,
Своимъ дружтвомъ лѣпо натехани.
А кадъ дойде понедѣлякъ плавый,
Онъ се опетъ у механи дави.
Я сирота несміемъ изъ куће,
Єрбо неймамъ честите обуће,
Него ходимъ я и дѣца боса,
Снѣгъ е ово, nіе лѣтня роса.“ —
„Што вамъ драго!“ проговори Марта,
„Найболѣ е играт' се на карта;
Єрбо човѣкъ новца задобые,
А своггъ ништа онъ продао ніе.“ —
„Небудали!“ повика Павлія,
„Знамъ, коцкаромъ каква е хавлія,
Да у ньойзи ништа неимаде,
Єрбо коцкаръ све проиграт' знаде.
Мой мужъ бѣше научіо пріе
Ломбре, Трисетъ, и што врага ніе,

Докъ нерасу до послѣднѣгъ новца;
Садъ у кући неимадемъ лонца.
Што се игра, кадъ нейма адута,
Ял' се баремъ неуклони съ пута?
Нег' покаже, па постане платко.
И сутра му ніе ѣло сладко.
Ял' да баремъ дуго неостане;
Ал' онъ неће него и осване.
Пакъ у ютру нейма нигдѣ мира,
Него тражи комадићъ папира,
Да пошалѣ оно, што є дужанъ,
А обут' се нейма у што тужанъ.
Пакъ іошъ мени да очи замаже,
Добыо самъ петъ форинтій каже.
Я незнадемъ, кои бѣлай сада,
Господа се играше досада,
Кои доста имаю новаца,
Своя добра, коня и оваца,
Али само, да врѣме потроше,
Два три сата, пакъ млого нетроше;
Пакъ е ове пристало и гледат';
Али да е то шустеромъ недат',
Єръ кадъ валя, да што сашиваю,
Онда они на коцке играю.
И вѣруй ми, млогій занатція
Съ ове игре поста хинатція.
Што прѣкоданъ занатомъ заслужи.
То проигра, жена му се тужи.
Іошъ да се ній Фаро укинуо,
Млогій бы съ нѣгъ та и погинуо.
Квитъ и дупло, нигдѣ те небыло,
Съ млогога ты поскида ходило.

Я ти кажемъ, моя сестро Марта,
Ній за свакогъ играт’ се на карта.
Єръ тко годъ се често игра войте,
Поскида ће са ћурдіе ройте,“ —
Тада рече именомъ Милица,
И поштена єдна удовица:
„Є л’ вамъ, друге, іошъ штогодъ остало,
Што се ніе овдѣ протресало?
Одъ толико поштеныхъ майстора
Нитко ніе презъ вашегъ укора.
Да то они какогодъ зачую,
Я бы рада, да васъ изапсую.“
„Те зашто бы?“ ньой одговараю,
„А єръ они за намъ мормораю.“ —
Ход’мо куħи, доста смо сѣдиле,
И сите се веħъ набесѣдиле!

VIII.

ВИДЪ ДОШЕНЪ

(Аждая седмоглава бойнымъ коплѣмъ ударена и нагрђена. 1768.)

(изъ Укора I. о Холости.)

…Дай далѣ се садъ пытаймо,
И узроке попинаймо:
Море быт’ си у якости
Самсонъ другій, и крѣпости?
Те ти якость дае цѣну,
И диже те на высину.

Ал' да б' якій ты и быо,
  Ту би цѣну изгубыо
Кодъ волова и бывола
  Вукућъ шъ ньима тежка кола.
Єръ што вола теке дира
  То изъ хологъ блато тîра.
О то л' люде диже гори̂
  Одъ живина што су гори?
Меса заеръ имашъ доста,
  Те рад' тога врстанъ поста?
У куленъ се твой до зубій
  Заеръ врле ты залюби,
Мыслећ' да е людма ци̂на
  Трбухъ, као кодъ живина?
Ал' съ тымъ иди ты къ месару,
  Некъ те води на месару,
Те нека те ондѣ важе,
  И што валяшъ, нек' одкаже.
Тѣло крупно и дебльина
  Море валят' кодъ живина,
А людма е паметь ци̂на,
  И крѣпостна шъ ньомъ низина.
Дал' нашинцы веле ово,
  Да ни месо соколово
На вагу се непродае,
  Комъ самъ соко цѣну дае:
А ты цѣне одъ разлога
  Нећешъ имат' теб' данога;
Да ли месо и дебльина
  Хоћешъ да е твоя ци̂на.
О и то ли люде вара,
  Да су больи радъ товара!...

Тко разума цѣну гази,
Одъ разума самъ одлази;
А кадъ людій даръ потлачи,
Онъ се съ людма разортачи;
А живинску иштуѣ' цîну,
Самъ се меѣе међъ живину,
Кое но се за то жире,
Да кадъ скикну одъ сикире
Обилніе буду цîне
Зарад' сала и сланине.
Мучи людска неприлико!
А живинска слаба дико!
Кадъ одъ людій ты одбîже,
А живине недостиже,
Што си него врѣѣа блата,
На погрду међъ два ята?
Блато, кое людма смрди,
А живинско ято грди:
Людма смрди, еръ захити
Разумъ, кои люде кити;
Грди опетъ съ тымъ живине,
Ньихове се држеѣ' цîне,
А кадъ, али манѣ цîне
Него юне одъ године!
Ал' садъ нек' ти укоръ прости,
Докъ дашъ узрокъ одъ холости. —
Море быт' си лѣпа лица
Као сунце и даница,
Те радъ тога ясю сину,
И задобы врстну цîну?
То е заеръ твоя слава,
Али слаба и хрђава:

Єръ кодъ женски празны глава:
Одъ лица се иште слава;
А разумни мало пазе
Лѣпо лице и образе.
Єръ неморе дати цѣне
Нит' уздигнут' на высине
Блато озгаръ поглађено,
А унутра нагрђено.
Кожу съ лица скинут' подай,
Пакъ се мотри и огледай,
И видит' ћешъ, да страшило
Подъ кожомъ е пріе было.
Тко ће ствари цѣну дати,
Сву ю валя разгледати,
Зло и добро нек' састави,
Пакъ нека ю онда слави.
Ярацъ кадъ се понапои,
И надъ водомъ попостои,
Видећ' браду и рогове,
Неима ли мысли ове:
О, у граду да бы быо,
Господство бы задобыо,
Брада каже памеmь зрѣлу,
А рогови моћь и силу.
А тко има те крѣпости
Одъ памети и якости,
Море быти старѣшина,
И господинъ одъ высина.
Ал' стан', постой, коя главо,
Іошъ ты незнашъ тебе право;
Єръ да бы се страг' видіо
Себе бы се застыдіо.

То, холый ты, узри за се,
  Пакъ погледай добро на се:
Є л' лѣпота са сви страна
  Славе врѣдна теби дана?
Ако су ти лица лѣпа,
  Є ли таква страна слѣпа?
Нудеръ за се окомъ гани!
  Нудеръ мысли одъ погани,
У трбуху кою носишъ,
  Пакъ знай, съ чимъ се ты поносишъ.
Болѣ инди да мо'щъ знати
  Теби праву цѣну дати,
Знай што' врло брзо гине,
  Ніе врстно многе ци̂не.
Нека ти е лѣпо лице,
  Само едне одъ грознице
Лѣпоту ће изгубити,
  И ругобе слика быти.
Што е лѣпше одъ любице
  И румене одъ ружице?
Пакъ су опетъ мале ци̂не,
  Єръ имъ брзо лице гине.
Цвѣтъ садъ цвате, садъ опада,
  И допада ружногъ гада.
Цвѣтъ е нашегъ лица слика,
  Кажућ', што е тѣла дика.
Часомъ цвате наше ти̂ло,
  А до часа быва гньило;
И изъ првогъ быва цвѣта
  Створь найружня овогъ свѣта,
И допада горе ци̂не,
  Нег' живинске све мрцыне,

Садъ крѣпостно стои гори̂,
А у гробъ се садъ обори,
Гаднымъ црвомъ за вечеру.
Да га точе и пождеру.
Да бы лѣпше лице было,
Богу веһма зато мило,
То бы узрокъ правый бю,
Да б' лѣпоту свак' любіо:
Али Богу лѣпо ти̂ло
Веһъ нег' ружно nie мило;
Да л' се сгоди кадкадъ и то,
Да е лице племенито
Срчбу Божю пробудило,
Брезъ лѣпоте што б' небыло;
Веһма лѣпи него прости
Уздижу се у холости;
А у тѣлу кадъ се гизда,
Лакше блудность вiе гньи̂зда:
А гдѣ ове двѣ сабласти
Пребываю у области,
Такво тѣло одъ ирцыне
Кодъ Бога е манѣ ци̂не.
О! пакъ тко се съ онымъ слави,
Што немило нѣга дави?
Тко за славу има кугу?
Или удаву кою другу?
Млимъ, ни еданъ одъ тисуһа,
Комъ се мозакъ неузмуһа!
А холый ти себе слави
Съ онымъ, што му душу дави!
Инди, садъ веһъ амо зађо,
Да ти речемъ, то іошъ нађо:

Тѣло гледат' неодлази,
  Дал' на душу добро пази,
Єли она у свѣтлости,
  Ил' да ніє у тамности?
Ако у ньой грѣхъ прѣбыва,
  Нит' є свѣтла, нит' є жива,
Нег' є мртва, потамнила,
  И предъ Богомъ поцрнила.
Ово, ово, о холый, ти
  Валя добро промыслити;
Єръ лѣпоте нейма ти̂ла,
  Кадъ є душа потамнила.
Онда тѣло куħа быва,
  Духъ пакленый гдѣ прѣбыва;
А души є грѣшной ци̂на,
  Да духовна єсть мрцына,
И паклене клада пеħи,
  Коя ħе се увѣкъ жеħи,
Рад' добытка. когъ добави,
  Себе холо кадъ прослави. . .
Ход'мо далѣ искат' славу
  За холити твою главу:
Благо заєръ обилато
  Бѣло сребро, жуто злато,
Тебе мами, да се дигнешъ,
  И да по нѣмъ славу стигнешъ?
Ал' да б' и тог' было дости,
  Є ли врѣдно то холости?
Што є сребро од коли̂на
  Нег' плѣснива гвожђушина?
Што є друго мило злато,
  Нег' печено жуто блато?

Да б' имало свою врѣдность,
  Да се за нѣг' купи крѣпость,
Том' се небы замѣрило,
  Што бы коме было мило:
Ал' ако е блага дости,
  То ти валя брезъ крѣпости,
Што кадъ луду ножъ запане,
  Лакше ране да допане.
О, колики побѣснише,
  И вратъ себи поломише,
Кадъ су благо задобыли,
  А крѣпостни нису были!
О! и то ли итко люби,
  По чем' самогъ себе губи?
Те за то ли мудри маре,
  Што вратъ ломи и сатаре?
Одѣћа ли твоя лѣпа
  Тебе чини тако слѣпа?
Да ти оно славу дода,
  Што живина одъ порода
Себи мукте задобави,
  Пакъ се іоштеръ съ тымъ неслави?
Ты одѣвенъ тако ниси,
  Као вуцы или риси,
Ил' стварь коя друга ни̂ма,
  Што безъ свакогъ труда ӣма.
А што трудно ты добави,
  Мыслишъ, да те ясно слави,
И дае ти врѣдность ци̂не,
  Што добывашъ одъ живине.
Гледай твое све хальине;
  То све добы одъ живине.

То ньихово руно быше,
Одъ нарави што добыше,
Пакъ се зато люди брине
Робит' звѣрадь и живине,
По ножицам' ил' по ножу
Скинут' руно или кожу,
Да одѣю себе голе,
Пакъ у томе да се холе,
Што живину поробише
И одѣћу задобыше,
Да голоћа одъ мѣшине
Подъ живинскимъ руномъ сине.
О, и то ли кога слави,
Када смрадный скотъ задави,
Пакъ шъ нѣг' руно ил' мѣшину
Рад' потрѣбе свое скину,
Да погрду свое коже
Потрпати како може?
Ал' да б' знао и видіо,
Зашто си се заодйо,
Исто бы те то одйло
До погрде застыдило.
Хальине су, знашъ, завои,
Одкрытъ човѣкъ да нестои,
И некаже грдне ране
Намъ одъ грѣха свим' задане.
Грѣхъ е узрокъ све голоће
И одъ наше све ружноће:
Хальине су инди дане,
За покрыти грдне ране,
А не да се тѣло мами
Подъ потребнымъ пеленами.

Кадъ е рана непоштена
И по грѣху задоблѣна,
Завіе се и замота
Тамно руго и срамота:
Али нисамь іошь видіо
Тко бы крпе извадіо,
Да се съ онымъ главно дичи,
Чимъ се тамно руго лі̂чи.
Заеръ за то скачешъ гори,
Што прѣдъ тобомъ тко говори:
Да си круна ты свѣтлости
Свему свѣту рад’ крѣпости?
Знамъ, да многи мило лаже,
Кадъ добытакъ себи траже,
Хололудогъ много фале,
Докъ га фаломъ позажвале,
Да нѣгову лакше кесу
Облакшаю и изтресу,
Фале нѣга одъ колі̂на,
Од деснице и мудрина,
Одъ доброте и милости,
И скупштине сви крі̂пости.
Іошъ нѣгова фале дѣда,
И давнѣга шукундѣда,
Да су были соколови,
Каквы нейма васъ свѣтъ овый,
Силномъ цару да су были
Већъ витежки досадили;
А бабалько овогъ сына
Быше круна сви старина,
Витежки бо на мегдану
Задао е многомъ рану,

Кадъ му годи ћорда сину,
  Вазда турску главу скину.
О! многе ти турске буле
  Чини косе да погуле,
Кадъ свомъ другу или сыну
  Чухъ да бабо главу скину;
О! многу ти заогрну
  У одѣћу булу црну,
Кодъ разумѣ тужне гласе
  Куда бабо ћорду пасе;
О! многа ти була кука
  Кунућ', да му сахне рука,
Єръ витеза ньомъ погуби,
  Кои нѣгда ню облюби;
О! многом' то на дивану
  Турцы кажућ' и освану,
Што учини бабо квара
  Подъ беденим' силног' цара,
Гдѣ сва сила каже прси
  Онде бабо ћорду мрси,
Гдѣ топъ бойный съ града дере,
  Онде бабо главе бере;
О! многогъ ти голіята,
  Докле съ царемъ рече рата,
Бабо съ бѣсны ногу скину,
  Кадъ му бритка ћорда сину.
Ал' ту ништа ніє нова,
  Да изъ гнѣзда соколова
Уздижу се соколови,
  Као но є и сынъ овый,
Кои цвате изъ корйна
  Цвѣтъ особный св[illegible]на,

Да у овомъ славномъ цви̂ту
Сва старина стече киту.
Ево мунѣ! ево грома!
Ево мача турског' дома!
Тежко цару силовиту,
Кадъ є овый змай на сви̂ту!
Овый ће му на мегдану
Свему царству задат' рану,
И крупу му обломити,
Єръ ће смѣти и уми̂ти;
Съ десницомъ бо одъ племепа
Другъ є мудрость процѣђена,
Пакъ медъ собомъ држећ' руку,
Царъ ће имат' тежу муку,
Одъ овога славногъ цвѣта
Нег' одъ свега другогъ свѣта.
О блажени сви народи,
Гдѣ се овый соколъ роди!
Єръ ће быти гласовити,
И свем' свѣту страховити,
И богати обилато,
Єръ имаю ово злато,
Гдѣ доброта милостива
На све стране изъ нѣг' си̂ва.
Свакъ, тко годи къ нѣму дође,
Честитъ одъ нѣг' натрагъ пође,
Свакогъ грли, свакомъ ди̂ли,
И сви су му люди мили,
Канда су му браћа мила,
Єдногъ срца, єдногъ ти̂ла,
Свакомъ ради да угоди,
Као сыну, кога роди.

И да речемъ: свой обћини
  У свомъ срцу покой чини,
Нек' блаженство у нѣм' стече
  Свакъ, ткога се неодрече.
Овако те, о холый ты,
  Лажорѣчно ято кити,
Докъ изъ тебе што истресе,
  Докъ измами и однесе;
А безъ тебе када збори
  Са свакимъ те ругомъ кори,
И говори: о магаре!
  Дотѣрано садъ изъ баре,
Пакъ бы хтѣло конь постати,
  И на сунце ногомъ стати.
Вишъ! како га узда лѣпа
  Чини луда, чини слѣпа,
Да што годи гдѣ имаде
  Све на лѣпу узду даде.
Гледай голе те будале,
  Како су му миле жвале,
Съ коимъ но га лажцы жвале,
  Кадъ лаживо нѣга фале,
Да тко нѣму веһма лаже,
  То онъ нѣга веһма маже.
Свакій мудрый лажца кара;
  А холитогъ лажацъ вара,
И одъ нѣга зарад' лажи
  Вуче плаһу, кою тражи,
Єръ су нѣму лажи миле,
  Кан' да б' драгій каменъ быле,
Мли бо, да му даю цѣ̂ну,
  И дижу га на высину.

О! будале вртоглаве,
  Тко одъ лажи иште славе!
Искат' свѣтлость одъ тамности,
  Лудости е у томъ дости:
Ал' е више, кадъ одъ лажи
  Тко поштеня себи тражи,
Да радъ тамне лажи сине,
  И дигне се на высине.
Египћани луди быше,
  Када вола потворише,
Хитра муня да га роди,
  Да га славе сви народи,
И да вола рогатога
  Сви за свога славе бога:
Ал' су сада већма луди
  Славолюбни холи люди,
Кое када другій фали,
  Мысле, да су съ неба спали,
И на свѣту да богую,
  Кадъ имъ други прилагую,
И съ тамяномъ празне славе
  Каде луде холе главе.
Што по себи цѣну има,
  Одъ другудъ ю неузима;
Некитимо цвѣтомъ злата,
  Нит' кумимо свога брата;
Сунцу свѣће нежежемо,
  Со у море несиплѣмо;
Неливамо у медъ млѣка,
  Нит' даемо здраву лѣка.
То се, холый, теби вели,
  Врстанъ фале да нежели;

Раздрту се крпе дйле,
А не комъ е доста свиле;
Гладну свату дивякинѢ
У сласть иђу, и глогинѢ,
А коме е доста меса,
На таквый се обѢдъ стреса.
Што ћу' више томачити,
Кадъ мо'шъ и самъ научити,
Да речене све прилике
Холите су главе слике.
И када ти кеса каже,
Да ти гладно ято лаже,
Докъ одъ тебе што излаже,
Кадъ те таштомъ славомъ маже?
Ил' се зато големъ чинишъ,
Што самъ себе много цйнишъ?
А одъ себе самъ говоришъ,
Када славна дѢла творишъ,
Да ньи смысли и учини,
И да себе съ тымъ процйни?
Те се зато узвышуешъ,
И у сяйне звѢзде куешъ.
Свою паметь и десницу,
Свое благо, свою дйцу
Славно дижешъ на высине,
Зарад' твое таште цйне;
А тко слуша гдѢ са стране,
И коме су ствари знане,
Онъ памети тупе туке,
И грбаве бабе руке
Теб' за паметь и за руку
Имао бы дати муку.

Ако имашъ блага дости,
Уживай га безъ холости;
Али пази, да б' небыла
Свега твога блага сила,
Да б' га цѣномъ придобыо
Лѣшнякъ, когъ бы црвъ пробіо,
Или тиква брезъ грлића,
Ил' просячка празна ври̂ћа . . .
А одъ дѣце што говоришъ;
Соколове кадъ ньи творишъ,
Знамъ изъ вране што изпане,
Тежко соко кадъ постане:
Какво гнѣздо, таква птица,
Каковъ отацъ, таква ди̂ца.
Ты да б' ясно сунце быо,
Ласно бы ме упутіо,
Да бы была твоя ди̂ца
Бѣлый данакъ ил' зорница.
Али разлогъ бистро каже,
Да одъ тамногъ хололаже
Нит' истина, нити свѣтлость,
Нит' се друга роди крѣпость.
Наши стари то познаше,
И кажући намъ придаше,
Да штогоди маца роди,
Мыше прежат' све погоди . . .
Ствари собомъ племените
Неће, да се лажма ките;
Муче, врѣдность еръ беси̂ди,
Да се ньи̂ма цѣна види.
Свила, бисеръ, сребро, злато
Ніе спало іоштеръ на то,

Да се шъ ньиме штокудъ хода,
Докъ се съ лажма како прода,
Да л' се съ миромъ купацъ чека,
Докъ новаца стане звека;
Пакъ се истомъ тад' отвори,
Сама врѣдность нек' говори.
То-и врстни люди чине,
Нит' се фале, нит' се ци̂не,
Да ли само дѣла чине,
Одъ крѣпости врстне ци̂не;
Пакъ се веђма съ тымъ укажу,
Нег' одъ себе кои лажу.
Клюси́на се вода стара
Одъ пазара до пазара,
Пакъ злокућа на гласъ зове:
Нудеръ гледай Виле ове!
Та аждая кадъ се дигне,
Ластавицу птицу стигне,
Мало узду докъ прожваће,
Већъ неходи, нити скаче,
Да ли лети као Вила,
Као муня, или стри̂ла;
Да царъ силный за ню знаде,
Незнамъ, е ли самъ имаде,
Колику бы дао ци̂ну
Да ю има за пасмину,
И радъ гласа своіой слави,
И радъ штита своіой глави.
Ал' кадъ луђакъ Вилу купи,
Брзо на вратъ подъ ньомъ лупи,
И на мѣсто врѣдне ци̂не
Има кожу одъ мрцыне,

А псомъ месо на вечеру,
  Нека хитру Вилу ждеру.
Тако коме манька цйна,
  Да е людска онъ мрцына,
На хиляде лажи куе,
  И прѣдъ простымъ ятомъ блюе,
Докле гане когъ лудога,
  Да га цѣни за доброга:
Ал' када га и лудъ сазна,
  Види, да е тиква празна,
Гдѣ холости стои ека,
  Да се позна издалека,
Друге славе да неима,
  Нег' што холость нѣг' надима,
И изъ нѣга лажи зуче,
  Свакогъ мудрогъ да науче
Да крѣпости ту нестое,
  Одкуда се лажи рое,
Да ли да е то улиште
  Тамны лажій, и буниште,
У комъ тамна холость смрди,
  Кою хрпа лажій грди.
Празна суда ека стои,
  У комъ ништа веѣъ нестои,
Тако човѣкъ брезъ крѣпости
  Самъ одъ себе звони дости,
Пунъ крѣпости да бы быо,
  Небы гласа задобыо,
Кои кадъ му славу каже
  Нѣга куди и замаже.

IX.

МОЙСЕЙ ПУТНИКЪ

Слово надгробно митрополиту Павлу Ненадовићу.

1768.

„Сири бѣхомъ, нѣсть отца.“

Словеса суть сѣтующаго и горцѣ плачущаго Іереміи Пророка во главѣ 5. въ стисѣ 3. въ плачѣ его написанная.

Когда сынове Израилеви преизлиха наситилися благодѣяній Божіихъ, недоволни суще землею кипящею медомъ и млекомъ, позабыли Бога спасшаго ихъ, и еще брашну сущу во устѣхъ ихъ на щедроти божія нороптали безумно, сего ради гнѣвъ божій не коснящій постигъ ихъ, и яко прахъ предъ лицемъ вѣтра развѣялъ ихъ. Предани бо суще въ руки враговъ ихъ отведени были въ плѣненіе царя вавилонскаго, якоже повѣствуютъ царственныя книги (4, 25.) Гдѣ по нѣкоемъ времени Іеремія пророкъ, возшедъ па гору единъ, началъ въ себѣ разсуждати обиліе благодѣяній бывшихъ на сынѣхъ Израилевыхъ, яко не сотвори тако всякому языку, и судби и оправданія своя не яви имъ, якоже сотвори людемъ своимъ. Прямо того воображалъ себѣ, яко родъ его родъ есть преогорчеваяй, и яко жестоковийни суть, необрѣзани сердцемъ и ушесы, призналъ по пра-

восудію Божію казнь тую быти наведенную, возстеналъ, воздохнулъ, и въ сердцѣ своемъ возопилъ: Сія вся праведнымъ судомъ твоимъ навелъ еси на ны, яко забыхомъ тебе, и нечествовахомъ предъ тобою, и неправдовахомъ въ завѣтѣ твоемъ. Поступая мало далше въ мыслехъ своихъ пророкъ святый, смотрящъ озлобленіе людей своихъ и сиротство, не сущу избавляющу ниже спасающу, въ горести духа со слезами возопилъ ко Господу: Сири быхомъ; нѣсть отца.

Что сіе, возвышенный Богомъ человѣче! яко не о царѣхъ или князѣхъ сѣтуеши, но о сиротствѣ и о отцѣ плачъ воздихаешн? Не безъ причини, уповаю слышатели на общій плачь сей собраніи, мимоходитъ пророкъ прочія власти и началства, о лишеніи точію отца плачетъ, глаголя: Сири быхомъ, нѣсть отца. Здѣ сія то пменно мнится быти причина, зане имя царя и князя и владики грозу и страхъ нѣкій въ себѣ заключаетъ, страхъ же по словеси Господню муку иматъ; а имя отца полно есть мылости утѣшенія и любве, яже страхъ изгонитъ вонъ. На что смотря и самъ Спаситель всѣмъ намъ у Бога что либо просящимъ со дерзновеніемъ приступати учитъ къ престолу славы и смѣло глаголати: Отче нашъ и прочая. О таковомъ то сердоболномъ отцѣ несущемъ съ воздыханми вопіетъ помянутый пророкъ: Сири быхомъ нѣсть отца, аки би реклъ: нѣсть отца милующаго, нѣсть утѣшающаго, нѣсть ходатайствующаго, нѣсть защищающаго, обливаюся слезами, и учащаю слово: Нѣсть отца, сири быхомъ.

Сл. Богомъ собранніи! аще кому, аще когда приличествовало сіе пророческое слово провѣщати, намъ поистиннѣ (хотя и не въ случаяхъ Іеремійнихъ и людей его находимся) въ нынѣшнее время не точію прилично, но и нуждно есть сказати: Сири быхомъ, нѣсть отца. Зане и ходатая и заступника и попечителя во единомъ отцѣ семъ нашемъ погубихомъ. Сѣкира бо оная, при корени всякаго живущаго на земли лежащая, кедръ сей высокій въ Ліванѣ србскомъ посѣче и искорени и серпъ на плавыя нивы опредѣленный, плодоносный плачь нашъ пожнѣ, и вселяетъ уже яко зрѣлую пшеницу въ житницу небесную. Вступите Вы, слышатели, молю, во внутренную клѣть вашу и прилѣжно разсудите всякъ въ себѣ, аще по достоянію глаголемъ: яко сири быхомъ, нѣсть отца. Истинство же того, аще безпристрастнымъ посмотрите окомъ, въ слѣдующемъ словѣ моемъ увидите и уразумѣте.

Не обынуяся глаголю, яко блаженныя уже памяти отецъ нашъ не точію пастырскія но и отеческія въ лицѣ своемъ до послѣднія кончини исполнилъ должности, и толъ опасно наблюдалъ оныя, яко не точію словомъ и привѣтомъ намъ чадомъ своимъ любезнымъ предлагалъ благополезная наставленія, но и предходящъ благимъ примѣромъ, якоже подобаше исполнялъ. И отходя отъ міра сего наслѣдное намъ оставилъ завѣщаніе, въ любви и согласіи пребывати, едва изреклъ слово къ нашей общей ползѣ служащее. Болѣе вамъ глаголати немогу, но Господь призираетъ на единомысленники.

Обыкновенно случается, слышатели, что чести премѣняютъ нравы, но мы таковыя премѣни въ блаженомъ отцѣ нашемъ не обрѣтаемъ ни единыя. Зане онъ отъ начала пріятыя чести и достоинства паче и паче препоясалъ чресла своя на труды и подвиги монашескія, которыя засвидѣтелствовалъ всенощными молитвами, умерщвленіемъ плоти, постомъ и колѣнопреклоненми тако, яко не мнѣтися ему на кормѣ правленія сѣдѣти, но съ монахами въ монастырѣ подвизатися. Вся сія труди и подвиги поднималъ онъ доброволно, яко за спасеніе свое, тако наипаче за благостояніе наше умылостивляющъ благость Божію, еже ущедрити ны. Толикаго убо предстателя и молитвеника лишившеся ни ли всякъ въ себѣ помыслитъ, яко сири быхомъ, нѣсть отца.

Но недоволно было толкати во двери милосердія Божія о спасеніи и помощи, и о людскихъ невѣжествіихъ жертвы приносити, но и ко владѣющему августѣйшему Дому Австрійскому частократно, не прощающъ трошковъ за общее добро наше, сходилъ, и предъ высочайшимъ трономъ колѣна преклоняя проливалъ прошенія, коими благоутробнѣйше кесаро кралевское сердце на умилостивленіе и призрѣніе насъ и потомковъ нашихъ склонялъ благодатно. Но нынѣ ему труди и поти безмѣрни, досадни стали, пріимъ крыла голубиня возлетѣлъ въ желаемое мѣсто, а насъ оставилъ сирыхъ, еже съ воздыханіемъ вопити: сири быхомъ, нѣсть отца.

Кому отъ васъ невѣдомо, сл. высокочтенніи! яко Ихъ превосходителство, милостивѣйшій отецъ нашъ въ потвержденіи благодатныхъ привилегій нашихъ 1743 горѣ яко предводитель вѣжливымъ своимъ промысломъ у нынѣ щастливо владѣющія императрицы и кралицы нашея Госпожи Маріи Терезіи чрезъ унгарскую и военную канцелларію исходатайствовалъ протекцію. Откуду поводъ былъ благопотребенъ, что за многія и вѣрныя услуги его тако аугустѣйшему Дому, яко и славному народу

нашему отъ Ихъ величества многихъ даровъ сподобился, а на послѣдокъ и въ число высокородныхъ Дворянъ унгарскаго кралевства вчиненъ и воведенъ, и за вящшую Народа нашего славу тітлою дѣйствителнаго Тайнаго Совѣтника и Ексцелленціи пожалованъ. Кому паки должни вѣчно благодарити въ горахъ сея провинціи общежителныя обытели, кому ли благостояніе свое восписати имутъ, аще не трудамъ и подвигамъ блаженныя памяти Ихъ Ексцелленціи? Онъ бо снѣдаемъ ревностію дому Господня тщаніемъ своимъ седмидесятолѣтное препираніе и процессы благопоспѣшно окончавъ и въ совершенство приведъ крѣпчайшими привилегіами грунты ихъ освободилъ, въ безопасіе привелъ и утвердилъ. Кому єще благочестивыя церкви наша въ верхней Унгаріи въ предѣлѣхъ великоварадскихъ сущія и во волненіяхъ напастей влающіяся многими лѣтами отишіе свое и примиреніе долженствуютъ, аще не отеческому попеченію и ходатайству єго Ексцелленціи? Онъ бо неуступнымъ настояніемъ у Аѵгустѣйшаго Дому вратъ стоя тако яко бы принудилъ Благоутробную Матерь нашу, єже на изслѣдованіе толъ важнаго дѣла безпристрастную опредѣлити коммиссію, чрезъ которую тамошнія церкви нынѣ покоятся. И кромѣ сихъ множайшія процессы общества и церквей нашихъ касающіяся многими трудами и не малимъ харчеваніемъ окончалъ благополучно, и многія претерпѣвалъ за благостояніе наше подвиги тако яко мощи єму со Тезоименникомъ своимъ похвалитися и рещи: Благодать Божія, яже во мнѣ, нетща бысть, но паче всѣхъ потрудихся.

Хвалимъ єсть поистинѣ Єздра въ писаніи, яко обрѣлъ благодать предъ лицемъ царя вавѵлонскаго, єже возобновити разваленныя стѣны Іерусалимскія, и воставити храмъ имени Господню, которому нѣкимъ образомъ подобится нашъ въ Сербіи Єздра Єго Превосходителство мылостивый Архипастыръ, яко прилѣжнымъ тщаніємъ єго множайшія церкви на славословіє Божіє отъ основанія воздвиже, коимъ всѣмъ примѣръ быти можетъ каѳедралная сія во Архієпископіи церковь помощію вашею воздвиженная. Не воспоминаю прочихъ, которы застарѣли были, обновленіе, мимохожду всѣхъ монастырей нашихъ возобновленіе и украшеніе. Сами бо они доволное о сихъ подаваютъ свидѣтелство.

Хвалится нѣгдѣ Іовъ праведный, глаголя: Азъ быхъ отецъ немощнымъ, распрю же, єяже невѣдахъ, изслѣдовахъ. Велія воистину похвала и вѣнецъ многихъ достойна, єже быти отцемъ немощнымъ, и распри слабыхъ и неискусныхъ изслѣдити, и правду ихъ утѣсненну во свѣтъ произвести. Что же речемъ и о тепломъ предстателѣ обидимыхъ частократно поминаемѣмъ Господинѣ и Отцѣ нашемъ, ко́ликихъ онъ обыды услишалъ мылостиво; воспріялъ отечески, расправилъ и наградилъ съ удовлетворeніємъ. Да и не точію дѣлалъ онъ таковое заступленіе во Дворѣ и на судѣ єму отъ Бога врученномъ, но и въ прочихъ судейскихъ мѣстѣхъ; многихъ обидимихъ заступилъ, отъ узъ и темницъ освободилъ, и отъ самыя грозныя смерти ходатайствомъ своимъ искупилъ.

Можетъ къ симъ, хотя уста и мо́лчатъ, съ тѣмже праведнымъ Іовомъ милосердный Отецъ сиротъ по достоянію похвалитися. По смерти бо милостиня хвалима єсть, яко немощніи, аще когда чесо требовали, не́ неполучили, и вдовича ока не

презрѣхъ, хлѣбъ мой не ядохъ единъ, но и сирому подахъ отъ него, не презрѣхъ нага погибающа, но облекохъ его. Колико же есть толь облагодѣтелствуемыхъ вѣсть предѣлъ сія, вѣдятъ же и прочіи, сами же они наипаче лишившіися толикаго благодѣтеля, стенятъ уже воздихающе, лица своя слезами омиваюше глаголютъ: Сири быхомъ, нѣсть Отца.

Таковое жалостное и прегоркое сиротство наше слышатели, аще чувствуемъ, аще мыслію обемлемъ коликаго отца и заступника лишихомся, должни есмы мали съ великими, богати съ убогими, вся церковь и все общество наше неутѣшно рыдати, и слезъ токи излывати, яко сири есмы воистину, нѣсть отца. Признавающе же паки предстателя толикаго лишеніе и сиротство кромѣ далшихъ навѣщаній всякъ себе одолжена быти исповѣсть, еже непресѣчно помнити, и помянши благодарити за труди и подвиги, за щедроти и благодѣянія нынѣ гробу предаемаго всѣхъ Отца и Благодѣтеля, и благодареніе со благоговѣннствомъ сопрягати и о вѣчномъ его упокоеніи Творцу всѣхъ молитися. Въ настоящій же часъ не точію по обычаю христіанскому, но и со усердіемъ и теплотою духа да воззовемъ: Вѣчная память буди Отцу нашему, вѣчный покой Архипастырю, вѣчная радость Попечителю и заступнику нашему. Аминъ.

X.

АНТУНЪ КАНИЖЛИЋЪ

(Изъ свете Рожаліе. 1780.)

Діо II. §. II.

Рожаліе немогуће заспат' непокой.

. . И мыслећи млого, како е ћудь млада,
  Нити проспат' мого', накитит' се рада.
Садъ да гледамъ сати свѣћицу ужегохъ,
  Садъ се опетъ врати' на перѣ и легохъ.
Нит' право почивамъ, нит' самь право будна,
  И еръ непочивамъ право, сва самь трудна.
Кудъ се годъ окрећемъ, или се на ли̂во,
  Ил' на десно мећемъ, свакако е криво.
Сада запопѣвамъ, садъ жмиримъ и шутимъ,
  Сада санъ зазывамъ, садъ се на санъ лютимъ.
Зазывамъ: „Сну, гди̂ си? еда драгъ и міо,
  Сву драгу ноћь ниси мени вазда быо?
Ахъ, долети амо, пол' ће ноћи проћи;
  О, да хоћешъ само за три уре доћи!
О сладкій покою! уснуо си, што ли?
  Ахъ, дай, непокою, моіой лѣкъ садъ боли.
Гдѣ ми се забављашъ? Спавный ли макъ берешъ,
  И за ме приправљашъ, да постелю стерешъ?
О жельный и милый! Дођи, задости е,
  Да макъ уснут' сили мене, трѣбе ніе.
Дођи сну мой, мое тебе очи траже,
  Нейма овде, кое ты се боишъ страже.

Нит' има прѣдъ наши' тужне бриге врати,
  Да те сухимъ страши лицемъ и одврати.
Што ти на путъ стає? Нит' садъ кукуриче
  Пѣвацъ, нит' пасъ лає, нити челядь виче.
Невидишъ ли мене, коя ти є драга
  И`у ютру, вене ньой и пада снага.
Што ти доћи крати? постельица мека,
  Къ мени се уврати, сну мой! тебе чека.
Ахъ, ніє те моћи дозват'! кудъ ми оде,
  О муко! о ноћи црне црный роде.
О муко! єръ крѣпи покой, покой ниси,
  О муко! о слѣпый, о сну глухій, гдѣ си?
Оде! Кодъ тежака іошъ на даскахъ голы́
  И гньилыхъ лежака сву ноћь хркат' воли.
Или врѣме краде служби дужной бдити,
  Нит' іой лупежъ даде прести, везти, шити.
О иђи безъ трага! Ты благо, ты врі̂ме,
  И дражій одъ блага животъ крадешъ шъ ньиме.
Съ тебе ноћне чете разбойничтво води,
  И крађа на штете съ дугомъ рукомъ ходи.
Съ тебе обноћъ кліє огань, съ тебе плане,
  Нитъ се утрне пріє, нег' кадъ тужно сване.
Ты си и другихъ квара̀ узрокъ; млоги съ тебе
  Губе сврхъ добара тѣло, душу, себе.
Коимъ животъ зађе прѣ у вѣчне тмине,
  Него имъ изађе сунце, и просине.
Ты ћућеня вежешъ, и разумъ, да шъ ньиме
  И волю, и свежешъ човѣка сасвиме.
О накази ружне! Башъ є права вика
  На те, да си тужне смрти жива слика.
Єръ човѣка тако смичешъ болый дѝо,
  Кадъ онъ спава, како да бы мртавъ быо.

Мртавъ, како знамо, у крѣпостихъ свима,
Што дыше, то само одъ живота има.“
Садъ опетъ зашутимъ, и да више ніе
Одъ по ноћи, ћутимъ, коя ура біе.
Садъ мыслимъ: створь ніе човѣкъ неумрла,
Єръ е у сну прiе смрти створь умрла.
Садъ опетъ зажмиримъ, садъ се дижемъ гори̂,
Къ прозору завиримъ, е ли врѣме зори.
Сада жешће люта, жешће санъ проклинямъ,
И зору сто пута, да сине, заклинямъ.
Проклинямъ: „да знадешъ, нећу те ни молит',
Єрбо се недадешъ, сну глухій, измолит'.
Него ћу ти мою дужность жельомъ платит'!
И на мѣру твою навргнувши вратит'.
О-лѣнчино грда! сну глухій! Ноћь проће,
А ты, срдца тврда и глуха, недоће.
А по злу пошао, што нектѣо, срѣо,
Кадъ ниси дошао, нит' ме тѣшит' ктѣо.
Нит' мира имао, нит' што икад' сніо,
Нит' кадъ задрѣмао, нит' што еси, быо.
Нит' перя видіо, нит' за покой знао,
Немиръ те слѣдіо, непокой те клао.
Нека ти се свако перце у трнъ створи,
Или нек' те, како трнъ, боде и мори.
Камо ноћит' дођешъ, нек' ти драч'е беру,
И кадъ спават' пођешъ, шъ ньимъ постелю стеру,
Макъ ти неродіо, и ако ти роди,
Ледъ му се згодіо, да васъ по злу ходи.
Нека ти га свега градъ съ вѣтромъ повали,
Нек' ти іошъ мразъ нѣга у клицахъ опали.
Све, што чини спати сладко и дубоко,
Нектѣло ти дати, да затворишъ око.

Нек’ ти у глави куе немиръ, нек’ ти бучи,
  Нек’ те туга клюе, и непокой мучи.
Свако, што имаде гласъ, нека те смета,
  Ни дрѣмат’ недаде, наказо проклета!
Нек’ те смета бука, праска, вриска, ека,
  Шкрипня, рика, тука, лупа, вика, звека.“
Затымъ я завыва’ зору, како реко’,
  Єръ іошъ непроси̂ва будуħи далеко.
„Сини, зоро, сини; кадъ ме бѣжи санакъ,
  Ты ми мракъ изми̂ни водеħ’ бѣлый данакъ.
Тако ти сунашца и данка, о зоро!
  Немой ми срдашца кинит’, сини скоро!
Єда те санъ тавный, да на ружахъ спава,
  Онъ, мой злотворъ главный, іоштеръ задржава?
Тако ти сунашца, и данка, о зоро!
  Немой ми срдашца кинит’, сини скоро!
Єда се одѣвашъ и китишъ за горомъ,
  Или се умивашъ руменыме моромъ?
Што ми се умивашъ? Лѣпа си и чиста;
  Што ми непроси̂вашъ, о лѣпото иста!
Тако ти сунашца, и данка, о зоро:
  Немой ми срдашца кинит’, сини скоро!
Ахъ! устани гори̂, и за свѣтлость тайку
  Ютрня отвори вратца маломъ данку!
Тако ти сунашца, отвори о зоро!
  Немой ми срдашца кинит’, сини скоро!
Сини, звѣзда, коя тебе навѣстива,
  Даница те твоя сѣваюħ’ позыва.
Тако ти сунашца, и данице, зоро!
  Немой ми срдашца кинит’, сини скоро!
Єда ружичнога китишъ иза дола
  Іошъ Руменка твога коньица и кола?

Єда жельна иђи, на нѣг' уѕду вржe?
  О када ћешъ стиђи? као да чухъ, брже!
Хоћe ли ми скоро ноћь жалостна минут'?
  Уздисана зоро, кадъ ћешъ ми просинут?
Тако ти сунашца, и данка, о зоро!
  Немой ми срдашца кинит', сини скоро!"
Али виш'є пута веђма є могућа
  Рѣчь оштра и люта, нег' молитва врућа.
Санъ у доба глухо, кадъ по ноћи проꙉе,
  Као да є чуо проклинянѣ, доꙉе.
Ил' му зора рече, да се къ мени дигне,
  И брзо потече, докъ и она стигне.
Єръ кадъ се умори' уздышући тако,
  Очи ми затвори, али незнамъ како.

---

§. III.

Санъ Рожаліє одъ зоре.

О како бы кти̂ла, да є казат' моћи,
  Све што самь я снила онда одъ по ноћи!
Што? знате, о чему тко веђма се стара,
  То међе санъ нѣму прѣдъ очи, съ тымъ вара.
Вид'ла самь на гори єдну Вилу ли̂пу,
  Сву приличну зори у човѣчѣмъ кипу.
Стаяше прѣдъ врати руменога ютра,
  Као да нѣшто злати здвора и изнутра.
Све се ту румени, нег' само што врата
  Чиняху се мени да су одъ чиста злата.
Што то, мыслимъ, ради? єда онуд' ходи
  Зора, када младый Данакъ съ Ютромъ води?

Єда крозъ та врата Сунце, краль одъ дана,
  Иђе съ колихъ злата одъ источныхъ страна?
Ружам' одѣвена гораше та Вила,
  Образа румена, чела ясно би̂ла,
Очію`є плавы', и одъ ясне росе
  (Ил' є бисеръ правый?) бисерне су косе,
Коє када просу, угледа, да доли̂
  Као бисеръ росу капаюћи проли.
Што ће, рекохъ, быти садъ? И видимъ траву,
  И цвѣће, да пити жельно диже главу.
Видимъ, лилянъ би̂лый, краль одъ цвѣта, зи̂ва,
  Тко зна зашто? Вили еда зафальива?
Што га кити роснымъ бисеромъ и гои,
  Кадъ жедна радостнымъ капльицама пои.
Видимъ, ружа пуста, кою суша мори,
  Да румена уста кано диже гори̂,
Или се весели, или да іошъ роси
  Уздышући жели, и одъ Виле проси.
Видимъ опетъ Виле нове, коє єсу
  Све єднаке би̂ле у лицу и ресу.
Ако се васъ дугій данъ тко буде мучит',
  Онъ єдну одъ други' неће ми разлучит'.
Нит' є одъ ньихъ коя дебля, нити таня,
  Нит' є (осимъ броя) вышя, нити маня.
Дванаєсть тыхъ види' Вила, то єсть Ура,
  Єдна другу сли̂ди и прѣдъ собомъ тура.
Свака брой свои̂ има на глави одъ злата,
  То є билѣгъ ньима, кога єсу сата.
Ондѣ оне свако ютро рано дођу,
  Чекаюћи тако Сунце, да шъ ньимъ пођу,
Да по дневно врѣме свакій данъ га воде,
  И по реду шъ ньиме на измѣну ходе.

А Сунце данъ цѣлыи̂, на дванаесть ди̂ла
  Да право раздѣли пази на брой Вила.
Затымъ чухъ, да птица славичакъ се гласи,
  И шъ ньимъ препелица међу житныхъ класи̓.
Онда мыслимъ, што е? Радую се зори,
  Зато опетъ мое очи дигохъ гори̂.
Видимъ: носи у крылу̀ она прва Вила
  Малу свѣтлу Вилу, еръ е Свѣтлость би̂ла,
Коя, незнамъ како, већа чудно быва,
  Нег' да растућ' тако и свѣтліе си̂ва.
Онда свѣтла Вила, незнамъ или скочи,
  Ил' одлети, крыла несмотрише очи.
То знадемъ, да̀ бѣле, кудгодъ лети, зраке
  Просу, кано стрѣле око стране сваке.
Знамъ да се заби̂ли свагдѣ, гдѣ просине,
  Зато црныхъ крыли прѣдъ ньомъ бѣже тмине.
Бѣжи одъ бѣлога црно, чудо ніе,
  Него одъ свѣтлога да се свѣтло крые.
Бѣже звѣзда чете съ Мѣсецомъ, нит' смію
  Остат', нити лете, нег' се муче крыю.
Што се, мыслимъ, бое? што Мѣсецъ несви̂ти?
  Кудъ съ Даницомъ свое звѣзде крыюћ' хити?
Єда се сакрыва бѣжећ', да утече,
  Да га кано крива Свѣтлость незатече,
Србо свѣти злоћи и дѣлу опаку,
  Кое се у ноћи чини и у мраку;
И еръ Сунце има на кралѣство доћи,
  А кралѣват' двѣма ніе у едно моћи.
Зато Мѣсецъ шъ ньиме на измѣну влада,
  Сунце у дневно ври̂ме, Мѣсецъ кадъ ноћь пада.
Видимъ іошъ еднога, али као у мраку,
  Образа чуднога, да лети по зраку:

Видимъ, да му виси іошъ перѣ на глави,
Зато рекохъ: ты си, наказо, Санъ правый.
Шарене имаде свите, еръ зна шарат',
То есть, лажи знаде различите стварат'.
Чудо, еръ све клима главомъ, да непаде,
Као да му се дри̂ма, што ли є, тко знаде?
Бѣжи онъ, и кое, незнамъ, мѣсто тражи,
Водеħ' собомъ свое Саньке, свое лажи.
У свему су слична Сну отцу та ди̂ца,
Нег' што су различна међу собомъ лица.
Каквога є кое, све памтит' немого',
Кано да се рое пчеле бы ньихъ много.
Єдне су радостна лица, єдне плаха,
А едне жалостна и блѣда одъ страха,
Єдне племенита, драгость изъ нѣг' си̂ва,
Єдне огнѣвита, као муня жива,
Єдне као одъ жута воска да су была,
А едне надута, и іошъ мокрыхъ крыла,
Едне драгомила, едне нѣшто тужна,
Єдне, нисамь смѣла гледат', стражно рушна.
Бѣже Саньке, реко', еръ ньихъ Брига рана
Уставши далеко тѣра одъ свог' стана.
Тѣра ихъ съ халатомъ одъ Послова сила
Иђуħ' за занатомъ на различна ди̂ла.
Єдни иду штити, едни съ метломъ мести,
Єдни съ игломъ шити, едни съ ланомъ прести,
Єдни иду крухъ пеħи, едни орат' съ плугомъ,
Други храну теħи съ рукоумю другомъ.
Међу то полети, и лѣпа одзгора
Вила ми долети одъ яснога двора:
На ме се насмѣе, къ мени завирива,
А када се смѣе, златомъ ведрымъ си̂ва,

Теръ къ мени дотече, и съ руменьимъ усти
  Добро ютро! рече, постельицу пусти.
Пробудихъ се; што е? рекохъ, одъ провора
  Видимъ собе мое, румени се зора.
Каква ме пробуда у сну мыслимъ Вила,
  Сѣћахъ се, и суди', да есть Зора би̂ла.
Зора, а не Вила, еръ и нѣме Зоре
  Зрака свѣтлость бѣла пробудити море.

Діо III. §. III.

Приказанѣ петь ћутеня варaюћихъ.

Када ова види' опетъ онда мене,
  Садъ на далѣ иди, Любавь опомене.
Идемъ; нуто дѣца крылата, малена,
  Веселога лица, пуна и румена.
Петь Ћутеня ти̂ла: ахъ, петера браћа
  Млоги́м' узрокъ была есу вѣчног' плача.
Име е првому Видъ, све видит' хоће,
  Хитре на свашто му очи таки скоче.
Шарене су свите, као звѣзде у ноћи,
  Никад' гледат' сите, на ньима су очи.
Огледало има као око двое
  И каже у ньима оштроумѣ свое.
Штогодъ лѣпа, мила, видит' очи траже,
  Чаровита ди̂ла стакло чудно каже.
Мѣсецъ, звѣзде, зору, сунце, море, ри̂ку,
  Полѣ, кућу, гору, цвѣће, землѣ, дику,
Сказат' изгледъ кипа често му е драго
  Виле, кое ли̂па лица све есть благо.

Другій братъ се зове Слышанѣ, и зато,
  Да онъ слуша нове ствари, пази на то.
Драго му є шутит', што годеръ се ради,
  Васданъ може ћутит', да му недосади,
Пѣсме, шале, птице; али кадъ узслуша
  Гласъ тамбурске жице, узигра му душа.
Ћудъ тамбуромъ каже, ню носи увасе,
  Шъ ньоме гласъ свой слаже, желю уха пасе.
Какву цѣну има ушію, зламенѣ
  Висеће на ньима єсть драго каменѣ.
На одѣћи уши висе, нит' се тужи,
  Нит' му тко заглуши, кадъ рѣчи продужи.
Мырисанѣ трећій братъ є, нѣг'ва свита,
  Могу право рећи, да є одъ цвѣћа кита.
Єръ є васъ у цви̂ту, цвѣће златомъ веже,
  И на киту свиту као носъ протеше.
Мирисъ одъ драгога цвѣћа, и лѣпота
  Друга, нѣговога єсть душа живота.
Носъ и очи слѣпе машћомъ драгомъ маже,
  Съ тымъ се, вели, крѣпе Виле, али лаже.
Мирисомъ се пасти, погибно є; ћути
  Млогій, да одъ масти сва се глава смути.
Смѣюћ' се подає китице, за коє
  Мами да продає Вила благо своє.
Благо, цвѣтъ одъ свете и лѣпе чистоће
  Венут' одъ узете, яо! китице поче.
Четвртый братъ, гладно Окушенѣ, носи
  Съ медомъ винце ладно, и да кушашъ, проси.
Напія, и піє, а медъ облизива,
  Кушат' свакій сміє, єръ свакогъ позыва.
О како се страши', кад видихъ, да змія
  У руменой чаши ружно се превія,

И када загледа', да лети просутый
  Изъ лажльивогъ меда рой одъ пчела лютый
Ђутанѣ е пето Дотицанѣ, одъ кога,
  Што е чисто и свето, чува тѣла свога.
Горій братъ одъ куге; ако кадъ несмакне,
  Неузбѣгне туге, кога се онъ такне.
Никадъ нейма мира, смѣюћ' се у шали
  Све у другог' дира, да срдце опали.
Кадъ се съ кимъ рукуе, као пріятель правый,
  Засѣде му куе; када грли, дави.
Кому уста своя пригне, кога люби,
  Лице му одъ гноя и краста погруби.

XI.

АРКАНЂЕЛЪ КАТИЋЪ

Бесѣде говорене у време страха одъ куге у Дубровнику (штамп. 1784.) *Бесѣда друга:*

Бичи радъ кога узрока доходу?

Премда е то тако бѣлодано очито, да е Богъ творитель свакога добра, кога имамо, свакога зла, кога кушамо, трѣба е добро разазнат', и веома помньиво разабрат', узрокъ одъ узрока, кога има Богъ, за послат' зло, за удѣлит' добро. Ніе бо истый. Колико е добро ода зла, толико е узрокъ одъ узрока различанъ. За учинит' добро, Богъ е себи узрокъ, онъ, и нико иный, нѣгова воля, нѣгова неизречена

незамѣрна доброта. Што є Вышньій кому быо држанъ? Є ли быо држанъ створит' свѣтъ? Є ли мого створъ инако уредит'? Ово исто, што садъ створу дава, єръ тако иште наравь створа, ко за рѣт': човѣку душу, брезъ коє ніє човѣкъ, сунцу, да ся, земльи да плоди, — пачекъ и онє што людской души врхунаравно дава овдѣ на земльи рад' крѣпости узмножене одъ милости, а у раю рад' достоянства вѣчну славу, засве да се може рѣти држанство, али є држанство, по рѣчи Томаса светога, усађено у самому држанству, кога Богъ има према себи истому, то єсть учинит', како є одредіо да буде, на прилику, да є човѣкъ уманъ, сунце жарко, земля плодна, да крѣпось милости стѣца, достойнось добыва. Да за учинит' зло, што є Богу узрокъ? Човѣкъ самъ, сама опачина нѣгова. Да насъ педепше, мы будимо Бога, мы чинимо Богу силу, мы га тиштимо ништа манѣ пег'ли заямацъ зла дужника тишти съ молбамъ, съ прѣтнямъ, съ карнямъ, а на сврху съ правдомъ. Цѣћа чеса мудро вели Салвіанъ: право говорећ', грѣхъ насъ педепше, а не Богъ. Ніє даке горега непріятеля нами до насъ истѣхъ. У двѣ рѣчи: Богъ за надарит', гледа себе; за педепсат', гледа насъ. Ово ти Дубровниче обѣћахъ данасъ изтомачит', ово ти идемъ приказат'. Бичъ ніє само̀ мачъ, ну є мачъ одъ освете. Буди помньивъ.

Засве да ніє овдѣ нами удѣлѣно на свѣту обазнат', рад' чеса Превышньій кога теръ кога съ шибикомъ одъ супротива удара, али за умножит' достоянство и крѣпось нѣгову, каоно Іоба и Тобію, али за педепсат' кои грѣхъ у нѣму, истина є ово права, ніє сумнѣ, да бичи, коѣхъ шалѣ Богъ повыше народа, држава, краина, доходу свеђеръ послани рад' обћенѣхъ грѣха, кои ньихъ обстрѣше одасвуда; са-

свѣмъ господски посвоише. На другомъ свѣту свакій ће одъ насъ носит' своє бреме, вели Паво светый, теръ како буде задостоіо єводѣ, тако ће быт' плаћенъ онамо. Али на другомъ свѣту ніє, нити се зна, ни брои по напосе скупштина, пукъ, народъ; неразбира се тамо Дубровникъ, Римъ, Цариградъ: єданъ є пукъ блаженѣхъ, єданъ є градъ Іерусалемъ, градъ одъ радости; єдна Бабилонія, градъ одъ жалости. Обћене даке грѣхе, да ихъ Богъ непедепше на овему свѣту, пропуштіо бы сасвѣмъ. Али ни єданъ грѣхъ неодпуштує безъ педепсе Превышный; тако бо є онъ у своѣмъ одлукам' засѣко, у свому вѣчному закону записо, по науку Гргура светога. Ну педепсаюћи на другомъ свѣту свакога грѣшника напосе, непедепше грѣхъ обћеный, єръ обћеный грѣхъ носи у себи нѣку особиту опачину, єръ носи погодбу, и садруженѣ злѣхъ хотѣня протива Богу, коя погодба и садруженѣ, ако нѣсу отворено истомачене съ рѣчимъ, єсу затайно здржане у дѣлу. Тко незна, тко невиди разликось, коя є међу набуномъ пука протива закону поставлѣну, и међу кривиномъ мѣштана, грађана, пачекъ и множтва ньихъ, одъ коѣхъ свакъ по себи, и скровито, како бы кому пригодніє, кориснієє, заповѣдь є преступіо. Одъ теже, и колико, врсте є грѣхъ набунѣна пука, нег'ли потайно грѣшна множтва, єръ набуна ніє безъ кога договора, и ако ніє међу свакѣмъ по рѣчи, међу свакѣмъ є по дѣлу, бьюшъ овый съ изгледомъ мата, а оный му одговора, съ наслѣдованѣмъ потврђує, чини му се другъ. Ради чеса свѣтовна правда већъ пазећ' кривину ради начина нѣ, нег'ли рад' броя кривника, педепсаюћи противнике съ особитомъ педепсомъ непропуштує за достойну ньихову погрду, како у грѣху друзи быяху, учинит', да за єдно заплату. Али Божія толико се веће срди, толико већу якось стѣче, колико се већъ узмнажа брой грѣшника, пачекъ набуна ныхова: ну обћене грѣхе педепше шалюћ' обћене биче врхъ народа, држава, краина, за указат' свѣту, колико є веће нѣгово могуйство надъ якости свѣтовне правде, свѣтовнѣхъ владаоца.

Мири одъ Іерика падаю, ору се. По чемъ? Нієдна сила, нієдно оружѣ ніє ихъ оборило. Двѣ ствари посо сготовише, рече Агустинъ: єдна валяюћ' изнутра, а друга здвора. Здвора Исраелске трублѣ радише, а изнутра валяше, подкопаваше грѣси и опачине грађана. Самъ пукъ одъ Исраела мѣште свѣхъ народа инѣхъ свѣту є быо и бытће свѣдокъ ове истине, Ратећи се онъ безъ престанка добыо бы, изгубіо. Бы ли имо побит', али изгубит', ніє трѣбовало гледат', вели Златоусникъ, кою войску онъ има, супроћь коіомъ иде, колико якъ онъ, колико му непріятель. Нити бы добыо по храбренству войника, ни по неякось изгубіо. Ту се небы ратило съ оружѣмъ, него съ крѣпостим', и съ достоянствомъ прѣдъ Богомъ. Ако онъ вѣранъ Богу, добыо бы по вышньой крѣпости; ако противанъ, изгубіо одъ євога грѣха придобыєнъ. Исраелъ бы пукъ, кому се ніє могло доћ' врха; самъ грѣхъ бы подобанъ, придобит' га, све што є туга и бича на нѣга навестит. Ово є сповѣдо неволянъ изподъ теготе супротива, удараца: ти сы све ово посло за наше грѣхе; сагрѣшисмо, уврѣдисмо те; што годъ си учиніо, право си учиніо. Тако се ово очито сгађало Исраелу, да є позно несамо онъ, ну су знали и нѣгови непріятельи врѣме пригодно, за срѣћно насрнут' на нѣга, то єсь, кадъ бы обћено Богу сагрѣшіо. Сту-

пи съ войскомъ подъ Бетулю Олоферне, довва зборъ, теръ рече: тко ми умѣ рѣт' штогодъ о пуку овему, ко е, што е, какву войску има, каква войводу, теръ нешалѣ поклисаре къ мени, мени се поклонит' да неће? Уста на ноге Акіоръ, войвода Амонита, говорећ': свѣтуемъ те, честитый бану, да нетичешъ, нечинишъ ништа проћъ овему пуку: изкушай прѣ, е ли Бетулія своему Богу сагрѣшила. Знай, ово е пукъ садъ неякъ ко плашиво стадо, садъ якостанъ ко лавъ силный. Люди овѣхъ страна еднога Бога знаду; кадъ му быяху вѣрни, ніе имъ могла одолѣт' якось една; за ньихъ се чудеса твораху, ньима е неразложито створенѣ помагало, небеска войска бранила ихъ е. Кадъ га пакъ уврѣдище, изпрѣдъ непріятельскѣхъ чета бѣжаху ко предъ вуковим' овце, падаху ко дробне летуштѣ, кадъ затегне леденый сѣверъ.

Ну како се неће против обћеномъ грѣху разгнѣвит' вышня правда, наоштрит' мачъ, опоит' га и разсрчби небескомъ? Што тай грѣхъ носи на лицу, на челу? Неподносно безочанство и безобразнось. Буд' да по несрѣћи разплоди се кои грѣхъ у мѣсту, граду, држави, да ихъ оплете сасвѣмъ, ту ніе већъ страха Божіега, срама людскога. Єда грѣшникъ съ опазомъ грѣши, да се незна; оли да ће се, ако се обазна, посрамит'? Пачекъ іошъ и да е тако потайно учинѣнъ, да се по иномъ путу обазнат' неможе, грѣшникъ га истый слободно несрамно приповѣда и гласи. Те што може грђе быт' одъ овега? То е ко оно круна одъ грѣха: ніе кудъ напрѣди, рече Богъ по Исаіи о Іерусалему говорећ'. Грѣшникъ дружину иште и купи: изруженъ е, погрђенъ, ко мрзи у таку дру-

жину улѣстит. Лудости су, сни су, што годъ прѣту, што годъ зарицаю приповѣдаоцы и Божіи намѣсницы, ко оно прѣдъ грађанима Содоме рѣчи Лота быяху рѣчи луђака. А што годъ изъ далека Богъ гнѣвый каже, оли се неразумѣ, оли се уфа да неће допрѣт', неће допастит. И ово ће Богъ трпѣт'? Овако безочанство? Заговори се Мойсесъ съ Богомъ на гори. У то доба пукъ еврѣнскій у долини хотѣ, учини себи инога Бога, мртвый хипъ. Грѣхъ, што се може, найтежій. Очитова Вышньій Мойсесу грѣхъ еврѣнскій. Пођ', рече му, сиди, виђи, што е твой, и не веће мой, пукъ учиніо. Сметенъ, веома болестанъ Мойсесъ тай часъ клекну, прострѣ се, завапи: милосрђе, проштенѣ, вышный Боже. Ако га погубишъ, што ће рѣт' Египатъ? Да си га намишлѣно на погубу извео. Овако онъ на гори. А кадъ сиде съ горе, двадести и три тисуће е одметника погубіо. Што е ово? Што ћу промыслит'? Овака промѣна? Ко се на гори тако срчано моліо Богу ради пука, оный истый у долини пукъ сѣче безъ милости на тисуће! Овдѣ есь кои великъ узрокъ, овдѣ се кои великъ разлогъ садржи. Ну нетребуе веле трудит', далеко искат', за изнаћ' га: на истомъ листу мало напрѣда каже га Писмо свето. Докле е Мойсесъ горѣ быо, мысліо е, да е пукъ сагрѣшіо, ко човѣкъ рад' несвѣсти, неякости людске; али кадъ е сишо, позно е, да е нѣговъ грѣхъ одъ саме самовольности, и опачине, у кому се бѣше юръ узбезочіо, узбезобразіо. Чу, виђе, пукъ весело танцат', пѣсни радосно пѣват' химбеному Богу; позна даке, да ніе одъ грѣха срама, одъ Бога страха, да се безочанство мѣште срама, покой и веселѣ мѣште страха намѣстіо, цѣћа чеса разуміо

е, да е трѣба милосрђе съ оштрином̃ъ, молитву съ сабльом̃ъ замѣнит'.

Што ћу я садъ о теби рѣт', Дубровниче? е ли тебе кои грѣхъ оплео, у теби се разплодіо? Єси ли ты у грѣшеню изгубіо срамъ, изгубіо страхъ, у опачинам̃ъ се узбезочіо, узбезобразіо? Я те неиштем̃ъ судит': некъ те суди онай, кои те веома добро зна, кои има у листим' одъ вѣкувѣчанства све твое уписано живлѣнѣ, дѣлованѣ до длаке. Ну ти нећу затаят' (коя бы теби корись была, а не штета, да затаим̃ъ?) што допирем̃ъ виђет' крозъ здраку и свѣтлось вѣре свете. Виђохъ ючеръ анђела кодъ врата држећи се за мачъ; видимъ га данаске, да е хитіо мѣрила, да тебе хоће на ньихъ ставит' за измѣрит' те прилично онему, што Балдасару рече Даніело. Чуемъ гласъ, кои понавля оне рѣчи: сѣде судацъ, отворише се писма. Чуемъ по Исаіи пророку: хоће Богъ судит' по мѣри. Чуемъ тебе, Дубровниче, зват' на овый судъ, за да небы реко, да ти е крива мѣра учинѣна: я овако теби, а мени пророкъ Осеа. Ахъ, ако е реко Іобъ: Човѣкъ ніеданъ, ако се узатѣче съ Богомъ, неће се оправдат', како ћешъ ты, кадъ Богъ стави на мѣрила твоя крѣпосна, твоя грѣшна дѣла; кадъ на десну стави дѣла одъ милосрђа, а на лѣву лупежтине, грабше, прѣваре, неправде и камате; кадъ стави дѣла одъ боголюбности према погрђеню, потлаченю цркве, изповѣсти, причесћеня, рѣчи Божіе, црковнѣхъ закона, Божѣхъ намѣсника, псовака, крива свѣдочанства, и клетава; кадъ стави дѣла одъ покоре према прождрлости, мекопутности? Съ кое ће стране отешкат' мѣрила, съ кое се уздигнут', подъ налогом̃ъ и теготом̃ъ добрѣхъ дѣла, али опачина?

Прости ми, Спасителю, прости, Боже, спознамъ садъ мой грѣхъ; нѣсамь досадъ слободно, како є заповѣдь твоя, како є државство моє, ставіо предъ очи Дубровнику, и приказо му нѣговъ грѣхъ, премда самь већкратъ нѣму бесѣдіо. Каємъ се; нећу унапрѣда говорит' иза зуба; говорит' ћу му данасъ на сва уста; рѣт' ћу слободно, што ме ты надышешъ, за славу твою, за корись нѣгову. Немыслимъ я тако криво, Дуровниче, о теби, недржимъ, да се у теби свакій грѣхъ тако разплодіо, да є у свакому, тако разпространіо, да є допро до края, до конца: видимъ, да се у теби твору различна добра дѣла, рад' чеса у коіомъ врсти отешка ће на мѣрилпма при опачини добро дѣлованѣ. Али єсь коигодъ грѣхъ, ако се неварамъ, (недопушти Боже, да што у криво речемъ, да се я прѣваримъ), кои ми се чини, да є допро до конца, у кому се обѣстує несрамно, кои се очигледно каже и узноси. Те колико се ніє зо єзыкъ разплодіо. Што су садашньи разговори? садашньи посѣди? Ніє весела разговора, посѣда, ако се неизведе на срѣду, съ чѣмъ є на руку съ искрнѣмъ се наругат', инога осрамотит', инѣхъ части, быћу, роду штету дорадит'. Што се пакъ надъ тѣмъ не измышля, не налага, пе причиня, не приставля? Вади се изъ днопакла съ чѣмъ потворит', обадит'. Ради чеса по злѣмъ єзыцыма ніє дѣвице поштене, женевѣрне, слуге поуздане, трговца праведна, црковняка, кои съ Богомъ живе. И ово ће Богъ трпѣт'? Неће извадит' мачъ? Неће ударит'? Зо єзыкъ изходи одъ нелюбави, одъ омразе, изъ отровна срца устає. Да упытамъ даке, коя є овдѣ, колика любавь крстянска? Како грађани, пріятельи, рођацы међу собомъ? Знамъ одпрѣ, до скоро, да веома люблѣно, вѣрно, и праведно обћаше грађанинъ съ грађаниномъ, пріятель съ пріятельомъ, рођакъ съ рођакомъ. Како садъ? Како грађани међу собомъ? Да бы Богъ до, да се неиште повише туђе штете, погрде, поразе себе обогатит', уздигнут', узвысит'. Како пріятельи? А ніе ли ово рѣчь обћена: ніе се већъ у кога уздат'; найболѣ е не спознат' се съ никѣмъ? Како рођацы? А не чуе се говорит' на сва уста: да е веће за уфат', за поуздат' се у туђина, негъ у рођака? Не обћу ли садъ међу собомъ рођацы, ко да су туђини? Да ступимъ, у колико кућа видіо быхъ непрѣставный немиръ? Да пропштемъ, међу колико кућа изнашо быхъ свађе безкончиве? Братъ съ братомъ неговори, сестра се съ сестромъ несастае, незна еданъ о другому, кадъ му е данъ одъ веселя, данъ одъ жалости. И ово ће Богъ трпѣт'? Неће извадит' мачъ, неће ударит'?...

Обћени су даке ово грѣси Дубровника? Ако обћени, даке свачи. Тотъ свакъ ованій? У свему стаду ніе бѣле овце, войке здраве у свему воћнаку? Ни у цркви, ни изванъ цркве ніе тако непогрђене душе? Тежке рѣчи, крива суда! Тко мысли таку рѣчь одъ мене чут', изъ моѣхъ уста изтегнут'? Али незнамъ я, да се у свакомъ врсти грађана не мало добрѣхъ крстяна находи? Говоримъ даке я; ово е моя рѣчь: ко ніе у грѣху кому, може быт' удѣоникъ одъ нѣга. Коя е корисъ, да цвилу црковняцы око Божѣхъ олтара ради людскѣхъ опачина, ако ніе у ньима храбрена апостолскога срца устат' протива грѣху, и караюћ' съ бесѣдамъ грѣшнике, и устежућ' недостойнѣмъ одрѣшенѣ, и безочнѣхъ изъ цркве одправляюћ'? Коя корисъ, да родитель съ рођакомъ, съ пріятельомъ уздыше па

свое рођенѣ, да се домаћинъ тужи на службу, кадъ у нѣму ніе срца у свому дому наоштрит' се протива нередну живлѣню службе, и рођеня? Коя корись, да добре душе, добри крстяни трну ради грѣха, коѣхъ виду, кадъ ихъ пуштую мимо себе проходит' безъ уста отворит'? коя е корись мрзѣт', хулит' туђъ грѣхъ, а грѣху се неопрѣчит'? Даке ко годъ могућ', а веле веће, ко годъ држанство имаюћ', бывши ради тога одређенъ, поставлѣнъ, пропуштуе опрѣчит' се грѣху, безъ сумнѣ чини се удѣоникъ одъ грѣха. Ніе даке чуда, да кадгодъ Богъ и добрѣхъ поредъ съ опацѣмъ педепше, еръ и у ньима достойну одъ педепсе кривину находи. Говоримъ све по науку Агустина светога. У обћеномъ све Италіе, а особито Рима, првостолнога одъ свѣта града, тежкомъ порази ако достойно на опацѣхъ удари Готска сабля, али зашто одъ ньихъ добри небыяху раздѣлѣни, зашто по вышньомъ владаню не избавлѣни, упытанъ, рече Агустинъ: еръ се опачинам' онѣхъ ови неопрѣчише. Кому бы тежко упртит' се; сраміо се когодъ, о неугоднѣмъ стварима, племенитѣмъ особито, проговорит'; а когодъ страшіо изгубит' милось, стећ' непріятеля. Свакій е даке одъ добрѣхъ гледо, трнуо, мучо: у толико е траке свудъ опачина простирала, свакъ часъ расла и узмнажала се, докъ се крену вышня правда, теръ дозва издалека мѣста дивлый народъ да прочеплѣ и порази, неразбирућ добре одъ опацѣхъ, охолый народъ латинскій, поноситый пукъ римскій. Ево пута, ево начина теби, Дубровниче, по комъ допрѣт', по комъ спознат', е ли у теби кои грѣхъ обћеный. Пачекъ ходи да видишъ, што ће мѣра изнѣт.' Права су мѣрила у истину, праведанъ мѣріоцъ безъ сумнѣ; неѣешъ и немо'шъ быт' прѣваренъ. Ты се неваж'ъ упутит'? Ты се страшишъ изгубит' на суду, како оно о Ефраиму рече Осеа. Страшишъ чут', што бы Балдасару речено. Нѣси одъ мѣре. Ако е тако, не умѣмъ ти инога свѣта дат', самъ овый, кога знамъ: ходи, клекни, вапи.

Страховитый Боже! рад' твое незамѣрне доброте остави судъ, врзи, што ѣе мѣрила. Зна Дубровникъ да ніе подобанъ одговорит' на едну одъ тисуѣе. Види, да е тежко грѣшанъ, да е достоянъ одъ свакога зла, достоянъ да ты кугу пошлѣшъ на нѣга. Што ѣешъ даке ты? Послат' кугу, поразит' га, изкорѣнит' га? Неѣешъ ты тога учинит'. Одкадъ то да учинишъ ты? Овако нѣгда къ теби Абрамъ, а я садъ. Те зашто неѣу? Неѣешъ, я ти опета говоримъ, рад' онега, што си ты истый реко по Осеи пророку. Али си заборавіо? Нѣси реко, я самь Богъ, а не човѣкъ? Човѣкъ уврѣђенъ непази свѣсь, само гледа свою разсрчбу: човѣкъ иште освету за смакнут' непріятеля, одъ кога се страши. Али мое разсрчбе корись е замѣра. Ко мени може страха учинит'? Мой мачъ виси свеђеръ врхъ непріятеля. Неѣу се опетъ вратит', за педепсат' Ефраимъ. Задоста е, што учинихъ до данась. Стало ми е срце на мѣсто, мыслеѣ' у мени: тотъ да я Ефраимъ сатремъ, ко уништихъ градъ Адаму и Себоу у содомскомъ порази, да се незна садъ, гдѣ су были. Неѣу, теръ неѣу: Богъ я, а не човѣкъ. Допушти ми садъ, на очію овѣхъ у Осеи уписанѣхъ рѣчій да ти речемъ. Али ты нѣси оный истый Богъ садъ, кои си быо тадъ? Што се одъ тебе згодило? Скратіо се одъ онда? Одъ Бога у човѣка прѣобратіо? Али ніе быо Ефраимъ тадъ, што е Дубровникъ садъ? Узопачіо се Дубровникъ садъ,

бѣше се узоначіо Ефраимъ тадъ. Теби ніе могло срце поднѣт', Ефраима ставит' у поредъ съ содомскѣмъ градовима, а теби ће срце поднѣт', уништит' Дубровникъ, кому си ты Богъ, кои носи у срцу усађену твою вѣру, како чинишъ пуку, кои оли те поуе, оли те незна, и несповѣда? Онда си реко о Ефраиму: Єсь човѣкъ светъ у нѣму, то ми е доста, неħу у градъ улѣстит ко непріятель, и осветникъ. Уфамъ Боже, да се и овдѣ ко находи светъ, теби угоданъ, достоянъ испросит', да узтегнешъ руку, утажишъ разсрчбу. Ну буд', да се ни еданъ ненаходи, іошъ находимъ я у што уфат'. За смиловат' се, ты нити гледашъ, нити имашъ чеса гледат', нег' ли сама себе, твою доброту, твое милосрђе. Молимъ даке тебе ради тебе, невади мача, улѣз' у градъ ко гостъ племенитый, ко госпаръ честитый, ко пріятель благодарный. Пукъ васъ моли, вапи, да улѣзешъ, да улѣзешъ у домъ свачій, у свачѣ срце. Ступи, Боже, улѣзи, буди съ нами, не одѣли се одъ насъ.

XII.

ГИРИ ФЕРИЋЪ

(род. 1744 умр. 1824.)

1. Прагъ одъ куће найвеће брдо.

На Босну поклисаръ
Еданъ посланъ кӣ е,
Будући сваку стварь
Справіо малпріе,
За пута, кâ тога
Трѣбуе, гряше
Пріятеля свакога,
И дѣцы дѣляше
Медене цѣлове,
И доброй люби свôй.
Юръ слуге нѣгове,
Кіехъ е не малъ брой,

И пратежъ сва прѣдъ
ньимъ
Иде, пакъ упути
И онъ се истый затымъ,
Послѣдныій: ал' нути!
Приступи кадъ на прагъ,
Тай часъ се устави,
Одступи теръ натрагъ,
И любит' се стави
Жену и дѣцу изнова,
Служби и нарећиват'
Садъ она, садъ ова:
Ту га ал' веће ній стат':
Опета се упути
За изит', иу изнова
На прагу онъ ћути
Ноге ко одъ олова,
И лѣность у свему
Тѣлу. То видећ' свой
Драгъ еданъ, рече му:
Пріятель', брате мой!
Као брда высока
Ты ћешь проћ', на врати
Кадъ куће прѣ рока
Лѣность те ухвати?
Комъ онъ: нестраше ме
Брда ина, само да
Прођемъ я куће мê
Прагъ вышій свихъ
брда.

Ствари на свѣту, кê
Мы већма любимо,
Съ муке се велике
Одъ ньихъ одцѣпимо

---

2. Неяка е рѣка свака,
Кâ се у доста дѣли трака.

Село моли рѣку,
Бѣсь вода да буде
Узпрегнут' велику,
Ньивами кê уде.
На молбе она те се
Непригну, кê тлачи,
Поразный и унесе
Скупъ вода іошъ ячій.
Село опетъ молити
Ста, и ако неће се
Ганут', ньой запрѣти,
Осветит' да ће се.
Молбе она изнова
Тлачи, и мал' за тымъ,
Ко пріе, поля сва
Потопи водам' свимъ.

Тадъ село, поклȋ е
  Цѣнило, да веће
Нѣму цкнити ніе,
  Те се и на несрѣће
Да има одзват' и зла,
  За свою сахрану,
На кȗ годъ е текла
  Штетно она страну,
Да се дубу, одреди,
  Потоцы копячамъ.
Весело то слѣди
  Сва младость, и на срамъ
Рѣке бы велике,
  Єръ ю у трака доста
Раздѣли, толике
  Да іой силе неоста.
И кȃ прѣ быяше
  Охола одвише,
Каоно достояше,
  Ружно ю снижише.
Дѣдина, кадъ се има
  И веля дѣлити
Главам' меу мнозима,
  Слабо свакъ захити.

XIII.

МАТІЯ ПЕТАРЪ КАТАНЧИЋЪ

род 1750 умр. 1825

(изъ дѣла: Fructus autumnales 1794.)

1.

Славогостъ **и *Любодругъ*** **козари.**

Славогостъ.

Одъ када самь почео пѣвати нузъ дипле попѣвке
  По зеленыхъ горица, кудъ здене рѣке теку,
Нигда нечухъ таке пѣсме, вѣруй, Любодруже, воларске,
  Нег' што нѣкій Милогласъ данъ кодъ Осѣка пѣва.
Пана пѣва свираломъ, бѣлымъ коя лѣпо завита
  Бы съ оловомъ, любно пѣсмице Пана пѣва,

Да гора и дубови, да лугъ веселя се потайный,
Да тихи вуцы быху, престаде рѣка теѣи.
Гдѣ, када сустаде Панъ трудеѣ' по лугу, почива;
Гдѣ по лову зечномъ гнзда Діяна леже;
Гдѣ таненогласныхъ сладко бы пѣнѣ птичица;
Гдѣ Сатири съ Нимфам' кетеущъ игру воде.
О! тко бы такве пѣват' почео нами пѣсме, ковару,
О! тко бы то пѣвао кодъ Соколовца нашег'?

Любодругъ.

Я бы му поклоніо шаренонову тиквицу одмахъ,
Одъ нѣ я неймамъ скуплѣга добра, вѣруй,
Ты си, велишъ, слушао пѣсму, Славогосте, воларску;
Дай, небы ли сгодіо пѣсмице Пана, гледай.
Метни новый писакъ, помажи пакъ шупльине воскомъ,
Свирати, дай, почми, тиквица быт' ѣе твоя.

Славогостъ.

Незнамъ я, хоѣу ли погодит' те пѣсме, козару,
Пана пѣват' неумѣ терстена свирка моя.
Ал' ѣу кушат' (реченогъ памтимъ іошъ пѣнѣ волара,)
Пѣсму; ако врѣди тиквица пѣня моегъ.

Любодругъ.

Полоку тиква купи, есть одъ коре ягнѣда овгоръ
Чепъ, когъ лична висеѣ' замчица танка носи.
Чиста унутри, водицомъ шесть пута залита текуѣомъ,
Іошъ мириши новиномъ; ништа бо пила ніе.
Съ двора видишъ вилѣногъ ножиѣемъ сликована чилаша,
Главу носи высоко, преднѣ кропиня ноге.
Глед', коняникъ на нѣму како диздуме свѣтле потеже,
Глед', како Вила лети, глед' како ѣорда бріе!

Сѣваю мунѣ 'з очи', 'з ушію громови се разсиплю,
А на самуръ свѣтло трепти челенка капи.
Глед', како рани Туракъ катану по десници круто,
Ал' како главу, гледай, Турчина сѣче витезъ.

Славогостъ.

О да нiе витезъ славный, Любодруже, илирацъ;
Тог', како я разумѣмъ, майка илирка роди.

Любодругъ.

Башъ на полю кодъ Байне витезъ тако Луко посѣче
Ђомбега, теръ весео срѣдъ поля равна пѣва.
Тай моя съ двора, видишъ, догођай нова тиквица каже,
Ню Милородъ прiятель 'з Кузмице посла мени.
Уньой пива небы, моя нит' iошъ уста дотакну,
Дамъ теби, ако попѣвашъ, ню, Славогосте, данасъ.
Дѣд' почми.
Дѣд', почми стару, знашъ? Одъ Ђурђица попѣвку,
Любећ', кажи, образъ свой како смакну себе.
У горицы зеленой башъ кодъ Соколовца быяше
То, гдѣ' но ђурђицы iошъ мило бѣли роде.

Словогостъ.

Почмите пастырску пѣвати, миле Виле попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'!
Ов' Славогоста, слушай долино! 'зподъ Кузмице гласъ есть:
Я, Славогостъ, почимамъ кодъ Соколовца пѣват'.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегь почмите, Виле, пѣват'.
О! гдѣ си была, Венусь, кажи, гдѣ си была, Дiана
Кадъ съ очiю Ђурђицъ себ' пренемага своихъ?

Ил' высокій Неволянъ, зеленый Богасъ или Славолюбникъ,
Вамъ стаялишъ быя; еръ Орлава была ніе.
Нит' хладный Вучякъ види васъ, нит' Кнесница рѣка,
Кузмице нит' вртли, нит' Соколовца гора.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват.'
Ту козе, ту зецеви, вуцы Ђурђица плакаше,
Ту елени брзи, козлићи, яньцы, птице.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Овдѣ баше зденацъ неглотный, когъ вода быстра
Просвѣтльива; никадъ такнула марха нѣга,
Нит' воду мути звѣрадь, ближнѣг' нит' гранчица стабла;
Стабла даху хладность, трава прежельну сладость.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашег', почмите, Виле, пѣват'.
Овдѣ дѣте дошавъ уморно тѣраюћи звѣради,
Спусти се на травицу близу одъ зденца мехку.
И кадъ хотѣ жеђу протѣрат', нова жеђа прирасте,
Пригнувш' уста къ води, прилику лѣпу види.
И што тѣло небы, любећ' онъ тѣло чиняше;
Самъ се чуди са собомъ, пакъ стаде мотрит' очи,
Образъ бѣлый, чело свѣтло, вратъ чистый, обрве
Црне, види руменомъ гиздава уста боiомъ.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'.
Мыслећ' онъ, да е туђій образъ, да е Нимфа прелѣпа,
Ню дохватит' руками нагло желяше лахким'.
Ал' недокучи никогъ, веће гиздаве покваси руке,
Да немогаше, жали, ништа докучит' ню.

Пыта, тко си, кажи! Єда ли мила Нимфа? повыкну;
Єка нѣм' у горицы, я мила Нимфа, рече.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват.'
Тражи дуго Нимфу, дуго, пакъ онъ ништа ненайде;
Я те, повикну, желимъ! Нимфа повласти, желимъ.
Одговоръ онъ разумѣ, ниткогъ несмотри жалостанъ,
Лица своегъ само прилику юрве слабу.
Почмите пастырску пѣвати, миле Виле, попѣвку,
Кодъ Соколовца нашегъ, почмите, Виле, пѣват'!
Тадъ рече: кадъ ме варашъ, кадъ ты мене, Нимфо немаришъ,
Свегъ ме будешъ примит', кадъ мое лице кудишъ.
То вапіюћ' къ леденомъ неволянъ себе зденцу придружи,
И радъ властитогъ себ' смаче лица младићъ!
Престани садъ пѣвати, Ђурђицъ гине, Вило, попѣвке,
Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.
Сестрице ту плакаху, плакаху ту Нимфе жалостне;
Ђурђицу милый, яо! яо! милый, еко рече.
Престани садъ пѣвати, Ђурђицъ гине, Вило, попѣвке,
Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.
Тѣло дижу мртво, за сахранити поштено драгогъ,
На зелену травицу метнуше врутка поредъ.
Престани садъ пѣвати, Ђурђицъ гине, Вило, попѣвке,
Кодъ Соколовца нашегъ, престани Вилю пѣват'!
Кадъ ли време тому доспѣ, да се тѣло сахрани,
Бѣлый цвѣтакъ ђурђицъ, гдѣ быя тѣло, роди.
Престани садъ пѣвати, Ђурђицъ гине, Вило, попѣвке,
Кодъ Соколовца нашегъ, престани, Вило, пѣват'.
Одъ тада лѣпый цвѣтакъ кодъ насъ ђурђицъ се назива,
Кодъ Соколовца роди, Кузмица ньимъ се кити.

Любодругъ:

Башъ китицу лѣпу сакупихъ ђурђица ючери;
На китицу съ тиквомъ, врѣдно е пѣнѣ твое.

Славогостъ.

Тиква мени, вѣнацъ бѣлогъ ђурђица сабранымъ
Отцым' на мѣсто Кузмица звано буди.

Скупа.

Скупштина некъ весели, домаћинъ много живи година,
Нек' се саборъ свираломъ вазда споминя нашомъ.

2.

Славодругъ, *Іосо*, *Антунъ*, козари; *Милогласъ*, *Томо* *Иво*, волари.

Милогласъ.

Што си се на віячу тужанъ Славодруже подупро,
Санъ еда ли тебе, еда ли тебе Любице труде?
Ил' су ти уштетени писки, твое дипле расуте?
Ил' су те оставили друзи, еда Виле невольногъ?

Слаеодругъ.

Ахъ, Милогласе, плачемъ, тужимъ, нити, зашто? непытай:
Нису мени санки лажни, нити Любе досадне;
Нит' су мои писки, нити су мени дипле на хуму:
Пара другій ножъ срце нами, друга туг а жалостнымъ.

Милогласъ.

Ай мени! Ты си мою свиралу, Славодруже, понавляо;
На горицы зеленой са мномъ ты Пана попѣвке
Први пѣваше: нову сада пакъ я казати пѣсму
Жудихъ; ты тугуешъ: да што ти е, друже полюбный?

Славодругъ

Ахъ, Милогласе, селимъ; селимо, Милогласе, козари

Милогласъ

Богъ милый! Што е селимъ, селимо пакъ іоште козари,
Неразумѣмъ рѣчи, нити чухъ ту нигда потайность?

Іосо

Єсть тако. Игре нѣкій данъ мы кодъ Зврцня козарске
Држеħ' подъ Лучицомъ, весело гдѣ браħа быяху
Скупна, водеħ' съ Виламъ веселымъ коло, пѣħи попѣвке:
Ал' то ближа къ нами смркнутогъ лица оружникъ.
На глави му клобукъ съ нечати, на тѣлу ходѣло
Црлѣно, а плоче на нрси, на лача, дуга пушка
На рамени, двѣ мале напрѣдъ, за нисмо клобукомъ.

Антунъ

Нигда коло страхоту такву пастырско неħути,
Нег' кадъ оружникъ овай мирнымъ приступи коваромъ.

Іосо

Стан'те, вели. Ваше игре на страњ; заповѣди шумара
Чуйте: што годъ кова окол' Шага, Липовца,
Сентина, Марянацъ, по Звѣрняку, Нарту, Селишħу,

Кралѣвцы, Лучицы, Мирчинцы, Риту, Карашу
Густомъ, Вишковцу, Горицы, по Зврцню округломъ,
И кудъ рѣка тече, рыбицомъ преплодна Карашица,
Кудъ брѣгови Вучицу, быстру кудъ слѣде Вучинку,
У три дни да нестане свыхъ, да неима ниедне.

Томо

О мили пастыри, козе; о заповѣди преоштре!
Што таковогъ, Боже мой! неуврѣдно ято сагрѣши?

Іосо

Гризе, вели, грану храста, шуму младу, шибарѣ
Квари; теръ дому више злоби, него даде корысти

Славодругъ

Та, Милогласе, жалость, тай плачъ насъ слѣди козаре,
Юръ селимо тужни, юръ дубраве сладке губимо,
И доме туђе слабымъ загнани тражимо ятомъ.
Іоште неяки, ево, ярићи, яо! кое ючери
Плодна мати даде, путъ съ козами подмораю трудит'!

Милогласъ.

Ахъ! Славодруже, жалимъ. Тко ће юръ нами пѣсме козарске,
Тко пѣвати съ Нимфам' поскочнице? Тужно селиште,
Тужни гаи, доли, горе, грми, лузи потайни.
Ахъ, што ће шумске чинит' Дріядесъ, што ће Виле поточне,
Кадъ миле пѣсме стану, када любныхъ дипле козара?

Иво

То самь я видіо, кадно нами Дѣва премину
Майка, поредъ пасућ' воле Сентина, гдѣ козе густой
У шумицы быяху, сврхъ врана тужно повикну,
Нит' стаде вечери врачат', мое мысли тарући.

Томо

Я по Мирчинцы съ волови на трави будући,
Орла видихъ съ родомъ силный по зраку біюћи
Бой, да перя лете, съ высокихъ да падну на землю
Страна, да перутим' еданъ оштро плюска другога.
Ячїй орао панцам' роду раздрпа на концу.

Славодругъ

И мени ярце покла вукъ исту ноћь, када Майка
Остави насъ, коза іошъ браћи множтво порази.
Тадъ самь я рекао, несрећно слѣди козаромъ
Врѣме; ево садъ ћутимо! Съ Богомъ остани любна
Дружино, славный дому; съ Богомъ, о наша браћа волари.
Мы селимо широмъ, вы срећни насъ се спомен'те.

Милогласъ

О! мила браћо, путуй! када несрећа такве невольне
Прогони; пѣсмицами будемо васъ слѣдели тужнымъ.
Трпити! о! Єда ли сврху васъ небо мысли промѣне,
И наше старе вами, нами старо веселѣ поврати!

Епоха друга.

I.

АЛЕКСІЄ ВЕЗИЛИЋЪ

О спокойной жизни

1788.

1.

О спокойной жизни.

Всегда нищій оный єсть, кто нищеты боится,
Во скудости той живетъ, кто о многомъ печется,
Что нѣсть можно обрѣсти, то єсть глупо желати,
И немиренъ во своемъ сердцѣ за то бывати.
Кои многа желаетъ, многихъ той потребуетъ,
Кои многихъ требуетъ, той истинно нищій єсть.
Человѣка спокойный животъ во томъ состоитъ,
Да и сердца безмѣрно желаніе истребитъ,
И да будетъ щастіемъ своимъ всегда утѣшенъ.
Къ терпѣнію всякому доброволно приклоненъ.
Терпѣніе всякую напасть облегчаетъ,
Доброволно терпящу конецъ славный дѣлаетъ.
Отъ чего убѣжати никако єсть возможно,
Боитися отъ того єсть разуму противно.
Вси живущіи желаютъ мирный животъ имѣти.
Но что миру єсть нуждно, рѣткіи хощутъ хранити.

Мирной жизни есть нуждно чужа дѣла незрѣти,
И злобныя клеветы языкъ свой удержати;
Нежелати излишна сокровища земнаго,
Паче нужди своея злата изобилнаго.
Зане проклятъ гладъ злата сердце люто смущаетъ,
И на многа зла дѣла храбро возбуждаетъ.
Ослѣпляетъ иногда человѣка разумна,
По томъ неситостію творитъ его немирна.
Желанія наша суть наши непріятели,
Спокойнаго живота явни нарушители.
За то обузданіе желанія есть нуждно,
Аще хощемъ имѣти сердце всегда спокойно.
Жизни покой великій еще во томъ состоитъ,
Дѣла своя собственна всякій добро да видитъ;
Содѣлану обыду да опроститъ всякому,
Но собствену погрѣшность себѣ нигда самому.
Жити добродѣтелно многіи древніи могоша,
Кои свѣтомъ Хрістовымъ просвѣщени небыша.
Зашто и мы неможемъ днесь смиренно живити,
Желанія пакосна изъ сердца истребляти?
Свѣтъ истинный видѣхомъ, вѣру праву пріяхомъ,
Пакъ мы способъ имѣемъ много лучшіи да будемъ.

2.

О чародѣйству.

Услишите небеса, и ты сѣмо приклони,
Земле, твоя ушеса! что Саваоѳъ говори:
Я сынове воспитахъ, и тіи мене презрѣша,
Отъ зла многа сохранихъ, благодарни небыша,
Волъ извѣстно своего государя познаетъ,
А мой народъ избраный познати мя нехощетъ,

Тая страшна словеса Ісаіа сказуетъ,
Тужбу Бога вышняго злу народу являетъ:
На что есть мнѣ вашъ таміанъ, жертва изъ рукъ
порочныхъ‘
Гнушаюся азъ взяти даръ отъ людей безбожныхъ.
Вси праздницы ваши суть мнѣ бремена несносна.
Зане тогда творите многа дѣла мерзостна.
Очи отъ васъ отвращу, когда звати будете,
И во нуждѣ тяготной руки ко мнѣ двигнете.
Сію тужбу и нынѣ многіи добро нечуютъ.
Презираютъ вышняго, и познати нехощутъ.
Яко щита крѣпкаго чародѣйства держутся,
А отъ Бога своего неразсудно клонятся.
Отъ чародѣй вѣруютъ всяко добро обрѣсти,
Которое безъ Бога никто можетъ намъ дати.
Такови суть подобніи Бога непознающымъ,
Язычникомъ нещастнымъ, во темности живущымъ
Ахъ жалости и данасъ есть обычай проклятый
Кодъ народа Хрістова очевидно видѣти,
Како многіи демонска чародѣйства дѣлаютъ,
И на помощь діавола прелестнаго взываютъ.
Безъ чараня никакво дѣло хощутъ начати,
Зане крѣпко вѣруютъ, срећу во томъ стояти.
Аще на торгъ отходятъ, тогда добро пекутся,
Да врачбине и тамо со собою узмутся.
Со праздными сосуди да ихъ никто срѣтаетъ,
Єръ непсованъ остати тогда отъ нихъ небудетъ.
Отходятъ ли дѣвойку въ чужемъ мѣстѣ просити,
Прежде бабе пытаютъ, какво валя носити
Тамо омащеніе, да дѣвойку добыютъ,
Пріятелю новому очи добро замажутъ.
На судъ звани не могутъ безъ врачбине отупити,
Съ коею надѣются суду уста связати.

Имъ есть подозрителный день усѣкновенія,
Сумняютсе почети тогда дѣла нуждная.
Когда дождъ непадаетъ, и врућине бываютъ,
Черне пѣтле хватаютъ, и у воду бацаютъ.
Многе проче глупости небоются творити,
Да бы время дождливо скоро могли добыти.
Разсудити нехощутъ, кто землю одождаетъ,
Съ помощію чіею лѣто плодно бываетъ.
Приходитъ ли Ђурђевъ данъ, или божићъ радостный,
Ихъ діаволску чараню тіи дніе суть потребныи.
Рано тогда востаютъ, ходятъ на разпутія,
Букве свое читаютъ, демонска моленія.
Съ миромъ млада неделя отъ ихъ проћи неможетъ,
Въ коей чарованіе содѣлано небудетъ.
Сну всякому вѣруютъ, и страшутся безумно,
Аки бы сонъ будуща имъ сказывалъ извѣстно.
Когда пѣтелъ предъ вратми велегласно пѣваетъ,
Суевѣрный домъ тогда странна госта чекаетъ.
Несрећно имъ видится сито свое изъ дому,
Или квасецъ подъ вечеръ позаймити ближнему.
То нѣсть токмо видѣти кодъ народа простаго,
Но кодъ людей побожныхъ и званія книжняго.
Рѣдка мати имѣетъ сына перворождена,
Кои небы носіо чародѣйства потайна.
На дѣтя незлобное многе кесе вешаютъ,
Въ коихъ кости различне и проча ушиваютъ.
Да бы майци живіо, многа лѣта видіо,
Отъ вештице и виле свагди сочуванъ быо.
О люте слѣпаріе, коя данась царуе,
Кодъ народа многаго, наипаче нашего.
Что на свѣту и нема, того глупо боится,
Суевѣрствомъ отрованъ и отъ мрака плашится.

Многы ядни книжницы, сметени наставницы,
Записе написуютъ, суевѣрнымъ продаютъ.
Ложь дивно измишлену, Сисоново житіе,
И святаго Гаврійла ноћно путешествіе,
Горе лестнымъ книжникомъ, кои тако свѣтъ труютъ,
Многе люде незлобне отъ Бога отвращаютъ.
Како святый Апостолъ Павелъ о томъ глаголетъ,
Царство Божіе чародѣй наслѣдити небудетъ.
Суевѣрствомъ окованъ, чародѣйству своему
Много више вѣруетъ, неже Богу самому.
Неудане дѣвойке у жепови потайно
Со собою что носятъ, описати нѣстъ можно.
Єръ безбожне влаинѣ у чараню искусне,
Особито имъ басне составляютъ различне.
Да бы срећу добыле, удатися возмогле,
Мужа за носъ водити, накаране небыти.
Къ вѣнчанію святому когда се оправляютъ,
Бога вышня на помощь къ себѣ непризываютъ,
Но врачбине и тамо небоятся носити,
Отъ ихъ срећу извѣстну надѣются добыти.
О господи небесный, творче благоутробный!
Долго еси терпѣливъ, и премного милостивъ,
Живущыя на земли плодомъ щедро питаешь,
Яко чадомъ любезнымъ всяко добро ты даешь.
Многіи паки нехощутъ тебе добро познати,
За всякое щастіе благодарни бывати.
Срећу всяку на земли приписуютъ лестному
Суевѣрни людіе чародѣйству своему.
Презираютъ истинно Тебе Творца щедраго,
Подателя всякихъ благъ, и господа праваго.
Кои тебе вѣруютъ, крѣпость твою познаютъ,
Тіи вештицу, и вилу, вукодлака, и халу
Нигдѣ срѣсти могоша, ни извѣстно видиша,

Токмо слаборазсудни, суевѣрни людіе
То иногда имѣютъ лестно привидѣніе.
Како пророкъ глаголетъ, безъ причины страшутся,
Гдѣ нѣсть страха видѣти, тамо страха боятся.
Призри на насъ господи съ небесныя высоты!
Стадо простодушное народъ сербскій просвѣти.
Училища воздвигни долгожелаемая,
Науками одожди на вся мѣста сербская.
Да потекутъ потоцы, жаждущи напіются,
Кодъ народа славнаго да наука славится.
Тогда суевѣріе предъ тобою мерзостно
Изъ стада избраннаго истребится конечно.

II.

ІОВАНЪ РАИЋЪ

род. 1726 умр. 1801.

1.

Пѣснь.

Прискорбна горлице! Камо намѣряешъ,
Камо л' отлетаешъ,
Отвѣщай на сіе!

Въ инну гору отлетаю,
Гнѣздо ново да сплетаю,
Тамо намѣряю!

Прискорбна горлице! кто тя отгоняетъ,
Здѣ жит' возбраняетъ?
Отвѣщай на сіе!

Хищни кобцы и ястребы
Снѣдающіи и огребы
Тіи мя одгоняютъ!

Прискорбна горлице! Како озлобляютъ,
И тя утомляютъ?
Отвѣщай на сіе!

Гнѣздо мое разплетаютъ,
Птенцы моя подавляютъ,
Тако озлобляютъ!

Прискорбна горлице! Гдѣ будешъ пристати,
Помощи искати?
Отвѣщай на сіе!

Въ гори поиду западнія
Други искати благія,
У нихъ и пристану.

Прискорбна горлице! Кто тя тамъ защититъ
Одъ кобцовъ исхититъ?
Отвѣщай на сіе!

Орелъ мой высокопарный,
Силный, крѣпкій, и преславный,
Той мя тамъ защититъ!

Прискорбна горлице! Чимъ ти воспомогнетъ
Отъ ястребъ отторгнетъ,
Отвѣщай на сіе!

Въ крылѣхъ его гвѣздо сведу
И отъ туду птенцы ’зведу,
Тымъ ми воспоможетъ.

Прискорбна горлице! Коя ж’ ему дари
Воздаси съ утвари?
Отвѣщай на сіе!

Орелъ крѣпкій на вся страны
Да славится въ мирѣ и брани,
Сія ему дары.

Прискорбна горлице! Что еще воздаси
И воскликнешъ гласи?
Отвѣщай на сіе!

Верху водахъ да летѣетъ
И въ пустыняхъ работѣетъ,
Сіе еще даю.

2.

изъ

Дѣла: Бой змая са орлови

III.

Подъ Белградомъ Мухамедъ воюе съ цесарцы:
Али и ту осећа, шко су юнацы.

Одъ велике жалости, туге и неволѣ,
Несме да се помоли никуда наполѣ,
Мрачны изъ свои палата окађены смрадомъ,
На дну пакла жалостногъ напунѣны ядомъ:
Да га бови невиде и непокараю,
Єръ савета неслуша, мыслећ' да вараю:
Него узе сладкога винца муселева,
Да се ньиме ублажи, и у сну непрева.
Пакъ онъ леже спавати наквашенъ пояко,
Да разбіе тежакъ дертъ, говори овако:

Баръ да мало починемъ, не бы ли и санцы
Штогодъ добро донели, явили се данцы
Добри, срећни за мене, како што я желимъ,
А ты Алла учини, како што и велимъ. —
Турцы неуздаю се у якога Бога,
Него зову у помоћь Мухамеда свога.
Изъ нѣгова корана стихе повадили,
Стене града обписавъ ньима оградили.
Пакъ то веле међ' собомъ, градъ є нашъ покрывенъ,
Одъ очію ђаурски са свимъ є сакрывенъ.
Ето цела година одъ како га гледе
На пусуле са сви стран', пакъ га іоштъ невиде.
Тежке будалаштине! Чиме се вараю,
Умомъ слепи невиде, да са тимъ падаю.
Стойте мало докъ ближе Лаудонъ приступи,
Докъ одъ свуда войнике онъ къ себи прикупи,
Видићете, види ли, кадъ стихе побрка,
И кадъ многимъ по граду главуре одфрка. —
У Стамболу младъ Селимъ ситну кньигу пише,
Сузе горке ронећи изъ срдца уздыше:
Пакъ є дає у руке Меркуру крилату,
Да однесе у пакао, у славну палату,
Гди Мухамедъ почива на свои губеры,
На харару, хасури, што му све жубери.
Мало за тымъ времена у свемъ путу прође,
Алъ Меркурій са писмомъ къ Мухамеду дође.
Устай, свече, неспавай, устай, де, поскоро,
Неоклевай, ни жмирай, нит' се крти споро.
Ево теби белъ листакъ одъ правнука твога,
Кога теби онъ шилѣ башъ изъ двора свога.

Брже на то Мухамедъ одъ сна свога скочи,
На губеры и седе, пакъ отвори очи.
Стаде кньигу читати, што се у ньой каже,
(Селимъ ово пише мой, кои ми не лаже,) —
Здравъ намъ буди довека свече нашъ и ћато!
Поздравляю деца те, любезный нашъ тато!
Алъ ти яданъ гласъ пишемъ и жалостанъ за насъ,
Немцы Саву пређоше са своmь силоmь данасъ,
По Врачару падоше, Белиграду прете,
Шанце брзо копаю, а танета лете.
Кобургъ съ войскомъ у Влашкой тебе очекива,
И са свои юнацы на мейданъ зазыва.
Изъ Ерделя Хохенлой на Кладово иде,
Како чуемъ, и већъ ту са свомъ силомъ седе,
Да ти Банатъ одузме старогъ Северина,
И одъ свуда обседне белога Видина.
Добро ти е познато, што смо изгубили,
Изгубили градове, ништа недобыли.
У Хрватской пропаде Нови и Дубица,
Гди е многимъ одъ наши сатʼрта губица.
Бербиръ у Славоніи и у Мачви Шабацъ
Одузеше ђаури; іоштъ грца Соколацъ.
Смедерево, красанъ градъ, и онъ оде одъ насъ,
Како видимъ сва Србска стои на супротъ насъ.
Іоштъ намъ стои Белиградъ и добро се влада,
Ништа нѣму нефали, нитʼ се бои глада:
Алъ е тежко обколѣнъ, хоће ли остати?
Врло незнамъ, боимсе, и онъ ће однасти. —
На све стране пролећу фрайкорцы проклети,
Бію, секу, и ягме, не можʼ се отети.

Никогъ неће да робе, негъ све подъ мачъ мећу,
  Нашу тежку на штету, гибель и несрећу.
Беше пошао Сераскиръ у помоћь Белграду,
  Съ авангардомъ принцъ Валдекъ учини преграду.
Єдва и онъ умаче за Мораву реку,
  Кадъ разуме гласове, да они све секу.
И на реки за собомъ ћупрію попали,
  Да ти гладни куряцы не буду напали
Изненада на нѣга: топове остави,
  Са тымъ себе а и насъ срамотомъ прослави.
Негъ некосни, ускори, потрчи, долети,
  Люте биче паклене одъ скорпія сплети,
Те потерай Немчину, ђаура неверна,
  Прославимо да тебе твоя деца верна.
А кадъ онъ то разуме, Меркурію рече:
  Све зло иде за горымъ! Злу срећу прорече.
Нѣму рече Меркурій: Тако, тко є ячій,
  Тай непыта никога, што нађе, закачи.—
Пакъ устаде на ноге, къ Херкулесу пође;
  Нѣколико времена за то доба прође,
Докъ искамчи одъ нѣга чворноваку яку,
  Коіомъ є онъ воєвао, шкоду чинећ сваку.
Даде и кожушину лавску, да устраши
  Храбру войску цесарску: али се не плаши,
Како люди говоре, камила решетомъ,
  Кадъ є храбрость ньіова позната предъ светомъ.
Подиже се одатле, отиде потайно,
  Да га гдигодъ невиди Зевса око сяйно,
Подкраде се у дворе Марса лютитога,
  Међу свима бозима бога честитога,
Пограби му миздраке, стреле, и громове,
  Да за своє потреби картачъ и топове.

Пакъ уседе на старогъ Бурака коньица,
Поспешава къ Белграду, лети кано птица.
Изненада улети међу свое люде,
Гдино они међ' собомъ, што да чине, суде;
Пакъ онъ ньима говори: ажаміе Турцы!
Немцы су то, ђаури, а нису то вуцы.
Поплашили што сте се? Ево мене съ вама,
Кадъ самь я ту, доста е, сва е срећа съ нама.
Ніе кадаръ динсузинъ Белиградъ узети,
Єръ ће нѣга коягодъ скорпія уести.
Већь перите топове свуда на све стране,
Неузмогу да они одъ насъ да се бране. —
Погрмише топови са сви беденова,
И тада се започе са свимъ бой изнова.
Тако мысли Мухамедъ, да се Немцы плаше
Одъ нѣгове грмляве, али се нестраше:
Него сгоду чекаю, и градъ позываю,
Да се съ миромъ предаде, и вѣру му даю. —
У гордости Мухамедъ Немцу одговара:
Немыслиде што мыслишъ! пакъ се іоштъ и кара.
Белиграда я недамъ, докъ ми деце трае!
И онъ на то изъ града тврду речь подае. —
Марцелъ римскій Лаудонъ, воевода славный,
У цесарской арміи коммандирацъ главный,
Гедеонъ Ісраилевъ прозорливый, мудрый,
Старацъ тѣломъ средованъ, али духомъ бодрый.
Одъ Дунава до Саве ископао шанце,
Око града обвео како нѣке ланце,
Поправіо редуте, начичкао топовы,
Што ће Муи теже быт', негъ горки окови.

Батерію па дигао у ади высоку,
Съ кое Муи даватъ' ће рану прежестоку.
Онъ поведе сву войску крозъ циганску аду,
Четырима ћупріям' ближе идућ къ граду.—
Преко Саве нрешавши на Врачаръ се попе;
Побелише шатори, кое онъ ту пропе.
Батеріє подиже по брду до пута
Къ Цариграду идући, све поспрема съ пута.
Преко пута къ Дунаву главный редутъ метну,
На Дунаву прамъ нѣга ћупрію наметну,
Изъ Баната да Клерфе съ войскомъ къ нѣму дође,
И сва друга потреба у Сербію прође.
Изъ тій поче понайпре предграђе палити,
И по ньима яднике ужасно жарити.
Међъ тымъ таки одъ Саве тренже отворіо,
Лауфграбенъ ископао, варошь заколіо.
Одтудъ друге подиже батеріє яке,
И на ньима постави пушке свакояке.
Батеріє іоште три у хрту прамъ града
Устадоше велике съ прек' Саве съ запада.—
На Дунаву фрегата съ галіоти стои,
Да бы ватру давати, све минуте брои.
По Дунаву и Сави лагке шайке плове,
Турадію вребаю, фатаю и лове.
Сремъ и Банатъ съ Сербіомъ, ћупріомъ свезани,
Сваку службу чинити цару обвезани,
Сви готови чекаю, сигналъ ослухую,
На опрезу сви стоє, своє да ослую.
Іоштъ єданъ путъ войвода поручуе Туркомъ,
Градъ предайте; єръ ћу васъ уморити мукомъ.
Сажалѣвамъ, да лудо вы губите главе,
Неварайте с' у томе, ни чекайте славе

Кою вамъ Мухамедъ вашъ лажно обећава;
  Єрь не ваша, негъ наша быће одсадъ слава.—
Укрѣплює Мухамедъ све по граду Турке,
  А самъ незна, какве га очекую муке.
Поручує у лагеръ старцу Лаудону,
  Хитростію и умомъ равномъ Гедеону:
Извади то изъ главе, я ти недамъ града,
  Недамъ, опетъ кажемъ ти, безъ великогъ яда.
Кадъ то почу Лаудонъ, запламти се гнѣвомъ,
  Заповеди ожећи све сигнале редомъ.
Садъ де Муіо погледай, да нейма ударца,
  Како люди говоре, безъ лютита старца.
Заповеди пакъ найпре вароши пожећи,
  Да бы Турке у ньима до єдногъ попећи.
Паласате около скоро сасећ' даде,
  Како да путъ юнакомъ отвори, подаде.
После съ прочи батеры юришъ є учинѣнъ
  Попалѣну у варошь, и путъ є начинѣнъ,
Ближе къ граду ступити, на око узети,
  Намѣрено и дѣло сасвимъ предузети.
Упадоше унутра соколови красни,
  Трзаю, и чупаю, како орли страшни;
Секу, бію и боду, кога годе нађу:
  Алъ и редъ свой чуваю да кудгодъ незађу.
Кадъ то Турцы видише, у градъ полетише,
  Мртвоглавце трчећи єдва умакоше.
Што неможе утећи, ту на плацу паде
  Ил' одъ пушке, ил' саблѣ, еле ту пропаде.
Куда годе погледишъ, све є мртвы' пуно,
  Нит' се зна скотъ, ни човекъ, єрь є све то
                                        гнусно.
Батеріє усташе по калимейдану,
  Коє граду являю беду, гибель явну.

Батеріе све скупа загудише громко,
Яднымъ Туркомъ у граду то допаде горко. -
Мало за тымъ почеше поздравляти Турке,
Кумбарама у граду, тежке ньине муке!
Паша шалѣ изъ града, те иште термина,
Да се іоште промысли до петнаесть дана.
Да превари, онъ мысли, докъ Сераскиръ доспе.
Са тимъ ядникъ уради, да га ватра поспе
Што скоріе са сви' стран', докъ се незабуни
Искат' више термина, и падне у буни. —
Вы иштете термина, херой одговара:
Знамъ я добро, што е то, да е то превара.
Вы иштете термина на петнаесть дана;
Термина вамъ я недамъ башъ ни за два дана
Него таки градъ дайте, себе негубите,
Жене баръ и дечицу свою поштедите.
Ни што вамъ е на сиси, живо быти неће,
Нећу ни поштедити, што хоћете, веће?
Драгій пашо! ты мыслишъ, да се са мномъ титрашъ;
Нетитрашъ се ты самномъ, негъ се съ главомъ играшъ.
Доиграћешъ, играй ты, іоште мало време,
Докъ понесешъ ужасно за свію васъ бреме. —
Погрмише топови са брда Врачара,
Да видимо садъ Мую, хоће л' да се кара.
Лете бомбе са сви' стран', како туча съ неба,
Кое Туркомъ у граду ест' недаду хлѣба.
Рію оне по граду, предъ собомъ размећу,
Штогодъ нађу, к'раю, ст'рмоглавъ премећу.
Стене крепке падаю, и домови пламте,
А топовна танета, што попадну, млате.

Подъ Улиссемъ што Тро́я, што Римъ подъ Нерономъ,
Тако букти Белиградъ садъ подъ Лаудономъ? —
Іоштъ Мухамедъ храбри се, и съ топови гуди;
Чекаюћи зло горе, докъ се самъ зачуди.
Већъ іи бомбе стераше въ мрачне казамате;
Али иду друга зла, да іи ту помлате.
Брже, рече Фелдмаршаллъ, препелице дайте,
По бужацы те съ ньима Турке помлатайте.
Полетише кадъ оне по свима бужацы,
Мухамеда пытаю, гди су ти юнацы?
Стаде писка одъ жена, и сви Турцы дрече,
Сви лелечу и плачу, и дечица крече.
Нигди мирна покоя ядни неналазе;
Єръ препелке по свуда почесто пролазе.
И Мухамедъ не оста, како валя, съ миромъ;
Єръ и нѣга препелке одпратише съ чиромъ.
Кадъ димліе плануше, и до живца дође,
Тада савъ ћефъ бити се Мухамеда прође.
Чворновака пропаде, лете липаћури
Херкулева кожуха; Мухамедъ се гури.
Мысли, што ће да ради, пакъ найпосле клече
Паши саветъ подае, и оваке рече:
Ніе файде, падосмо, Белиградъ отиде;
Ньинъ е быо, а не нашъ, дакле нека иде.
Брже шальи наполѣ въ лагеръ Лаудону,
Са свимъ предай нѣму градъ, и главу покорну
Предъ Іосифомъ поклони, и одпуста ишти.

3.

(Изъ Исторіи разныхъ славенскихъ народовъ, Части II.)

(1794)

Звѣровидный оный Михаилъ Палеологъ, негли зато, что отказанна дружба и сватовство ему отъ Уроша I. искалъ прикладнаго случая, еже бы кралевство сербское запустѣнію предати, и сотерти рогъ силы: но яже онъ умысли, невозможе составити, противный бо въ намѣреніи своемъ обрѣте видъ. Всю подробну и со всѣми окрестностми сраженіе сіе Грековъ съ Милутиномъ описалъ преосвященный Даніилъ въ своемъ Родословѣ, которую повѣсть и графъ Бранковичъ въ исторіи своей представляетъ. Но когда Родословъ той въ рукахъ имѣется пишущему сія, доволни будемъ тѣмъ, еже самаго Даніила послушати. Пишетъ же онъ тако: „Бѣ въ тія дни видѣти землю сербскую въ тѣснотѣ велицѣ обяту и умаленну: держава бо царства греческаго бѣ прилѣжащи до мѣста глаголемаго Липляня, и тому царству насилствующу, яко хотящи пріяти всю область отечествія сего хрістолюбиваго, пачеже и того самаго имѣти въ мѣсто послушливаго раба. Неразумѣша бо, яко хотящи чуждее наслѣдити, въ скорѣ своихъ лишени будутъ. Тогда хрістолюбивый и превысокій краль помолився господу Богу во умиленіи сердца рекъ: Боже безконечный, и милосердый, и всещедрый владыко всѣхъ и господи, емуже покланяется всяко колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподныхъ, вѣмъ тя скораго въ милости, и богатаго въ щедротахъ, всякъ бо уповаяй на тя неотпадаеть своего прошенія. Вѣмъ, яко кромѣ

тебе ни едино дѣло несовершается, тобою бо вся видимая и невидимая создашася, и тобою царіе царствуютъ, и власти силныхъ крѣпостію власти твоея содержатся. Къ тебѣ и азъ недостойный въ смиренномъ упованіи дерзаю, на тебе бо уповаша отцы наши, и избавилъ еси я, къ тебѣ воззваша и спасошася, на тя уповаша и непостыдѣшася. Тако владыко мой Іисусе Хрісте и на мене грѣшнаго раба твоего съ небесъ призри, и на тобою дарованную державу отечествія моего, и на хвалащихся на сію малую державу власти моея хотящихъ ю восхитити, и мене раба твоего озлобити. Умилно проливая молитву мою прошу, разсипли и разруши, яко да нерекутъ врази мои въ гордости своей, пожрохомъ его, и погибе память его съ шумомъ. Потщуся бо превѣчное имя твое умилно призывающихъ, и расточенная въ жребіи державы моея собрати на прославленіе прехвалнаго имене твоего.

„По сихъ повелѣ собраннымъ быти всѣмъ воемъ своимъ. И сему бывшу, молитву вземъ отъ Архиерея своего святителя, и всего собора елико лика священническаго, воздвигся со силами своими, иде въ державу области царства греческаго въ предѣлы окрестныя. Сѐ бо, иже глаголю, первѣе пріятъ оба Полога съ градовы ихъ и со областію, и градъ славный Скопіе, по сихъ Овчіе поле, и Злѣтову, и Піянацъ. И приложи ихъ къ держави отечествія своего, и славу и богатство таковыя державы измѣни въ богатство и славу свою. Усмиривъ же вся мѣста тая во едино совокупленіе, и прогна всѣхъ мятежи творящіе, и крамолу, и паки возвратися въ державу свою веселяся и радуяся о Господѣ.“ Сумнѣніе здѣ быти можетъ о войнѣ сей

Милутиновой, праведна ли она, или неправедна была, или како говорится, была ли она наступителна или защитителна. Но сумнѣніе о томъ не неудобъ разрѣшително есть. Сказанно въ предидущемъ параграфѣ, что Греки весма озлобляли Серблію и краля, и хотѣли подложити оную своей имперіи; того ради правилную имѣлъ причину Милутинъ, яко истинный отецъ отечества, насилствія Грековъ оружіи воспятити, и себе защитити. А что нѣкоторія грады и провинціи греческія отобралъ, учинено тако по общенародному праву, ово что бы усмирити непріятеля, и умалити силу его, ово же что бы наградити учиненную ему прежде обыду. И прочія, кромѣ сихъ, пристойныя могутъ быти причины.

Искру сію малыя войны раздували Греки, и учинили великій пожаръ, который на послѣдокъ имъ самимъ вредителенъ былъ. Случай же и поводъ того слѣдующими описуетъ, Даніилъ на горе помянутомъ мѣстѣ. „Они, рече, зломысленніи и лукавіи властницы державы греческія прогнанніи господиномъ симъ отъ области тоя, юже пріятъ, шедше со уничиженіемъ во святый и славный градъ К. поль, рекомый *Царградъ*, тогда сущу царю Палеологу, возвѣстиша ему о всѣхъ, елико приключи ся державѣ его, глаголюще ему: Державный царю! Мы рабы твои тако глаголемъ ти, аще не вскорѣ сотвориши местъ его, и крѣпостію силы твоея неотженеши отъ предѣлъ державы твоея, воистину дерзнетъ и до самыя главы славнаго ти царства. Зѣло бо возвеличился есть. И слышавъ царь той таковіе неудобстерпимые глаголи, зѣло опечалися, и въ велицѣ недоумѣніи бывъ, ярости многія исполнися, и тако совокупивъ велику побѣду войска своего языка греческаго, и иніи мнози иноплеменніи явыцы, Татари, и Турки, и Фруги, и съ сими идя въ безуміи своемъ хваля ся, яко не токмо отечествіе сего благочестиваго хотяше озлобити, но и имени его неименноватися къ тому въ державѣ его, самъ невѣдый, хотящаго сбытися ему, яко противу лукавыя его вѣры хотя въ чужемъ достояніи прославитися вскорѣ безгодною смертію скончавается. Зане мужъ крове и лстивъ непреполовитъ дней своихъ. Сему бо нечестивому недаде Господъ ниже очима видѣти державы и достоянія сего благочестиваго краля.“ . . . Господъ же разоряяй совѣты князей въ сію изритую яму самаго гордаго законопреступника Палеолога низверже потомъ. „Въ томъ бо надменіи идя Палеологъ на сего хрістолюбиваго краля лвовымъ образомъ яряся, и хотя яко лютъ звѣръ восхитити незлобивое овча. И отшедшу ему отъ славнаго града Константиня въ дали три дни, и дошедшу ему съ силами своими до мѣста рекомаго Алайгита, и вънезапу, ни мало болѣвшу ему, издше посредѣ народа воевъ своихъ.“

Ничимъ обаче менше напищенніи Греки грозднымъ тѣмъ случаемъ отъ намѣренія своего неотступили, тако аки на погибель свою спѣшаще ополчишася на кралевство сербское, и нѣкія предѣлы плѣнивше того возвратилися во своя. Подобнѣ и грабленіе сіе и прочія случаи послѣдовавшыя прописуетъ Даніилъ обширно: тѣмъ послушати его самаго повѣсти прикладно есть. Онъ же продолжая повѣсть свою тако вѣщаетъ: „И сими невозмогше возвратити толикія силы, ту суще великоименитіи цару тому сродницы, яко и плотородна братія, собраніе сотвориша, и идоша на державу сего благочестиваго краля, спѣшащеся на заколеніе святаго, и память его добрую разорити и искоренити до конца. И пришедшымъ имъ въ земли сербскія до мѣста рекомаго Липяна и Призрена, сей благочестивый господинъ воздвиглъ руцѣ къ высотѣ моляшеся глаголя: Господи, воздвигни силу твою, и пріиди да ны спасеши. И тако повоевавшымъ имъ страны тія, но противу толикаго ихъ множества и силы несотвориша толики пакости отечествію сего блогочестиваго. Но паки возвратишася въ державу свою.“ Безпритворно изъ сихъ заключити можемъ, что Милутинъ неимѣя доволныхъ силъ, съ непріятелемъ сразитися несмѣлъ, но прилѣжалъ точію молитвамъ, да бы силою Божіею отъ таковыя напасти избавился. Весь грабежь учиненный Серблемъ платили Татари. Недоволствующеся бо они добичею приобрѣтенною по обычаю своему хотѣли плѣнниковъ имѣти, но противное отвѣдали, когда сами изгибли и похищенное возвратили. Се паки повѣствуетъ Даніилъ: „И тогда рече, едина часть ихъ отлучившися полка татарскаго, и придоша на рѣку глаголему Дринъ (у Бранковича Дримъ,) той зѣло всповоднившейся, яко немощно дерзнути никому прейти ю. Тіи же нечестивіи видѣвше обонъ полъ рѣки множество народа сбѣгшее на единомъ мѣстѣ, яко звѣріе неситіи устремишася на стадо Хрістово, и уповающе на силу коней своихъ внидоша въ ню, вода же сіи нагло воздвигшися многія ихъ потопи. Елицы же ихъ хотяще приступити ко брегу, такови посипаемы и уморяемы оружіемъ, паки возвращающесе въ таковѣ рѣцѣ скончашася и погибоше за беззаконіе свое. И ту емше самаго старѣйшину ихъ глаголема Черноглава, и отрѣзавше ему главу украшенну бисеры честны, и вонзше на копіе принесоша къ благочестивому кралю яко даръ искусенъ. По сихъ же благодатію всещедраго Хріста облегчившу се отъ таковыхъ тя̂жестей благочестивому кралю въ мирѣ и тишинѣ пребываше"... Очень изрядно причину таковаго нападенія татарскаго на Сербію представляетъ Грегорасъ, яко Андроникъ Імператоръ отправилъ оныя на Серби. Придадимъ и его словеса, которая написанна суть въ кн. его VI. стр. 113. Егда же Андроникъ во Імперіи отцу своему послѣдовалъ, великимъ возмущеніемъ вся исполненна быша. Отсюду бо война церковная отъ противныя страни возобновлялася, пріимши поводъ смертію Імператора (Михаила Палеолога), отъ онудуже помогающіи полки Скѵтскіи, которіи 4000. числомъ превосходили, великою бѣдою Імперіи претили, да не како смерти ради призвавшаго ихъ нѣчто новое начнутъ. Весма бо легко, аще бы хотѣли, зане римскіи полкы еще неприспѣли были, вся заколенію предати, добичи взяти, и денги въ купѣ со Імператоромъ и старѣйшинами отвести. Сихъ ради причинъ Андроникъ, прочая дѣла отложивъ, все стараніе въ томъ приложилъ, въ чемъ наипаче удручаемъ былъ. Онихъ паки праздными руками дому отпустити, ниже по обычаю Скѵтовъ быти видяше, ниже инимъ образомъ кромѣ возмущенія и рати отишли хотящихъ: а римскими денгами ихъ наполнити хотѣти, ниже мощно было, ниже прикладно быти судилося. Сихъ убо ради причинъ придавъ имъ вожда Михаила Глабу великаго коностабла, да бы немедленно на Трибали (Серби), главнѣйшыя непріятели, которыи римской Імперіи часто пагубы наводили, напали: съ тѣмъ намѣреніемъ, яко да и сихъ сила умалится, и оніи великую получивше добичу оттуду чрезъ Истръ къ дому возвратятся. И сія убо по изволенію Імператора сбышася.

Обыду тую учиненную. отъ Грековъ присно поминая Милутинъ, когда немоглъ на тризнищи отмстити безсиленъ сый, умысли въ тай наградити, и наипаче ожидая время, когда Греки отъ страны иныя войною напаствуемы будутъ. „Обрѣтъ же случай, да паки употреблю словеса Даніилова, который пишетъ: симъ противнымъ силамъ возвращшимся въ мѣсто свое, тогда хрістолюбивый краль ни малое закосненіе сотвори, повелѣ быти совокупленнымъ воемъ всѣмъ, елико державы отечествія его, и пріимъ въ помощь себѣ возлюбленнаго си брата краля Стеѳана со всею силою его. И тако ополчивсе съ сими иде въ державу царства греческаго, хотя месть воздати елико воевавшихъ на державу его. И много тамо время препроводя съ силами своими. Въ таковой бо державѣ ему сущу, приспѣ время праздника Рождества Хрістова, и ту славно праздство сотворивъ съ возлюбленнымъ братомъ и съ вои своими у мѣста глаголемаго на Судѣ. И оттуду воздвигсе съ силами своими до внутрь земли греческія до святыя горы Аѳона, и все таковіе страны царства того повоевавъ, землю Струмскую и Серску, Крестополь же и иніе страны окрестные земель тѣхъ, и все имѣніе ихъ и богатство вземъ, онимъ несмѣющымъ ни могущымъ противу силы его многой явитися, паки волею Божіею во отечество возвратися. И отпусти возлюбленнаго си брата въ державу его, землю Сремскую, и самъ отпочивъ мало съ вои своими, паки возхотѣ ити на державу царства греческаго.“ Догадываюся изъ. сихъ, что многіи слышша повѣсть сію Даніилову

во умѣ речетъ, что таковая война небыла благородна, но паче хищеніе по тому, что несмѣлъ на поли Марсовомъ отвѣдати силы съ Греками, но въ таи наступилъ на нихъ, и аки разбойнически ограбилъ страну ихъ: естли обаче прилѣжно разсмотритъ тогдашныхъ временъ обстоятелства, увидитъ, что по благовременію учинилося тако, которое употребити по приличію, есть благоразумія дѣло. При томъ таковъ былъ случай, есть безпорно, а принужденія нѣсть, какъ оный разумѣти достоитъ. Всякому умъ данъ, всякъ и разумѣти можетъ, яко же изволитъ, точію бы безпристрастно.

„И совокупивъ вся силы своя, повѣствуетъ тойже Даніилъ, и отъ иныхъ царствъ окрестныхъ мнози идяху къ сему благочестивому, слышаще за великую добродѣтель его и славное имя. И тако съ таковими побѣдами воздвигсе иде, и пріятъ землю Дабрскую со всѣми градовы и державами ихъ, такожде землу державы Кичавскія съ градовы и областію ихъ, Поречкую же землю такожде съ градовы и областію ихъ. Таковыхъ бо землей державы ихъ приложи къ державѣ отечествія своего. Не бѣ бо противляющася ему ни вопреки глаголюща.“ Историческая вѣдомость взыскуетъ, что бы знати предѣлы земель сихъ отъ Уроша Милутина завоеванныхъ, и грады во обще сказанныя: но Даніилъ, како и въ прочемъ, должности историческія невѣдая, пропустилъ оная неназначенна. . . . . Желалъ быхъ весма темность сію изяснити и во свѣтъ привести: но признаюся, что они мнѣ невѣдомы, ниже гдѣ начитати, ниже отъ достовѣрнаго повѣдателя слушати возмогохъ. Изъ многихъ обаче окрестностей прикладныхъ лѣтъ есть догадыватися, что провинціи

тіи около Дунава были въ нынешней Сербліи, которыя Греки или одъ сего государя, или отъ предковъ его отобрали, и онія Милутинъ паки къ своему государству возвративъ присочеталъ. Догадъ сей тѣмъ паче утверждается, что Милутинъ оттуду пошелъ войною на Влахи, и развоевалъ страну ихъ. Влаховъ бо страна по оный бокъ Дунава пребываетъ. Походъ той на Влахи сице назначаетъ Даніилъ. „И паки иде на державу земли влахискіе, и таковіе повоевавъ великою силою своею, и таковыхъ языкъ богатство неисповѣдимо все отемъ, остави ихъ въ запустѣніе.“

Въ безопасіе пришедъ Милутинъ отъ страны греческія, тіи бо съ Персами и окрестними странами въ безпрестанной рати находящеся немогли вредити сербской земли, началъ умножати полки въ защищеніе своего государства, естли отъ куду нападствуемъ будетъ. Между тѣмъ позванъ отъ брата своего Стефана Драгутина въ помощь на Дрмана и Куделина, противъ его брата воставшихъ, охотно пошелъ и благопоспѣшно усмирилъ ихъ. На ряду третію сію войну часто поминаемый Даніилъ описуетъ тако: „Не по множѣже времени новопріимшу власть земли Сремскія благочестивому кралю Стефану, обрѣтошася два нѣка велможа, укоренившася въ державѣ земли Браничевскіе въ мѣстѣ рекомомъ Ждерлѣ, и отъ многихъ временъ ту утвердившасе самовластна суща, и никоегоже насилія боящася, братія единоя матере, яже глаголю Дрмана и Куделина. Сія убо ѕѣло силою своею хвалящася, и недадуща никому власти имѣти около предѣлъ ихъ, отъ дяволскаже дѣйства наважденна начаста злую мысль вѣщати на сего благочести-

ваго, хотяща озлобити державу его. Сей убо хрістолюбивый краль Стефанъ слышавъ тай ковъ ихъ злый и совокупивсе со всею силою своея державы иде во области ихъ, хотя прогнати ихъ, да некако зломыслящe день отъ дне окончаютъ мысль свою. И дошедшу ему въ державу ихъ, таковѣй земли зѣло твердѣ сущей, невозможе имъ никоея пакости сотворити, или отгнати ихъ одъ предѣлъ таковыхъ, паки возвратисе въ державу свою. Сіи же видѣвше насилство сего благочестиваго краля, еже на нихъ, совокупиша около себе побѣду войска многа, языка татарска и куманска, злато много давши имъ, и съ сими единодушно устремишасе на державу сего благочестиваго краля Стефана, и тогда многи страны повоеваша держави его, и зѣло належаще велики пакости творяху ему нерасходящеся. Господинъ же краль Стефанъ видя себе въ толицей бѣдѣ, и неимый инаго чего сотворити, воставъ иде къ возлюбленному си брату своему Стефану Урошу (Милутину), и съ ньимъ сстаніе сотвори въ державѣ жупы Расенскіе, на рѣцѣ глаголемѣй Моравѣ, въ мѣстѣ рекомомъ Мачковцѣ. И ту возвѣсти ему скорбы своя многія приключившіяся ему отъ супостата своего, и начавъ съ великою жалостію молити ся ему, и помощи просити во отмщеніе непріятеля своего.

„Слышавъ же молебныя глаголи его превисокій господинъ краль Урошъ, въ той часъ повелѣ собранымъ быти воемъ своимъ, елико державы его. И тако оба совокупиша побѣды своя едину волю и любовь братнюю имуща въ тѣлеси идоста на державу воздвигшихъ внутренніе рати и крамоли. И тако помощію Божіею всю волю свою улучиша, онія зломысленники прогнаша отъ достоянія своего, и

отидоша посрамлени въ погибели, въ поношеніи велицѣ. Всю же державу ихъ и имѣніе сей господинъ мой кралъ Урошъ пріимъ отдаде возлюбленному си брату кралю Стефану. Туже хвалу и славу Богу воздаша, яко того рукою крѣпкою и мышцею высокою враги своя побѣдиста, любезно повеселившеся растаніе сотвориша. И тако идоста киждо во своя си.“ Доволно извѣстно войну сію и утоленіе домашныхъ раздоровъ описалъ преосвященный исторіографъ, однакъ лѣта, въ которое случися она, неназначилъ, чего ради и повѣсть его слѣпа осталася. Хронографія бо исторіи есть око. И здѣ развѣ догадомъ что постигнути можемъ, а подлинно рещи несмѣемъ, ниже опредѣленнѣ поставити годъ приключенія сего съ бунтовщиками оними. Повѣствуетъ мало выше Даніилъ, что нестроенія сія случилася непомновѣ по раздѣленіи кралевства сербскаго между Драгутиномъ и Мплутиномъ, и по преселеніи Драгутиновѣ въ Мачву и Сремъ. Доказанно же паки выше въ гл. IX. § 6. стр. 418. что Драгутинъ вручилъ Урошу брату своему кралевство около лѣта господня 1272. Тако можетъ быти, что и сія война на Дрмана и Куделина бунтовщики производима была по двою или тріехъ лѣтѣхъ, еже есть около лѣта Спасителя 1275. Еже паки поводъ подаетъ рещи, яко война сія первая Милутину была и за девять лѣтъ прежде горѣ описанныя съ Греками войны отправленна, оная бо случися въ 1284. лѣто.

III.

ДОСИТЕЙ ОБРАДОВИЋЬ

(род. 1739. умр. 1811.)

I.

Изъ нѣгова животописа 1788.

Почетакъ мога путованя.

Шта е човекъ, кадъ га каква страсть преуме! кадъ какво мечтаніе ума ужеже му мозакъ, подбуни срце, и учини да сва крвь у нѣму узаври. Быо самь у то време у четрнайстой години, ненаученъ ни мало пѣшице ходити: отићи изъ града у Фабрику и Малу, и вратити се, то е мени доста было. Тай данъ као да су ми ноге крилате быле. Кодъ салаша дѣда мога, спрамъ Семартону, ту смо после подне починули. Овчари Семартонски, одъ кои неки су ме и познавали, наранили су насъ млекомъ и скоруномъ; мой другъ кое одъ пута, кое одъ пропасте ноћи неспаваня, крепко заспи, а я се попнемъ на едну унку, и почнемъ гледати къ Семартону. Дамъ се мало по мало у мысли, една идеа и мысао почне разбуђивати, подстрекивати и на паметь доводити друге. Колико самь обладанъ быо моіомъ будаластомъ светиньомъ; но овде натура предуме све свое правице и силу, сатре подъ ноге и у ништа обрати сва моя суетоумна мечтанія и суеверія. Дође ми на паметь мати моя, и мила сестрица моя Іуланка; сузе проливаюћи начнемъ говорити: Остай ми съ Богомъ о предраго село! мѣсто рођеня родительице мое! Паднемъ лицемъ на землю, любимъ землю, и съ топлымъ сузама квасимъ. Никадъ у момъ животу нисамь тако плакао, гледаюћи село, у комъ се майка моя родила, родила и растла, по комъ се у детиньству своимъ играла, младость проводила, и съ родителѣмъ моимъ вѣнчала, у кое е сваке године на Ђурђевъ данъ съ браћомъ моіомъ, съ маломъ Іуломъ, и самномъ долазила, родителѣ свое на ньіово крсно име, светогъ Георгіа, посѣтити. Остай ми съ Богомъ (вриштући самь едва изговарао) землю, души моіой света, у коіой садъ леже кости нѣне, и мое Іуле, сладке сестрице! Срце ми е лупало у прсима, чинило ми се, као да ћу издануги; полежао самь као у несвести. Кадъ самь се повратіо, дошло ми е велико раскаяніе, што се одъ те миле землѣ удалюемъ; сећамъ се одъ кадъ себе памтимъ, изъ детиньства, да самь неизказану радость имао, кадъ бы ми рекли, ићи ћемо у Семартонъ; съ већомъ самь желѣомъ чекао Ђурђевъ данъ, него Ускрсъ; проводили бы ту по десеть и по петнаесть дана, трчао бы по полю, играо бы съ яганьцы, пеняо бы се на унке: све детиньски послови истина, но у оному возрасту, кои е сама радость и веселѣ, я самь находіо у томъ таку сладость, коя е превазилазила свако блаженство; а кадъ бы съ поля дошао, како бы ме чекала и грлила мати, како сестрица! Све ми е ово тада у еданпутъ пало на умъ. Нисамь могао обстати. Садъ пролазимъ, може быти последньій путъ! може быти за вавѣкъ! покрай блаженога мѣста; оставлямъ га за вавѣкъ! и у нѣму кости майке мое, родительнице мое, и едине сестрице! Ко има срце чувствително, може помыслити, како ми є было! И садъ пишући после двадесеть и петь година, узмућує ми се утроба, сузе ми теку, и весма тужимъ; по сата или ти выше было ми є у усти *нано моя! нано сладка! Юло срце! Юло душо!* (майку самь мою наномъ звао) и выше бы ту лежао, да нису се чобани око мене скупили, и почели ме тѣшити, а ни сами нису се могли одъ суза уздржати. Изъ овога судимъ, да ми є мати жива была, или баремъ Юла сестрица, да небы никада изъ Баната изишао. Быо самъ већь утѣшенъ, кадъ ми се пробуди другъ, и разсуждаваюћи, да савъ мой планъ ништа ми не помаже, и да неваля време губити, метнемо се на путъ, и дођемо у само вече у Итебей, къ тетки моіой, рођеной сестри матере моє, Єври. За дуго ме є загрлѣна држала, и надамномъ плакала. Сутра данъ видећи, да нећу нипошто выше да закашнявамъ, метнула ми є у торбу неколико танка беза за паръ кошуля, и за єло нешто на путъ спремила, плачући и любећи испратила ме изъ села. Мени и Ники ніє было до закашняваня, єръ смо се бояли, да за нама потера неиде. Овде немогу изоставити да неназначимъ безъ свакогъ пристрастія мому роду, да одъ свію народа, кое самь познао, нема милостивіега рода надъ србскимъ, а наипаче къ сродству: одъ Херцеговине до Баната, у Босни, у Хрватской, и Славоніи, у Србіи, народи су весма милостиви и одвећъ сродства любительи: и што се каса у старо време весма похвалѣне добродѣтели гостолюбія, заиста у томъ су ови народи први.

Овай данъ предъ вече дођемо у єдно село кодъ Тисе, нађемо єдногъ свештеника, гди нешто у своіой авліи теше, пытаюћи га, како бы могли у Сремъ прећи, каже намъ да се мучно прелази збогъ велике воде Тисе и Дунава; жали, што нѣгови сынови нису дома, онъ бы насъ дао пребацити на ону страну безъ плаће; рекне намъ, да чекамо вечера, кадъ люди дођу съ поля, да ће намъ наћи кога, ко ће насъ за два или три маряша превезти. Но одкудъ нама три маряша? Мы немамо ни три крайцаре. Нужда дає савѣтъ: я извадимъ изъ торбе мой часловацъ, кои є быо іоштъ наполакъ новъ, молећи га, да учини задушбину, да насъ онъ да превезти, и да зато узме часловацъ. То небы была никаква задушбина, да я то учинимъ, одговори добрый свештеникъ, него ако вами ніє одъ отребе часловацъ, да ћу вамъ за нѣга седамь маряшій, и постараћу се за вашъ превозъ; остаріо самь, и немогу за дуго возити, а бы васъ и самъ превезао. У вече нађе намъ єдногъ момка, кои насъ превезе у Сланкаменъ.

Ево ме у Срему, у землѣи наслѣдія последнѣи србски деспота. Сутра данъ некій Карловчанинъ враћаюћи се съ празни кочія дома, довезе насъ за неколико грошића у Карловце, где преноћимо, и рано у ютру почнемо путовати по пожелѣной Фрушкой гори. Пролазећи исподъ Ремете и Крушедола нисмо смели ни навратити се у ове манастире, да насъ како калуђери силомъ незадрже; Опово намъ є у срцу было, къ нѣму смо се паштили. Око подне дођемо у Иригъ и упутимо се къ манастиру. Како намъ є годъ рекао Тодоръ калпакціја, како пређемо на манастирску землю, учини намъ се, као да смо у Едемску башчу дошли.

Иде се све покрай єдногъ поточића, поредъ кога стоє насађени велики ораси и друга дрва, коя га осѣнявају и чувају одъ сунца̑. На левой страни виде се брда и холмићи покривени съ винограды и воћняцы; съ десне стране потока пружила се єдна веселовидна долина, сва покривена и украшена съ ливадама, пунымъ злака и цвећа селнога, коя се протегла до близу манастира, а съ оне стране до лине, рекао бы да су царске башче; виноградъ до-винограда, окружени и накићени съ свакояки плодовиты дрвы. Брдо надъ брдомъ, и холмъ надъ холмомъ, као да се єданъ на другогъ другољубно наслоніо, и као да є єданъ сврхъ другога свою поноситу главу помоліо, како ће лакше ону красновидну долину, сестру свою, и потокъ, нѣна любителя, кои є загрлѣну држи, и оне, кои покрай нѣга пролазе, гледати и сматрати, и како ће у исто време свако свою великолѣпну, са свы пролетньи, летньи, и богаты єсеньи даровы надичену и преукрашену главу показивати, и очима свію представляти. Холмъ одъ холма лепшій и дичніи, а сви заєдно неизказане красоте: тихосладко и любко шуштенѣ и игранѣ съ долиномъ потока, весело различны птица поянѣ, кротко и прохладно вѣтра дихање, и нѣгово съ лишћемъ преметанѣ, даю ушима єдну тако сладкослишну музику, да доведе човека у савршено заборавлѣнѣ себе, и у изступленіє ума; благоуханіє ливадны цвѣћа и свакояки воћа обалзамлявају оный кроткопитомый воздухъ. Незна ко, како томъ блаженомъ долиномъ прође, како ли къ манастиру дође; а кадъ дођосмо къ момъ любимомъ Ѳопову, шта ће ко пре гледати? шта ће разматрати? чему ли ће се выше дивити и чудити? Да самь быо савъ око, пакъ да самь на све стране у єданъ ма гледати могао, ни тако небы се оне красоте нагледао. Ко бы хотео знати, шта бы я радъ овде описати, а немогу, нека само оде, одъ пролећа до есени, кадъ му драго, у Опово, пакъ кадъ се дома врати, види ће, оће ли моћи све, што е чувствовао, изказати; осимъ они, кои предати некимъ страстма, све имъ е остало еднако, та ишли покрай рита, та покрай ливаде, та слушали жабе, та славуе; я говоримъ за оне, кои имаю срце чувствително сваке красоте божіегъ створеня. О родительи, и вы учительи и управительи беззлобне младежи! ову вѣчну кньигу отварайте у свако време вашой дѣцы и ученикомъ, привикавайте ій израна, да осећаю, да познаю и да чувствую премудрость, благость и богате даре Творца свога, у створеню. Ову саму кньигу безъ никакве друге, Мелхиседекъ читаюћи, свештеникомъ е вышнѣгъ Бога постао; ово е кньига Авраамова, Іаковлѣва, и свію патріарха, кадъ іоштъ ніе было никакве друге, кою читаюћи къ высокой су мудрости, къ познанству Бога достигнули; жива и дѣйствителна кньига, изъ кое, у свако доба, свакій часъ, и свако тренуће ока, къ очима, къ ушима, къ свимъ чувствама, а навластито къ срцу нашемъ Богъ говори. Небо съ сунцемъ, месецомъ и звездама; земля са свимъ, што се на ньой види, воздухъ, облацы, вѣтрови, мунѣ и грмлявина, вода, и све, што се у ньой движе; пролеће, лето, есень и зима, свако диханіе и свако створенѣ до найманѣгъ мравка и мушице, - изъ све ове кньиге Богъ говори къ свимъ людма: познай човече Творца твога, Творца вѣчнога и единога, праведнога и милостивога, некъ чувствуе срце твое; за то е створено, еръ иначе неможешъ быти благодаранъ развѣ чувствуюћи, и колико выше будешъ чувствовао, выше ћешъ благодаранъ быти, выше ћешъ благодарити, выше ћешъ любити, выше ћешъ силити, за изпунити свету и праведну волю нѣгову; и на овай самый начинъ бы ћешъ благополучанъ и блаженъ во вѣки вѣка, єрь си зато створенъ, словеснымъ умомъ, и безсмртнымъ духомъ одаренъ! Буди праведанъ, буди добаръ, люби добродѣтель! Нисиза мало време створенъ, као мравъ; вѣчность те чека; на кратко време добро чинећи, вовѣки ћешъ благополучанъ и блаженъ быти! За показати све величество ове божествене и божіє кньиге, нашъ сладчайшій Спаситель Іисусъ учи насъ и савѣтує, да погледамо не на сву ню, но на найманю частицу нѣ, за познати изъ найманѣ частице ове безчислене кньиге великога Творца и нѣговъ преблагій и премилостивый промисао о свему; невели: погледайте на небо и на сунце, невели: чуйте громове и грмлявине, ово бы одвећъ много было; воззрите, вели, на цветке польске, ко ій тако краси и одѣва, да царъ Соломонъ у свой слави своієй ніє се могао оденути ни украсити, као єданъ одъ овы цветака? Отацъ небесный! Погледайте на птичице по воздуху, ко ій рани, и ко ій одѣва? Благій промысао оца небеснога! Ову читаюћи премудрый *Сократъ*, вѣчна слава *Аѳине* и свега славнога грчкога рода имена, пре Хрістова пришествія мученикъ є быо за благочестіе, праштаюћи и благосиляюћи оногъ истога, кои му є отровъ дао. Ову кньигу ко чита са здравымъ богоданымъ разумомъ, и по ньойзи слѣдує, мора доћи къ истиномъ богопознанству, и онъ є (каки учи светый Ѳілософъ и мученикъ Іустинъ) дѣломъ Хрістяниинъ, ако се словомъ и не називлѣ

Хрістянинъ, живећи праведно и богоугодно. Ко ову кньигу невиди, выше е слепъ, него онай, кои е слепъ рођенъ. Ко нѣзинъ гласъ нечуе, глувлый е одъ синя камена, ербо, небеса *казую славу божію, и творенѣ руку нѣговы оглашава земля.* Ко ово нечувствуе, нѣму е гвоздено у прсима срце. Обычавайте дакле млада срца да чувствую, у найманѣмъ листку, травици и цветку Творца свога да познаю: у живлѣню и движеню мравка и мушице обштега животодавца Бога да упажаю; учите іи найпре овима малыма створима, докъ съ временомъ кадра буду, къ сунцу и къ звѣздама умъ свой узвысити.

Ево мой любезный читателю, къ каквимъ размышлѣніяма само осѣћанѣ Оповске красоте умъ мой узвышуе. О мѣсто достойно, да посвећено будешъ мудрости и науцы, и да се србскимъназовешъ *Парнасомъ.*

2.

Изъ писама.

Дражайшій, Любимый мой!

Вѣтаръ смо имали поспѣшанъ, но одвећъ крепакъ за изићи изъ великога Смирнайскога пристаништа. Тартана Идріотска была е среднѣ величине, новоустроена и здрава, но одвећъ обременѣна; ербо осимъ обычнога товара у стварма, наођасмо се ту около 50. персона пасажира, одъ коихъ половина е была жена и деце, кои сви прелазаху у

Морею. Пошли смо съ мѣста пре подне; око вечернѣ доба былисмо веѣъ у широкомъ мору; кадъ ти се подигне такова силна бура, да нисмо се нимало надали одъ потоплѣнія избѣѣи. Такове вриске жена и деце небы радъ веѣъ у животу чути. Мой другъ Максимъ и я нисмо о себи ни мыслити могли, сматраюѣи на страхъ и жалость родителя о дечицы ньіовой; и да ніе корабаль весма якъ быо, и корабленицы искуснѣйши люди, мучно бы се спасли. У зору престане и бура, и капетанъ озгоръ повиче намъ веселымъ гласомъ: *„Небойтесе, ніе више опасности.“* Тада сви, еданъ на другога наслонѣни, поспимо као полу мртви. Сутра данъ нађемо се у едномъ великомъ но пустомъ пристаништу острова Митилине. Сви изиђемо на брегъ, и срадуемо се еданъ другомъ о благополучномъ избавленію, као да смо една едина фамилія. Ко бы могао описати ону чувствителну срца радость матера къ чадамъ своимъ! Рекао бы, да су изъ мртвы воскреснули. Негубите времена, викне капетанъ; ту се лепше руча него у тартани; ручайте, пакъ ѣемо съ Богомъ путовати. Данъ е великій вторникъ, но сви смо имали различны морски постны припаса, попржены сипа, охтапода, острія, и вина довольно; ту сви у обште ручамо, и напіемо се какогодъ да е воскресенія данъ, и треѣій часъ по подне съ тихимъ вѣтромъ дигнемо се, и на великій четвртакъ стигнемо у Навплеонъ; где нађемо дружтво за Патру. Наймимо и мы две мазге и по суву дођемо у Коринѳъ. Сиђемо къ мору, насъ око 15, наймимо велику барку, коя насъ довезе у Патру на самый данъ воскресенія. Овде одпочинемо сву светлу седмицу; намери насъ корабаль за брегове Епира, куда мой любезный другъ желяше поћи чрезъ Іанину у Ѳесалію; а мени бы одатле ласно было превезти се у Корфъ: но одавде двадесеть цѣлы дана имали смо непрестанно противне вѣтрове; и што є горе, разболи се мой Максимъ, а на мору боловати сахрани господи! У све време ништа ніє могао у стомаху држати. Дођемо у Свете Четрдесеть, спрама Корфа, и како изиђемо на землю, лакше му буде, и у петь дана предигне се; но доћи къ крепости томе се оће времена. Албанези неки изъ Хормова пролазећи туда, и видећи га такова, сожале о нѣму, и обећаю се повести га до Аргирокастра, а одатле близо му є Іанина. Известимо се ту, кажу намъ, да съ Хормовитцы може ко преко цѣле Албаніє проћи, да се никога небои: али га я тако слаба одъ себе нипошто и никако небы могао одпустити; дакле нађу намъ две мазге, и я съ ньима; прво допратити друга любимога до Аргирокастра, а друго, видити часть Албаніє. Хормовита было є до 20. момака, сви съ оружіємъ пѣшице, као лавови, а мы два на мазгама. Одъ Аргирокастра до Хормова нема выше него три сата. Другій данъ ода дођемо у реченый градъ; одатле безъ найманьи комплимента, простосрдечно зовну насъ да идемо у ньіову варошь, говорећи намъ: Море луди сте, ако недођете! море такова мѣста нити сте видили на свету, нити ћете видити! Мы имамо башъ у крайвароши єданъ манастиръ светога Николе; десеть калуђера могли бы у нѣму лепо живити, а немамо него єднога, єръ мы Албанези нећемо да се калуђеримо; ту ћемо васъ држати, ако оћете, и три месеца или три године, да ни паре не трошите. Ако ли вамъ се смили, останите съ нами за живота, нами ће тако мило быти, колико да васъ е Богъ съ неба къ нами послао. Видите ли какви смо мы момцы! (све намъ ово првый одъньи грчки беседи) оваковы насъ има у Хормову до две иляде, осимъ стары; видиђете ту одъ осамдесеть година старце, кои иду узъ гору подъ оружѣмъ пѣваюћи. Разиђу се сви по граду за свои послы. Нашъ квартиръ близу школе: одемо посѣтити учителя, именомъ Елефтерія; честнога мирскога човека са женомъ и съ фамиліомъ. Кажемо му съ кимъ смо дошли, и како насъ позивлю къ себи; но мы се побоявамо у вилаетъ далеко къ непознанымъ людма пуштати се; и овай намъ потврди о ньима то исто, што смо пре чули. Айде дакле у име Божіе, баремъ да са свимъ здрава любезнога мога видимъ, и да се здрави разстанемо.

Сутра данъ попнемо се на высоке Хормовитске планине; нађемо прекрасну велику варошь одъ седамь стотина домова, све камена зданія као кастели; само у вароши има око 50. извора, кои на край вароши саставляю малену рѣку; ова башъ кодъ Манастира спушта се у преужасно дубоку стрмину съ таковымъ хукомъ, да самь мысліо, да ту човекъ никадъ до века не заспа! А по томъ самь познао, да се нигде на свету лепше неспава. Спаваюћи чини ти се, да си на небу, и да ту пріятнѣйшу некакву музику слушашъ! Ти люди као да су насъ чакъ изъ Смирне ту дозвали, да насъ часте! Прве старешине све по реду. А лако имъ е частити. Ако се мрси, а онъ заколѣ изъ свога стада овна, полакъ изпече, а одъ друге половине начини две три пите съ корупомъ; вина свакъ има у подруму, еръ га нема коме продавати. Ако ли се пости, одъ рыбе ту поста нема. Пошлѣ два момка сатъ ода у долину, гди између планина велика рѣка тече, пуна пастрма и различны други пресла́ткога вкуса рыба. За варенѣ ту нећеду да знаду, нити за чорбу маре: зейтина преизрядногa имаю до изобилія, зато и рыбу или пржену еду, или съ питама, кое у постъ овако праве. Обаре зелѣ, изцеде изъ нѣга воду, разложе га съ питомъ у тепсіи, успу зейтина безъ штеднѣ, пакъ онда разређаю рыбу озгоръ, и тако се изпече съ питомъ заедно у предивнога мириса зейтину; пакъ онда некъ се слободно предъ овакомъ питомъ сакрію таліянске паштете и инглеске пудинге! Ко бы радъ знати, како се то куша! како ли се у усти топи? и какову пріятность у гортану, туда пролазећи, причинява? то неће изъ овога описанія ни одъ стотине едну часть познати. Ко ово прими за велеречіе, врло се вара, еръ пріятность, кою толико хвалимъ, не состои се у готовлѣню, него у природной сласти рыбе, зеля и зейтина. Десеть дана по нашемъ пришествію, старѣшине мѣста опредѣле послати некога попа Ђику у Приметъ и у друга census неколика мѣста къ некимъ албанезкимъ áгама, ради обшти свои дѣла; ербо Хормовити имаю свое договоре и союзе съ многи поглавари и пашама у Епиру и у Албаніи. Запросимъ, да ми дозволе съ попомъ Ђикомъ поћи, за прегледати мѣста, куда онъ има пролазити. Море, калуђеру, да пођешъ, тако ми Бога, имашъ шта гледати! одговори ми Дима Дука, еданъ одъ првы старешина. Реченый свештеникъ, за четири или петь дана, могао е свршити посао, и вратити се; но мени за атаръ, ходіо е овай човекъ са мномъ равно петнайсть дана по такови мѣсты, гди су Хормовитски союзницы и пріятельи. Свуда одъ Турака и хрістяна Албaнеза єднаю смо были примани и чашћени, и одъ мѣста до мѣста праћени. Попъ Ћика и два Хормовита съ ньимъ были су, како валя, наоружани; но и тако гдигди бывало є сумнѣ, да се ненамеримо на веће число Хормовитски и ньіовы союзника непріятеля; зато у таковы мѣсты давали су намъ по неколико момака съ оружіємъ за пратню. 15-тый данъ дођемо дома, и нађемъ мога друга весела, здрава и румена; но онъ се мени почне ругати, да самь одъ сунца поцрніо. Нека самь, речемъ му я, кадъ самь видіо, што у момъ животу нисамь мысліо видити! И заисто доста самь одао, али таковы великолѣпны и божіє красоте мѣста нигде нисамь видіо. Блаженство се некаково чувствує, само мыслити на овакова дивна мѣста; како бы дакле было ту живити, да су нарави оны людій питоме, и да међу ньима закони, правда и просвештенъ разумъ царствую и ньима управляю? Непонятно и ужасно помыслити! Докле ће онакови прекрасни, хитри, и храбри народи, и у онаки мѣсты, само за незнанѣ и слепоту ума, у варварству и у дивячеству нарава пребывати, и єданъ другога за багателу, како истогъ зеца, съ пушкомъ у чело или у срце погађати? Мени небы противно было, рече ми мой другъ, єдну годину овде провести. И я ћу съ тобомъ, одговоримъ я; навластито да бы чрезъ тебе къ већемъ савршенству еллинскога єзыка достигао. Дай руку! На! А кадъ ово нашимъ Хормовитцемъ обзнанимо, срдечно се обрадую; при томъ кадъ имъ іоште кажемо, да мы благодаримо на ньіовой любави и доброти: али залуду лебъ єсти, то ніє право; него нека долазе къ нами десеть деце, да се што одъ насъ поуче, будући да мы за другій посао нисмо. Добро, одговори Дима Дука, кадъ сте вы таки, и мы ћемо знати, како ћемо васъ отпустити, кадъ одъ насъ пођете. У то исто време чуе се по свой Албаніи да е Стефанъ малый съ Црногорцы Турке, кои су на ньи пошли были, разбіо; и много се о нѣму говораше и казиваше. Прође то лето, и све се то выше о Стефану маломъ почну гласови разносити. Я самь већъ могао доста добро албанезски говорити; ньіовъ е езыкъ простъ, и зато ласно се дае научити; а съ нашимъ словима пише се, колико да су за нѣга начинѣна. И тако свакій данъ бы писао по кои разговоръ, и на изустъ изучіо; томе се Албанези чуђаху и радоваху, видећи, што никадъ пре тога нису видли, да се и ньіовъ езыкъ тако лепо дае писати. (Я самь, на близо две године после тога, у Венеціи познао некога попа Θеодора, учителя Москополскога, кои е и на штампу издао быо нешто албанезски съ грчкимъ словима; али съ овима неможе се ни трећа часть тако писати, као са славенскима, зашто у Грка нема слова за изговарати жа, ча, ша, и ћа, а ово е све неотложно, за албанезскій како годъ и за славенскій, нуждно.) Ово прилажемъ овде зато, ако се по случаю ко нађе, да пророче, да ће съ временомъ албанезскій, како годъ и влашкій народъ съ славенскимъ словима кньига имати на свомъ езыку, таковый, човеческому роду доброжелателный прорицатель, нека се ни мало небои, но нека слободно то пожелателно обште добро предсказуе и прориче! Стварь е то такова, коя се природно и ласно напословати може, и ośe, кадъ се Богъ смилуе на ону храбру націю, и оне прекрасне землѣ. Како е мени было одъ истыАбанеза чути да говоре: Ко Србіомъ облада, тога ћемо и мы за пашега владѣтеля признаши; зашто србски кральи и наши су были, Не далеко одъ Хормова наоде се нека прекрасна поля, коя Албанези незову другояче, него: Лепажита. Пытамъ ій я, шта то значи? Незнамо, кажу ми; то е име поля; а кадъ имъ я то изясни, казуюћи имъ, да е србека речь: *море калуђеру!* одговоре ми; *не чуди се ты томе: мы смо са Србльи едань родъ и племе у старо време были!* При почетку месеца Септембра запросе ме старешине Хормовитске, да имъ оправимъ неко дѣло не далеко одъ Корфа, о коемъ дѣлу морао самь се бавити найманѣ четири месеца. Пођемъ драговольно; допрате ме двоица до Светы Четрдесеть; они се врате дома, а я пођемъ на мой посао, съ уговоромъ, да кадъ имъ пишемъ изъ Корфа, да дођу узети ме.

За едно писмо, Любимый мой! мыслимъ да е већъ доста написано; ако ли се Вами выше него доста учини, изъ тога желимъ, да ништа друго не заключавате; него, да сте вы срцу моме весма драги, кадъ Вамъ я толико пишемъ.

У Риги ѕ-гъ Августа
1786.
Досиѳей Обрадовичъ.

3.

изъ Собранія разныхъ нравоучителныхъ вещей

1793.

а., Похвала Басни.

Еданъ мой добаръ пріятель запыта ме, како самь я на таку мысао спао, да одъ толико преизрядни и преполезны вещій, што се у кньигама наоде, басне предизберемъ и на штампу издамъ. Дружеско пытанѣ, кадъ е паметно, а навластито кадъ мы смысленно и задовольно на то одговорити можемо, свагда намъ е пріятно. Тада му я нешто одговоримъ: но онъ ме запроси, да му я на писмо то дамъ, да и другима некима покаже, кои се іоште у сумньи наоде, бы ли се могло што задовольно на ово одговорити, или не. Оћешъ ли на стихове, (запытамъ га) да одговоримъ, или на простой беседи? Айде нека буде на стихове, (одговори ми), ако се на нашемъ простомъ србскомъ діалекту, и са стихови штогодъ пріятно казати може: мени су на свакомъ езыку стихови мили· Слободно е пробирати (речемъ), и тако почемъ са свимъ разпачамо нашу бутелку Рацишдорфера, желећи я нѣму спокойно почиванѣ, а онъ мени стихомилосницу Мусу, разстанемо се, и одемо свакъ своимъ путемъ. Како ти дакле дођемъ у мое обыталиште, іоштъ онако поугреянъ вишереченомъ влагомъ, узмемъ перо и почнемъ ово што слѣди:

Съ топлымъ срцемъ я призивлѣмъ изъ Фригіе Мусу.
Да спріобшти свою сладость и србскоме вкусу!

Да даруе любкость моме тихомъ гласу!
  Да я деци кажемъ, съ чимъ се люди красу.
И да ньима откріємъ превысоке тайне,
  Кое свакомъ, ко оће, могу быти явне.
Каво намъ се истина у басну облачи,
  А предъ децомъ незлобивомъ слободно се свлачи.
Оди! о оди божія кћери! тебе зову деца,
  Да те любе и признаду за найвећегъ свеца.
Душе младе, незлобиве, то су твои двори!
  Ту ти царствуй! ту се слави! и шта знашъ, говори!
Ту воздвигни твомъ божеству прекрасне олтаре!
  И примай невина срдца за найлепше даре.
Сестру твою добродѣтель са собомъ доведи,
  Твое верие садружнице у твой дворъ уведи.
Слава, правда, и вѣрность, знамъ, да су кодъ тебе,
  Нити ій ты можешъ кадъ разлучит' одъ себе.
Како горамъ, и долинамъ, када зима прође,
  Кадъ пролеће, любко време, на место нѣ дође,
Сва се земля и дубраве попове и красе,
  Све птичице одъ радости сладке даю гласе.
Шета намъ се по ливадамъ любоцветна Цвета
  Празнуюћи превесело поновлѣнѣ света:
Тако ће быти мило деци, кадъ истина дође,
  Кадъ незнанѣ са злобомъ и варварство прође.
Удрученѣ и неправда неће мучит' люде,
  Кадъ истина и правица међу ньима буде.
Зато младежь простой басни усрдно да внущи,
  Истина изъ нѣ говори, некъ приклони уши.
Я къ Платону и Туллію неподижемъ главу,
  Нег' у басни Езоповой иштемъ мою славу.
Што ће мени садъ у старость Далматске планине,
  Када мени добро чине поля и долине.

На травици мирно ми е у овой лепой међи,
  Гди я нећу высокога завидити срећи.
А кадъ деца съ девойчицамъ доћу цвеће брати,
  Я ћу ій све око себе звати и сабрати.
Каза ћу имъ многе ствари, што ће имъ быт' миле,
  Како што су годъ и мени у дѣтиньству быле.
Я знамъ добро путъ младости, еръ самъ тудъ
          прошао,
  Нити самъ се у спаваню садъ овде нашао.
Радо се дете томе учи, при чему се смiе,
  Гди нит' га ко кара, ни прети да бiе.
Свакiй е радъ што добро и чути и знати,
  Мирно живити свакъ жели, нико да злопати.
Ову мудрость млада деца одъ Езопа уче,
  Све у игри и у смеяню, еръ се с' тимъ немуче.
Чудећи се пчелицама, да се лепо слажу,
  Свако добро у любови и слоги полажу,
Видећи ій, како лете за медомъ по цвећу,
  Трудъ и подвигъ признавaю за велику срећу.
Немогу се деца доста начудити мраву,
  Да велику мудрость има, а малену главу.
За люту се зиму онъ у средъ лета брине,
  Нити е радъ да гладуе, нити да погине.
Дивна мудрость за децу! наука высока!
  И промысалъ о свачему свевидећегъ ока.
Орао летећ' надвышуе небесне облаке,
  И одъ туда бистро види ствари свакояке.
Али му е мала фала пенят' се высоко,
  За луду му съ таки крыли оштровидно око!
Кадъ немари за лепоту сунца ни месеца,
  Негъ све гледа, да упази корнячу и зеца.
Каже Басна, какове су и нарави лава,
  И зашто се онъ нариче зверскiй царъ и глава.

Слона и инорога, крокодила, бика.
  Свію се овде познае свойство и прилика.
Медведова пакость, и злоба куряка.
  И чем' се валя надати, гди е злоба яка.
Смешно е чут', шта у басни говоре магарцы,
  Како лете корняче, и мудрую ярцы,
Маймуни маймунишу, а лисице лажу,
  Гуску да увате или кокошь тражу.
Чудно ли ти у барами жабе крекекећу,
  Сласть у блебетаню наоде найвећу.
Паунъ има право, кадъ се съ перѣмъ дичи,
  Али бы се застидіо, да зна како кричи.
И кадъ мачка преде, лиже се и глади,
  Мышу она о пакости и мысли и ради.
У игри се мыше ловит' учи младо маче,
  И по бари лепо плива излежено паче,
Пиле мало разуме, шта квочка говори,
  Што му она заповеда, и слуша и твори.
Ко може све описати, шта у баснам' има,
  Шта ли дете у ньима и учи, и прима!
Небо, земля, и све ствари басни се подлажу,
  И науке превисоке чрезъ ню се предлажу.
И травица у долини, и кедаръ на ливану,
  Свой природный гласъ издаю на басне дивану.
Али ево шта найвећу басни дае славу,
  И нѣзину са звездама украшуе главу.
Што е ню истина за себе избрала,
  И чрезъ ню многу лажь изъ света прогнала.
Злоба и лукавство, и различне страсти,
  Привлаче на люде премноге напасти.
Незнанѣ и ослеплява, и држи у мраку,
  И на ньи палаже муку свакояку.

Ко годъ дакле жели, да му буде болѣ,
И да се избави беде и неволѣ,
Некъ нестои довека у мраку и ноћи,
Некъ отвори ума очи, пакъ ће се помоћи.
Шта є право и паметно, то є Богу мило,
Нит' є нѣму штогодъ лудо кадъ пріятно было.
Добродѣтель безъ истине неможе остати,
Нит' се правда одъ неправде безъ нѣ разазнати.
Истину ми басна каже, зато я ню любимъ,
И уздамъ се, милый друже! да мой трудъ негубимъ.

6. Єданъ паръ папуча.

У Багдату живляше єданъ старъ богатъ трговацъ, именемъ Абу-Каземъ-Тамбури, кои за свою скупоћу и тврдиню на далеко разглашенъ бяше. Овай, при свемъ богатству своме, ношаше на себи некакву стародревну альину и димліє, на коима се ништа друго него крпа на крпи виђаше. Калпакъ нѣговъ бяше мастанъ и измрлянъ, да се ни пошто немогаше познати, какве є боє у своє време она чоя была. Али између осталы нѣговы альина папуче му найзнаменитіє бяху, всеобштенароднѣ вниманіє заслужаваху, и свію, како мѣштана, тако и странны людій очи на себе привлакаваху. Ђонови овы на гласу папуча бяху свуда наоколо съ велики ексери подковани, а горня часть ньіова съ различни дебели парчети закрплѣна: зашто одъ десеть година овамо, мало се кои крпачъ у Багдату наоћаше, кои се небы похвалити могао, да ніє на ньима свою хитрость и майсторію показао. Нужно дакле, морале су оне лако тежке быти; а и люди опетъ, чрезвичайно будући на подсмеянѣ лакоми, кадъ бы годъ што хотели до сіясета аветно и преко мѣре тешко показати, свагда бы то Абуказемъ-Тамбуровимъ папучама приуподоблявали. Овай трговацъ ходећи едномъ по великой Багдатской піяци, упази неке, особыте величине и лепоте, кристалне на продаю предложене сосуде; и како у послу изкусанъ, познавши, да се на томъ добыти може, купи и, и даде дома однети. У исто време чуе, да еданъ ароматопродавацъ, одъ займодаваца свои утѣшнѣнъ, принуђенъ бяше око педесетъ ока преизрядне ружичине воде, будъ зашто, само за готове новце, продати; поити тамо, и ту воду за полакъ цѣне купи, чини е къ себи пренети, и у новокуплѣне кристалне сасути судове . . . О овой благоуспѣшной трговини пунъ радости, науми и па свое ядно тѣло штогодъ пригорити, и као некій алвалукъ себи дајући, пође се за петь пара у баню окупати; то, што е онъ давно и давно желіо, али е све способна времена, да како то зуслужи, очекивао. Свлачећи се ту, рече му еданъ познаникъ, шалећи се, да бы већъ време было и онымъ яднымъ папучама опростити, и мира имъ дати, и чрезъ то себе одъ всенароднѣга посмеянія и поруганія ослободити. Я самь о томе, одговори Абуказемтамбури, више пута помысліо; али опетъ кадъ и добро погледамъ, чини ми се, да нису іоште за оставку; а съ друге стране видишъ и самъ, каква су намъ садъ времена! неима ти ни войске, ни куге, да баремъ половину людства помори, и тако ће и еданъ путъ нестати, те бы они, кои бы остали, кои новчићъ више имали. Люди се плоде до сіясета, као да изъ землѣ изничу, а новаца одъ данъ до данъ све то манѣ на свету. То говорећи свуче ће, и оде у топлицу, мыслећи у себи: даћу я мои петь пара, али ћу сė дотле трти и прати, докъ сву стару кожу са себе несперемъ. Тарући се тако и перући, дође и градскій кадія, свуче се у истой соби, и оде купати се. Нашъ старый трговацъ пре готовъ, изиђе и обуче се у свое лепе альине, али му нейма папуча, но на оны месту нађе некакве нове и лепе. Помысли, да му е онай пріятель, кои се съ ньимъ о папучами разговарао, ту шалу учиніо. Башъ ћу му зафалити, кадъ га видимъ, рече; навуче папуче и пође весео дома. А кадъ ти намъ кадія изиђе, чисто се упропасти, видећи на место свои, свему свету познате Абуказемтамбурове папуче. Полете слуге по трагу, доведу га предъ судію у овога папучама, и како явный изобличеный лупежъ, за непретрпити кою стотину по табани, морао е на томъ месту толико за наказаніе платити, за колико бы иляду новы папуча купити могао. Како дома дође, праведнымъ на свое папуче разпалѣнъ гнѣвомъ, учини имъ страшну предику, даде имъ триста анатема, и баци и у рѣку Тигаръ, коя изпредъ нѣговогъ течаше пенџера... Сада онъ изъ глубине срца уздышући купи себи здраве и яке папуче, и почне данъ и ноћь штудирати, како ће свою надокнадити штету. Другій данъ за тимъ, изиђе за обазрети се по граду, небы ли што ефтино купити нашао, што бы се скуплѣ препродати могло. Тай истый данъ рыбари ловећи рибу осете нешто потежко у мрежи, кою кадъ на брегъ извуку, грозница и спопадне, кадъ виде оно, чему се никадъ нису надали, Абуказем-тамбурове папуче, кое се са ексери свои за мрежу заквачиле бяху.

Люто раздражени и разярени, почну страовито псовати, и проклинняти. Спопадну и, пакъ съ ньима крозъ госине ненцере, кое поразбіяю;. али сва несрећа ніе у овомъ была, него улетивши папуче у собу, ударе на найвећа кристална стакла, немылостиво и раздробе, и тако пропадне сва у ньима ружице вода до каплѣ. Како е старцу было, кадъ предъ ноћь улѣзе у свою собу, нађе пенџере по лупате, стакла поразбіяна, ружице воду просуту, и исте нѣгове старе папуче ту. Баци калпакъ съ главе на землю, стане се лупати у груде, и чупати браду, и тако жестоко запевати, и яукати, да све комшіе потеку на ларму. Обычно при оваковымъ обстоятелствамъ мораду се люди чудити и смеяти: а кадъ се сити наисмею, безъ шале о томъ размышляваюћи приключенію, сви единодушно нађу, да съ тымъ папучама ніе чистъ посао, и да мора съ ньима нечастивый (силе га сапеле) дѣйствовати и управляти. Ха, рече онда еданъ старый оца, то ти е башъ оно, што самь я давно негда у едномъ браминскомъ ћитапу читао, да и альине кадъ се одвећъ задуго носе, улѣзе у ньи некаква злога човека душа, и тако ти се рихтигъ повампире! То е вала! рекну сви единогласно и единомудрено, а да шта бы друго было? него и треба здраво осушити, пакъ онда сасвимъ сажећи, а пепео ньіовъ у вѣтаръ на восточну страну развеяти. Онда и узме бѣдный старацъ, и гледаюћи и съ плачевныма очима и машући съ главомъ метне и на стрею спрама сунца, да се ту здраво осуше и припеку. Сутра данъ комшійска деца скупе се и почну се играти изподъ стрее, гди папуче стаяху: у исто време дођу две мачке, потераю се [illegible] стреи, и оборе папуче, кое падну двоіой деци на главе и разбію и имъ. Стане дрека деце, притрче ньіови оци, узму папуче и съ крвавымъ главама децу, и оду кадіи на тужбу. Овай да къ себи дозвати онога, чіе су папуче, и съ громовитымъ запыта га гласомъ, познае ли онъ ту обућу. Познаемъ у злый часъ по мою главу! одговори: а да што садъ опетъ овде траже? Да нечинимо млого речій; и овде едва се съ яки новци одъ дегенека избави и курталише, а папуче му се предаду натрагъ. Онда онъ за избѣгнути еданпутъ толике беде и напасти, замота и у некакве крпетине, завеже и здраво съ ужетомъ, и како се смркне, отиде у свою башчу, и закопа и дубоко у землю. Неко изъ комшилука привреба га при овомъ послу, и мислећи, да онъ ту нешто друго сакрива, улѣзе ноћомъ преко плота, изкопа онай завежляй, затрпа яму и поравни землю, пакъ изиђе наполѣ. А кадъ съ довольно труда одреши то, позна, да се-е у своมъ чаянію осрамотіо: завеже опетъ брже болѣ оне сгадльиве папуче, и баци и у еданъ олукъ, кудъ поміе протекаваху градске. После мало дана udари здрава киша; и вышереченый пакетъ стане негде у цевъ олука, а около нѣга накупи се блато, тако да вода, немогући протицати, удари натрагъ. Наводне се неки подруми и дућани, и учини се велика млогима штета. Майстори пођу прегледавати и чистити водне цеви, нађу онай завежляй, и однесу га кадіи. Брже по Абу-каземъ-тамбуру. Смртный зной нападне на овога, кадъ дође и упази ту свое папуче. Проклетый човече, рече му кадія, шта си найпосле съ овымъ папучама науміо? или си заръ намысліо, да савъ градъ съ ньима упропастишъ? Садъ морашъ толику штету платити!... Честитый кадія! одговори онай, веђъ я садъ видимъ, кои е съ тимъ папучама посао, кадъ су оне и оданде изишле, гди самь я ньи закопао бьо! Све ђу платити, и све ђу претрпити, штогодь праведный судъ изрече и одсуди, само то те молимъ и просимъ, избави ме беде и напасти! Ослободи ме одъ ти мои главны непріятеля, и недай ми и више натрагъ! И самъ кадія nie се могао одъ смея задржати, и почемъ онай плати штету учинѣну, кадія даде негде те чудновите оставити папуче, а нѣга одпусти са увѣщаніемъ, да одъ садъ задуго старе веђъ неноси папуче.

в., О пріятелѣмъ и пріятельству.

Представляюђи различне нравоучителне матеріе, весма е полезно и скупа увеселително, те исте вешчи, у самомъ ньіовомъ дѣйствію и исполнѣнію показивати: а то быва чрезъ исторію. Полезно е, зашто е врло ласно упамтити оно, што се у примѣру и у самовешчномъ исполнѣнію тога и тога види. Увеселително е пакъ: еръ насъ чини познавати знаменита и славна лица, коя су давно пре насъ на свету живила. Доводи насъ у познанство и содружество съ ньима; и возбуђава у нами желю, да се и мы ньима, по нашемъ могуђству, у похвалнымъ исправлѣніямъ подобни покажемо. Пріятельство е прво основаніе человеческога временога живота и благоденствія. Кадъ бы сви люди на свету добри были, сви бы еданъ другомъ пріятельи были; и сви бы могли благополучни быти. Колико е тешнѣ и ближе међу людма сродство, ако међу ньима неима согласія, взаимногъ благоволѣнія, доброжеланія и вѣрногъ сладкогъ пріятельства, толико су они чрезъ то исто соединѣніе и сродство несрећнія и бѣднія. Мужъ и жена, братъ и сестра и найближе комшіе, еднога мѣста жители; единоплеменни, и единовѣрни, безъ милогъ пріятельства шта су друго, него туга и неволя? Ништа ніе обштіе међу людма, него име пріятельи: зашто природа и сама учи, да то мора нешто лепо быти: али по несрећи, и на велику срамоту человѣческога рода, ништа се толико небезчести и злоупотреблява, колико ово пречестно име. Ни съ чимъ се толико нелаже и нелицемѣрствуе, колико съ овымъ светымъ именомъ. Предъ очима любезный, предрагій пріятель, а мало по далѣ, на другомъ месту, међу други пріятельи посмеятель, опорочитель, и лютый хулитель и гонитель. Праведный Боже! Єсу ли зато словесностію и разумомъ люди одарени, да се чрезъ тай истый даръ хитріе вараю, и неразумніе међу собомъ да живу, и сами себе несрећныма да чине! Да шта е тому причина? ніе толико ни исто неразумно самолюбіе нити неправедно користолюбіе, колико худо воспитаніе и неваляли сгадльиви обычаи. За воспетити дакле, колико е возможно, пріятельства злоупотреблѣніе, и за дати познати людма, шта е пріятель, шта ли пріятельство, даће намъ овде исторія найпре стара, то есть пре Христа, а по томъ и нова неколико лепы приклада.

. . . Алцибіядъ наодећи се у великой слави и благополучію у Атини, многи му се показиваху пріятельи, и заклиняху се, да су му тѣломъ и душомъ предани. Онъ и сазове у едну ноћь, и каже имъ, да е учиніо неко убійство, и да е сасвимъ пропао, него да му помогну, да се спасе. Онда га сви подъ равни изговори оставе: самъ Калія остане при нѣму, обећаваюћи му се, да ће съ ньимъ, ако буде до потребе, и умрети. Онда све друге отера одъ себе, а овогъ задржи за всегда. Зопиръ вѣрный другъ Дарія цара Персійскога, за помоћи га обладати Вавилонъ градъ, даде себи одрезати носъ и уши. Прибѣгне у обсѣденный градъ, казуюћи, да му е то царъ учиніо. Грађани познаюћи нѣгово изкуство, учине га своимъ войводомъ. А овай преда Дарію градъ, кои, кадъ га види тако осакаћена, рече му са сузами: Ахъ преко мѣре вѣрный друже, што си учиніо! Незнашъ ты, да бы я сто оваки градова дао за тебе цѣла? . . . Димитріе одъ Фалера философъ перипатикъ, Теофрастовъ ученикъ, управляо е десеть година съ республикомъ Атинейскомъ, по томъ изгнатъ пређе у Тиву, и овде живећи како простый грађанинъ, учини пріятелство съ философомъ Кратесомъ, у коега садружеству задовольніи е живіо, него кадъ е у великомъ господству био . . . Филипъ, Мацедонскій краль, ходећи по сокаку, гди се нѣгови робови продаваху, еданъ одъ овы, видећи да краль на себи ружно свою альину ношаше, рече му: послушай ме, Филипе, да ти едну тайну кажемъ, по коей ћешъ познати, да смо пріятельи. Овай приступи, а онъ му рече тихо: намести одѣяніе твое, срамно е владѣтелю тако ходити. Правда, рече Филипъ. Ты си мой пріятель. Даде му слободу, и обдари га. . Псаменитъ, краль Египетскій, живіо е на 525 година пре Христа: побеђенъ и зароблѣнъ са своіомъ фамиліомъ одъ Камбиса цара Персійскога, виђаше кћерь свою како робиню да воду носи и сына свога у гвожђу, и све то сносаше съ великимъ терпѣніемъ: а кадъ упази еднога старога пріятеля у крайнѣмъ убожеству, старости и слабости, гди хлеба прошаше, заплаче горко. Запыта га Камбисъ, како то быва? Да мое несчастіе и деце мое сносимъ, у томе ми помаже крепкодушіе; а да вѣрна друга у таковой нужди видимъ, и да му помоћи немогу, толико немамъ крепкодушія . . .

Александеръ великій заслужіо е ово презиме не толико побѣдами цѣлога востока, колико чрезъ нека дѣла своя, коя показую истинито величество душе. У лютой грозници, нѣговъ любезникъ и лекаръ Филипъ приготовля му лекарство, на данъ пре сраженія са своимъ силомъ Даріевомъ, одъ коега сраженія зависаше сва слава нѣгова. У истый часъ, кадъ лекарство узети мораше, прими писмо, да се чува Филипа, еръ е подмићенъ да га отруе. Улѣзе Филипъ съ лекарствомъ, Александеръ даде му писмо да чита, а онъ узме лекарство, пакъ на ма попіе, чрезъ то показуюћи, да нѣму ніе могуће, о познатомъ пріятелю сумняти се. Шта е мысліо Александеръ те чинећи? Филипъ е поштенъ човекъ! Филипъ е пріятель мой! онъ е одъ мене свагда имао, шта е годъ хотео, и може имати, штогодъ хоће! Како бы онъ мене отровати могао? То ніе могуће! Али буди, што му драго, я волимъ умрети, него о нѣму зло помыслити.. Діонисій првый овога имена владѣтель Сиракузскій, одсуди на смрть некога знаменитога Сициліянина именемъ Дамона. Овай запроси само ту мылость, да му допусти за неколико дана поћи видити пре смрти свою жену и децу, и разположити свое ствари, обѣштаваюћи се у уреченый данъ доћи. Ако нађешъ, ко ће за тебе умрети, ако ты недођешъ, пустиħу те, рече му краль. Питіасъ нѣговъ пріятель едва то дочека, и даде себе поставити у тамницу на мѣсто пріятеля свога. Отиде онай. Осване уреченый данъ: нема іоште Дамона. Сва фамилія Питіева плаче и тужи. Сви га грађани наричу неразумнымъ и лудымъ. Овай тѣшеħи свое говораше имъ: Неплачите, о малоумни! сва е моя жалость, што знамъ, да ħе мой Дамонъ доħи. Ето и подне, уреченый часъ погублѣня; поведу овога на мѣсто усѣченія; доведу га ту. Кадъ у еданъ ма, савъ народъ на позоришту почне съ гласомъ у дивлѣнія и ужаса единогласно викати: ено! ено Дамона, гди лети на коню! Дотрчи овай савъ озноенъ, и са веселымъ лицемъ, нападне на вратъ друга свога говореħи: Питія милый! любезный Питія! неħешъ ты умрети! Я ħу умрети! Све множество народа потоке проливаше суза; и самъ Діонисій, иначе жестокъ и свирепъ човекъ, при овомъ необычномъ видѣнію умехчасе срцемъ, притече, и са сузами почне ону двоицу грлити и любити. Неħе васъ ни еданъ умрети! О вы достойни да во вѣки живите! Ахъ смилуйте се, примите и мене треħега у тако дружство... Антипатеръ краль Македонскій и Фоціонъ Атинейскій гражданинъ быяху пріятельи. Краль запроси нешто одъ Фоціона, што небыяше правично. Како можешъ то изискивати одъ едногъ пріятеля? рече му овай: кадъ бы я то учиніо, быо бы твой худый ласкатель, а не пріятель . . . Писистратъ, Атинейскій гражданинъ, кои е потомъ своимъ отечествомъ завладао быо. Неки пріятельи нѣгови оставе га и отиду негде на само живити. Онда овай натовари свое потребне ствари, пакъ отиде къ оныма. Запытаю га они: што е дошао? Дошао самь, одговори овай, или да васъ повратимъ къ себи, или да останемъ овде съ вами; еръ безъ васъ немогу живити. Темистоклесъ и Аристидъ, нареченый праведный, найпоглавитіи Атинейски граћани, быяху всегда еданъ другому противанъ и непріятельи. Едномъ изберу и граждани на неко посланство, велике важности за цѣло отечество. Ови излазећи крозъ врата градска, овде, брате, рече Темистоклесъ Аристиду, оставимо наше непріятельство, и будимо пріятельи, докъ благополучно оправимо дѣло любимога отечества. А кадъ се вратимо, можемо га, ако хоћешъ, опетъ узети ... Садъ ћемо казати неколико примѣра изъ нове исторіе. Єдна сирота жена дође къ кардиналу Фарнезе, и запроси одъ нѣга петь цекина, да плати кирію обиталишта свога, зашто иначе хоће да е истераю наполѣ. Кардиналъ се спомене, да е у младости своіой имао пріятельство съ мужемъ ове жене. Даде іой цедульицу, да пође къ нѣговомъ домоправителю. Овай по заповеди свога господина изброи жени педесеть цекина, коя то видећи, каже домостроителю, да кардиналъ ніе ню добро разумео; она непотребуе више него петь. Овай отиде и яви то. Има право добра жена! моя е погрешка; подай іой петь стотина цекина, и реци іой, да кадъ годъ буде имала потребу, некъ се пріяви. . . Госпођа Габріели д' Естрее, коя е кодъ Хенрика четвртога краля францускога у милости стояла, свади се съ кралѣвымъ министромъ Сулли, и возпамѣри, да га у кралѣву немилость метне. Краль, кои весма любяше свога министра, пошлѣ га къ Габріели, да іой каже одъ стране нѣгове, да онъ жели и хоће да се помире. Она га прими ружно и съ жестокимъ речма. Онда краль седне са Сулломъ у кола, и поће самъ тамо. Ова онда употреби сву свою хитрость къ своемъ намѣренію, но видећи све безъ плода, почне горко плакати, жалећи се, што онъ мари више за едногa слугу, него за ню. Краль видећи, да колико е више онъ совѣтоваше и моляше, толико се она огорчаваше, раздражаваше, и Суллу слугомъ називаше, одговори іой весма срдито: Шта слуга? Знай госпоћо, да я лакше могу наћи десеть дама, као што сте вы, него едногa слугу и вѣрна пріятеля, као што е Сулли. И то рекши окрене се и поће. Онда она потрчи, падне на колена предъ краля, проси проштенѣ, обѣштаваюћи се, да ће се чистосердечно помирити съ Сулломъ.. Воатюръ избраный французскій списатель у вѣку Лудовика тринаестога, изгуби на игри све свое новце, и остане дужанъ две стотине дуката. Онъ пише своме пріятелю Костару едно писмо, иштући одъ нѣга ову сумму новаца. Ово писмо знаменито, изобразуе намъ животворно знаке совершене увѣрености и свободе чистосердечнoга и совершенога пріятельства. Ово е: Я самь юче изгубіо све мое новце, и савише двеста дуката, што самь остао дужанъ, и обештао самь се данасъ платити. Ако и ты имашъ, пошльи ми и таки, ако ли и неимашъ, а ти и узайми одъ когъ ти драго. Было како было, валя да ми и ты узаймишъ, и чувай се добро, да ти ко другій неуграби испредъ мустаћа овако благовременство учинити ми любовь; мени бы жао было тебе ради; како те я познаемъ, ты бы се мучно за тымъ утѣшіо. За избѣгнути дакле ову несрећу, болѣ разпродай све, што годъ имашъ! Ты видишъ овде, како любовь уме заповедати; я осећамъ у себи велико веселѣ овако съ тобомъ поступаюћи, и я знамъ добро, да бы чу ствовао іоштъ веће, кадъ бы и ты тако самномъ радіо, али што ћу ти я, кадъ си ленштина; садъ суди, нисамь ли я о теби добро извѣстанъ. Я ћу дати мою облигацію katomъ, кои ми донесе твое новце. И добаръ ти данъ. . . . На овако писмо потребанъ е и подобный одговоръ . . Я имамъ неизказану радость, да самь у состоянію показати теби малену службу, кою изискуешъ одъ мене; никада небы помысліо, да бы се могла купити такова радость за двеста дуката. Почемъ самь то садъ познао, даемъ ти мою речь, да ћу докъ самь годъ живъ, имати готовъ еданъ маленъ капиталъ на твое разположеніе. Заповедай ми слободно све што ти буде угодно: ты нећешъ моћи имати толику радость заповедаюћи ми, колика ће моя быти, теби служећи; али колико самь ти годъ покоранъ, оћу ти се противити, ако ме будешъ принуждавати, да узмемъ одъ тебе облигацію.

г., О Любови ко Отечеству.

Любовь ко отечеству несостои се само у томе, да е свакоме мѣсто рожденія и воспитанія миліе, него сва друга на свету. Ово е обште и природно и безсловеснымъ животинямъ, зашто и ова се нерадо очуждавају одъ мѣста, где су изъ почетка обыкла. И за удивлѣніе е, како често конь, во, и свиня, кадъ се где далеко преместе, измакну се и побегну натрагъ на свое прво селиште. Ово произходи изъ природнога свакомъ животномъ своелюбія, да онамо тежи, где му се чини болѣ. У човеку пакъ словесномъ и разумномъ ово исто врођено пристрастіе много е височіе и благородніе: зашто онъ за благодарность, кою у срцу своме къ милымъ и сладкимъ своимъ родителѣмъ и воспитателѣмъ чувствуе, люби и загрля цѣле и многочисленне народе, кои су истога рода и езыка, и често кратъ жертвуе свою свойственну користь, и драговольно истый животъ свой за ползу и за благополучіе единонародны свои презире и предае . . . Докгодъ у едномъ народу небуде довольно число таковы благороднодушны патріота, всегда ће онъ или съ едне или съ друге стране рамати; но будући да у тако превосходни патріоти изискуе се хероическа добродѣтель, слѣдователно оваковы неможе се довольно число наћи, докъ се годъ у цѣлый народъ неуведе чрезъ воспитаніе, наставлѣніе и правлѣніе, разумна любовь чести, и лепа имена. Зашто, докгодъ у едной націи ніе много веће число добры и правдолюбивы, него злы и неправедны, неможе се наћи довольно число найбольи. Овде ніе намѣреніе тужити се и ядити, што ніе тай и тай такій, а онай и онай другоячи, зашто то ни длаке непомаже; познати, у чему стои погрешка, и почети исправляти се и по свевозможной снаги поболшавати се, како свакомъ понаособльиво, тако и свима во обште, ово е могуће. За дати дакле къ овомъ преблаженомъ предпріятію поводъ и руководство, шта може быти болѣ и обштеспасителніе, него представляти любоподражателной младежи изъ старе и изъ нове исторіе такове добродѣтельне люде, кои су чрезъ любовь ко отечеству и къ роду своме безсмертно за собомъ име оставили? И ово ће быти ове главе матерія... Архилеонида, проста жена у Лацедемоніи, имала е сына отмѣне храбрости, кои за отечество воююћи погине. Неки странни, кои су при истой баталіи были, донесу іой тай гласъ, весма похвалююћи сына нѣна, и говорећи, да ће се мучно у Лацедемоніи єданъ нѣму подобанъ наћи. О! вы се варате! одговори великодушна жена: истина да є мой сынъ храбаръ быо; али, фала Богу, има отечество наше много больи одъ нѣга. „Ево преполезно мудрованіє за отечество, да нико себе и своє за найболѣ непочитує.“ Аристонъ сынъ и наслѣдникъ Агасиклеовъ у правлѣнію лацедемонскомъ, читаюћи єдно преизрядно надгробное слово на похвалу Атинеана, кои су съ Лацедемонци воююћи погибли, рече: шта небы овай човекъ могао рећи, кадъ бы хваліо оне, кои су ове славне люде побѣдили? . . . Лацедемоняни убію посланика Персійскога. Оракулъ Аполлоновъ предскаже ньима велика злополучія, ако они сами на себи ту обиду неосвете. Онда Бурисъ и Спартисъ два знаменита Лацедемонца отиду своєвольно и предаду се Ксерксу цару Персидскому, да на ньима отмасти смерть свога посланика, како му драго. Царъ удивлѣнъ толикой любови къ отечеству, задовольи се съ тымъ, и на мѣсто што бы и дао мучити и убити, запроси и, да остану при нѣговомъ двору. Како бы могли лишити се нашега отечества, мы, кои смо своєвольно дошли за нѣга умрети? . . . Марко Фуріусъ Камилъ, кои є живіо на 365. година пре Христа, быо є петь пута диктаторъ (всеверховнѣйшій повелитель) римскій, и четири кратъ є тріумфирао, то єсть: како совершеный непріятеля побѣдитель съ великомъ славомъ у градъ улазіо. Овомъ славномъ мужу при обсѣденію града Фалера дође градскій магистеръ съ поглавиты грађана децомъ, и каже му, да е онъ превaріо децу, као да ће съ ньима проходати се, и да и садъ предае нѣму; толико, колико да му е градъ предао, и да онъ одъ нѣга ожидава достойно своіой заслуги награжденіе. Право е, одговори славный Римлянинъ, да такій свога отечества пріятель пристойно получи награжденіе: заповеди га свући до коже, везати му руке наопако, дати деци лесково пруће, и рече имъ, да га тако шибаюћи дотераю у градъ. Што е овому у граду было, то се ласно погодити може. Доста, да грађани, видећи у непріятелю толику добродѣтель, изиђу, донесу му ключе града, и предаду му се... Овога истога гражданина после толике нѣгове службе и славе Римляни узбуне се и истераю у вѣчно заточеніе. Но онъ всегда у своіой добродѣтельи непремѣненъ и недвижимъ, излазећи изъ града ове знамените изрече-речи; о Боже дай, да ме Римляни никада неузпотребую! Отиде у еданъ маленъ градићъ Арденъ, и ту живляше мирно. По некомъ времену дођу му ту гласи, да су Галли ударили на Римъ и завоевали га. Садъ онъ заборавивши неблагодарность свои сограждана, и обиду себи учинѣну, ніе ни очемъ другомъ мысліо, него како ће отечеству своме помоћи. Позватъ одъ оны Римляна, кои су у капитоліюмъ прибегли были, и одъ ньи опетъ за диктатора примлѣнъ, пође, удари на Галле, побѣди и са свимъ, и ослободи градъ, и дочека радость, само великимъ душамъ природну, неблагоданымъ своимъ добро учинити, и онога истога града зидове, изъ коега е съ безчестіемъ изгнатъ и протеранъ быо, воздвигнути и обновити. ... Кодросъ краль Атинейскій на 1071. годину пре Христа. Хираклиде почемъ савъ Пелопонезъ освоє, дођу и обсѣдну градъ Атину. Атинейцемъ є предвозвештено было одъ оракула, да ће они своє непріятелѣ побѣдити, ако ньіовъ краль одъ непріятеля погине. Хираклиде то знаюћи заповеде свой своіой войски, да у сраженію нико не додирне краля. Овай то сазнавши преобуче се у дрвосѣчца альине, оде не далеко одъ града сѣћи дрва, и ту нађе начинъ, и почне кавгу съ неки солдати непріятельски, и лупи єднога са сикиромъ, а они ти намъ га онде свега изкомадаю. То є было предъ вече, а сутра дȧнъ Атинейци пошлю къ непріятелѣмъ, искати тѣло убієнога краля. Ови кадъ то сазнаду, нападне ужасъ на ньи, и побегну брже-болѣ . . . Атинейци обседли су были градъ Тасъ, грађани у последнѣмъ недостатку ране умирау одъ глади, но нико несмеяше усудити се споменути, да се предаду, зашто су были узаконили, да, ко спомене о томъ, буде погублѣнъ. Онда некій Хегеторидъ одъ првы грађана метне себи уже на вратъ и дође у собраніє и рече: я знамъ, какавъ смо мы учинили законъ; но са свимъ тымъ я себе предаємъ смрти, убите мене, а спасите себе и фамиліє ваше, и предайте се непріятелю. Све собраніє похвали нѣгово великодушіє, неубію га, него уништоже учинѣный законъ, и предаду се. . . . Єдна Лацедемонка пошлѣ свога роба да разпыта, што се чини съ войскомъ, гди она имађаше петь сынова свои. Кадъ овай дође, каже іой, да су сви петь сынова нѣны изгинули. Я те нисамь послала, одговори она, да видишъ, шта чине сынови мои, него войска наша; єсмо ли мы побѣдили? Єсмо; отвешта онай. Благодареніє буди богу, рече она, и отиде у храмъ принети жертву. .. Леониду вожду лацедемонскому поручи царъ Ксерксъ: оди къ мени, сложи се са мномъ, пакъ ћу те я учинити кралѣмъ цѣле Греціє. Ты незнашъ, шта є поштенѣ, одговори му овай; я желимъ за слободу Греціє воюћи погинути, а не на нѣйзино удрученіє съ непріятельи нѣни слагати се. Овай полазећи у Термопиле съ триста свои витезова, гди є знао, да ће погинути, овако се са своіомъ женомъ поздрави: Ишти себи достойна мужа на мѣсто мене, роди и одрани отечеству добродѣтельны граждана . . . Ликургъ лацедемонскій законодавацъ, управляо є своимъ отечествомъ на 870 година пре Христа. Овай почемъ даде своимъ согражданомъ полезне законе, каже имъ, да ће поћи совѣтовати се съ делфискимъ оракуломъ, може ли се што болѣ іоштъ узаконити, но при томъ учини и, да се закуну, да ћеду хранити те законе, докъ се годъ онъ неповрати. Ови се закуну, а онъ онда отиде, пакъ се већъ никадъ неврати . . . Педаретъ одъ поглавиты Лацедемоняна небудући примлѣнъ у число три стотине совѣтника, кои се у нека времена избираху, возврати се изъ собранія радостанъ, благодарећи богу, да нѣгово отечество има три стотине больи одъ нѣга; Ово се зове любовь къ патріи, а не, кадъ я нисамь, некъ ніє ни онъ . . . Пелопидасъ генералъ Тивейскій полазећи на войску, жена нѣгова препоручи му, да умѣри храбрость свою, и да чува животъ свой. Богъ некъ уреди (одговори онъ) съ моимъ животомъ; моя є дужность садъ отечество чувати, и не животъ мой. Єданъ клеветникъ тужаше Пелопиду єдногъ храброгъ солдата, да всегда о нѣму зло говори. Нека онъ служи само како валя отечеству, пакъ нека говори о мени, што му драго! одговори онъ . . . Фоціонъ осуђенъ одъ свои неправедны сограждана отровъ пити, запитаю га, има ли што сыну своему наложити. Имамъ, рече: да служи своемъ отечеству вѣрно и праведно, како и я што самь служіо. И да немари, што самь я за мое службе оваково награжденіе получіо . . . Помпоніюсъ солдатъ Римлянинъ покаже чудеса храбрости біюћи се противъ Митридата, но найпосле савъ покрывенъ ранами падне у руке непріятеля. Митридатъ, очевидацъ нѣговога мужества, прими га милостиво, и даде га излечити: а потомъ запыта га, може ли се садъ поуздати у нѣгово пріятельство. Не, одговори Помпоніюсъ, докъ си годъ непріятель отечества моега . . . Регулусъ конзулъ и генералъ римскій по многима надъ Картагинезами побѣдама, и самъ одъ оны побѣђенъ и зароблѣнъ буде. Они га пошлю у Римъ, да принуди сенатъ, да промене робове, съ уговоромъ, ако несврши, да се врати назадъ. Овай отиде; али несматраюћи ни на што, него на ползу отечества, совѣтуе Римляномъ, да то ни пошто нечине, и по своmъ обѣштанію врати се натрагъ, гди га са ужасными мученіями уморе . . . Рутиліюсъ неправедно изгнатъ изъ Рима, некій познаникъ рече му, да се оће каква междоусобна брань у Риму случити, те бы се онда могао повратити. Избави боже тога! отвешта онъ, то бы ми жалосніе было, него мое изгнаніе. Одъ овога еданъ пріятель запроси нешто неправично. Што му онъ одрече. А да коя ми е полза одъ твоега пріятельства, кадъ ништа одъ тебе за атаръ не могу получити? А каква бы была мени одъ твоега, кадъ бы я чрезъ то морао непоштенъ и неправеданъ быти? . . . Темистоклесъ, еданъ одъ найславніи грчески генерала, по многимъ побѣдама на мору и на суву надъ Персіяни одержаныма, дође на игралишта олимпическа. Све множество народа престане гледати на различне игре, сви са удивлѣніемъ обрате очи на нѣга. Єданъ гласъ изъ безчислены уста захуи. Ено Темистоклесъ! Ено га! Онда онъ рекне къ онымъ око себе: ово ми е довольно награжденіе за све службе мое Греціи учинѣне. Спремаюћи се поћи на непріятелѣ, даде представити на театру бой два силовита петла, кои се ужасно издеру и окрваве, пакъ онда рекне къ народу: Видите ли браћо сограждани! Ови се петлови непоражаваю онде ни за жене свое, ни за огньишта своя, ни за отечество, него само за юначство и за славу: съ каквомъ храбростію дакле неморамо мы на непріятелѣ наше ударати, кои' за све то воюемо? Прекословляюћи се са Еврибіядомъ лацедемонскимъ вождомъ, овай немогући съ речма на край изићи, подигне штапъ, да онога лупи. Удри ме, старіи си, рече му Темистоклесъ, само послушай оно, што е свой Греціи на ползу. Єданъ гражданинъ весма сребролюбивъ искаше едну службу, у коей онъ са штетомъ обштества могаше млого добыти. Темистоклесъ знаюћи да е онъ иначе вреданъ, и да чрезъ сродне свое и пріятелѣ могаше ту службу получити, даде му довольну суму новаца съ уговоромъ, да онъ више то нетражи. Овай славный витезъ изагнатъ изъ Аѳине, прибѣгне къ главномъ своmъ непріятелю, цару персійскому; кои на мѣсто што бы га озлобіо, чувствуе неизказану радость, да има у своmъ царству такога човека. Учини велику часть и веселѣ, и у наступившу ноћь спаваюћи три путъ є викао у сну: Темистокла Атинеанина я имамъ! Даде му на нѣговъ ужитакъ три града у малой Азіи. По некомъ времену вознамѣри царъ воєвати на Грецію, и Ѳемистокла вождемъ войске своє учинити: но овай, и у истомъ изгнанію свога отечества горећій любитель, за невоєвати противу нѣга, учини жертву боговомъ, пакъ се отрує 65те године живота . . . Трасивулъ Атинеанинъ избави отечество своє одъ тридесеть тирана, возврати све изагнате и разбегнуте грађане, утверди прве законе, помири све завађене сограждане учинивши и, да се сви закуну на всеобшту амнистію, то єсть, заборавлѣнѣ свію прошасты међу собомъ учинѣны обида. Онда му рекне єданъ согражданинъ: О колико є теби дужно отечество за толику твою заслугу! О блаженъ я, одговори Трасивулъ, ако самь му платіо, што самь му дужанъ за рожденіє и воспитаніє! . . Баярдъ, зовомый неустрашимый, єданъ одъ првы официра Франца первога краля французскога, біюћи се са Шпаньоли буде смертно ранѣнъ, да себе положити подъ єдно древо за изданути ту. Контаблъ одъ Бурбона, кои одступіо бяше одъ Францїє, своєга отечества, и овде вођаше войску шпаньолску, види Баярда у таковомъ станю, и споминюћи се првога съ ньимъ дружества дође сожалити га. Вы сте већега сожалѣнія достойни, господине, одговори Баярдъ: я умиремъ како поштенъ воинъ за отечество моє и за краля; а вы съ непріятельи ньіови на ньихъ воюєте и проливате крвь браће ваше.

IV.

ГРИГОРІЄ ТЕРЛАИЋЪ

роћ. 1766 умр. 1811.

(изъ дѣлца: Забавленіє єдинаго лѣтнаго утра, у Віенн 1793.)

— О вся, вся окрестъ мене неизглаголано суть красна,
Благоуханія полна, свѣтлостію же преясна!
Вся бо, вижу, радость возвѣщаютъ,
Красотою же своею очи увеселяютъ;
Вся, єлика либо слышу, суть гласы радости,
Ниже гдѣ увидѣти можно єсть жалости.
Всюду божественнаго имене пѣвается слава,
Благодарнаяже єстеству воздается хвала:
Птицы по воздуху, пастыри же по полю
Воспѣвая радостно славятъ Божію волю;
Изъ далека овцы съ травобогатыхъ холмовъ
Блеютъ свою радость покрай своихъ овновъ,
Агнцыже играя и' окропленной долини
Воздѣваютъ радостно сіятелной высини
Пищи своея за сладость благодарность Творцу,
Ударенiемъ своего гласа бытія ихъ отцу;
Телцы невинновидніи велегласно рыкая,
Козли же препрядающіи хитроплетно скакая,
Словомъ, вся животная, малаяж' и велика,
Промысль Творца и благость величаютъ излиха.
Благоумилни зефири противу всего солнца паленія
Соблюдаютъ здѣ выну благопріятность прохлажденія;

Источницы текутъ чрезъ цвѣтовонныхъ луговъ,
Величаютъ же Творца согласіемъ своихъ шумовъ.
Тисящи прозябающихъ цвѣтовъ поле предукрашаютъ,
Пріятноеже каженіе вездѣ разливаютъ;
Чащи густомрачныя солнца упорствуютъ жару,
Наблюдаютъ же внутрь себе благопріятную прохладу,
Въ нихъ сладкопѣніе птицъ умилно гласоудараетъ,
Въ нихъ струи шумѣя єдина другой пришепетиваетъ
Славу благодати вышняго Создателя ихъ растилища,
Содержающаго красоты присносущныя ихъ жилища.
Въ нихъ журчаютъ извори изъ каменіи высокихъ,
Стицаяж' въ пространствѣ рвынъ преглубокихъ
Въ наглотекущія источники, низражаются съ высоты
Каменынъ зіяющихъ, ниспадаютъ же въ велія пузыри,
И пѣнующеся оттицаютъ чрезъ водоносныхъ круговъ;
Здѣ же аки взиграяйся текутъ чрезъ пестрединныхъ луговъ;
Єдини бо стремятъ воды чистыя и спѣшныя,
Другіи же низваляютъ я тихія и аки спящія,
А другій єще чрезъ долгихъ въ лузѣхъ околотеченіи,
Славя силу виновницу шептомъ своихъ журчаніи
Возвращаются паки вспять въ слѣди своя первыя,
Аки оставити немогіи красоты сія селныя. . .

V.

АТАНАСІЄ СТОЙКОВИЋЪ

р. 1773. — 1833.

На смерть Іоанна Раича

1802.

Первый плачъ

Что сей краткій и безпокойный сонъ значитъ?
Что л' сновидѣнія бурна, въ нихъ же мечтателна сила
Воображен'я отъ бездны во бездну падаетъ ужасно?
Во безлучномъ величествѣ темная нощи богиня
Съ мрачна престола надъ міромъ черный скиптръ простираетъ,
Въ мертвомъ безмолвіи, въ мрака глубинѣ тварь почиваетъ.
Нынѣ, въ время изъ гробницъ страшныхъ востанія духовъ,
Кто ударяетъ печалнѣ трижди во ломное окно?
Ху! кій звукъ нещастный! Слышу л' стенаніе гроба?
Слышу л' звяцаніе мѣди? ил' погребателный вопль?
Ахъ! что? Ты ли оставивъ блаженныя южныя страны
Аггеле дивнаго мужа, Геніе *Раича*, здѣ Ты?
Въ гробныхъ одеждахъ какову носиши ужасную новость?
Что бысть? *Раича* нѣсть? — Уж' ясногласія ради
Попрекан'я терпѣвшій о вы кимвала струны!

Долу спускайте, спускайтеся ко воздыханію гробну
Смертноглубоку. —
Добрый нашъ *Раичь*, мудрецъ всякія чести достойный,
Уже совершилъ. О! когда намъ учитель духовный,
Твой когда, добродѣтеле! вѣрный поборникъ подобный
Старцу возстанетъ? — Плачи, о Ты! как' нареку тя,
Родъ, или племя, или отечество! плачи смиренія
Зря вѣнецъ увядшій и благости. *Раичь* печалнымъ
Сербомъ священно отъ днесъ и святое имя во вѣки.
Сквозъ безконечныя прошлыхь вѣковъ стези онъ рукою
Отчею насъ велъ. Онъ времена намъ бурная предковъ,
Страшныхъ погодъ и бѣдъ, и отчизнолюбія права
И величества нашего — ахъ! прешедша во вѣчность—
Живыми краски описалъ; ироевъ храбрыхъ и вѣрныхъ
И доблественныхъ міровладѣтелей странныя труды.
Вси сіи падшія нынѣ Сербіи, были вси чада! —
Сице огромная смерти коса имперіи сѣчетъ,
И єднымъ изрываетъ силнымъ изъ корене махомъ!
О нещастная память, на что та велія вѣрность?
Въ сердцѣ моемъ юнош'скомъ лежаше сумнителный огнь;
Чистый душе! Ты воспали той. Как' чувствован'я
Сердце мое проницаху! Как' воскипѣ ми кровь вся!
Как' румянили с' и горѣли ланити моя
Нѣжно, егда Ты, яко отецъ, обнимая мя долго,
Къ музамъ германскимъ путешествіе благословлялъ си.
Око мое чрезъ тихую радости слезу взираше
Дивная дѣла Твоя, и высокій ихъ верхъ достигаше
Єдва: облаки верхъ покрывенъ угрожая небесемъ.
Вѣчноцвѣтущій вѣнецъ усѣкій юное чело

Ты украсиши мое? Но сѣне святая! во злую
Часть стремителный огнь и сiю жаждь не прiими.
Честолюбiе жало есть душь вида болшаго;
Безъ негоже дивная смертныхъ дѣла бы была
Въ снѣ глубочайшемъ. Не ли и твой духъ истинновелiй
Кротко летяше на крилѣхъ любочестiя тайна
Къ концу велику стремяясь? Отъ обѣщанiя кто Тя
Кто Тя (скажи) отврати? — Обач' что возглашаю
Дней исчезнувшихъ и находящихся въ числѣ безмѣрномъ
Лѣтъ предъ потопомъ бывшихъ? — Буди. — Прiими и за то
Єже могу Ти дати, простую пѣснь и чистую слезу.
Слезъ Ти слѣдуетъ полное Сербина око всякаго;
Сердце наше слѣдуетъ въ круги горныя небесъ.
Стани, душе! стани, и слыши стенанiе рода:
„Ты избавилъ еси законъ за Тобою слеззящiй:
„Гордость и честь и первый премудрый племене сербска.
„Славою насъ вѣнчалъ еси, самъ бѣгая славы.
„Не Славяне мы отъ дѣлъ славныхъ! Ты слава наша.
„Воззри на темную Сербiю здѣ въ печалныя мысли
„Погруженну и блѣду, учащу при гробѣ твоемъ, что
„Животъ? что терпѣнiе? смерть? Ахъ! долженствоваше л'
„То одъ Тебе учити? Зри, как' изъ рода Твоего
„Очесъ лiется нѣмоглаголюща печаль: изъ очесъ
„Дикоищущихъ тя нынѣ при Бозѣ въ небесѣхъ,
„Нынѣ въ воздусѣхъ, нынѣ подъ черною перстiю съ червомъ!

Иди уж' душе! иди ко вѣчнымъ обытелемъ рая,
Гдѣ избранѣйшіи нашего рода тя ожидаютъ.
Тамо цѣлуй Орфелина, и спокойныя жизни
Сладостна пѣвца Алексія. О! цѣлуй Станислава,
Чадо твое во сынѣхъ нынѣ щастиая Румо!
День уж' востаетъ. Око его восходитъ на востокъ.
Утрени пѣсни слышу во лѣсѣхъ. Красно есть ютро.
Чистъ есть величественый дивный созданія globодъ.
Тихо дыхаетъ зефиръ. Но темно есть сердце и духъ мой.
Гдѣ вечера восхитившій мя цвѣтокъ? Онъ оцвѣте уж'.
Бурнымъ дыханіемъ сѣв'ра.
Царю пламенный дне! дай гробу тиху теплоту,
Цвѣти да растутъ весны на немъ; да сербская юность
Ихъ слезы обливати возможетъ. Буди му мягка
Земле! Поздни потомцы да слетаются къ гробу;
И да сѣдятъ подъ сѣнію древъ высочайшихъ,
И священнымъ прахомъ Его кленутся, имъ быти
Добродѣтелей подражатели, вѣрными царю,
Роду, и церкви. Прости намъ учителю! прости,
Прости послѣдній кратъ.

Вторый плачь.

Близъ предѣловъ, гдѣ Тибискъ невѣрный и царская рѣка
Венгріи нѣжн' обимаются, яко двѣ добрыя сестры;
Гдѣ священніи фрушкихъ горъ верси спѣшатъ во равнину;
Гдѣ сѣдалище перва пастыря и средоточіе

Правыя вѣры: лежитъ мѣсто, давшее жизнь
Вѣчному мужу, и получившее вѣчную славу.
На россійскихъ благочестія поляхъ онъ цвѣты
Собравъ, сердца рода украшати желяше.
Но родъ, собственый родъ его (скажу л?) отрываетъ!
Ха! ты хладное и безнѣжное Сербіи нѣдро!
Сицé ли? — Но то лучше есть вѣчнымъ мракомъ покрыти.
Кротко, току водну подобно, иже ползаетъ
Тихо чрезъ луги; онъ не носитъ на волнахъ шумящихъ
Иго печалныхъ — ихже бурно содѣла — развалинъ;
Онъ не пѣнится преко невинныхъ взирающихъ съ береговъ
Въ зеркало водное цвѣтовъ; ниж' убиваетъ бѣснуя
Онъ упованія смертныхъ: тихо течетъ, и предаетъ
Вящшей рѣцѣ струи крісталныя въ вѣчность самую: —
Сице течаше преображеннаго жизнь святая.
Первый онъ свѣтъ далъ роду, и славу: нынѣ ж' ужасно
Преко гроба егова нощи дико-шествуютъ.
Унываетъ за Нымъ безлистная фрушкая гора;
Воздыхаютъ за Нымъ и равная бачкая поля,
И отзываютъ печално сербскаго Дуная брези,
Брези, при коихъ Онъ уединенъ мудрѣ живяше,
Отъ наморщенна завистниковъ ока далече отстоя,
Умными дѣлы отъ туду родъ восхитая и племя,
Родъ любовію весъ къ Нему горящій за всегда,
Родъ, егоже Онъ сира остави. Что намъ остаетъ?
Нѣмый гробъ, подъ нимже, законе! воинъ и вѣрный

Другъ, и твое, монашество! зеркало лежитъ;
Нѣмый гробъ, одъ куду невозвращаются прежде
Трубы послѣдныя дуси смертныхъ, ниж’ океаномъ
Слезъ горчайшихъ, текущихъ изъ изглубленныхъ очесъ
И омочающихъ смутная лица тисящь миліоновъ.
Но что плачемъ смерть онаго, иже не умре?
На что нещастное воображен’е ко гробному праху
Водитъ печалныя умы? Чистый ли еѳиръ во гробѣ
Перстію можетъ лежат’ покрывенный? Аггелъ ли можетъ
Въ земнемъ прасѣ истлѣвати тѣлу подобно?
Не, не! Живетъ Раичъ во сердцахъ добрыхъ всѣхъ Сербовъ;
Живетъ безконечно и въ мудрыхъ писаніяхъ своихъ:
Но онъ живетъ и душею во иномъ естествѣ.
Мы здѣ мертви. Здѣ есть печалная и погребателна
Гробовъ юдоль. Мы еще на кораблѣ міра
Носимомъ и обуреваемомъ страшными моря
Колеблющимся волны. Здѣ сѣнь, война и гладъ,
Язвы, подлунныя буры, горы огнемъ рыкая,
И угнѣтеніе въ осадѣ держатъ родъ человѣческъ.
Жизнь есть брань, и вѣчная брань: здѣ страсти и бѣды.
Здѣ недугуетъ тѣло, недугуетъ духъ величайшій:
И зритъ соніа въ бодрости сый. Но силная смерти
Десна рука завѣсу открыетъ, и привидѣн’я
Нѣсть. Смерть насъ уводитъ въ существенность и свѣтлу
Водитъ въ обытель, гдѣ съ прекраснаго древа живота
(Смертныхъ начало судебъ!) при Творца престолѣ с’бираютъ

Серафіми безсмертность и даютъ приходящымъ.
Сице *Раичь* обрѣтъ ключъ златый правыя жизни,
И уж' съ нымъ отверзе смерти временныя дверы,
И зритъ Тѣбе, о обытателю вѣчностей двуухъ,
Иже дыханіемъ міръ потрясаешъ; иже єдинымъ
Перстомъ неизмѣримость безконечну мѣриши; —
Подъ негоже ногами множество много пливаютъ
Вѣчно вертящихся міровъ во океанѣ ужасномъ
Безконечна пространства, и разсѣкаютъ еѳира
Бистрокрісталнаго волны, ни начало, одъ куду
Ити начаша, незная, ниже плаванію конца,
Ниже пристанища видя. — — — —
Раичь там' живетъ. Єстли бы не жилъ; мысль ужасна!
Ты бы возмогла самая всѣхъ насъ уничтожити
И въ самыхъ обителехъ немерцающа свѣта.
Слыши всякъ смертный! Должни мы, должни быт' онъ и мы вѣчни.
Аще б' угаснулъ вѣчный огнь, и веліе солнце
Съ круга вѣчна аще бы спало, вся неисчетность
Шаръ тяготѣющихъ сокрушилас' въ зіяніе бездны:
Мы вси пройдемъ сквозь развалины всѣхъ миліоновъ
Міровъ скрушенныхъ и воспаримъ ко точцѣ природы.

VI.

ГЕОРГІЙ ХРАНИСЛАВЪ

рођ. око. 1770 умр. 1843

На смерть Іоанна Раича.

Въ долгую вѣчность, великій списателю сербскаго рода,
Тихо прешедъ, почивай, сладцѣ уже почивай,
Кто же надгробное воздухокружіе будетъ смущая?
Сѣтуетъ, ахъ, неутѣшно слезы Сербъ горки пущая,
Тамо на пепелъ священъ. Пѣсни ему припѣвай.

Истины и добродѣтели, бѣ’ же закона любитель,
Кротости духа исполнь, подвиги добры поднесъ,
Честь получиша елику изящна списателя плоди,
Славы его умозрѣнія коль умножишася роди,
Блѣду толико цѣна и славословія днесь.

Кто не помнитъ безмертныхъ заслугъ сто, велія сѣне!
Сердца царска Твоихъ плѣниша плоди трудовъ.
Шествія въ мѣстѣхъ Твоя иностранныхъ горѣ же аѳонской,
Видѣна пчелоподобна и въ славнѣи монарх’и россійской
Въ пользу уняла сія, сира родителя кровь!

Вѣмъ, возвратится тѣлесная часть велемудраго мужа

Въ землю паки свою вспять, отонудуже єсть;
Красна обаче душа, вдохновенія божія святость,
Благъ насладится, яже небесніи вѣси за мудрость
Єй опредѣлили суть. Имъ премѣненія нѣсть.
Сербине, спитъ твоея красота православныя церкве,
Твой благочестія цвѣтъ, мужъ любомудрія цѣлъ:
Твой и учитель народный, и клира достойный наставникъ,
Божія слова вѣщатель ученный, и смертныхъ наперсникъ,
Лучь же податель твоихъ, сѣдыхъ судбинъ же и дѣлъ.

Первый приспѣ ко вечеру лѣты трудополными жизни,
Уморожденіе давъ, имже красуется родъ.
Неувядаемымъ чести вѣнцемъ родолюбія полный
Сербію онъ увяза, славострастія внѣ же и ломный
Радости цвѣтъ пренебрегъ, чужда отъ сѣмене плодъ.

Въ долгую вѣчность, великій списателю сербскаго рода,
Тихо прешедъ, почивай, сладцѣ уже почивай,
Дондеже природы вышній отецъ и покоя содѣтель
Тя ко себѣ воззоветъ, увѣнчая Твою добродѣтель:
Рая во радость вниди, Раичь Іоанне востай!

VII.

ПАВЛЕ СОЛАРИЋЪ

умр. около 1825.

1.

Зима.

Гадао бы, шта намъ зима приутихла слути,
  Какови су тайни вида и сквозѣ смерть пути.
Кадъ се гласи по дубравам' птичица угасе,
  Круто рѣке покрывало кадъ навуку на се.
Забѣле се сѣде главе озеблы планина,
  Духъ занѣми бриткимъ мразомъ уснувши долина,
Кадъ разузда сѣверъ свое, кои носе бронѣ,
  Упитане на яслама вѣчнымъ снѣгомъ конѣ,
Пакъ поезди немотрећи ни поля ни мора,
  Ни колибе селянина, као ни царскогъ двора:
Пчела чува клѣтку свою, вертепъ ишту звѣри,
  Угрожени свудъ припиру люди дома двери.
Кудгодъ позришъ, све останцы, друго као замерло,
  Рекао бы, да ће небо, ил' да е тлю стерло.
Но у тврдой кори зрія сладость сваке езгре,
  Кость пробити люту валя, ко е радъ до мезгре.
У терню се ружа краси, свега цвећа хвала;
  И медъ и сотъ обстрегава едки свудъ тма жала.
Мрко злато гора крыю туще преогромне;
  За бисеромъ у глубине гнюрцы мора роне.
За пшеницу съ лихвомъ жети, пре треба обряда,
  Съ сѣятеля потомъ сѣме тлею да пострада.

Къ већемъ благу суђени су и повећи труди,
Кажи, шипка ил' ябуке, чій плодъ пре заруди?
Кадъ природа празнуюћи совершава тайне,
Одѣва се ил' у воду, ил' у луче сяйне;
Съ вѣтромъ дыше, съ чимъ є сваѕто по вселеной
живо;
Съ огнѣмъ живи, што создае: то є земльи диво!
И да твари къ нѣйномъ дѣлу око неприви̇ри,
У внутреиня завире се, и одъ тудъ се шири.
Еда нису тога знацы ноћу объ мѣсеца
Сяйный вѣнацъ када инѣ воздушно просѣца;
Кадъ се мрачна зарумене жилища сѣвера,
Или юга; шта є ино свакогъ снѣжка мѣра?
У зими се, ко мудрує, као и ко бунца,
Чуди, диви, изумлява, видећ' по три сунца.
Чіє сердце, кадъ помотри о поноћной стражи,
Како бистро сверканіемъ звѣзда звѣзду дражи,
Непронзає величество превыспреннѣгъ круга,
Изповедит' съ земльомъ небу, да виду нѣсть
друга?
Но таинства изподъ насъ су по глиби спретана,
Коя ближе касаю се жизни нашегъ стана.
Стужа оно, што топлота разгне и развеже,
Совокуиля невидимо и све брижно стеже;
Она запне нѣко време сѣмену, корену;
Неумертви, само ставу заживичи трену.
Жит'є бы се, да не стає, као слабо точило,
Струєћ' прочно, за наввекъ єдномъ урочило.
Шта бы было, коє нису за траянѣ праве,
Да потерпе све у злаку по ливадамъ траве?
Докле бы се продужила животны порекла,
Кадъ утроба бы съ то хуђимъ трудна птенцы
текла?

Зима хоће преизбытакъ да намъ предохрани,
  Да наспори, не украти, радость свакой страни
За то и мы у покою сладость находимо,
  Нити у нѣм' проведене часе кадъ жалимо.
Могу зимни дани быти срећни и весели,
  Ономъ, кои право рече, и криво нежели;
Ко поминѣ, да природи пркосити кадаръ,
  Човекъ зиму улѣтити има жребій на даръ.
Кадъ узавре по воздуху и вѣтри и снѣзи,
  Да онъ жизань сву вкушава у домовой нѣзи.
Коя гођа, ко непризна, у тихомъ сну мрака!
  И што гата кодъ огньишта дѣцы своєй бака! —
Поминюћи дане своє, старцы сердце пасу,
  Кадъ шальива око ватре младежь плеше къ гласу.
Ту се пѣва, ту се смѣє, и игра, и свира,
  И све, чимгодъ чисто сердце людске перси дира.
То є доба, кадъ надежда жевалъ царства прима,
  Любко бодри, бригу съ чела смртны многу снима.
Угрѣю се при бесѣди любко мили друзи;
  Дѣле съ собомъ, дѣле съ чадамъ сву нѣжность
                                        супрузи.
Отроцы се шалећ' крѣпе, къ нѣгда своме дѣлу;
  Многе су се посестриле и на простомъ прелу.
Кадъ замукну будни гласи и гусак' и паса,
  И чтецъ ноћный преполавля пѣти число часа:
Магновеня, кадъ природа, (єръ се тако чини),
  Духъ створеню поустави, у себи се вини;
Милоблѣда, съ колеснице сребромъ оковане,
  Измеђъ ята пренебесны пролазећи стране,
Богиня се ноћи сама молчанію диви,
  Уснула л' є тля? двоумна, или іоште живи?
И тад' люди жизань жію; неда се враћати;
  Шта є жит'є, ако ніє, гођу осећати?

У зими е грађа міра, (кажу да е сзиданъ),
Єръ нит' огань, (ту спропретанъ), ни свѣтъ бяше виданъ,
Кадъ данъ и ноћь, све стущено, и мокро и суво,
Скрозъ и окрестъ лагкогъ тежко тудъ лежаше глуво,
Изъ сѣмена невѣчными къ слоги улучена;
Вселенна е! што бы стужомъ туща удручена!
То е за насъ превелебна све редомъ утѣха;
Пѣнію момъ я нежелимъ инога успѣха.
Шта бы было яро лѣто, да му ніе зиме?
Узми свѣту смеђе мраке, узе ћешъ му име.
Нека твари непрестаю, шта е онда време?
Просторъ мнити безъ вещества, есть безъ мозга тѣме.
Я самь съ вами, друзи мои, живите, ликуйте;
Зима има свой избытакъ, више невзискуйте.
Женскій поле, (а куда ћу?) миле мысли мое!
Сприпѣвайте, стужа оде, да смо си што свое.
Ко е зато, некъ се жени, овда му е ора;
Животъ дати, ко га има, животъ новый мора.

2.

О гостби

1807

Чудеса се пѣсномъ славе, люди пѣсне любе;
Слова могу обветшати, нигда сличне трубе.
Я бы пѣв'о, дерзни, Музо! чудо сви чудеса,
Тымъ су щедра ублажила животъ намъ небеса.
Трисвято е коло, што ме данасъ къ тому буди;
Пой, што волишъ, любко вѣща; нитко те несуди.

Бряцайте ми чтенне гласе персти съ разны струна;
  Изъ цѣвница гортана могъ ясность златногъ руна.
Срипѣвайте, мили друзи, огню моє груди;
  Жаръ у пѣлу, то су нѣке превыспренне ђуди.
Овидій се пѣсней кає, пѣсне пѣсномъ тужи;
  Прикладъ дає, да и бѣдномъ пѣтый вопль служи.
Древность шилѣ на потомства, што є увѣчбано;
  Споменъ отца сыновомъ є святило гаданно.
Сказую се безпонятна, велика и красна —
  Бодро, Музо! кадъ загерме вселенной ужасна.
Дивный жребій созданія овога є света;
  Страовито земля съ небомъ око насъ заклета.
Само сѣва, да се смеркне, и берже данъ мине;
  Што живи, да изумре, како єдва дине.
Све што време на светъ дає, и каменъ и древо,
  Све пропада у несито Сатурново чрево.
Рано, касно, нѣгова смо требища сви жертва;
  Люто чадам’ пророчество, ту сте и вы мертва.
Изъ утробе своє ствара онъ дивна и худа;
  Као паукъ паучину, части свога уда.
Чада своя онъ поєда, да нова прежива;
  Такъ пучина рѣке глота, изворе подлива.
Ништа за нѣг’ ни велика ни малена нема,
  Да се збуде и постане, ил’ у ништо спрема.
Сва су всує имущества горды богатыра;
  Стада туне и пажити убоги пастыра;
Тамо тоне грозна слава силны витезова;
  У времена нѣдры труне лѣпота градова.
Величію царства стоє лѣта записана;
  Рука чезне, чезну дѣла рукама создана.
И будуђи єдно царство и судбнна міра,
  Истый законъ и у звѣзде све валя да дира.

Све на земльи лице меня, прерађа се, празни,
  Сва природа, рекао бы, ко бѣгле сна блазни.
Горе силне и дубраве трусъ и огань квари;
  Одъ потопа едва спасе Ноевъ ковчегъ тварй.
Гди су данасъ райска мила на Гіону лона?
  Столпостѣна небопарногъ камо Вавилона?
Камо злато Гилеадско, утвари съ Офира?
  Камо причетъ и таинства Мемфидскога пира?
Иста мудрость чловеческа има рокъ и време;
  Садъ се дигне, садъ посерне ка’ и обще сѣме.
Греція се свали у тму, дигне предѣлъ Рима!
  У Халдеи и Египту глупуе садъ зима!
Ништа тверда, кадъ га ніе на небеса высу;
  Ништа тверда, чем’ се годи числе въ лѣтопису.
Преминюю исти бози (прилике одъ людій)!
  Ини вѣцы и езыкомъ иногъ бога суди.
Гди су храми Аполлона, и хвала Сіона?
  Гоморрейска юдоль камо, молбище Аммона?
Седмерично міра чудо у праху Діяна;
  Стрѣле стерте Юпитера, попрата дверь Яна!
Роди бѣже изпредъ родов’, вѣкъ невиди вѣка;
  Свуда граби, свуда топи забвенія рѣка.
Дряхли само останци се на нова прелажу,
  И рвине изтощено предство свуда кажу.
Так’ и наши бритки струе стермоглавце дани,
  Срећа ли е, чудо ли е: мы смо на то звани!
Съ Богомъ мили обычаи, съ Богомъ сласти живни,
  Пагуба е у судбина свем’ чтена главизни.
Сва се мудрость изумлява, и духъ страхомъ круши,
  Кадъ у міру *ничтожество* корачи, да внуши.
Чувства замру, кадъ вселенна небытіе тиче,
  Када глухо мракъ и праздность бездна безднирыче. —

Али басна, всегда смешна, всегда учна; каже,
Да пространна гадателства неэнаду, шта траже!
Ево, шта намъ она на то припѣва изъ кньига;
Послушаймо, воля свакомъ, умъ е безъ верига.
Што е годъ стало у бытія свое суще племе,
Имало е неодступно и мѣсто и време.
Ово тройство всегда буде; мысаль свакомъ ласка,
Иначе смо сва вселенна-*ничшо*, нага басна.
Да изтеку сва времена, да нестане мѣста,
Да изчезне присносущна туща мірскогъ тѣста:
То пек' кои лжепророкъ пустой впери глави;
Ничшо ніе нигда было слично Бога слави.
Чудеса су сва престала; другим' ко се нада?
Мечтанія земля позна, и за ньи да страда. . . . .
На Олимпу, (памти земля) найкраснііи дни бяху,
Кадъ се лицы, кадъ пиршества, и гостбе воѣаху.
У веселю, жизнодавни! вы сте міръ создали;
Любвепуни радоват' се твари произзвали.
Мене нѣкій подилази светый трепетъ друзи!
Душа моя оковъ терза, мни Богъ быт' у узи.
„Ты си съ неба по пореклу", све ми нешто каже,
„Та и съ тѣломъ вознешени горе, што се блаже."

VIII.

МИЛОВАНЪ ВИДАКОВИЋЪ

род. 1779. умр. 1841.

(Изъ I. Ч. Любомира у Елисіюму.)

У Херцеговини имамъ я єдно село, коє ми є царъ, кадъ самъ воену службу оставіо, поклоніо. Первый путъ кадъ у нѣга одемъ, идемъ и гледимъ домове, гледимъ народъ, кои ми судба моя и царъ мой вручава, мило ми є, и свако ми се чиняше, да є отъ моє собствене фамиліє. Кадъ алъ наєданпутъ чуемъ нѣку вику, и попѣвку; дойдемъ тамо, имамъ што и видити; предъ єднымъ домомъ множество людій обоега рода, деру се и вичу піяни, бацаю чаше и стакла пуна виномъ около себе како годъ луди. „За здравіє кума, за здравіє старогъ свата!" и шта знамъ, напіє се, пакъ трескацъ стакломъ о землю! — На єданпутъ стадоше чаше и отсгоръ падати; кои врагъ! откуда то опетъ; кадъ алъ ньи нѣколико попели се онако піяни на домъ, метули єданъ столчићъ на дымникъ и пуне бокале съ виномъ, сѣли унаоколо на нѣке поиспречане даске, пакъ се деру пусти, колико игда већма могу! — Видимъ, да су сватови; запытамъ за домаћина, пошлю ме у собу; кадъ тамо, іоштъ веће чудо застанемъ. На средъ собе извукли столъ, пакъ єдномъ старцу свезали руке наопако, обѣсили му пуно шише вина о вратъ, накитили га као додолу разнымъ цвѣћемъ, пакъ га дигли на столъ, да ту мора , незнамъ колико долго, као осужденъ стояти, а старацъ сѣдъ већъ као овца! — Гледимъ по соби, све е то полупано, све изразбіяно, вино израсипано, ахъ! — кудъ годъ человѣкъ погледи, све штету види. — Шта е то люди божіи, какова е ово гибель? Гдѣ е домаћинъ? — Покажу ми рукомъ на истогъ старца на столу: ово е веле ми, домаћинъ! — Пакъ кога яда радите съ ньимъ? Што е то старино? Та што е то? повычемъ. Мане главомъ сирома, и ништа ми неодговори. Еда ли е нѣмъ? упытамъ. Ніе нѣмъ, отвѣщаю ми, но тако га е старый сватъ осудіо, да несмѣ ништа говорити, докле годъ онъ не дойде! — А зашто? Е! тако е кодъ насъ просты людій обичай, да старый сватъ има власть овдѣ сада шалу проводити, како годъ онъ хоће! — Пакъ гдѣ е вамъ старый сватъ? Садъ ће, вели, таки дойти. Кадъ алъ ето ти намъ едногъ; піянъ трештенъ, закерлѣштіо очима. „Но браћо! да видите садъ домаћицу, како самь съ ньомъ уредіо. На то полету ови сви наполѣ. Изидемъ и самъ, алъ на средъ двора (авліе) равнымъ начиномъ бабу кукавну везали и накитили ю, пакъ ю дигли па столъ. Та што е опетъ то старице? Што ови люди чине съ тобомъ? А она у мѣсто да ми отговори, почне вакъ! вакъ! вакъ! Ови други да се искидаю отъ смѣха. Я гледимъ на ньи, и чудимъ се лудомъ послу. Господине! рекне ми еданъ, ньой е заповѣдіо старый сватъ, да на свакогъ, ко бы іой што проговоріо, лаяти мора. Но све быва изъ добре волѣ, господине, то ньой ніе ништа противно; она е данасъ сына оженила. — Я видећи люде напите нисамь ихъ хотео ништа дирати; оставимъ ихъ, некъ проводе свое, а сутра ћемо се, рекнемъ у себи, разговорити, кадъ сви при чистой памети буду. Одемъ кнезу, да преноћимъ. Овый бяше младъ человѣкъ, но зрѣлогъ разума и почтенѣйшегъ сердца быти видяше ми се. При вечери приповѣдимъ я нѣму, што су ти сватови радили. Е мой господине! рекне ми онъ, ништа є то; да вы видите, шта они зими, наипаче у мясоеђе чину, и кадъ кои светца свога слави. Да васъ Богъ сохрани, како ти люди лудую, и изъ простоте шта нераду! Сила пути потуку се, и съ крвавымъ главама дойду мени на тужбу. Затворимъ богме, вели, я, и гдѣкога и избіємъ, говоримъ имъ, и совѣтуємъ, но све то ништа непомаже. Тако, рекнемъ я, старый обычай кодъ простоте, како годъ священый законъ почитує се. Но то валя по мало истребльивати.

Другій данъ буде недѣля, као данасъ. Замолимъ священика, да яви у церкви, да самь дошао, кои село примамъ, него старешине села и поглавари да се соберу после полдне сви кодъ кнеза, ту ћеду ме познати, и нѣке наредбе и заповѣди примити. Одемъ у церкву, и будемъ на святой службы; видимъ людій у церкви весма мало, а село є велико. Отче! рекнемъ священику излазећи изъ церкве, зашто є тако мало людій у церкви. Господине, вели, а што имъ я знамъ, кадъ нећеду да дойду. За волю божію! отговоримъ му я, зашто народъ непоучавате? Зашто ихъ у церкву не складяте? Вы сте пастыри, вы сте отцы, и слуге божіє, ваша є должность то. — Наша є должность, вели, алъ кадъ неслушаю! — У разговору овако пойдемъ кнезу, кадъ алъ предъ єдномъ керчмомъ множество ихъ видимъ, гдѣ пію. Ено видите, вели ми, зашто у церковь нећеду да дойду; завуку се у керчму отъ ютра како сване, пакъ до полдне пію палину, а по полдне до саме ноћи вино.

Кнезъ насъ любезно дочека. При нѣму обѣдуемо. Іоштъ мы при столу сѣдимо, алъ ето ти намъ селяновъ; изидемъ предъ ньи: каже имъ кнезъ лѣпо: Браћо моя, я имамъ честь вамъ овдѣ данасъ представити нашегъ господина и проч. како што е имъ и священикъ у церкви явіо. Радуемо се, отговору они, и са свакимъ почитаніемъ мы се у милость и отеческу къ намъ любовь препоручуемо; свако повиновеніе, и свако поданическо послушаніе мы одъ наше стране као нашему господину завѣщавамо; и пр. изговоре они ту.

Гледимъ на ньи, люди добри и благоучтиви; простота безъ политике, безъ притворности. Вы се мени, рекнемъ имъ, у милость и любовь отеческу препоручуете: я ћу вамъ и быти правый отацъ, я ћу васъ любити, као мою собствену фамилію, мое собствено племе. Вы мени завѣщавате свако послушаніе и као господину своему повиновеніе: то сте и должни чинити; обаче колико ће быти измежду васъ, кои ћеду оно за зло примити, што я будемъ имъ изъ человѣколюбія а на ньіово добро, за ньіову срећу предложити, и да буде, заповѣдити. — Должность моя изискуе отъ мене, да я о вашему щастію, и о вашему, као поданиковъ моихъ благоденствію, съ коимъ се и мое отъ данасъ скончава, попечително настоимъ, промышлявамъ и трудимъ се; да васъ любимъ, хранимъ, и защищавамъ, као мое сынове, за кое ћу и отвѣтъ давати како Богу, и царю, тако и совѣсти моіой: а ваша должность отъ васъ захтева, да се вы мени са сыновномъ любовію покоравате, сыновномъ кротостію мене предусретавате, законе нѣке и заповѣди мое, изъ коихъ ћете выше благополучіе изкусити и познати, съ благодушіемъ и безъ роптанія примите. Врата моя свакому одъ васъ у полдне у полнощи быти ћеду отворена, приступъ къ мени буди за какову тужбу никому неће быти забраненъ; свакога ћу я съ кротостію, свакога съ любовію къ мени примити, рѣчи саслушати, и съ колико мѣрило правде съ собомъ доноси, свакомъ удовлесотворити, само будите вы одъ ваше стране люди, и оставите — оне ваше луде, кадъ жените и кадъ удаете, обычае, ваша она преко мѣре, кадь светца славите, піянства, ваше у керчму недѣльомъ и праздникомъ прежде святе службе отхожденіе, и сва овымъ подобна раскошства да оставите, и на сва такова, братіе моя, као да нигда кодъ васъ нису была, отъ данасъ заборавите! — То я хоћу, тако е моя воля, а и заповѣдамъ. Гоститель, крчмаръ, и буди кои быо, кои бы гостилникъ и керчму свою у праздникъ прежде святе службе отворіо кромѣ путникомъ и страннымъ, тай ти ће съ кесомъ горко казнь за таково преступленіе ощутити! — Люди божіи и браћо моя любезна! Разсудимо вещь, као што треба, пристои ли се оно чинити, што вы прости люди, кадъ се мало попустите, при томъ чините? Кажемъ имъ, шта самь у прошастый данъ гледао, како ли самь многе, кадъ самь изъ церкве изишао, предъ керчмомъ напите већъ видіо! — Єсте ли вы люди? повычемъ на ньи, єсте ли вы христіяни? — Зашто себе убіяте, зашто здравіе свое кварите? Ни зашто на овомъ свѣту ие страда человѣкъ као за безуміе, и ништа га напротивъ благополучнія нетвори, као повиновеніе разуму. Богъ всемилостивый небы человѣка толикимъ страстемъ и слабостемъ ни подвргнуо, да му ніе толь великій, толь преизящный разумъ даровао. Свакій отъ васъ, наставимъ имъ, ако и непритяжава высоку науку, то поне природнымъ разумомъ може (само ако хоће стварь разсудити) зло отъ добра разликовати и разпознати.

Я ћу вамъ, рекнемъ имъ, за примѣръ овдѣ у моіой бесѣди два человѣка довести. Єдногa порядочногъ, кои се по правиламъ разума влада, а другога безпорядочногъ, кои се страстемъ своимъ повинуе и ньима снисходи; рецымо дасу оба проста землѣдѣлца. Порядочный и честный мужъ пази и позорствуе на свое приходе, и спрамъ ньи умѣрава свое разходе; предѣлъ, кои нѣму разумъ полаже, онъ не преходи, и зато честно и спокойно животъ свой проводи. Онъ у посленный данъ устане рано, солнце га съ плугомъ на ньиви озари, онъ жулянивымъ своимъ рукама држи на плугу ручице, притискуе у црну землю, а дѣте му долгимъ бичемъ поредъ волова лагано ходи и звиждуће. Чистъ оный и у ютру свѣжій воздухъ ньй уморене прохлаждава и крѣпи, птичице имъ шеве умилнымъ своимъ гласомъ надъ главомъ пою. Вѣрна нѣгова супруга съ просто-сготовленымъ обѣдомъ на време дойде. У вече съ уморны свои вочићи иде дома; невина дѣчица оставе свою на улици игру, и весела терчу му на срѣтеніе; онъ ньи съ отеческомъ любовію то едно то друго на уморне свое руке прима, милуе ихъ, и дае имъ польско цвѣћице. Онъ сѣдне съ ньима и своіомъ женомъ за просту свою трапезу вечерати, у тихомъ разговору изложи сваномъ свой посао, што ће кои заутра дѣлати, пакъ се помоли усердно Богу, захвали му, што га е благость нѣгова онай данъ отъ свакога зла сохранила, препоручи му се, као отцу, съ умиленіемъ сердца, и иде спавати. Уморне свое членове неколико часовъ на постельи одмара, и како чрезъ прозоръ зору угледа, лакъ опетъ и одморанъ устае, утреню молитву очита, пакъ се опетъ благоохотно дѣла своега прима.

И тако као добаръ христіянинъ цѣлу седмицу честно, и занимая се у дѣлу безпорочно проведе. У недѣлю, кадъ изиде съ утрене молитве изъ церкве неиде у керчму, но управо дома; и као добаръ отацъ и домаћинъ совѣтуе се са супругомъ своіомъ, шта ћеду за обѣдъ, и ако она што купити потребуе, даде іой. Є ли му потежко као утружденому до 12. часовъ, докле се изъ церкве неизиде, чекати, да ништа нееде, пошлѣ у гостилникъ, ако самъ нейма, и донесе мало палине дома, попіе чашицу, найвише двѣ, даде и жени, и прочимъ у дому, кои су зато, и кои тежке послове раду, пакъ мало што поеде, и изиде гдѣ у дружство, съ коимъ у разговору проведе време, докле третый кратъ звона неблаговѣсте у церковь ити; оде и смирено у церкви божествену литургію съ прочомъ честномъ братіомъ отстои, и дойде дома; сѣдне поштено са своіомъ, кою му є Богъ дао, фамиліомъ за столъ, пообѣдуе, чашу вина, ако има или купи изъ керчме, то подѣли лѣпо съ прочими при столу; понеже и други раду и труде и тяготу сносе. По полдне ако и оде мало за пробавити време у гостилникъ, сѣдне съ дружствомъ, піе кою чашу вина, разговара се съньима, но при памети остае, и трезвенъ дома долази; вино, велимъ имъ, ніе намъ зато дано, да се опіямо, и незнамо, шта говоримо, но за подкрѣпленіе наше и за увеселеніе; оно є єданъ прекрасный даръ божій,

обаче паметно и умѣрено треба да га уживамо
е паметнымъцѣлителна медецина, а будали уб
ный отровъ. Благе нрави, паметанъ, и трудол
мужъ налази свое увеселеніе у добри дѣли, а
штина и за себе и свою фамилію немарльивъ,
жи таковое у питію. Будала и безпорядочны
ловѣкъ што чини? Онъ преко цѣле седмице л
о дѣлу настои; сви му послови, коихъ се онъ
нымъ сердцемъ прима, траляво иду; а кадъ
недѣля, како сване, оде у керчму, где застан
би подобне, пакъ до само полдне све палину
немари онъ, што е недѣля, неслуша онъ, шт
на у церковь ити опоминю, нитъ се сећа за
жалостну фамилію. Кукавна жена доста кратъ
ма за што соли да купи, да му обѣдъ осоли
гледа на нѣга и чека га, шилѣ дѣте и зов
кои найпосле онако піянъ кадъ дойде, и жен
рече рѣчь едну, триста вѣра, триста душа, з
се, пакъ съ ньомъ о землю! — То е христіянски
ко се Богу посвященый данъ светкуе. — I
што онако дурновитъ, те се наеде, пакъ опе
керчму, гдѣ га лѣпо дружство чека; піе вин
саме noћи, и до полноћи! Сутра данъ пошто се
изспава, кадъ устане, глава му тежка! боле!
као прутъ, пипа се по жепу, новце све потр
съ коима бы штедећи и по мало и паметно тро
мѣсяцъ дана цѣлу фамилію издржати могао,
сироту изтукао и изпребіяо, кукавну дѣчи
страхъ и трепетъ превео и опечаліо, святу
жествену службу пренебрегао: совѣсть га мучи
обличава и гризе; сви му членови у цѣломе
стрепу; раскаяо се, ишао бы на посао, но нем
по два три дана тако отбонтуе! —

Докле человѣкъ у домъ кому уиде, одма види, како домаћинъ и домаћица у нѣму живу. Ако су добри и паметни, чисто имъ є све у дому и спремлено, кудъ погледишъ; постелѣ имъ намѣштене, судови, ако су и земляни и древени, лѣпо оправи, огньиште обѣлено, свака имъ вещь у цѣломy дому на опредѣленомъ своємъ мѣсту стои, соба свако ютро мирисомъ окадѣна, дворъ также спремленъ и почишћенъ, ваяти, клете и подруми, све се то у прекрасному держи порядку, и отъ свега ключеве добра газдарица при себи има, и отъ нѣ, тко што потребує, иште. Дѣчица имъ, ако ћеду и у простоме одѣлу быти, обаче лѣпо и чинно облечена, умивена и очешляна, здрава, румена и весела, понеже мудра и чадолюбива мати зна, да чистота тѣлесна, и умѣреность у єлу и питію єсть право основаніє здравію, а гдѣ се тѣло у правому своєму и одъ природе данома здравію находи, ту и души словесной оный у нами разумъ здравъ быва и цвѣта, понеже онъ є у отношенію на тѣло, као цвѣтъ либо плодъ на древо, а тѣло є оно древо либо коренъ, на коєму се онъ содержава. Рани убо при корену древо, цвѣтъ начне венути и сушити се. Блаженъ оный свакій, двапутъ блаженъ, кому є Богъ добру и паметну жену дао! — И отъ нѣ бо сила зависи, да добаръ мужъ буде; блаженъ и щастливъ оный плодъ утробе ньіове, изчадія ньіова, коя у зачатію своєму щастливи постаю.

На противъ тога, наставимъ мою бесѣду, гдѣ лѣнштине обытаваю, тамо є непочишћено, тамо є неспремлено, тамо є ђубре єдно, смрадъ и гадъ; овуда имъ се по худной соби ухватила паучина. Онде имъ видимъ кашляву бабу, гдѣ се сирота скупила за пећь, и сѣди на коєкакови неопраны крпетина; онде малу дѣцу неумивену, неочешляну, гадну и жалостну, голу, босу! Ахъ поштена сердца человѣкъ невна, или ће сожалити, или се лютити мора. Зашто то быва? Нищете ради? Убожества ради? Єстъ гдѣдѣ и збогъ тога, но откуда є то убожество? — Понайвише отъ лѣности, или изъ излишныхъ трошковъ родило се. Обаче велимъ, я самъ гледао добрыхъ газда, кои тако худо живу, понеже неумѣду да живу. Каково ли є вамъ, приложимъ у бесѣди, оно ючеранѣ веселѣ. Еда ли онако треба чинити! Нечудимъ се толико младымъ, отъ ньи памети толико ніє захтѣвати, но токмо повиновеніє старіимъ своимъ, докле у зрѣлость свою не дойду; него чудимъ се сѣдымъ старцемъ! За име божіє! како имъ срамота ніє, како ихъ оне сѣде власи неопомену. Та шта у єдному кашлявому погербленому и слабому старцу друго и имати можемо, него смиреность, мудрость, добрый совѣтъ и примѣръ побожности! — Нека є найпростіи, ако є само благосмыслена духа, и поштена сердца, ове добродѣтели може имати, кадъ хоће, и за такове га мы любимо и почитуємо. Младъ є человѣкъ подобанъ пролѣтнему цвѣту, кои само наше очи увеселява, а старъ є зрѣлому у єсень плоду, коимъ се гортань нашъ наслаждава. Старога человѣка кадъ веће єданпутъ тѣлесне силе и крѣпости оставу, треба да му душевне оне болѣ дѣйствовати починю. Таковъ є, господине, кодъ насъ простыхъ людій обычай, рекне ми єданъ. Каковъ є то лудый обычай, лупати стакла, проливати онако немилостиво вино, поразбіяти прозоре, кукавна старца и старицу онако везати, и предъ невиномъ дѣцомъ соблазнь коєкакову чинити? Срамъ васъ буди, повичемъ. Заповѣдіо, вели старый сватъ; ніе старый сватъ, но старый пасъ и свиня, кадъ онако ради. Судове, изъ коихъ е ео, и чаше и стакла, изъ коихъ е піо, разбіяти и људма штету чинити; та заслужіо е, да се нетуче, куда се туче, но по тербуху. — Знате коекакове будалаштине и убиточне обичае ваше держати, и несмѣте одъ ньи да отступите, аки бы сте Богу сотымъ погрѣшили, и законъ святый нарушили; а кадъ честный священикъ и отацъ духовный по должности своей попенѣ се на катедру, да вамъ слово божіе проповѣди, да васъ поучи, счепате капу, пакъ наполѣ! — Бѣгате богме: зане изобличеніе неможете да терпите — То имате право господине, приложи священикъ; имате право у тому. Я самь самъ мое овдѣ у селу люде узео на умъ. Ево предъ ови честны старци говоримъ, да сви они, кои изъ церкве, кадъ хоћу слово да говоримъ, побѣгну, или су горди и суемудрени, пакъ мечтаваю у себи, да више знаду, него ихъ священикъ, или страстемъ и порокомъ оддани, пакъ примаю слово оно свято за обличеніе, и серду се, аки бы я управляо бесѣду мою на нѣга, и хотѣћи да га изобличимъ: я говоримъ по святомъ евангелію за изправленіе свима намъ вообще, а онъ дува на мене, зашто я открывамъ оно совѣсти нѣговой, кое е онъ суемудріемъ своимъ и дяволскимъ ухищреніемъ затаіо мало быо. Догоди се кадъ и кадъ, да се кому што хити, и нуждно му е изити, но! — таковомъ се прашта, таковомъ се незамѣрава; обаче лако ихъ е познати. — Изволите, господине, наставити ваше слово; поправу ли се ваши селяни? — Я ньи изкарамъ лѣпо, и заповѣдимъ имъ, да више нигда оно, што су чинили, нечине; кажемъ имъ овако: люди божіи! кадъ жените, или удаете, узмите священика и іоштъ едногъ либо два мужа, пакъ отидите у дѣвойчинъ домъ, гдѣ сте већъ съ родительи нѣны уговорили и запросили, и подайте што зовемо ябуку: малый, великій, како е кому могуће, даръ, као еданъ знакъ либо залогъ за сигурность обе стране. Отложите дѣло на кои данъ, да се и една и друга страна съ нуждныма може преправити; но што скоріе, то болѣ, да зависть откуда непосѣе раздоръ каковый. — Дошао е већъ данъ, да се млади бракомъ святымъ сочетаю, то нѣколико добрыхъ пріятелей зовните, и безъ сваке уке буке и вике, смирено и честно у церковь идите, и дѣцу свою благословите, и по закону вѣнчайте, пакъ онда лѣпо айде дома. Священика и найвише іоштъ двоицу можешъ на обѣдъ уставити, а прочимъ захвали на пріятельству и отпусти ихъ. Кадъ пройде недѣля двѣ ли дана, докле се новодоведена невѣста у дому твоемъ привыкне, обычае научи, и сасвимъ се лѣпо позна, докле мысли оне за родительскимъ домомъ изъ главе мало избаци, и лѣпо се съ твоіомъ фамиліомъ сроди и усвои, онда по могућству и по вольи своіой справи часть, зовни опетъ священика, онъ е нашъ общій духовный отацъ, предъ ньимъ люди, а особито прости, уштимавају се и полажу храненіе устомъ своимъ. При честной софри (трапези) твоіой да се не найде, кои бы соблазнь чиніо, штогодъ блядословіо. И зовни друге, кога ти е воля, добре пріятелѣ; доведи, ако хоћешъ, и музиканте, пакъ лѣпо и честно провесели се у твоему дому съ твои добры пріятельи цѣлый данъ: обаче у свему разумно и наблюдавајући свако правило пристойности. Еда л' мы неможемо весели быти, ако нелудуемо, ако нелупамо стакла и чаше, ако неразбіямо проворе, и суде, изъ коихъ емо? Еда л' мы неможемо другу невину и непорочну шалу увести, да се насмѣемо, него домаћина кукавногъ и домаћицу, кои насъ любезно као госте у свой домъ дочекую, да вежемо, и онакова поруганія съ ньима предъ дѣцомъ да чинимо! — То е шала? то е скандала и ругоба; то е убійство и разточеніе! — О Боже! возопимъ, непостави ты имъ овога грѣха, незнаду бо, что чину. Будъ се скупите толики, те кукавномъ човеку поедете и попіете и црно иза нокта, тудъ му и другу штету правите, и у дугъ га бацате. — Подобнымъ начиномъ и кадъ славите, могли бы сте нѣколико поштены людій зовнути, кои е газда, и има се добро, нека зове, отъ богатыхъ, ніе нуждно много, но гдѣкога особитогъ пріятеля, имаду бо они шта и дома ести, но сиромаховъ некъ зове, колико више може му поднети, дѣло е ово богоугодно. У святому евангелію стои: гладна наранити и жедна напоити; свакій правый христіянинъ ове святе речи Христове валя да опомене, но вы тако нерадите. Я самь, рекнемъ имъ, моимъ очима юче гледао, што сте радили. Просипате пусти оно вино, као да вамъ нигда више нетреба! Колико е се добра многимъ сиромахомъ само съ онымъ, што е ючеръ у погибель отишло, учинити могло! Зашто браћо сладка тако радите? — Знате ли вы, да е грѣхъ смертный, разумъ свой, овый божественый даръ, кога е намъ милостиво небо по неиспытаемой благости своіой почтило и обдарило, на зло употреблявати. Примите овый мой благій и за васъ просте люде преполезный совѣтъ, кои я вамъ са отеческимъ усердіемъ, са отеческомъ любовію даемъ, желећи свима, да сретни будете, да Богу на славу поживите, да цару вашемъ земномъ на радость будете, роду и отечеству на дику, а себи на вѣчну ползу. А то быти може, ако паметно и умѣрено живити узумѣте. Умѣреность и Трудолюбіе, любезный братацъ и сестрице, колико сте красни, како невини, тко васъ небы са умиленіемъ сердца погледао, и тко отъ смртныхъ по лѣпоти вашей небы погодію, да сте вы любезна чада прекрасне оне и небесне дщери, коей се на престолу огнѣзрачномъ не само человѣцы, но и ангели, као чаду божіему кланяю; но коль красно и име нѣно, Добродѣтель. Возлюбите, браћо, ова сладка нѣна чада, пригерлите ихъ толкущему у персима вашимъ сердцу. Прими ћете за награжденіе отъ ньи здравіе, богатства, тишину духовну, миръ у дому, любовь, почитаніе отъ свакогъ, особито отъ мене, на кога и жребіе пада, да вамъ будемъ отацъ, и да васъ као сынове мое на свако добро наставимъ и упутимъ.

И воистину небуде напраздно ово мое слово. По маломъ времену кадъ самъ се ту сасвимъ преселіо, я самъ съ радостію гледао, каковый е плодъ оно у ньима произвело, како су се лѣпо поправили, и поболшали. Зато велимъ, какогодъ една фамилія у едному дому, ако има добра и мудра старешину, кои ньомъ разумно управля, быва срећна, и домъ тай цвѣта; ако ли има ерђу, лѣнштину, и винопію, то цѣла фамилія страда: тако и едно общество, ако има паметне, добре, человѣколюбиве и праведне поглаваре, быва щастливо, живу у лѣпоме порядку; ако ли по несрећи какове кукавице ньимъ управляю, а оно пропада и много страда. Мудра пословица сербска: Съ главе рыба смерди,

IX.

ІОВАНЪ ПАЧИЋЪ

роћ. 1771. умр. 1850.

1. Немамъ весне.

Све с' у животъ промолява
  Благе весне дражъ явленѣмъ,
  Токмо мене оскорблява
  Своі҆ъ весел'я удаленѣмъ.

Весну нравъ є лицемъ дивнымъ,
  Подсмѣющимъ сотворила;
  Рокомъ али мени кивнымъ
  Смутно време ухитрила.

Скорбь и воплѣ я зефиру
  И узданке повѣравамъ,
  Душе, сердца у немиру
  Снядамъ, ручамъ, вечеравамъ.

Весна моя невесели
  Мене, съ ньомъ се кой веселимъ;
  Скорбь у сердце веќ' м' усели:
  Отъ жалости умрет' желимъ.

2. *Покою.*

Покое! о милый, сладкій, вѣрный,
Миръ отъ тебе скорбь ми ожидава;
Надежда е обмахъ лицемѣрный,
Да веселѣмъ скорбь се услаждава.

Покое! знамъ, да ми тебе ради
Уздысан'я, туге с' допадаю;
Зло, кое се окол' мене сади,
Люте ме и муке спопадаю.

Кадъ ћешъ душу ты уморну дићи,
Пакъ умирит' скорби отъ толико?
Хоћу ли те, покое! кадъ стићи?
Заборавит' и зло свеколико?

Кадъ ме добра сва већъ оставляю,
Надежда и жизни већъ ме бѣжи,
Зла ме скорбь у горку поставляю:
Дай! спокойно плоть некъ мертва лежи!

3. *Исповѣдь*

Да самь убогъ, и сирома
Быо већъ одъ младости,
Скорбь за тужну да самь ома
Редке мѣняо сладости;
То самь предао све забвен'ю.

Да противность садъ ме гони,
Бреме тишти несреће,
Подамномъ да брегъ се рони,
Тре м' убожство найвеће,
Даемъ садъ немарен'ю.

У будуще творит' чта ћу,
  Срећанъ хоћу л' постати?
Попечен'я мирска сва ћу
  Рад' будущегъ отдати
Вѣчномъ Бога промышлен'ю.

---

4. *Радость*

Съ ведрогъ неба превысока
  Бистрогъ, ясногъ, сяйногъ ока,
  На румены нѣжны крыли,
  Что су лѣпо се развили,
  Видохъ слетит' я младенца
  Любве, младости первенца:
  Равна боя текъ рубину
  Устнице му две просiйну;
  Лице руйно, єдро, бѣло,
  Равно зраку луне цѣло;
  Танка струка и возраста;
  Рѣже воздухъ аки ласта,
  Играющ' му врану косу
  Вѣтри вѣю и разносу.
  Зимозелѣмъ га вѣнчана,
  И невеномъ опасана
  Изъ далека смотрихъ, видохъ;
  Учтиво му капу скидохъ,
  И запытахъ име, станѣ:
  „Райно я самь Радованѣ,“
  Задивлѣномъ рече мени,
  Весео духъ ми с' окамени.
  Загерлит' га ступихъ ближе,
  Онъ с' у небо лако диже;

Нестаде ми изъ очію
На жалость ми найснутнію.

5. *Шала*

Полно и округло дѣте,
Скоро наго чакъ до пете,
Крыла танка и отъ сребра,
Или віе окол' ребра,
Летящ' или шири нѣжно,
Тресе или дост' прилѣжно;
Несташно му око гледи,
А лукавство зрен'ю слѣди;
Устна су му одъ порфира,
Лакость тѣла отъ зефира.
Заче пѣват' нами пѣсну
Слуху милу и удесну,
Пріятну и сердцу моме,
Као что живомъ и свакоме.
Насмѣя се чопоръ цѣлый,
Сви смо играт' започели.
Несташно то дѣте мало
Шаломъ есте себ' назвало.

6. *Руганіе*

Съ едне пакъ на другу ногу
Дѣтићъ полакъ любве богу
А фауну нолакъ сличный
Плясъ намъ скаче необычный.

Проуплео у косе плаве
Завіене окол' главе
Листъ и лозу виноносну
Плодомъ своимъ преноносну.
Онъ шарена има крыла,
Као лѣптыра да су была;
Пакъ се цѣри, ачи, смѣе,
Замахва бичъ, и вѣе
Савъ отъ свиле оплетеный,
Твердъ подоста, и шареный.
Скуплѣни му на устнама
Спердня или епиграма
Лебди, и види се тако:
Ругањ да позна свако.

7. Музики

Благій, сладкій, и пречистый,
Святый неба разговоръ
Ты си, дивный рай као истый,
Смѣранъ твой самь пѣснотворъ:
У радости красномъ цвѣту
Раскоши я піемъ сласть,
Музико! теб' увѣкъ свѣту
Хвалит', славит' узохъ власть.

Кадъ у сердцу немож' чувство
Тѣсномъ отъ весел'я стат',
Дай му пѣсне, свирке, дружство,
Сласть ће взаимно теби дат':
Али тебе святу чтити,
Я научихъ невольомъ;
Морала е радость быти
Горкомъ прежде жалосћомъ.

На противность безъ роптан'я
Радъ си тужит', плачанъ быт',
Слова моженъ ты плакан'я
Музике у складность лит':
Мож' изказат' муке твое,
Пакъ изпѣват' сердца болъ,
Музика ће струнѣ свое
Гласъ поклонит' нѣжный, холъ.

Зуи пѣсне гласъ пресвятый,
Дирне л' пѣвчикъ у клавиръ,
Миръ се таки мора сяти,
У соглас'ю лежи миръ;
Миръ да свагди мы снуемо,
Миръ там', овде буде съ намъ:
Миръ у пѣн'ю да чуемо,
Миръ и гласи отзивъ самъ.

---

8. *Лѣптыру*

Птичица си о лѣптыре
Ты на свѣту найсрећнія;
Летящаго свудъ се шире
Крыла най ти шаренія,
Съ цвѣта лебдишъ а лѣпшега
Цвѣће іоштъ на лѣпше друго,
Сока више гди слађега
Найдешъ, тамъ се бавишъ дуго.

Медъ изъ свакогъ сисашъ цвѣта,
Одпочивашъ на свакоме,
Твомъ ужитку ништ' несмѣта,
Задовольству си у твоме:

Кадъ изсисашъ медотворну
Росу руже, валсаминка,
Очекивашъ смерть разтворну
Смѣющій се тадъ съ турчинка.

Прикладу се я по твоме,
Друже лѣпый и шареный,
Желимъ склонит' разумноме,
За торъ избрат' сладкій мени;
Сирѣчъ я ђу отъ садъ цѣло
За живота пристанище
Драге лоно засест' бѣло,
За и въ смерти покоище.

9. *Євдъ коньичкій*

Лѣпо саблю тергнут' бритку,
И у люту рушит' битку;
Кад насъ трубе зове гласъ;
Знаменъ кадъ се напредъ віе,
Бубањ поступъ весео біе:
На юначство храбру насъ.

Кадъ войника примѣръ стары
Бодрость, храбрость у намъ жари,
Видъ е лѣпый, взоръ е драгъ,
Громомъ гласныхъ кадъ пушака
Као что молномъ изъ облака
Побіе се многій врагъ.

Лѣпо слушат', како зуи
Брегъ, долина у олуи,
Цѣвштине кадъ блюю страхъ;
Брага нашегъ за єднога
У сражен'ю убіеного
Зрѣти сто ихъ паст' у прахъ.

Ничт' е равно возхищен'ю,
Видити по разбіен'ю
Разбѣгати врага свогъ;
Побѣду славящ' поемо,
Єдногласно и зовемо:
Яко съ нами Боговъ Богъ!

10. Ц. к. Оклопникомъ.

Готови садъ оклопницы
Бодри овде мы стоимо,
Славолюбни коняницы
Никога се небоимо,
Вѣрни цару, отечеству,
Гди е нуждно кровь пролити,
Щитъ обществу, содружеству
И у доба мира быти.

Безоружне да ребимо,
Сердце то намъ забранюе;
А невинне да глобимо,
Богъ насъ отъ тогъ сохранюе:
Бриткомъ сабльомъ супротника
Жесточайше знамо борит',
Ухватѣногъ невольника
Безопаснымъ а сотворит'.

Гласомъ трубе мы позвани
Дужность нашу свершуемо,
Войводъ что намъ изабраный
Вели чинит', ревнуемо;
Сердца оклопъ чувствителна,
Славолюбна, добра крые:
Ніе войска презрителна,
Коіой такво сердце біе.

Кратке вѣсти о списательима, кои су у овомъ дѣлу наведени.

1. *Стефанъ краль првовѣнчаный,* сынъ Стефана Неманѣ, великогъ жупана, ступіо на престолъ за живота отчина 1195, умр. 1224. Писао є *животъ* свога отца, *св. Симеона Неманѣ.* Издано є ово дѣло одъ г. Шаффарика у югославенскимъ споменицыма 1851.

2. *Св. Савва,* првый архіепископъ србскій, сынъ Стефана Неманѣ великогъ жупана, братъ мало часъ споменутогъ Стефана краля. Родіо се около 1170. Кадъ є имао 16. година, побѣгне одъ родителя у атонску гору, и покалуђери се. Брату своме, Стефану првовѣнчаномъ кралю, више є пути кое кодъ домашньихъ, кое кодъ странскихъ непріятеля срѣћно помогао. Год. 1221 буде у Никеи за архіепископа србскогъ произведенъ. Вративши се дома установи 12. єпископія, и устрои редъ свештеничкій. За тымъ намѣри поћи на истокъ, учини свога ученика Арсенія архіепископомъ, и оде на путъ, год 1234. Томъ приликомъ посѣти двапутъ Єрусалимъ, буде у Александріи, Вавилону, на Синайской гори, у Антіохіи, и прође по Египту и великой Арменіи. Враћаюћи се съ пута сврне у Цариградъ, а одъ туда оде у Бугарску, гдѣ га царъ бугарскій Іованъ са великомъ славомъ дочека. У Трнову 14огъ Януарія 1237 у своіой 67. години пресели се у вѣчность. Тѣло светителя спалили су Турцы 1595 на Врачару подъ Бѣоградомъ. Писао є *животъ* свога родителя *св. Симеона Неманѣ* (око 1208), кои є у гореспоменутомъ дѣлу г. Шаффарика штампанъ; *типикъ* за хиландарску сихастарію у кареи (1199); *типикъ* за ман. Студеницу у Сербіи (1210—1215.)

3. *Дометіянъ*, монахъ хиландарскій, ученикъ св. Саве, писао є *животъ св. Саве* и *св. Симеона Неманѣ* год. 1264. Ово дѣло іоштъ ніє штампано. Дометіяново дѣло налази се у Русіи, у грофс. Толстойской библіотеки у три преписа; г. Шафарикъ има такођеръ єданъ преписъ овога дѣла изъ XIV. в.

4. Архиепископъ *Данійло* сѣдіо є на архи-епископскомъ престолу одъ 1325 – 1338. Дѣло Данійлово назива Раићъ *Родословомъ*; ово є послѣ смрти Данійла одъ єднога или два продужителя наставлѣно. Садржи у себи біографіє краля *Радослава*, *Владислава*, *Стефана Уроша*, *Стефана Драгутина*, кральице *Єлене*, краля *Стеф. Уроша Милутина*, *Стеф. Уроша Деչанкогъ* и цара *Стефана Душана*, и архиепископа и патріярха: *Саве* I. *Арсенія* I., *Саве* II., *Данійла* I. *Іоаникія* I., *Євстатія* I., *Саве* III. *Никодима*, *Данійла* II. хисторика, *Іоаникія* II., *Саве* IV. Данійло є быо суверменникъ кралѣва Ст. Уроша, Драгутина, Милутина, Дечанскогъ, и цара Душана. Ово дѣло ніє штампано. Налази се у два рукописа, єдномъ одъ год. 1763, а другомъ одъ год. 1780 у патріярх. библіотеки у Карловцы, и у трећемъ єдномъ у универз. библіотеки у Лвову.

5. *Ђорђе Држићъ* родіо се око половине XV. вѣка. Быо є редовникъ. Незна се, кадъ є умрѣо. Писао є 1. єдну пирну драму, 2. Пѣсань врху чистоће, 3. Различне любовне и моралне пѣсне.

6. *Ханибалъ Луцићъ*, властелинъ Хварскій, писао є около 1495—1525. Нѣгова дѣла издао є прный путъ сынъ му Антоніє 1556. Писао є 1. Пѣсне любовне, 2. драму Робиня. 3. различне пѣсне похвалие, и ине. Штампанъ є на ново 1847.

7. *Петаръ Хекторевићъ* род. 1487 у Старомъ граду Хварскомъ изъ старе племените куће. Умрѣо є 1572. Писао є рыбарску пѣсну: *Рыбанѣ* у три дана раздѣлѣну, и іошъ нѣколико посланица. Рыбанѣ є штампано 1556. у Млѣтцы; послѣдный путъ 1846. у Задру.

8. *Мауръ Ветраничъ Чавчићъ* род. 1482. Постане редовникъ Бенедиктинскій, и проведе найвећій дѣо живота свога на маломъ острову св. Андріє, гдѣ є пустиньствовао. Умрѣ одъ 120. година. Писао є: 1. 6. кньига различныхъ пѣсана; 2. пѣсну Путникъ; 3. Ремета, у коіой пѣсни свой станъ описує; 4. три побожне драме; 5. превео є Екубу изъ грчкога.

9. *Стефанъ Гучетићъ* (Gozze) цвѣтао є около 1525. Написао є веселу пѣсну *Дервишіяда*. Други мысле, да є Дервишіяда дѣло Стефана Ђорђи Гиманія изъ XVII в,

10. *Андрія Чубрановићъ*, у почетку XVI. вѣка. Бы̂о є златаръ. Писао є *Єђупку*, и нѣколико другихъ пѣсана. Єђупка є штампана год. 1559 у Млѣтцы, год 1838 у Дубровнику.

11. *Никола Налѣшковићъ* родіо се у почетку XVI. вѣка, а умрѣо год. 1583. Занимао се трговиномъ. Писао є таліянски єдно дѣло математичко, а србски: 1. Различне пѣсне; 2. Любовне пѣсне; 3. Боголюбне пѣсне; 4. пѣсне одъ машкараде; 5. Седамъ комедія. Одъ свега овога врло є мало нѣшто до насъ сачувано дошло, друго се све погубило.

12. *Савинъ Бобали Мишетићъ*, одъ властелске куће, род. год 1530. и живіо є 55. година. Писао є таліянски пѣсне пастырске и сатирске, а србски 1. Єђупку, 2. Различне пѣсне. Ово іоштъ ніє штампано.

13. *Михаилъ Бунићъ Бабулиновићъ*, властелинъ дубров. цвѣтао є около 1550. умрѣо год. 1590. Славіо се латинскимъ, таліянскимъ, и србскимъ списаніяма. Одъ нѣга имамо: 1. србскій преводъ Іокасте изъ грчкога; 2. 30 любовныхъ пѣсана; 3. Прошасте ствари, у коима є Михо залудъ губіо време.

14. *Динко Раньина* родіо се у Дубровнику год, 1536. Іоштъ пре 20-те године разгласи се као славанъ пѣсникъ. Отацъ га пошлѣ у трговини у Флоренцію. Ту Раньина великомъ войводи тошканскомъ Козми омили, кои га редомъ св. Стефана украси, и у свима важнымъ

стварма за савѣтъ пыташе. Изъ Италіє се врати у Дубровникъ, и постане кнезомъ обћине, коя му є часть седамь пута повѣравана была. Ово показує, да є мудро и добро државомъ своіомъ управляо. Умрѣо є 1607. Оставіо є за собомъ 1. Преводе изъ Тибула, Проперція и Марціяла; 2. Преводе изъ Филемона и Мосха; 3. Различне пѣсне. Славіо се и таліянскимъ своимъ пѣснама. Нѣгове различне пѣсме штампане су послѣдньій путъ год. 1850. у Загребу.

15. *Доминикъ Златарићъ* родіо се у Дубровнику год. 1556. У академіи Падованской тако се у философіи, праву грађанскомъ, краснорѣчію и пѣсничству одликовао, да су му се сви дивили. За ректора архигимназіє (свеучилишта) изабранъ „suo splendore ac vigilantia gradum Rectoratus pene dirutum pristino honori restituit“, као што надписъ на нѣговомъ споменнику у Падови гласи. Вративши се кући у Дубровникъ, даде се на то, да єзыкъ србскій добро изучи, и пође са своимъ братомъ Михаиломъ по Далмаціи и Хрватской путовати. Писао є понайвише на своіой баштини у Конавлю. Златарићъ и Раньина были су пріятельи. Много є нѣговыхъ дѣла пропало; она, коя су се сачувала, по већой части любовне пѣсне, нису издана. Ова му є братъ Михаило послѣ нѣгове смрти, коя се 1607 догодила, изкупіо. Год. 1598. штампано є 1. Любовь Пирама и Тизбе, преводъ изъ грчкогъ; 2. Преводъ Софоклесове Електре; 3. Преводъ Тассовогъ Аминте; 4. Надгробна слова нѣкимъ знатнымъ людма. Златарићъ є быо єданъ одъ найславлѣніихъ свога вѣка имена. Латински писцы звали су га или Aurius или Chrysaeus, по значеню имена му србскога.

16. *Иванъ Гундулићъ*, дика и слава дубровачке литературе, родіо се у Дубровнику 8. Януар. год. 1588. Свршивши науке православне, іоштъ младъ, обносіо є прве у обћини службе. Кадъ до 30. година дође, повуче се у мирніи животъ. Умрѣо є 1638. Писао є Гундулићъ 1. Пѣсну о величанству Божіємъ; 2. Сузе сына размет-

нога; 3. Аріядну, драму; 4. Дубравку, пастырску драму; 5. Прозерпину уграблѣну; 6. Галатеу; 7. Діяну; 8. Армиду; 9. Цереру; 10. Клеопатру; 11. Адона; 12. Коральку; 13. Посветилиште лювено; 14. У славу Фердинанда II. великога тошканскогъ войводе. 15. У смрть Маріє каландрице; 16. Османа. Преводе є оставіо 1. Седамь покорнѣхъ пѣсній; 2. Филиду одъ Скира, изъ тал. 3. Любовника срамежльива изъ тал; 4. Єрусалимъ ослобођенъ, одъ Тасса. Найсяйніє нѣгово дѣло єсть *Османъ*. Дѣла Гундулића, коя се налазе, издана су 1844 и 1847 у две кньиге у Загребу.

17. *Ђонъ Палмотићъ*, другій првопрестолникъ дубровачке литературе, родіо се у Дубровнику год. 1607. Живіо є Палмотићъ до 1657, и те є године у 50 лѣту свога живота преминуо. Писао є 1. драме: Енеа, Аталанта, Акиллъ, Едипъ изъ Софокла, Єлена, Даница, Цаптислава, Павлимиръ, Аріоданта, Риналдо, Алцина и др. У Павлимиру слави постанакъ роднога града Дубровника; а у Цаптислави подигао є споменикъ Епидавру, майцы Дубровника, на коєга развалинама стои Цаптатъ; 2. Пѣсну о И. Христу и о св. Екатерини; 3. Пѣсну о слави словинскихъ далм. кралѣва; 4. *Кристіяду*. Ово є дѣло написао на латинскомъ єзыку Єронимъ Вида, (1535) а Палмотићъ га є слободно превео на србски. Незадоволянъ са нарѣчіємъ дубровачкимъ, као нечистымъ, послужи се у овоме дѣлу єзыкомъ босанскимъ. Кристіяда є славу имена Палмотићева одржала. Штампано є ово дѣло 1852 у Загребу.

18. *Владиславъ Єре Минчетићъ*, умрѣо 1666 писао є 1. Трубля словинска. 2. Зорка (Сузе Радмилове); 3. Юстина мученица, драма недовршена; 4. Радоня, пастырска пѣсмица. 5. Различите пѣсме любовне у рукопису; 6. Посланица Николи Рестићу.

19. *Иванъ Бунићъ Вучићевићъ* рођ. 1658. Писао 1. Мандалѣна покорница; 2. Пландованѣ, пѣсне.

20. *Игнятъ Ђорђій*, трећій првопрестолникъ дубровачке литературе, родіо се 1675. Найпре ступи у

редъ езуита, но послѣ седамъ година изиђе изъ нѣга, и стане живити, као учеванъ човекъ у самоћи. Доцніе пакъ ступи у скупштину Млѣтску св. Бенедикта. Умрѣо е 1737. Писао е много, латински, италіянски и србски. Србска нѣгова дѣла есу 1. Животъ и дѣла св. Бенедикта; 2. Салтѣръ словинскій; 3. Уздаси Мандалѣне; 4. Неиздане разне пѣсне: жалостне попѣвке, — пастырски разговори, као што е сватба Руменка и Милѣне, — разговори планинскихъ Вила, — пѣснице, као свѣтнякъ; 5. Марунко, шальиво списаніе; 6. друге 4. веселе пѣсне; 7. Іудита, жалостна игра недовршена. Главна дѣла Ђорђићева есу Салтѣръ, и особито Уздаси Мандалѣне.

21. *Павле Витезовићъ* рођ. у Сеню, воспитао се у Белгіи. Онъ се управо Риттеръ звао. Год 1691. буде за Поджупана загребачкогъ избранъ и постане барономъ. Онъ наговори хрватске станове те подигну штампарію у Загребу Подъ именомъ Витезовића изда *кронику алити споменекъ всега света вековъ.* Ову настави Рафан до 1744, а Лауренчићъ и Керчелићъ до 1762. Одъ нѣга имамо *Одиленъ Сигетско*, и *Сибилу хрват*ску. Осимъ тога остало е до 16 рукописа за ньимъ. Мораюћи се ненависти съ пута уклонити оде у Бечъ, и ту умрѣ год 1713.

22. *Тома Бабићъ* рођенъ у Котару на Велиму около 1680, а умрѣо 1750. ступи у редъ св. Франѣ, и буде избранъ за владаоца више манастыра у Далмаціи. Писао е двѣ словинске граматике, и *Цвѣтъ разлика мириса духовнога.* Ово дѣло има двѣ части. Упрвой су предмети богословни у прози, у другой у стихови обрађени. Прештампано е ово дѣло 1851. год. у Задру. У овомъ изданю приключена су къ првой части дѣла: 1. *Стефана Бадрића*: Указанѣ истине међу црквомъ източномъ и западньомъ; 2., О. Гргура изъ Вареса: четири говореня ћудоредна. А къ другой части приключена су дѣла. 1. О. *Петра Кнежевића*: Мука господина нашега Исукерста и плачъ матере нѣгове; 2. Попа *Петра Вулетића:* Іосипъ праведный, у 4. пѣваня. Цвѣтао е Бабићъ около 1719.

23. *Андрія Качићъ*, редовникъ св. Франѣ, еданъ одъ найнародніихъ нашихъ списателя. Засадъ немогохъ нипошто ни наћи ни дознати, кадъ се родіо, и кадъ е умрѣо. Долази Качићъ изъ старе славне фамиліе Качића. Писао е 1. Корабльица писма светога и сви вѣкова свѣта догађаи поглавити (до 1760); 2. Разговоръ угодный народа словинскога. И ово е управо оно дѣло, кое му име држи, и држа-ће. Штампано е одъ 1756 више пута.

24. *Петаръ Кнежевићъ,* редовникъ св. Франѣ, родомъ изъ Книна, цвѣтао е око 1765. Писао е: Муку Исукрста, в. 22.

25. *Петаръ Вулетићъ,* кастеланинъ. О овомъ немогохъ ништа дознати. Писао е: Іосипъ праведный, в. 22.

26. *Гргуръ* изъ Вареса. И о овоме за сада само име знамо. Писао е: Четири говореня ћудоредна, в. 22.

27. *Матія Антоніе Рельковићъ,* капетанъ, родіо се у Свиняру у Славоніи, незна се управо кадъ. У седмолѣтномъ рату одликуе се, и добые насловъ одъ *Ерендорфа.* У войни дође на мысао, и напише свога *Сатира* 1761. у Саксоніи, и даде га штампати у Дражђанима. Послѣ войне дође у Шамацъ у штацію, и ту напише *Граматику србску.* Осимъ тога превео е *Езопове басне,* и *Постанакъ наравне правице,* и писао е кньижицу за дѣцу: *Некъ е свашта.* Кадъ остари пређе у Винковце, и ту е живіо у миру. Умрѣо е око 1800 год. Главно нѣгово дѣло есть *Сатиръ,* кои е већъ више пута прештампаванъ.

28. *Видъ Дошенъ* родомъ одъ мора Велебитскога (као што самъ каже), быо е жупникъ Дубовичкій у бродской краини. Нити самъ могао дознати, кадъ се родіо, ни кадъ е умрѣо. Написао е *Аждаю седмоглаву бойнымъ коплѣмъ ударену и нагрђену.* Ово е дѣло изи-

шло 1768 год. у Новой веси, и више є пута одъ то доба прештампавано.

29. *Мойсей Путникъ* найпре епископъ Бачкій, затымъ Темишварскій, буде 1780 за митрополита избранъ, и умрѣ 1790. Онъ є быо покровитель нашега хисторіописца Раића.

30. *Антунъ Канижлићъ* родомъ изъ Пожеге, редовникъ єзуитъ. Писао є: *Света Рожалія панормитанска,* коє є дѣло год 1780 у Бечу штампано, и велико друго дѣло: *Каменъ правый смутнѣ велике,* о узроцыма, изъ коихъ су се източна и западна црква раздѣлиле, у Осѣку 1780.

31. *Арканђелъ Катићъ*, дубровчанинъ, редовникъ св. Бенедикта говоріо, є у врѣме страха одъ куге у Дубровнику три слова, коя су 1787 год. штампана.

32. *Гиро Ферићъ* иначе Гвозденица, родіо се у Дубровнику 1744, умрѣо 1824. Быо є канонникъ. Писао є латински пѣсне, као што веле, изредне. Србски є писао *Приче*, коє су одъ части текъ у Далматинскомъ Магазину за год. 1851. обнародоване.

33. *Матія Петаръ Катанчићъ*, рођенъ у Валпову у Славоніи 1750, умрѣо 1825. Быо є редовникъ св. Франѣ. Имао є необычне науке, и быо є професоръ на свеучилишту Пештанскомъ. На латинскомъ и србскомъ єзыку написао є око 30. дѣла, коя су одъ части штампана, одъ части іоштъ у рукопису таю. Превео є св. писмо у єзыкъ славено илирскій изговора босанскогъ, у 6. великихъ свезкій. Нѣгови пастырски разговори штампани су у кньижицы: Fructus Autumnales in jugis parnasi pannonii maximam partem lecti, штампаной 1744. у Загребу.

34. *Алексіє Везилићъ,* прониншпекторъ нормалныхъ школа, написао є дѣло; *О спокойной жизни,* коє є год. 1788 у Бечу штампано.

35. *Іованъ Раићъ* родіо се 1726 године у Карловцы Жеданъ наука, послѣ свршеныхъ школа у Коморану и Шопрону, оде 1753. у Кієвъ преко 50 мыля пешачећи. Ту пробави три године; затымъ буде єдну годину у Мо-

скви, па се онда врати у домовину. Ту га неприме, како се надао, и зато се врати опетъ у Руссію. У Кіеву буде нѣко време, пакъ онда оде у Цариградъ већъ съ намѣромъ датке за србску хисторію скупляти. Изъ Цариграда га куга брзо поплаши, те оде у Атонску гору. Ту е мысліо неизцрпный изворъ за хисторію србску наћи, али се превари; монаси страннομъ, непознатомъ, сиромаху путнику нехтѣше свое сандуке ни да отворе. Год 1758 врати се у Карловце, и буде учителѣмъ, а мало послѣ оде у Темишваръ, и ту е за три године науке богословске предавао. Изъ Темишвара оде на позывъ епископа М. Путника у Н. Садъ, и ту е у истомъ дѣлу тако дѣйствовао, да се бачко свештенство премного одъ другога свештенства одликовати стало. Епископъ га произведе за архимандрита Ковильскогъ. Петнаесть путій нудили су га епископствомъ, но онъ се никада тога примити нехтѣше. Умрѣо е год. 1801. Раићъ е врло много писао. Већа часть нѣговыхъ дѣла лежи іошть у рукописима. Изишла су на свѣтъ. 1. Бой змая са орлови 1791; 2. Съ русскога преведене проповѣди 1794 у три тома in Folio; 3. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ у 4. тома 1792—95; 4. Трагедія Урошъ послѣдньій царъ одъ корена Неманьина 1798; 5. Цвѣтникъ 1802; 6. Пѣсне, безъ имена. Међу рукописима находи се 1. Описаніе собора, кое восточна црква прима; 2. Теологійско тѣло у 5. томова in Folio; 2. Исторія о раздѣленію восточне и западне цркве; 4. Собраніе изъ исторіе србске послѣдуюћихъ времена; 5. различна слова; 6. Пѣсне духовне и т. д.

36. *Доситей Обрадовићъ* родіо се у Чакову 1739. Умладости закалуђери се у манастыру Опову, али жеђь за наукама и свѣтомъ учини, да свой манастырь остави и у свѣтъ оде. Пређе Хрватску и Далмацію, оде у Корфъ, Мореу, Атонску гору, Смирну, а одавдѣ преко Коринта и Патраса у Корфъ натрагъ. Изъ Корфа оде у Албанію, а одтуда опетъ у Далмацію, и далѣ у Трстъ и Бечъ. У Бечу пробави шесть година. Послѣ тога оде

Доситей у Трстъ, Ливорно и Цариградъ, а изъ Цариграда изпредъ куге побѣгне на островъ Хіосъ. Кадъ се утиша куга, оде на ново у Цариградъ; али онъ тамо а куга тамо, те ти онъ опетъ бѣжи у Галацъ. Изъ Галаца оде у Липско. На томъ путу прође крозъ Львовъ, Польску и Слезску, и дође преко Липскога у Халу, гдѣ се запише на университету, и стане слушати Еберхарда. Изъ Хале пређе у Липско, гдѣ се равнымъ начиномъ као ученикъ упише. Ту нађе типографію кирилска слова имаюћу у Брайткопфа, и то га наведе, те напише у кратко свой *животъ и приключенія*, и даде га штампати, 1783. Год. 1784 даде штампати *Совѣте здраваго разума.* Одовуда оде у Француску и Енглезску, и после шесть мѣсецій врати се опетъ у Липско. Год 1788 да штампати своє *Басне,* коима приключи у писмама описаніє свога живота, како є изъ Хопова отишао, па до 1788. Исте године учини путъ у Лифландію. Год. 1789 даде у Бечу штампати *Собраніє разныхъ нравоучителныхъ вещей.* Год 1802 оде у Млѣтке, гдѣ му србски трговцы 2000 фл. на годину опредѣле, да живи у миру, и за родъ пише. Год. 1806. пређе Доситей у Србію; а кадъ се врати, оде у Влашку, а одтуда натрагъ у Бѣоградъ. У Бѣограду постане сенаторомъ и воспитателѣмъ дѣце Карађорђеве. Ту се престави 1811, године. Доситей є писао и погдѣкою пѣсну. Послѣ смрти нѣгове изда Соларићъ нѣговога *Мезимца.* Скуплѣна сва нѣгова дѣла изишла су 1830 у Нсаду.

37. *Григоріє Терлаићъ*, родіо се 1766, умрѣо є 1811. Поставши секретаромъ князя Голицына у Бечу, добыє прилику отићи у Руссію. Овдѣ су га задржавали, али се онъ ніє могао одважити, да своє отечество оставли, и врати се натрагъ. Послѣ различныхъ судбина живота оде у Руссію, и тамо постане професоромъ хисторіє и штатистике кодъ пажкогъ кора у Петрограду. Но увѣкъ є за домовиномъ удіо. Год. 1811. пође кући, и сврати се у Харковъ, да посѣти Стойковића, и ту умрѣ. Писао є Терлаићъ 1. Забавленіє єдинаго лѣтнаго утра

1798. 2. Идеа или мужеская и женская добродѣтель 1798. 3. Нума Помпиліи 1801. Осимъ тога писао е Терлаићъ многе пѣсне; одъ овыхъ су гдѣкое овдѣ ондѣ на свѣтъ издане, али е найвећа часть одъ ньихъ пропала.

38. *Атанасіе Стойковићъ* родіо се 1773 у Руми. Свршивши науке кое у Унгаріи, кое у Германіи, буде позванъ у Руссію за професора физике на свеучилишту Харковскомъ, у комъ се званію одликовао, и зато велике милости одъ императора достао. Умрѣо е 1830. На србскомъ езыку пре одлазка у Руссію писао е 1. Физику 1801. у три части; 2. два романа: Кандоръ, или откровеніе египетскихъ таинъ 1800, и: Аристидъ и Наталія 1801. Осимъ тога написао е нѣколико пѣсана.

39. *Георгіе Храниславъ*, епископъ Пакрачкій, а затымъ Бачкій, родіо се у Руми око 1770. а умрѣо е 1843. Онъ е писао доста пѣсана, но за живота нѣгова рѣдко е коя свѣтъ угледала. У двору митрополита Стратимировића быо е онъ признатіи такмацъ Мушицкога.

40. *Павле Соларићъ*, любимацъ и ученикъ Доситеевъ. Кадъ се овай списатель родіо, и кадъ е умрѣо, нисамъ могао засада дознати. Писао е: Ново гражданско землѣописаніе, 1844; Поминакъ кньижескій 1810; Римляни славенствовавши 1818. и многа друга. Осимъ тога писао е и пѣсне, одъ коихъ е еданъ дѣо у срб. Лѣтописима явности преданъ.

41. *Милованъ Видаковићъ* рођенъ у Сербіи у селу Немениkуће 1779. Одъ год. 1817—1825 быо е професоромъ у Новосадской гимназіи, а послѣ е бывао приватнымъ учителѣмъ и воспитателѣмъ. Умрѣо е 1841 у Пешти. Видаковићъ е много писао. Одъ нѣговыхъ романа спомену-ћемо ове: Усамлѣный юноша 1810; Любомиръ у Елисіюму I. ч. 1814 II. ч. 1817 III. ч. 1823 Кассія царица 1827; Силоанъ и Милена 1829. Любезна Сцена у веселомъ двору Иве Загорице 1832. У стиховима писао е: Исторію о прекрасномъ Іосифу 1810; Младогъ То-

вію 1825; Путъ у Іерусалимъ 1838. Найглавніе нѣгово дѣло есть Любомиръ у Елисіюму.

42. ***Іованъ Пачићъ*** капетанъ, родіо се у Баи 1771 умрѣо у Будиму 1850. Издао е 1827. *Сочиненія пѣснословска.* Осимъ тога оставіо е велико множество пѣсана у рукопису.

Манѣ познате рѣчи кодъ дубровачкихъ списателя долазеће.

А

арборъ, катарка.
аргутла, горня часть крмана, Steuerruder.

Б

бадъ.
бадилъ, лопата, Schaufel.
бати, одъ батъ, а, Kolben.
баци, одъ бакъ, а, бикъ.
баштина, собственость, Eigenthum.
бесію, бесѣдимъ,
бильнзати
бильнсати } каже се о славую кадъ пѣва.
бытакъ, быће.
блазина, подглавакъ.
блудъ, Irrthum.
бодезанъ, врхъ одъ саблѣ.
болю, одъ болѣти.
боравити, проводити и. пр. време, животъ.
босилъ, босилякъ, basilicum.
боча, е, Degengefäß.
брезбрже, заиста, безъ сумнѣ.
бурка, е, Zerſtörung.
бускупіе.
буцати, шумъ правити, рыбе плашити, да у мрежу улете.

В

вазми, узми, одъ вазети, узети.
вай, Weh.
васъ, савъ.
вашћина, срамота.
ваю род. дв. одъ вы.

везъ, везови, Band.
веле, много.
велми, много, яко.
вельи, великій.
веритисе, вератисе, umherkriechen, umherſchleichen.
вѣначце, вѣнчићъ.
віе, вити, лаяти.
вйнъ, вѣмъ, знамъ.
вйшћа, вѣшта.
владика, госпоћа.
врѣло, изворъ.
вухвенъ, вухленъ, verſchmitzt.
вухлити, лацкати, меденымъ рѣчма замазивати очи.

Г

галебакъ, морска птица.
гизда, лѣпота, дражесть.
гиздавъ, лѣпъ, дражестанъ.
главня, цѣпаница.
глоби им. мн.
глумацъ, histrio.
гньила, иловача, Thonerde.
гоити, хранити, nähren, ziehen, erziehen.
годити се, догаћати се, случавати се.
гомила, Steinhaufen.
градь, туча, крупа,
грайскій, а, о, градскій, а, о.
грдо, verworren.
гремъ }
гредемъ } идемъ, ходимъ.
грезнути, verſumpfen.
грамизанъ, зна, зно, пурпуранъ, на, но.
гуса, айдуцы.

Д

да, али.
дахъ, Hauch.
деръ, чакъ.
димъ } кажемъ.
ди } каже.
дію } кажу.
диль, для, ради, збогъ.
дилый, я, ѣ, дужій, а, е.
добуду, добыти, добыемъ, достанемъ.
долѣка, долѣ, unten.
допоконъ, найпослѣ.
допеляти, дотѣрати.
домарати, bis zur Ermüdung in Anſpruch nehmen
доселу, доселѣ, досадъ.
драга, долина.
дреселѣ, жалость, туга.
друговя, другій путъ.
дундо, стрицъ.
дѣлити се, одлазити.

Ђ

ђилѣ, лиліе, кринъ.

Є

єдро, Segel.

єжине, школьке за єло.

Ж

жаль, морскій брегъ.
ждрѣло, Engpaß; Schlund.
жиганти, гиганти.

желетъ, целатъ.
жудити, желити.

З

забыти, заборавити.
заблѣштенъ, а, о, geblendet.
заду, зада, страга, hinten.
задуха, гушенѣ.
задушити, узпирити, anſachen
залый, зала, зало, злый, зла, зло,
залиха, одвише, überflüſſig,
заманъ
замани } umſonſt.
заманѣ
замаха, Sturz.
замнѣти, зазвонити, ertönen.
замѣрити, угледати.

запанѣнъ, а, о, verblüfft.
заприштенъ, а, о, разяренъ, а, о.
заточникъ, Kampfheld.
заточиште, Kampfplatz.
зачъ, зашто,
згодь, згода, случай,
здѣла, чиніа,
зенути, зенемъ, ницати, aufſchießen,
зледь, зло, Übel.
злече зв. одъ зледацъ, Übelwollender.
зорахъ, зораху, одъ зрѣти, гледати,
зубатацъ, рыба една, dentale.

И

изврстанъ, на, но, außerordentlich, vollkommen.

изае, одъ изети, изузети, herausnehmen.

изкорѣпѣнъ, изкорѣпити, изкоренити.
изплитоше, **изплинути**, дробъ извадити.
иштомъ, истомъ, текъ.

К

кадеръ, кадаръ, способанъ.
калъ, блато.
камикъ, **камн**, каменъ,
каньченица, танакъ конопацъ имаюћій на єдномъ краю брой удица.
каћунакъ, orchis satyrium.
кêйзи, коіой.
кй кâ, **кô**, кои, коя, кое.
кладати, **класти**, метати, legen.
клачина, кречъ.
кобанъ, на, но, fatal.
конъ, кодъ.
копно, суха земля.
копитнякъ, рыбарско оруђе, кое служи на то, да се ньимъ са дна морскогъ одкидаю лостуре и каменице.
копрена, Schleier.
коіойзи, коіой.
котъ, као.
крзманъ, **крзмати**, zögern.
кримизанъ, одъ кримизъ, Carmesin.
кроцѣћъ, крозшто, ербо.
крунити, круну мећати.
крпуша, зврцай.
крѣсови, **крѣсъ**
куда, е, репъ.
кукулявъ, ва, во.
куфъ, лабудъ.

Л

лазити, ходити.
лачанъ, на, но, гладанъ, на, но.
ли, **лѣ**, еда; али, но; заиста; pleonasmus.
липсати, mangeln.
листо, само, чимъ.
литица, стрма стѣна.
лихати, амъ, Mangel leiden.
личба, телаленѣ, öffentliches Ausrufen.
лише, **найлише**, meiſtens.
личити, anſtehen.
личити се, лучити се.
личина, конопацъ одъ липове лике.
лишце, умалит. одъ лице.
локань, локва.
лупаре, eine Art Auſtern.
лустре, люштуре.
лѣнкомъ; одъ **лѣнка**, мотка узъ кою се лоза пужа.
лювенъ, любованъ.
лювезань, любезань.

M

мâ, моя,
мартолосъ, айдукъ.
манъ, заманъ, umſonſt.
мантелита, шанацъ.
манярь, сѣкира.
маркѣнта, стѣна.
ме̓у, међу,
мила, любавь.
минути, проћи, vergehen, vorübergehen,
миную одъ миноватн.
миръ, а, Mauer,
мира, е. Myrrhe,
мирли, ій, Zinnen,
млађахтый, а, о, млађанъ, а, о
мледанъ, а, о, мршавъ, а, о.
млохавъ, а, о, млитавъ, а, о, ſchwach, matt.
мни, у мни, у мени.
мнити, мню, мыслити.
многишъ, много пута.
мôй, моіой.
мортаръ, можаръ, Mörſer.
можданн, им. мн. мозакъ.
мѣшнице, гайде.

Н.

навлашъ, полагано, langſam.
нава, е, бродъ.
надворъ, наполѣ.
надомирати, допуньивати, подмиривати.
надне, надме.
надѣти, енемъ.
найлѣпля, найлѣпша.
наказань, Ungeheuer.
налипъ, отровъ.
налипати }
налипити } плѣмъ, нападати, angreifen.
напась, напастъ.
напоконъ, найпослѣ.
нареданъ, ordentlich, ſo wie er ſein ſoll.
нахрипити }
нарипити } нападати, angreifen.
наштенъ, нађенъ.
наю, род. насъ.
небогъ, сиромашанъ.
неншћу, неништемъ.
немань, што и наказань.
неморе, неможе.
непаряти, неоставляти.
непохићу, непохитимъ.
непочинъ, безъ одмора.
нереданъ, uuordentliich, unmoraliſch.
нетеже, нераде, од тежати, имъ.
нетомъ, текъ што.
неухаяти, неухађати.
нехарь. неблагодарность, немилость.
нецвилѣнъ, неоплаканъ?

никакоръ, никако,
нитко ръ, нитко,
ница, съ лицемъ на землю.
ничъ, ништа,
ничемуранъ, што ніе ни за што.
инщай, ниш ати, њихати, wiegen; радовати се.
ништаръ, ништа.
норити, гиюрати, tauchen.
нудѣре, нуд.'
нѣкоко, нѣколико.

О

обезанъ, обвезанъ.
обô, обал̑ъ.
обровъ, Graben.
обѣстранити обколѣти.
обѣсть Raſerei.
обѣтати, обѣћу, обѣћавати.
озубатацъ, што и зубатацъ.
озубити се, показати зубе, одупрети се.
озирати се́, обзирати се
ожетъ, а, о. изцѣђенъ, а, о.
ойдоше, отидоше.
орань, врста?
орихъ, орахъ,
орити, ſtürzen.
ости, рыбарскій трозубацъ
отаръ, олтаръ.
охолія, гордость, Hoffart.
охола̀сть, охолость, гордость.
оцѣрити, оцѣрити, изцѣрити зубе.
очито, явно.

П

падела, тепсія.
паче, што више.
педѐпсати, наказати, казнити.
перенїй, а, о, одъ пера.
перивой, вртъ, башта, Luſtgarten.
песть, песница, die Fauſt.
пече, комаде.
печити, пецнути.
питати, тражити, искати.
плашћено,
плесати, играти, угазити, погазити
плискавица̀, рыба морска̀ оштрогъ репа.
плоча, Einſteigplatte.
побукъ, коплѣ, кое на врху древено звоно има, коимъ рыбари лупаю море clava piscatoria.
пови̑, одъ пови̑ти, приповѣдити.
подлабутати, уморити.

подобати се, пристояти се.
подплатъ, а, табанъ, Fußſohle.
позабыти, заборавити.
позине, одъ позинути, прогутати.
пой, ноћи.
покидобъ, одкако.
поклѣ
поколу } покле, nachdem.
покора, die Buße.
полача, палата.
полати, одъ полатити, потѣрати.
помня, позорность, паженѣ.
пониkомъ, abwärts, hinab; поникъ, а, das Niederſchlagen der Augen.
поноръ, пропасть, проваліа, Abgrund.
порабе, одъ порабити, робомъ учинити.
порая, пораяти, пораћати.
поратъ, лука, пристаниште, Hafen.
пособа, Gunſt.
потъ, зной.
потратити, изгубити, уништити.
похлепа, Gier, Begierde.
почанъ, печамши, angefangen.
почасница, пѣсма коя се пѣва кадъ се коме у часть піе
поялъ, пояти, поямемъ, узети.
правити, казати, приповѣдати.
прамъ, праменъ, влакно одъ косе.
премъ, врло, яко.
преморе, премоћи, надвладати.
пригода, случай, догађай.
притачь, притча.
притньи, им. ми. оружѣ рыбарско.
приче, причму; причати, причнемъ, почети.
пріязань, и, пріятельство.
прлити, прльити, жећи=
проводићъ, вођа, Wegweiſer.
продумыслити се, ſich kränken, gerührt ſein.
прозъ, крозъ.
противa, противность.
прудити, хаснити, користити.
пругови
прузи } скакавцы.
пржина
пршина } пѣсакъ морскій.
пршити летити.
прѣсначъ, погача.
прѣша, хитость.
путь, тѣло.

Р

рабе, рабити, трудити се, радити.

разблуда, разкоша, сласть.

разблуданъ, дна, дно, разкошанъ, сластанъ.

разблудити. размазити, разнѣжити.

разделенъ, разжеженъ' разпалѣнъ.

разкоша, забава, сласть увеселѣнѣ.

разликъ, ка, ко, различанъ, а, о.

ратъ, а, оштрль н. пр. одъ игле. Другчіе ртъ.

реса, реса, Franſe.

ресити, украшавати, zieren.

рогоборъ, Getöſe.

Рода, островъ Родосъ.

ротанъ, на, но, имаюћій вредность?

руса, ружа.

рыло, уста, челюсть.

С

сагъ, а, Teppich.

сажети. жмемъ, н. пр. очи, die Augen zudrücken; раменима, die Achſeln zucken.

сай, са, се, овай, а, о.

самбече?

самокресъ, пиштоль.

сасма, сасвимъ, gänzlich.

саспѣти, нестати чега и кога, издахнути.

свеђъ
свеђе } свагда.
свеђеръ

свѣдити се, zum Bewußtſein kommen.

свіоный, а, о, свиленый, а, о,

свринути, окренути; свринути се, ausbrechen z. B. Thränen.

свршити, umbringen.

свршно, vollkommen.

сгара, одозгоръ, von oben.

сгода, сгодати, догодити, случити.

сгодити, угодити.

себаръ, Plebejer.

сега, сеган, овога, род. одъ сай.

сеи, се, ово.

сестренице, одъ сестара дѣца женска.

сехсана, е, Saumpferd.

сиде?

сидро, ленгеръ, Anker.

сказань, зни, Erſcheinung.

сказнити, указати се, erſcheinen.

скипъ?

складъ, сугласіе, Harmonie
скочанъ, чна, чно, хитаръ, flink.
скрабінца?
славицъ }
славикъ } славуй, Nachtigall.
слая, слађа, услађава.
слимати, снимати, скидати.
словити } на гласу быти, berühmt ſein.
слути }
смамлѣнъ, а, о, обчинѣнъ, а, о, bezaubert.
смилѣнъ, смилити се, ſich erbarmen.
сми'нъ, смѣлъ, kühn.
смокло, смокнути, поквансти се, naß werden.
сморацъ, вѣтаръ, кои съ мора душе.
снѣтити огань, наложити ватру.
опише, сописати, röcheln.
спенза, новцы, Geld.
спила, пештера, Grotte.
спингарда, машина за лупанѣ зидова.
спунити, изпунити.
спућене, спутити, у путо оковати.
срда, фурія.
срчити, zürnen.
ста, двойств. одъ сто.
стаглићъ?
стегно, Schenkel.
стесати, стесамъ, принудити.
стêћи, стоећи.
стравлѣнъ, стравити, verliebt machen.
стренитель, сатритель, Vernichter.
стрмити, чувати, извршивати.
стрнути, угасити.
сулица, коплѣ, Lanze.
синца, сѣнка.

Т

такменъ, а, о, еднакъ, а, о.
тамникъ.
танцѣхъ, танкихъ.
тачъ, тако.
таштъ, празанъ, зна, зно.
ташћина, изпразность, Eitelkeit.
твâ, твоя.
тврђа, Feſtung; Panzer.
тегъ, а, посао, Arbeit.
тегнути, додирнути.
тежанѣ одъ тежати, имъ, радити.
телићъ, повеће теле.
тере, те, и.
тетивика, Stechwinde, smylax aspera.
тимаръ, господско добро
тимунъ, долня часть одъ крмана.
тири, тирити, тѣрати.

тлапити, durcheinanderträumen.

тле, тлеха (кодъ Луцића.) **тлѣ, тлихъ** **тло,** **тла, тлихъ.**	земля, Boden.

тои, то.

токій, толикій.

толи, толико.

тоту, тоти, ту, da.

травине?

тракъ, зракъ; жица; Band; Streif; рукавъ одъ воде, Arm (eines Flußes.)

тратити, губити, трошити.

траторакъ, траторъ, Tauſendſchön, цвѣтъ.

траћу, одъ тратити настоеће 1. лиц.

трептити, дрхтати.

третомъ, по трећій путъ.

троскотъ, Vogelknötrig, polygonum aviculare.

труданъ, дна, дно, утруђенъ, уморанъ, müde.

трула, одъ **трути**, трти, drücken.

трусъ, потресъ, Erdbeben.

труянѣ, тежко послованѣ, drückende Arbeiten.

трѣсъ, а, громъ, Blitzſtrahl.

тулико, толико.

тумбанъ?

турта, торта, колачи.

Ћ.

ћа, чакъ, weg; weit hin

ћайко, отацъ.

ћутити, осѣћати, empfinden, fühlen.

У.

убахъ, а, о, убавъ, лѣпъ, niedlich.

увѣтити, условити, уговорити.

уди, одъ **удити**, шкодити.

удражанъ, liebgewonnen.

узпрегнути, зауздати, уздржати.

узчтуе, узчтовати, узпоштовати.

уимати се, мучати, ſchweigen.

уйти, уйдемъ, побѣћи.

улиште, кошница, Bienenſtock.

уминуемъ?

умѣтонство, умѣтство, вѣштина, Kunſt.

унеблушити, вальда, überraſchen.

упити, вапити.

уплакати се, ſich hineinwühlen.

уредъ, **уреда**	скоро, bald.

уресити, украсити, ſchmücken.
урнебесъ, Sturm.
утажити, умирити, beſänftigen, beſchwichtigen.
ухванъ, увѣренъ.
ухилити, berauben.
ухилѣнъ, beraubt der Selbſtbeſtimmung.
уя́ше, ухватише.

X.

харъ, н, милость, Gnade, Dank.
хвоя, хвойка } листната гранчица
хвистати, амъ, хвиснути, фискати фиснути, Streiche verſetzen.
хижа, кућа.
химба, превара, Liſt, Betrug.
химбенъ, а, о, liſtig, betrüglich.
хинити, heicheln.
хипъ, тренуће, Augenblick.
хлапня, Begierde.
хою, хояху, хоћу, хоћаху, ходимъ, хоћаху.
ходе, прич. дѣйств. настоећ. времена, ходећи.
хрба.
хридъ, стѣна, Felſen.
хрли а, о, хрô, хрла, хрло } брзъ ſchnell.
хроче одъ хроцати, гроктати, grunzen.
хрупа. хрупати, хуса, хусати }ударати.

Ц.

цавтити, цвѣтати.
цквернити, сквернити, beſudeln.
цкнити, ſäumen.
цкнѣнѣ, одъ цкнити.
црии, дат. болесть лѣтине.
цѣћъ, цѣћа, збогъ, wegen.

Ч.

ча, шта.
чапи, чаплѣ
чари?
частно, честно, ehrenvoll.
чедри, чедаръ, кедаръ, Ceder.
чесвина, Steineiche.
чесменитъ, а, о, частитъ, а, о.
честь, Glück.
четрунъ, лимунъ.
чинъ, чимъ.
чипитъ?
читати, почитовати.

читоватъ, а, о, ganz, unverletzt.
чрѣда, е, чрѣдъ, а, Reihe, Ordnung.
чути, осѣћати.

Ш.

шебећати?
школѣ, каменѣ у мору.
шоя, сова, Eule.
штопеле, папуче.
штурцы. одъ штуръ, а, о, verkümmert.
шћета, штета.
шћитакъ, штитакъ.
шћитити, штитити.
шћопита, е, sclopetum, пушка.

Я.

язныйками, драгій каменъ?
яйникъ, ело одъ яя.
якъ, као.
яхъ, одъ яти, узети.

Є.

єднага, єднако.

* * *

Садржай.

страна

Првый періодъ. Стара литература

XII. Вѣкъ.

1. Пименно Кулина бана босанскогъ 9
2. Дарователно писмо Симеона Неманѣ манастыру хиландару 10
3. Лѣтописъ далм. изъ XII. в. 13

XIII. Вѣкъ.

1. Изъ живота св. Симеона одъ краля Стефана првовѣнчаногъ 17
2. Изъ живота св. Симеона одъ св. Саве 22
3. Дарователно писмо Стефана првовѣнчаногъ манастыру Жичи 26
4. Уговоръ Јована Дандола кнеза дубров. са кралѣмъ србскимъ Владиславомъ 27
5. Изъ житія св. Саве одъ Дометіяна 30
6. Изъ закона винодолскогъ 34

XIV. Вѣкъ.

1. Изъ развода истріянскогъ 35
2. Изъ дарователне дипломе Стефана Уроша III. дечанскогъ манастыру Дечанима дане. 37
3. Изъ родослова или цароставника одъ архиепископа Данійла 40
4. Уговоръ бана босанског' Твртка са обћиномъ дубровачкомъ 45
5. Изъ законника цара Душана 46
6. Уговоръ Вука Бранковића са Дубровчани 49

страна

XV. Вѣкъ.

1. Покладно писмо обћине дубровачке . 51
2. Савезно писме Хрвоя дука сплѣтскогъ и обћине дубровачке противъ босанскогъ краля Остое 53
3. Даровательно писмо Твртка Твртковића краля босанскогъ Дубровнику дано . . 54
4. Изъ копривничкогъ рукописа 56
5. Писмо Скендербега Дубровчаномъ . . 58
6. Листъ Балше херцега св. Саве . . . —

XVI. Вѣкъ.

1. Изъ рукописа сеченичкогъ 59
2. Изъ рукописа карловачкогъ 60
3. Изъ рукописа хиландарскогъ. 61
4. Изъ рукописа Давидовићевогъ. . . . 62

XVII. Вѣкъ.

1. Изъ рукописа горньобрезничкогъ . . 63
2. Изъ рукописа Магарашевићевогъ . . —

Другій Періодъ. Средня или дубровачка литература.

I. Ђорђе Држићъ 65
II. Ханибалъ Луцићъ.
1. изъ Робинѣ 68
2. Граду Дубровнику. 78
3. Изъ писма Іерониму Мартинчићу . . . 84
III. Петаръ Хекторевићъ 88
IV. Мауръ Ветранићъ Чавчићъ 97
V. Стефанъ Гучетићъ 100
VI. Андріа Чубрановићъ.
1. Изъ Єђупке 103
2. Робиньице 105
3. Прелице 109
VII. Никола Налѣшковићъ 111
VIII. Сава Бобали Мишетићъ.
1. Єка 112
2. Богу Баку 113
IX. Михаилъ Бунићъ Бабулиновићъ 114

страна

X. Динко Ранчина.

1. Одѣленѣ 118
2. Єдному, ка̂ ништо неучини, а туђе све хули 119
3. Врхъ срећe 120
4. Врхъ лова єднога 122
5. Марою Мажибрадићу 123
6. Завиднику 124
7. Права вредность —
8. Моє сунце 125
9. Ход' къ мени —
10. Пріятелю своиъ Влаху Л. Бунићу 126
11. Како душа покоя ни у чем' неима —
12. На клизавомъ путу лако се пада 127
13. Души —
14. Умрлымъ говоренѣ 129
15. Изъ поздравлѣня Миху Менчетићу, властелину Дубровачкомъ 130

XI. Доминикъ Златарићъ.

1. Усилость 132
2. Шала съ гиздавѣмъ пріятельомъ 133

XII. Иванъ Гундулићъ.

I. Изъ Османа: 1. Пѣванѣ прво 137
2. Пѣванѣ четврто 149
3. ИзъПѣваня осмогъ 165
4. Изъ Пѣваня деветнаестогъ 172
II. Изъ Аріядне 177
III. Изъ Дубравке 184
IV. Сузе сына разметнога 193

XIII. Ђонъ Палмотићъ

1. Пѣванѣ пето. 201
2. Пѣванѣ дваести и єдно 229
XIV. Владиславъ Єре Минчетићъ 254
XV. Иванъ Бунићъ Вучићевићъ 260

XVI. Игнятъ Ђорђи.

I. Уздаси Мандалѣне. 1. Изъ Уздысаня трећег'. 264
2. ИзъУздисаня четвртогъ 268

страна
II. Изъ Салтѣра словинскогъ 3. Пѣсань XXVIII. 277
4. Пѣсань LXVII. 280
5. Пѣсань LXXVII. 288
III. Изъ живота славнога пророка и краля Давида 300

Трећій Періодъ. Нова литература. Епоха прва.

I. Павле Витезовићъ 303
II. Тома Бабићъ 307

III. Андрія Качићъ.

1. Пѣсма одъ краля Владимира 317
2. Пѣсма одъ Крое 322
3. Пѣсма одъ Беча 330
IV. Петаръ Кнежевићъ 350
V. Петаръ Вулетићъ 356
VI. Герго Варе́санинъ 363
VII. Матія Антоніе Рельковићъ 371
VIII. Видъ Дошенъ 379
IX. Мойсей Путникъ 397

X. Антунъ Канижлићъ.

Діо II. §. II. 404
§. III. Санъ Рожаліе одъ зоре 408
Діо III. §. III. 412
XI. Арканђелъ Катићъ 414

XII. Гири Ферићъ.

1. Прагъ одъ куће найвеће брдо 425
2. Неяка е рѣка свака 426

XIII. Матія Петаръ Катанчићъ.

1. Славогостъ и Любодругъ козари . . . 427
2. Славодругъ, Іосо, Антунъ, козари; Милоласъ, ТомоИво, волари 432

Епоха друга.

I. Алексіе Везилићъ.

1. О спокойной жизни 436
2. О чародѣйству 437

II. Іованъ Рајићъ

1. Пѣснь 441

страна
2. Изъ Дѣла. Бой змая са орлови 443
3. Изъ Исторіє разныхъ славенскихъ народовъ, Части II. 452

III. Доситей Обрадовићъ

1. Изъ нѣгова животописа 463
2. Изъ писама 470

3. Изъ Собранія разныхъ нравоучителныхъ вещей.

а) Похвала Басни 478
б) Єданъ паръ папуча 482
в) О пріятельима и пріятельству . . . 487
г) О любови къ отечеству 494
IV. Григоріє Терланићъ 503
V. Атанасіє Стойковићъ 505
VI. Георгіє Храниславъ 512

VII. Павле Соларићъ

1. Зима 514
2. О гостби 517
VIII. Милованъ Видаковићъ 521

IX. Іованъ Пачићъ.

1. Немамъ весне 535
2. Покою 536
3. Исповѣдь 536
4. Радость 537
5. Шала 538
6. Руганіє 538
7. Музики 539
8. Лѣптыру 540
9. Єздъ коньичкій 541
10. Ц. к. Оклопникомъ 542

Stanford University Libraries
3 6105 126 942 783

PG
1237
S8
1853
v. 1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.